НИКОЛАЙ РАВИЧ

МОЛОДОСТЬ ВЕКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги советский писатель Николай Равич рассказывает о событиях, свидетелем которых он являлся в период гражданской войны, о подпольной работе в Белоруссии, оккупированной буржуазно-помещичьей Польшей, о своей службе в штабе Юго-Западного фронта, а также в Афганистане и Турции в годы национально-освободительного движения в этих странах, когда по роду деятельности ему приходилось встречаться со многими выдающимися людьми.

Яркие литературные портреты военных и политических деятелей периода между первой и второй мировыми войнами, живое описание событий того времени и своеобразных условий, в которых развивалось национально-освободительное движение на Востоке, — все это делает книгу интересной для широкого круга советских читателей.

- Молодость века
  -
  - ОТ АВТОРА
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    -
    - ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ
    - ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ
    - ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ
    - ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИМ
    - 1918-й ГОД
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    -
    - ТЫЛ И ФРОНТ
    - Н. И. ПОДВОЙСКИЙ И В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО
    - ОТЪЕЗД В КИЕВ
    - ОБСТАНОВКА В КИЕВЕ
    - МАСОНЫ, ПЕТЛЮРОВЦЫ, ДЕНИКИНЦЫ, ГРАФ ПИРРО
    - В ОККУПИРОВАННОЙ ОДЕССЕ
    - МИХАИЛ КОЛЬЦОВ
    - ТЮТЮНИК. ВСЛЕД ЗА АТАМАНОМ ГРИГОРЬЕВЫМ — В ОДЕССУ
    - ВСЕВОЕНОБУЧ
    - А. М. КОЛЛОНТАЙ И П. Е. ДЫБЕНКО
    - КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОССТАНИЕ

ГРИГОРЬЕВА И МАХНО
- ЗАГОВОРЫ И РОСТ БАНДИТИЗМА
- УХУДШЕНИЕ ОБСТАНОВКИ
- НА ДЕНИКИНСКОМ ФРОНТЕ
- ГОМЕЛЬ

○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
-
- НА ГРАНИЦЕ
- В ПУСТОМ ПРОСТРАНСТВЕ
- СТОЛИЦА БЕЛОРУССИИ
- АРЕСТ
- МИНСКАЯ ТЮРЬМА
- ПО ЭТАПУ
- ПОБЕГ
- ПО ДОРОГЕ В АВСТРИЙСКУЮ ПОЛЬШУ
- НОЕВ КОВЧЕГ
- ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

○ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
-
- Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ
- ПО ПУТИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

○ ЧАСТЬ ПЯТАЯ
-
- ТАШКЕНТ
- В. В. КУЙБЫШЕВ
- Д. Ю. ГОПНЕР И В. М. ПОЗНЕР
- НАЗНАЧЕНИЕ В АФГАНИСТАН
- Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ И Л. М. РЕЙСНЕР
- ПРИПОДНЯТАЯ ЗАВЕСА
- В КУШКЕ
- ПРОИСКИ АНГЛИЧАН В ТУРКЕСТАНЕ

○ ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
-
- ОТ КУШКИ ДО ГЕРАТА
- ГЕРАТ
- БОРЬБА С АНГЛИЙСКОЙ АГЕНТУРОЙ
- ДЖЕМАЛЬ-ПАША
- ПОДГОТОВКА АНГЛИЧАНАМИ АВАНТЮРЫ ЭНВЕР-ПАШИ
- ПЕРВЫЙ КИНООПЕРАТОР В АФГАНИСТАНЕ
- КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОССТАНИЕ ЭНВЕР-ПАШИ И ЕГО ГИБЕЛЬ
- ПРОЩАНИЕ С АФГАНИСТАНОМ

- Г. В. ЧИЧЕРИН
- В ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ ТУРЦИИ
- КЯЗИМ КАРАБЕКИР-ПАША
- ТРУДНАЯ ДОРОГА
- САМСУН — ОКНО В АНАТОЛИЮ
- В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
- АНГОРА. МУСТАФА КЕМАЛЬ-ПАША
- ПЕРЕД НОВЫМ ЭТАПОМ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

Николай Александрович РАВИЧ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Николай Равич

Молодость века

ОТ АВТОРА

Эта книга не является ни автобиографией, ни попыткой дать исчерпывающее описание событий, происходивших после Великой Октябрьской революции в какой-нибудь из наших республик. Путь от захвата власти в Октябре до полной победы был долог и труден. Гражданская война, развернувшаяся на шестой части земного шара, велась на огромном пространстве всей страны, в каждом городе, в каждой деревне, на любом предприятии, в каждом доме, а иногда даже и между членами одной и той же семьи. Если восточноевропейский фронт в период первой мировой войны распространялся на тысячу пятьсот километров, то протяжение фронта гражданской войны определялось восемью тысячами километров, не говоря уже о боевых действиях в тылу.

Революция не требовала от участников ее справок о возрасте, она требовала действия.

Сотни тысяч молодых людей покинули свои семьи и стали участниками борьбы за власть Советов. Их воспитывало первое поколение большевиков, передавая свой опыт, знания, безграничную веру в партию и в справедливость нашего дела.

Руководя этими молодыми людьми, учитывая подготовку, способности и свойства характера каждого из них, партия доверяла им выполнение ответственных задач. Так и шел каждый из них по сложным дорогам жизни. Греческое слово «история» обозначает повествование о том, что известно. Мне казалось, что для будущей истории Советского государства важно, чтобы никто из нас не умолчал о том, что помнит и пережил, особенно, если события, участником которых он был, могут представлять интерес в наши дни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
МОСКВА ДО И ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ

Шел третий год первой мировой войны. Царское правительство потеряло всякий авторитет в стране. Армия, руководимая бездарными генералами, терпела поражение за поражением. По-прежнему с фронта в тыл шли бесконечные эшелоны с ранеными. На фронт в качестве пополнения отправлялись наскоро обученные бородатые ополченцы с крестом на папахах вместо кокарды.

Несмотря на то, что страна обладала неисчерпаемыми запасами продовольствия, скопившимися на Волге, Урале и в Сибири, правительство оказалось не в состоянии нормально снабжать столицы, а иногда и действующую армию. На фронте начались так называемые «мясные бунты».

Даже в Москве, которая снабжалась, благодаря своему центральному положению лучше, чем Петроград, цены на продовольствие значительно опередили повышение заработной платы.

В 1916 году в России в разное время бастовало свыше миллиона рабочих. Последняя искра надежды вспыхнула над погруженной в отчаяние страной в период прорыва войск Юго-Западного фронта летом 1916 года. Но наступающие армии не были поддержаны соседними фронтами и союзниками на Западе. Уже осенью этого года Румыния была почти полностью оккупирована немцами. Война стала безнадежной…

В декабре шестнадцатого года стояли жестокие морозы.

Однажды вечером я сидел в своей комнате, читая какую-то книгу, когда в квартире раздался резкий звонок, и слышно было, как открыли входную дверь. Дома, кроме меня и старушки Марфы, жившей у нас лет двадцать, никого не было.

Я вышел в переднюю и увидел старшего брата Михаила, с маленьким чемоданом в руке. Михаил был призван в армию еще в начале войны. Как вольноопределяющийся первого разряда, то есть солдат, имеющий неполное среднее образование, он, как полагалось, через шесть месяцев был произведен в унтер-офицеры, а через год должен был держать экзамены, чтобы получить чин прапорщика, — по условиям военного времени это не представляло трудностей.

Однако он предпочел остаться солдатом. Михаил отличался физической силой, не часто встречающейся даже среди профессиональных атлетов, большой смелостью и был по характеру очень веселым человеком. Поэтому командир полка его знал и любил. Он вызвал его для объяснений. Михаил коротко

ответил, что предпочитает воевать солдатом.

Как-то проезжая через Москву, командир полка заехал к нам домой, привез от него письмо и, застав мать, советовал ей повлиять на сына, чтобы тот не отказывался от офицерского чина. Это был уже старый боевой пехотный полковник с седыми усами.

— Помилуйте, сударыня, — говорил он, — сама природа предназначила его для военной службы!

Мать была образованная и умная женщина. Она ездила ежегодно за границу, поддерживала связи с эмигрантами. Война застала ее с отцом в Германии. Им с трудом удалось через Швецию вернуться на родину. У отца и матери взгляды совпадали. Они презирали царское правительство и считали, что оно не способно выиграть войну. К тому же мои старшие братья, Сергей и Михаил, пострадали после 1905 года. Сергею только через два года удалось восстановиться в университете, а Михаил был навсегда исключен из гимназии.

Мать была близорука и, не любя очков, носила лорнет на цепочке. Она открыла лорнет, посмотрела на полковника и ответила:

— Видите ли, я всегда хотела, чтобы мои дети имели сильный и самостоятельный характер. Уже по одному этому я не могу давать никаких советов своему сыну…

Теперь Михаил, сняв башлык и шинель и оправив гимнастерку, направился прямо в столовую. Открыв буфет, где стояло блюдо с холодными котлетами, он поставил его на стол, вынул из заднего кармана фляжку и, отрезав полбуханки черного хлеба, принялся за работу.

Я знал, что расспрашивать его во время еды бесполезно.

Отодвинув пустое блюдо, он начал пить чай, который к этому времени принесли на стол.

Наконец я не выдержал и сказал:

— Неужели ты не можешь в нескольких словах рассказать, что делается на фронте?

— Могу, — ответил он, прихлебывая чай с блюдечка. — Раньше были кадровые солдаты и офицеры, было желание воевать, но не было снарядов, не хватало винтовок, патронов, артиллерии. Теперь есть боеприпасы и оружие. Но кадровых офицеров и солдат мало, а главное, за редким исключением, никто не хочет воевать и не верит в возможность победы. Войну надо кончать!

Так я услышал в первый раз фразу, которая впоследствии стала одним из лозунгов Октября…

Если в Петрограде падению самодержавия предшествовали всеобщая забастовка, демонстрации и столкновения с полицией в

течение двух дней, то в Москве к вечеру 28 февраля 1917 года все население вышло на улицу и направилось к Городской думе. В огромной толпе собравшихся перед ее зданием время от времени раздавались крики, и сквозь ее строй гимназисты, студенты, рабочие проводили то огромных, увешанных медалями городовых, то околоточных надзирателей.

Какой-нибудь безусый семиклассник, держа отнятую шашку наголо, конвоировал детину, который мог бы убить его одним ударом кулака. Зрелище это было настолько смешным и необычным, что по адресу арестованных, которые вчера еще вызывали ненависть у большинства населения, теперь сыпались остроты и язвительные замечания.

На другой день вновь назначенный командующий округом полковник генерального штаба А. Е. Грузинов принял парад войск, выстроившихся на Красной площади, а городской голова фабрикант Челноков произнес перед ними речь. «Теперь-то, — говорил он, — под руководством Временного правительства Россия доведет войну до победного конца».

Период от февраля до октября 1917 года выявил полную неспособность русской буржуазии управлять государством.

После революции 1905 года, когда пролетариат ценой жестоких боев вырвал у самодержавия конституцию, в течение восьми с лишним лет русские капиталисты и процветавшие за их счет буржуазные профессора, крупные адвокаты и так называемые «земские» и «городские» деятели на всех банкетах и собраниях повторяли одно и то же: дайте нам власть, и мы покажем, какой будет Россия!

Наконец они получили власть, так же как и полную поддержку со стороны американских, английских и французских капиталистов.

Страна, которая стояла на грани полной экономической и военной катастрофы, за несколько дней превратилась в сплошную говорильню. Практически никто не работал и работать не хотел. Пролетариат вовсе не собирался, свергнув самодержавие, трудиться не покладая рук для обогащения рябушинских, второвых, морозовых, манташевых и их иностранных компаньонов. Буржуазия и связанная с ней либеральная интеллигенция привыкли к тому, чтобы за них работали другие.

Все законы, ограничивавшие деятельность банков, акционерных обществ, монополий, торговых или промышленных компаний, были отменены.

Деньги падали катастрофически, цены соответственно росли. Спекуляция охватила все стороны жизни.

Воровство и грабежи приняли характер стихийного бедствия. Ограбили патриаршую ризницу.

Милиция, набранная из студентов, меньшевиков, эсеров и добровольно вступивших в нее жуликов, не в состоянии была поддерживать даже подобие порядка.

Начали возникать комитеты домовой охраны, которым выдали оружие. Во всех более или менее крупных домах подъезды к вечеру закрывались и жильцы по очереди несли сторожевую службу. Какой-нибудь присяжный поверенный, видевший в своей жизни револьвер только в качестве вещественного доказательства в суде, получал наган или винтовку и вместе с преподавателем гимназии или бухгалтером из банка шел на ночное дежурство. Так как жильцы сомневались в боеспособности такой охраны, то в наиболее богатых домах нанимали для этой цели офицеров. Выступая в качестве платных телохранителей богатых людей в тылу, в то время как на фронте продолжались бои, офицеры эти еще больше способствовали озлоблению солдат против командного состава.

Продажа спиртных напитков, запрещенная на время войны, возобновилась явочным порядком.

Кабаки и ночные кабаре росли, как грибы после дождя, и открыты были до утра. Могучая армия спекулянтов, офицеров и «земгусаров»[1] устраивала в них настоящие оргии.

Армия распадалась с необыкновенной быстротой. Толпы дезертиров устремились в тыл. Находившиеся в госпиталях солдаты не хотели идти на фронт. Множество офицеров не возвращались в свои части и оседали в тыловых городах.

В Москве на временном учете штаба округа находилось около пятнадцати тысяч офицеров. Еще больше было таких, которые, приезжая в «первопрестольную», вообще не становились ни на какой учет.

Правда, штаб округа создал «комиссию по борьбе с дезертирством». По вечерам члены комиссии с юнкерами носились на грузовиках по городу и производили облавы в общественных местах — театрах, ресторанах, кафе. Солдаты не ходили в эти места. Что же касается офицеров, то они, как правило, не задерживались в таких случаях. Это были те офицеры, которые не хотели возвращаться на фронт, но и не думали отказываться от преимуществ своего звания. Завсегдатаи кабаков, карточных притонов и кафешантанов, они плавали, как рыба в воде, в мутной пене тыловых спекуляций, тогда как их товарищи вместе с солдатами валялись на фронте в сырых окопах и кормили вшей.

Впрочем, у штаба округа были свои соображения, по которым

он смотрел сквозь пальцы на этих офицеров. В предвидении возможного столкновения с большевиками третий по счету командующий округом полковник К. И. Рябцев надеялся, что хотя бы часть этих кафешантанных завсегдатаев в решительную минуту возьмется за оружие.

Одновременно с этим создавались «батальоны смерти» из молодых людей, носивших нашивки на рукавах с изображением черепа и перекрещенных костей, а также и «женские ударные батальоны», состоявшие из подкрашенных и нарумяненных девиц, необыкновенно толстых, с челками на лбу и с устрашающими бюстами.

С помощью такого пополнения Временное правительство собиралось спасти многомиллионную армию, которая таяла на глазах, и начать новое наступление против немцев. Это было тем более бессмысленно, что за всю первую мировую войну ни одно русское наступление не было поддержано англо-французскими войсками на Западном фронте. Войска союзников находились в стадии «перманентной обороны» до «Амьенской операции», то есть до августа — сентября 1918 года…

В начале сентября брат Михаил снова приехал с фронта, злой и похудевший. От его обычного добродушия не осталось и следа. Оказывается, после июльских событий в Петрограде, объезжая фронт, комиссар Временного правительства меньшевик В. С. Войтинский выступил перед его полком с призывом к солдатам «защищать родину и свободу» и не слушать «изменников большевиков». Михаил, отвечавший от полкового комитета, заявил, что солдаты не считают большевиков изменниками и требуют освобождения всех, арестованных во время июльской демонстрации. Вскоре его вызвали зачем-то в Искоборсев[2] в Псков с тем, чтобы он по прибытии туда зарегистрировался в комендатуре штаба фронта.

Дежурный комендатуры, капитан, посмотрев на извещение о вызове, заглянул в какой-то список и нажал кнопку звонка. Вошел поручик.

— Направите его в тюрьму согласно распоряжению комиссара фронта, — сказал капитан и стал писать сопроводительную бумагу.

Михаил поднял шум, но ничто не помогало.

— Да вы не волнуйтесь, — успокаивал его капитан. — Возможно, что тут и недоразумение. День, два — все выяснится, и вас освободят.

Михаила конвоировал «ударник» из студентов-добровольцев. Держа винтовку на изготовку, он время от времени повторял:

— Иди, иди, большевик, пошевеливайся!

Михаил, отличавшийся вспыльчивым характером и к тому же возмущенный тем, что ему угрожает какой-то мальчишка, неожиданно повернулся, вырвал из рук «ударника» ружье и дал ему в ухо. Когда тот упал и закричал, брат поднял его за шиворот.

— Ну, показывай, где у вас тут тюрьма!

Положение изменилось. Конвоируемый Михаилом «ударник» шел впереди.

В итоге этой истории Михаил просидел недели две в тюрьме, и только вмешательство командира полка спасло его от военного суда.

И теперь он был зол на весь мир, топал сапогами по всей квартире и кричал по всякому поводу.

Впрочем, дома он бывал редко. Через несколько дней после своего приезда в Москву, зайдя ко мне в комнату, он заглянул в рукопись, лежавшую на столе.

— Рассказики пишешь… Живете тут, как у Христа за пазухой…

Надо сказать, что для человека, приехавшего в Москву из Петрограда или с фронта, Москва действительно казалась спокойным городом. Даже расстрел июльской демонстрации в Петрограде и связанные с ним события мало отразились на московской жизни. По-прежнему выходил орган большевиков «Социал-демократ». Не было никаких арестов. Дело ограничивалось тем, что посторонним запретили доступ в казармы, а на улицах не разрешалось проводить митинги.

Коренные москвичи жили, как раньше. Театры были переполнены; в «Московском литературно-художественном кружке» по вечерам собирались деятели искусства; литераторы с четырех часов дня заполняли кафе «Бом». Почти не изменился и внешний вид улиц. Колокольный звон полутора тысяч церквей, монастырей и часовен утром и вечером раздавался в воздухе. Достаточно было пройти от Иверской часовни, что стояла при въезде с улицы Горького (Тверской), на Красную площадь, а оттуда в Кремль, чтобы на каждом шагу вам попадались здоровенные монахи и профессиональные нищие в веригах, заросшие волосами, покрытые коростами и язвами, юродивые, припадочные, хромые, безрукие…

Поблизости, от угла, начинался Охотный ряд. Теперь трудно себе представить, что в самом центре европейского города помещался бесконечный ряд палаток, заваленных грудами рыбы, птицы, мяса и овощей, иной раз и не первой свежести, так что покупатель по запаху мог найти местонахождение нужного товара, — где продают сельди, а где мясо или соленые огурцы. Перед палатками топтались чудом уцелевшие от всех

мобилизаций «молодцы-охотнорядцы» — знаменитая категория, из которых выходили в крещенские дни участники кулачных боев на льду Москва-реки, а когда-то формировались еще и банды погромщиков для разгона рабочих демонстраций и студенческих сходок. Молодцы эти зазывали покупателей, хватая их за полы и выхваливая свой товар.

Окраины города полностью сохраняли самобытные черты старой Москвы — маленькие деревянные домики, окруженные садами, и колодцы, из которых воду носили на коромыслах.

Кроме нескольких улиц, мостовые вымощены были крупным булыжником. Основным средством передвижения являлись извозчики. Обычно и извозчик и седок долго торговались перед поездкой. Потом такой «Ванька», в синем кафтане, перепоясанном цветным кушаком, и в картузе, из-под которого вихры торчали во все стороны, зимою в санках, запряженных унылой лошаденкой, медленно тащился, ныряя в бесчисленных снежных ухабах, а летом гремел железными ободьями коляски по булыжным мостовым.

Зато в центре, от Столешникова переулка до Петровки и далее по Кузнецкому мосту до Лубянки, все было покрыто асфальтом и освещено электричеством.

Витрины роскошных магазинов сияли. Здесь уже не было ничего русского. Магазины французских вин «Депре» и «Леве», крупнейший в России универмаг «Мюр и Мерилиз», «Американский магазин обуви», «Английский магазин готовых вещей», кондитерские — «Трамбле», «Сиу», «Эйнем», французские магазины духов — «Брокар», «Роше», швейцарские магазины часов — «Габю» и «Мозер».

Идя по этим центральным улицам, прохожий читал иностранные вывески: «Жак», «Вандраг», «Луи Крейцер», «Фохст», «Гилле и Дитрих», «Шанкс», «Фаберже», «М. и И. Мандель», «Сан-Галли», «Шансон и Жаке», «Дациаро», «Ф. Швабе», «Пихлай и Бранд», «Зингер», «Кодак», «Латэ», «Герц», «Жан», «Поль», «Лионский кредит» — и думал: «А где же здесь что-нибудь русское?»

«Русское», то есть русские фирмы и русские купцы, было оттиснуто дальше — в Верхние торговые ряды, в Зарядье, на Ильинку.

Разумеется, цены в этих роскошных магазинах были таковы, что не только рабочий человек, но и средний служащий или интеллигент не в состоянии был там что-нибудь купить. Даже попасть в некоторые магазины плохо одетому человеку или солдату было невозможно. Достаточно привести такой факт. Уже после Февральской революции в дверях американского магазина

«Тэ вэра американ шо» стоял гигантского роста негр в форме, пропуская только солидных покупателей.

В Москве трамваи были бельгийские, телефоны — шведские (Эриксона).

В конце сентября Михаилу нужно было возвращаться на фронт. За день или за два до его отъезда, вернувшись домой вечером, я услышал в его комнате шум спорящих голосов. Открыв дверь, я увидел вместе с братом худощавого солдата, небольшого роста, с подстриженными усами, и молодого прапорщика. Солдат умолк было, но потом, спросив: «Это что, твой брат?» — протянул мне руку: «Будем знакомы, Шкирятов».

Прапорщика я встречал и раньше. Это был Юрий Саблин, сын известного книгоиздателя Саблина и внук театрального антрепренера Корша.

Несмотря на явный распад власти и большевизацию масс, буржуазия в Москве чувствовала себя гораздо увереннее, чем в Петрограде. Правда, в районных Советах и районных думах перевыборы дали преимущество большевикам; но в двух городских Советах рабочих и солдатских депутатов, существовавших в отличие от Петрограда раздельно, положение было иное. Даже после того как под давлением масс 5 сентября эти Советы проголосовали за большевистскую резолюцию, все-таки перевыборы их, дав незначительный перевес большевикам в Совете рабочих депутатов, оставили в Солдатском Совете преимущество эсерам. Они получили там 26 мест, большевики — 16, меньшевики — 9 и беспартийные — 9. Что касается городской думы, то она оставалась цитаделью буржуазии. Ее председатель эсер В. В. Руднев был одновременно и председателем «Союза земств и городов». Он как бы объединял вокруг себя довольно широкие круги буржуазии, городских и земских деятелей, близкой к ним интеллигенции. Левые эсеры склонялись к большевикам, уходя в то же время всеми своими корнями в мелкобуржуазную основу. Меньшевики посредничали между всеми лагерями, стремясь удержать большевиков от выступления. Впоследствии они ухитрились одновременно состоять и в Военно-революционном комитете и в буржуазной Думе.

Еще 5 сентября объединенный пленум обоих Советов принял решение о немедленном вооружении рабочих и организации Красной гвардии. Среди московских рабочих живы были боевые традиции первой революции. Наконец, письма В. И. Ленина, адресованные МК, ПК и ЦК большевиков и разосланные в середине сентября, содержали самый тщательный план организации восстания и законченную программу политических и

экономических мероприятий после победы.

Руководствуясь этими историческими документами, Московский комитет партии и его военная организация проделали огромную работу. К октябрю выборы в районные думы и перевыборы полковых и ротных комитетов показали, что девяносто процентов солдат проголосовали за большевиков. Массы в Москве были готовы к вооруженному восстанию, но положение их было иное, чем в Петрограде.

Большинство московского пролетариата составляли текстильщики. Недаром Красная Пресня была крепостью вооруженного восстания 1905 года. Однако рабочие, как правило, не пользовались отсрочками по призыву в армию, как это было в Петрограде на крупнейших предприятиях. Уходящих в армию текстильщиков заменяли крестьянами и крестьянками, стараясь при этом подбирать наиболее малограмотных.

Из состава Московского гарнизона только одна треть находилась в строю. Все остальные были приписаны к предприятиям, обслуживавшим фронт. Таким, образом, из трех солдат по крайней мере двое не имели даже винтовок. Но и в строевых частях было два состава — переменный и постоянный. Переменный (преимущественно старшие возрасты) после краткосрочного обучения направлялся на фронт. Постоянный (офицеры, подпрапорщики, фельдфебели, унтер-офицеры) прочно осел в Москве. Оседали москвичи из состоятельных семейств, иной раз великолепно знавшие военное дело. Кроме этого, в Москве было два военных училища, шесть школ прапорщиков, четыре кадетских корпуса. Еще в период всероссийского Государственного совещания в Москву был вызван 7-й сибирский казачий полк, а в Калугу позднее переброшен 4-й сибирский казачий полк.

Склады оружия, боеприпасов и продовольствия охранялись штабом округа довольно тщательно. Короче говоря, полковник К. И. Рябцев далеко не похож был на командующего Петроградским военным округом полковника П. Полковникова, так же как и В. В. Руднев мало походил на петроградского городского голову, беспомощного старика Г. И. Шрейдера. К тому же меньшевики, эсеры и сам Рябцев усиленно распространяли слухи, что командующий округом признает демократию, подразумевая под этим решения, вынесенные большевиками, меньшевиками, эсерами и трудовиками.

Примерно обо все этом и шел разговор, при котором мне пришлось присутствовать. Спорили о том, можно ли мирным путем договориться о переходе власти к Объединенному Совету или придется драться.

Теперь это может показаться странным, но в сентябре 1917 года подобные споры происходили в Москве почти повсюду. Позднее, во время октябрьских боев, Московский Военно-революционный комитет дважды пытался договориться с Рябцевым и Думой. Но это привело к излишним жертвам, потому что белые, обманным путем захватив Кремль и расстреляв часть солдат 56-го полка, продолжали сопротивляться до окончательного разгрома, то есть до 3 ноября.

Саблину казалось наиболее вероятным, что с падением в Петрограде Временного правительства власть в Москве механически перейдет к Объединенному Совету. М. Шкирятов, посмеиваясь, говорил, что еще не бывало случаев, когда буржуазия отказывалась бы добровольно от власти.

— Ну, а Февральская революция? — спрашивал Саблин.

— Февральская революция помогла буржуазии избавиться только от монархического строя, дискредитировавшего себя. А капиталисты, как они были, так и остались.

— Стало быть, я помогаю капиталистам? — закричал Саблин.

— Про тебя я ничего не говорю, а что касается правых эсеров, то достаточно посмотреть на Керенского и Савинкова. Они еще не мало прольют рабочей крови.

— Меньшевики не лучше, — сказал Михаил. — Спасибо Войтинскому — покормил я тюремных вшей. По-моему, все это бесполезные разговоры. Надо захватить оружие, вооружить рабочих и разогнать Думу. Рано или поздно придется это сделать.

Они спорили и шумели, а я слушал и думал о том, что с каждым днем становилось все ясней не только для меня, но и для многих. Да, массы избавились наконец от оборонческих иллюзий. Народ перестал признавать Временное правительство и его власть. Он не хотел больше вести войну и решил сам управлять государством. Единственной формой такой власти могла быть власть советская, и единственной партией, которая могла руководить этой властью, была партия большевиков.

В середине октября стало известно, что под предлогом частичной демобилизации полковник К. И. Рябцев приказал расформировать шестнадцать запасных полков, а нижних чинов, специалистов и рабочих отправить на фронт.

Все вокзалы были забиты солдатами. Одни с мешками за плечами осаждали поезда, стремясь скорее вернуться в деревню; другие шли под конвоем на запасные пути, где стояли эшелоны для отправки в действующую армию.

На Кузнецком мосту, в кафе «Сиу», царило радостное оживление. «Земгусары», спекулянты и репортеры буржуазных газет, перебивая друг друга, делились новостями.

— Вы слышали? Рябцев начал «чистить» Москву.

— В Калугу прибыли с Западного фронта драгуны, казаки и «ударники» с артиллерией…

— Для чего?..

— Двигаются на Москву…

Толстый господин, поставив чашку с шоколадом на стол, развел руками.

— Господа, но зачем они нам? В Москве совершенно спокойно. А эти «ударники» и их офицеры ведут себя, я бы сказал, совершенно непристойно… Вчера я ужинал в «Славянском базаре» с дамой… Пришлось уйти. Нахально, не спрашивая, садятся к столу, пристают к женщинам…

Сидевший против него пожилой худощавый журналист в потертой визитке завопил так, что замолкли все посетители.

— Да вы что, с неба свалились? Рабочие бастуют, солдаты волнуются… Неужели вы не знаете, что большевики хотят захватить власть?

Толстый господин вздохнул.

— Не знаю. Во всяком случае, они не устраивают скандалов в публичных местах… — Он повернулся к официантке: — Получите!

19 октября Москву облетело известие, что в Калуге «ударники», драгуны и казаки разгромили местный Совет солдатских депутатов и арестовали всех, присутствовавших на заседании.

Это событие произошло сразу после предательского письма Каменева и Зиновьева, опубликованного в петроградской прессе, о том, что они не согласны с решением ЦК большевиков о необходимости вооруженного восстания в данный момент.

В тот же день состоялось совместное заседание Советов, где была принята резолюция, предложенная большевиками. Все буржуазные газеты, начиная с «Русского слова», вышли с заголовками: «Постановление московских Советов о захвате власти». Рабочие Красной Пресни со знаменами и лозунгами «Вся власть Советам» прошли на Ходынку, где к ним присоединились солдаты, а потом на Ваганьковское кладбище. Там, на могиле Баумана, состоялся грандиозный митинг.

Возвращаясь с этого митинга домой, я встретил друга матери, известного хирурга М-ва. Это был почтенный старик, с большой бородой. Ходил он всегда медленно, опираясь на палку с резиновым наконечником. Он стоял на углу Петровки и Каретного ряда и разговаривал с мужчиной лет пятидесяти с лишним, бородатым, усатым, в пенсне на черной ленте и с черной шляпой на голове.

М-в подозвал меня к себе, продолжая разговаривать:

— Уважаемый Павел Карлович, ваше дело заниматься небесными светилами, а мое — грешными телами. Ну куда это годится? Вы начнете стрелять — в вас будут стрелять. Привезут ко мне, придется оперировать. Не лучше ли нам, как раньше, по вечерам пить чай и играть в шахматы.

Собеседник М-ва сердито фыркнул и сказал:

— Я бы, конечно, предпочел читать лекции и заниматься астрономией, но дело-то заключается в том, что если власть не перейдет к Советам, то Временное правительство погубит Россию окончательно. Произойдет это не без помощи нашей интеллигенции, которая до сих пор не может понять, что единственная партия, могущая построить общество на научной основе, это партия большевиков.

Старый хирург вздохнул.

— Ну что же, дорогой профессор, переубеждать я вас не собираюсь, а все-таки поберегите себя…

Когда они распрощались, М-в повернулся ко мне:

— Ну, студиозус, проводите меня немножко.

Мы прошли несколько шагов молча; потом старик задумчиво сказал:

— Все это не так просто. Говорят, большевики — это царство черни. А вот вам профессор Штернберг — светлая голова. Он-то, конечно, знает, чего хочет. И Ленин, мне кажется, обладает умом изумительным. А нынешнее Временное правительство — адвокатишки, купчишки, вчерашние лабазники, вперемешку с болтунами — меньшевиками и эсерами. Эсеры будто бы представляют крестьянство. А я вам говорю, как медик, — это партия истериков. Крестьянин же наш человек хозяйственный, медлительный, и ему на Керенского трижды наплевать, ему земля нужна…

Мы дошли до старинного, вытянувшегося вдоль сквера здания больницы. У ворот, прощаясь со мной, М-в добавил:

— Только бы обошлось без кровопролития… Всю жизнь оперирую людей и не могу привыкнуть к их страданиям.

Центр города продолжал жить по-прежнему. Бойко торговали магазины; кафе и рестораны были переполнены. Несмотря на то, что отдание чести было отменено, «ударники» и юнкера при встрече с генералами «печатали шаг» и за три метра делали полуоборот и становились во фронт.

В то время как на окраинах шло братание рабочих и солдат и большевики лихорадочно готовились к восстанию, Рябцев, получив заверение ставки верховного главнокомандующего о том, что подкрепления высылаются, опубликовал приказ по гарнизону

за номером 148, усиленно распространявшийся по городу. Приказ этот напоминал крик испуганного человека, не уверенного в своих силах.

> «В обществе и, к сожалению, в некоторой части печати распространяются слухи, будто бы округу, и в частности Москве, кто-то откуда-то и чем-то грозит. Все это неверно… Стоя во главе вооруженных сил округа и на страже истинных интересов народа, которому одному только служит войско, я заявляю, что никакие погромы, никакая анархия не будут допущены. В частности, в Москве они будут раздавлены верными революции и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно».

На другой день, 25 октября, одна фраза, сказанная В. И. Лениным, предопределила всю дальнейшую судьбу страны:

> «Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

26 октября москвичи — те москвичи, которые в четыре часа дня привыкли гулять по Кузнецкому мосту, днем обедать в «Эрмитаже Оливье», а вечером после «Кружка» ужинать у «Яра», — проснулись и узнали, что газет нет. Не было «Русского слова», «Русских ведомостей», «Раннего утра», «Утра России», которые подавались вместе с филипповскими булками к утреннему завтраку.

Дальше началась стрельба. Юнкера, офицеры и студенты стреляли в рабочих и солдат запасных полков, а те в свою очередь обстреливали их из орудий. Но это были не просто юнкера, офицеры, студенты, рабочие и солдаты. Москвичи из тех, чья жизнь протекала между службой и клубом или между «Литературно-художественным кружком», «Эрмитажем» и «Яром», вдруг с изумлением узнавали, что Юрий Саблин, жизнерадостный прапорщик, сын известного издателя Саблина и внук не менее известного театрального антрепренера Корша, примкнул к красным и был ранен у Никитских ворот, в то время как по другую сторону баррикады, на стороне белых, сражался его бывший друг, тоже офицер Д., который погиб в этом бою.

И такой москвич, до этого времени всю жизнь стрелявший только из бутылок с шампанским пробками в потолок, хватался за голову, принимал валерианку и, опустив все шторы на окнах кабинета, молча усаживался в кресло, на котором прибиты были деревянные рукавицы, а спинка изображала дугу с бубенцами под надписью: «Тише едешь — дальше будешь».

Девять дней шли бои, ухали орудия, трещали пулеметы, носились грузовики с людьми, обвешанными оружием. Москвичи прятались в домах. Горничные и кухарки бегали из одного черного подъезда в другой и страшным шепотом передавали чудовищные небылицы. Так называемые «дамы из общества», лежа в постелях, страдали мигренями и нюхали соль…

Что касается меня, то я 26 октября утром направился к зданию Московского Совета, который помещался в генерал-губернаторском доме на Скобелевской площади, в надежде найти П. Г. Смидовича, с которым был знаком. Около здания стояла команда самокатчиков и рота, кажется, 193-го пехотного полка и сидели где попало — некоторые на тротуаре, другие около стен — группы рабочих, частично вооруженных винтовками. Внутри дома все было забито людьми. Ходили и выходили солдаты, представители районных Советов, фабрик и заводов. Найти Смидовича в этой толчее было невозможно. Кто-то сказал,

что он уехал в Кремль. Вдруг в одной из комнат я увидел Юрия Саблина, в ремнях, вооруженного шашкой и наганом. Он разговаривал с каким-то прапорщиком. Прапорщик, небритый, с красными от бессонницы веками и всклокоченными волосами, тыкал пальцем в лежащую на столе карту и повторял одно и то же:

— Основное — это Тверской бульвар до Никитских ворот, понимаешь?

— Понимаю, — отвечал Саблин.

Кругом на атласных стульях — это была какая-то гостиная — сидели рабочие и солдаты. Некоторые были вооружены, другие просто ждали указаний. Не было оружия, и делегаты отдельных предприятий не желали без него возвращаться.

Я подошел к столу.

— Юрий Владимирович, я хотел бы принять участие…

Саблин рассеянно поздоровался со мной.

— Да… да… конечно, вот, пожалуйста.

И указал на прапорщика.

Прапорщик оглядел меня с явным неудовольствием. Людей у него было более чем достаточно, и возиться с каким-то юношей ему совершенно не хотелось.

— Да никаких военных действий, возможно, и не будет. Ногин договаривается с командующим округом, так что, вероятно, власть автоматически перейдет к Совету…

В ранней юности все воспринимается непосредственно. Очевидно, на моем лице отразилось такое разочарование, что он вдруг улыбнулся и спросил:

— А вы в каком районе живете?

Я ответил.

Прапорщик вынул пачку папирос «Дюшес», закурил, потом обратился к рябоватому унтер-офицеру с черными ежистыми усами, сидевшему на стуле у стены.

— Рябчук, возьми его с собой.

Рябчук посмотрел на меня и, не сдвигаясь с места, ответил:

— Возьму, когда винтовки привезут…

Я, конечно, был молод и неопытен, но все, что я видел, совершенно не соответствовало моему представлению о военных действиях. Я ожидал, что Скобелевская площадь будет ограждена баррикадами, а может быть, и окопами, что все угловые здания вокруг нее превратятся в укрепленные узлы и что, наконец, в самом здании Совета я найду штаб, работающий по всем правилам: с адъютантами, телефонами, оперативным управлением, полевой радиостанцией.

Тогда я не имел ни малейшего представления о том, что на

той же площади в гостинице «Дрезден» уже давно существует оперативная тройка, которая самым детальным образом разрабатывает план и технику восстания.

Размышления мои были прерваны Рябчуком, который, пошептавшись с каким-то прибежавшим рабочим, сорвался с места и с криком «Пошли!» бросился к выходу.

У подъезда стоял грузовик с винтовками и несколькими ящиками патронов. Вокруг машины толпились рабочие и солдаты. Два человека — штатский в очках, шляпе и черном пальто и солдат в расстегнутой шинели — стояли на грузовике. Штатский держал в руках бумажку, выкрикивая фамилии. Из толпы, окружавшей машину, кто-то отвечал: «Я!» И тогда он, зачем-то повторяя каждому подошедшему: «Порядок, соблюдайте порядок, товарищи!» — и обращаясь потом к солдату, говорил, сколько винтовок и патронов следует выдать.

Рябчук, не отрываясь, смотрел на него и, наконец, не выдержал. Расталкивая окружающих руками, он пробился к грузовику.

— А я где же? Я тут с утра сижу не жравши!

— Порядок!.. — закричал было человек в очках, но тут же уставился в список. — Как твоя фамилия?

— Рябчук!

— Имя?

— Степан.

— Двадцать винтовок и двести патронов.

— Двадцать одна и патронов триста…

Штатский удивился:

— Почему двадцать одна, почему триста?

— У меня еще один прикомандирован.

— Двадцать одна и двести двадцать патронов! Товарищи, поймите: завтра, может быть, у нас будет сколько угодно оружия и патронов. Но пока их нет, понимаете — нет! Экономьте патроны!

Рябчук, оглядываясь, закричал:

— Отряд, ко мне!

«Отряд», состоявший из двадцати рабочих, преимущественно пожилых текстильщиков и ожидавший тут же, на площади, стал получать винтовки и патроны.

Когда мы собрались, Рябчук, как будто что-то соображая, вдруг уставился на меня:

— Ты что, гимназист али студент?

Я ответил.

— Да ты, наверное, и винтовку в руках не держал?

Я, не сомневавшийся, что меня примут как героя,

пришедшего на помощь революции, и вместо этого подвергшийся унизительным расспросам, обиделся до крайности. В гимназии, где я учился, военное дело по традиции считалось важным предметом, и обучали ему опытные офицеры. С начала мировой войны военному обучению, естественно, стали придавать большое значение. Выйдя вперед, я вдруг закричал:

— Становись! Стройся в одну шеренгу! По порядку номеров рассчи-тайсь!

Рябчук от удивления открыл рот.

— Чего рот раскрыл, становись на правый фланг!

Рабочие кое-как построились и начали счет по порядку.

— На первый — второй рассчи-тайсь! Напра-во! Ряды вздвой! На пле-чо! Не так берете! Отставить! В три приема надо брать. Смотри на меня! Шагом марш!

Когда отряд двинулся, я догнал Рябчука, который шел первым номером справа, и сказал:

— А теперь я стану на твое место, веди отряд!

Оказалось, что мы должны охранять типографию, принадлежавшую отцу прапорщика Саблина, в которой печатались «Известия Военно-революционного комитета». Типография эта помещалась во дворе огромного дома, занимавшего целый квартал и выходившего на Петровку, Неглинную и в Крапивенский переулок. Дом имел четверо ворот; внутри двора — множество зданий и пруд. Для того, чтобы удержать такое здание, нужна была целая рота, не меньше десятка пулеметов и необходимое количество ручных гранат.

Когда мы пришли в типографию, то вначале было решено у каждых ворот поставить по часовому, так же как и у входа в типографию. Когда я через полчаса пошел проверять посты, то у ворот, выходивших на Неглинную, увидел часового, который сидел на взятой у кого-то табуретке и мирно разговаривал с хорошенькой горничной. Другого часового я вообще не нашел; оказалось, что он пошел напротив в чайную купить хлеба. Третий сидел на тумбе, держа винтовку между ногами, и курил. Четвертый, увидев меня, спросил, когда же его сменят, потому что у него затекли ноги. Взбешенный, я вернулся в типографию и, застав Рябчука читающим газету, сказал ему:

— Слушай меня внимательно! Согласно уставу часовые бывают одиночные и парные, наружные и внутренние. Часовому запрещается садиться, спать, есть, пить, курить, разговаривать. Часовой сменяется через каждые два часа, а в сильные морозы и при жаре через час. Часовой обязан ничем не отвлекаться от надзора за постом, не выпускать из рук и никому не отдавать своего ружья, за исключением…

— Знаю, — перебил меня Рябчук, — самого государя императора. Теперь ты меня послушай. Как тебя звать-то?

— Николай.

— Николай, парень ты хороший. А рассуждаешь по-старорежимному.

— Это почему же?

— А потому. Соображения у тебя нету. Нас всего двадцать один человек. Из них половина винтовки в руках не держали. И потом, может рабочий в первый раз неподвижно, винтовка к ноге, простоять два часа? Да никогда в жизни!

— Ну и что же?

— А то же. Часовые эти для виду, чтобы все знали — здесь советские войска. Сколько их, это обывателю неизвестно.

— А если юнкера на грузовике прорвутся и подкатят к дому?

— Тогда будем отстреливаться и дадим знать в штаб. А пока что, между прочим, — вот чайник, буханка хлеба и колбаса. Садись и закусывай!

Столь непоколебимое самообладание Рябчука охладило мой пыл, и я последовал его совету.

Патрули белых просачивались со стороны Никитской по всем переулкам на Тверскую. В их руках были градоначальство, выходившее в оба Гнездниковских переулка и на Тверской бульвар, Манеж, «Метрополь» и Театральная площадь.

Белые, впоследствии расстрелявшие полковника Рябцева на юге за неудачу в Москве, не могли понять, почему юнкера, имевшие возможность вести фронтальное наступление от Охотного ряда по Тверской и Большой Дмитровке, одновременно не прорвались для удара во фланг по Петровке, Камергерскому и Столешникову переулкам на Скобелевскую площадь, а стремились пробиться туда по Тверскому бульвару в километр длиной, за каждым деревом которого можно было отстреливаться и где они не могли использовать свои броневики.

Можно, конечно, задать вопрос: победили ли бы в этом случае белые? Разумеется, нет. У Рябцева не было ни артиллерии, ни солдат, ни народа. Против него была вся страна.

Да и с точки зрения военной, имевшиеся у него силы не соответствовали поставленной им задаче.

Но и Военно-революционный комитет совершил ряд грубых ошибок. Он не обеспечил оружием солдат и красногвардейцев и не сумел к 26 октября сосредоточить все необходимые силы на исходных позициях. Наконец, он дважды вступал в переговоры с Рябцевым и «Комитетом общественной безопасности» и дал возможность Рябцеву обманным путем захватить Кремль.

Если обобщить ошибки ВРК, то окажется, что он нарушил

«главные правила искусства восстания», о которых в свое время писал В. И. Ленин, или, вернее, основное из них:

> «Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить в *наступление*…»

Сообщения, которые доходили до нашего маленького отряда с 26 октября по 3 ноября 1917 года, были самые разноречивые, несмотря на то, что мы читали первыми «Известия ВРК».

26 и 27 октября как будто было подписано перемирие, и полковник Рябцев согласился капитулировать; но поздно вечером со стороны Красной площади и Охотного послышалась сильная пулеметная и винтовочная стрельба. Потом оказалось, что это «двинцы» прорывались на Скобелевскую площадь. 28-го Кремль был захвачен юнкерами, и много солдат 56-го запасного полка, как говорили, расстреляно из пулеметов.

В то же время Рябчук, отправившийся в Совет, вечером вернулся с сообщением, что полки и артиллерия, так же как и отряды вооруженных рабочих, непрерывно подходят в распоряжение ВРК.

29-го шоферы грузовика и санитарной машины, приезжавшие за газетами, сообщили, что юнкеров теснят, вокзалы все заняты советскими частями, а казаки объявили нейтралитет.

В ночь на 30-е как будто было объявлено перемирие; но два красногвардейца, пришедшие на другой день, сообщили, что, несмотря на перемирие, бои идут в Лефортовском и Рогожском районах и у Брянского вокзала.

31 октября весь день слышалась канонада. То же происходило и 1 ноября. В этот день приехали за газетами две санитарные машины, потому что даже на улицах, не занятых белыми, все другие машины обстреливались из окон. К вечеру 2 ноября был доставлен приказ ВРК о капитуляции белых. Однако всю ночь на 3 ноября еще продолжались артиллерийская стрельба и стычки в отдельных районах города. 4 ноября мелкие отряды с отдельных объектов были сняты. В этот же день и мы распрощались друг с другом.

Когда я вернулся домой, небритый, в помятой одежде и грязной рубашке, Марфуша, открывая мне дверь, взмахнула руками:

— Ну, навоевался? Небось наубивал народу… Это в таком-то возрасте! О господи, какие времена наступили!

Я молча посмотрел на нее и прошел в свою комнату. Мне стыдно было сознаться, что за все это время я не сделал ни одного выстрела.

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Хотя капиталистический строй в Москве пал, жизнь в течение некоторого времени все еще продолжала идти как бы по инерции. Часть интеллигенции была настроена враждебно к новой власти; но существовало и еще множество групп. Одни были уверены, что все это — на две — три недели и что большевики, как некое видение, пришли и уйдут; другие сочувствовали большевикам; третьи — их было меньше всего — понимали, что совершившийся переворот только начало длительной гражданской войны в стране, и находились на распутье.

Отзвучали последние выстрелы. На улицах появились рабочие в кепках и черных пальто, с винтовками на плече, висевшими дулом вниз, офицеры и юнкера, хотя и капитулировавшие и разоруженные, но еще не потерявшие бравого вида.

В Петровском театре «Миниатюр» Вертинский пел:

Я не знаю, зачем и кому это нужно, —
Кто послал их на смерть недрожащей рукой.

Одно за другим, потихоньку и как-то боязливо стали открываться магазины, рестораны, чайные, кафе. Все хорошие вещи стали исчезать. В магазине «Тэ вэра американ шо» на Кузнецком мосту, который раньше ломился от обуви, теперь были выставлены одни колодки да сапожная мазь; даже негр, обычно стоявший у входа в пышной форме, казался теперь — в кепке и поношенном костюме — каким-то землисто-серым и постаревшим. Только в одном кафе на Тверской по-прежнему кипела жизнь. Все столики были заняты. Очаровательные польки-официантки, с голубыми глазами и русыми волосами, в кружевных наколках и передниках, разносили блюда. Пахло крепким кофе, сдобными булочками, душистым английским табаком и хорошими французскими духами.

Были в Москве два знаменитых цирковых музыкальных клоуна — Бим и Бом — Радунский и Станевский. Один из них, именно Бом, основал это кафе, которое так и называлось: «Кафе Бом». Посещалось оно писателями, профессорами, адвокатами и крупными актерами. Вокруг этого сонмища московских звезд вихрем кружились мелкие звездочки — поклонники и поклонницы. Под стеклом на каждом столике лежали писательские автографы, на стенах, обитых кожей, висели

портреты «знаменитостей», посещавших кафе. Сам Станевский — Бом, высокий, красивый, полный, выхоленный мужчина, с чисто польской учтивостью встречал посетителей.

Я готовился поступить в университет, начал писать и печататься. Всякий, кто переживал свою литературную весну, знает это ни с чем не сравнимое чувство, когда в руках у тебя журнал, где напечатан твой первый рассказ, а в кармане хрустят бумажки — гонорар, только что выданный кассиром. Солнце тогда сияет необыкновенно ярко (наперекор туману и дождю); все женщины выглядят необычайно хорошенькими; завоевание мира кажется совершенно несложным делом.

Именно в таком настроении, только что получив гонорар, я столкнулся в редакции «Журнала для всех» с писателем Алексеем Михайловичем Пазухиным.

Пазухин был высокий, представительный старик, в сюртуке, черном жилете, с тростью, украшенной золотым набалдашником, и в пенсне на толстом шнуре, которое несколько криво сидело на его большом красном носу. Он писал длинные сентиментальные романы из жизни купечества, печатавшиеся с бесконечными продолжениями в «Московском листке» и разных провинциальных изданиях. Был вдов, имел двух бледных хромоногих девиц-дочерей, жил в огромной, пыльной, полупустой и затхлой квартире.

Перед Пазухиным стоял человек, вдвое меньше его ростом, с сумасшедшими глазами и вздыбленными, седыми волосами — редактор «Журнала для всех» С. С. Семенов-Волжский, социал-демократ по убеждениям. Тыча пальцем в толстую рукопись, он кричал:

— И что вы их идеализируете, этих живодеров — замоскворецких акул! У вас что ни купец, то пуп земли.

Пазухин с достоинством поправил слезавшее с носа пенсне, выдержал паузу и, глядя сверху вниз на маленького Семенова, процедил:

— Какой же вы, собственно говоря, социал-демократ, если не понимаете прогрессивной роли буржуазии?

Семенов подпрыгнул.

— Так ведь то западная буржуазия! Она создавала культурные ценности, а ваши охотнорядцы только в трактирах лакеев горчицей мажут и зеркала бьют.

Пазухин дернул головой, как человек, потерявший терпение.

— Мне за этот роман Пастухов[3] пятнадцать тысяч дает.

— Ну и пускай дает. Только имейте в виду: власть захватили большевики, и никакого «Московского листка» не будет.

Это замечание и довело Пазухина до того предела крайнего

возбуждения, за которым обычно полных и старых людей подстерегает мозговое кровоизлияние.

Он сделал шаг вперед, выхватил у Семенова рукопись, покраснел, потом побледнел и, вытянув руку в сторону редактора «Журнала для всех», произнес:

— Именно большевиков не будет, а «Московский листок» останется…

Потом сделал торжественный, как на сцене в придворных пьесах, поворот и, стуча тростью, удалился.

Семенов задумчиво почесал в голове и с очевидным раскаянием в голосе сказал:

— Не хватил бы старика кондрашка. Стар он, стар и ни черта не понимает… Проводили бы его немного… Сделайте это для меня…

Я догнал Пазухина уже на улице. Некоторое время мы шли молча. Потом он остановился и сказал дрожащим голосом:

— Страшные времена наступают. Последние. Дело не в убеждениях. Дело в праве писать о том, о чем хочется, что знаешь. Я знаю купцов, я о них пишу. Вы медик — изучите больных, будете вращаться среди врачей — пишите о врачах. Ведь вот Горький — самый левый писатель-большевик, а что написал. Вы читали его рассказ «Барышня и дурак» в «Солнце России»?

Я ответил, что не читал.

— Гуляет проститутка по улице ночью, ищет покупателя… И натыкается на нее этакий интеллигентный господин. Ей хочется скорее отработать и уйти домой. На улице слякоть, сырость, у нее калоши текут, руки озябли, а он к ней пристает с разговорами. Приходят в гостиницу, он платит за номер, она торопится сделать свое дело и уйти, а он опять с разговорами о жизни, о том о сем. Наконец он ей сует десятку, барышня хочет раздеться, а он берет шляпу, пальто и уходит. Ну, скажите, какая тут идея? А написано… — Он остановился, поправил пенсне и причмокнул языком. — Замечательно написано.

Мы дошли до кафе «Бом». Старик кивнул головой — зайдем…

Все столики были заняты. Только в углу, перед красным диваном, где за круглым столом сидел хорошо одетый полный мужчина, лет тридцати пяти с лишним, в очках, с несколько брезгливым выражением на бритом лице, были свободные кресла.

— Пойдем туда, к графу Толстому, — сказал Пазухин. — Там есть места.

Я, конечно, читал рассказы Алексея Толстого, видел его пьесы, но не был знаком с ним. Пазухин представил меня. Мы сели. Толстой ел молча.

Я много видел на своем веку людей, умевших поесть и

выпить. Я знал таких, которые превращали гастрономию в науку, а процесс поглощения пищи — в священнодействие. Но я никогда не видел никого, кто ел бы с таким вкусом и так заражал окружающих переживаемым удовольствием, как Толстой. Он держал котлету де-воляй за ножку, завернутую в кружевную бумажку, и, обкусывая ее ровными белыми зубами, заедая зеленым горошком и запивая глотками белого вина, посматривал на нас с таким видом, точно хотел сказать: «Только не мешайте мне — я ем…»

Наконец он вытер губы салфеткой. Потом вынул трубку, постучал ею по столу и набил душистым английским табаком. Подошла официантка.

— Чашку черного кофе и рюмку кюрассо. Только, пожалуйста, настоящего.

Он закурил и повернулся ко мне.

— Читал я ваш рассказ. Вы на каком факультете собираетесь учиться?

Я ответил, что на медицинском.

— Горький мне рассказывал, что Лев Толстой, который очень любил Чехова, считал, будто медицинское образование мешает Чехову писать. И отчего это все доктора идут в литературу? Чехов, Вересаев, Елпатьевский, Голоушев?

Он пожал плечами.

Принесли кофе. Он сделал глоток, запил ликером, причмокнул, выдохнул волну душистого дыма и продолжал думать вслух:

— Между прочим, господа, если хотите писать как следует и чувствовать себя хорошо, следите за желудком. Настроение человека в значительной степени зависит от его пищеварения, вялый кишечник приводит к интоксикации организма, разливается желчь… Мечников это хорошо понимал…

Пазухин посмотрел на него пристально, поправил пенсне и уныло поболтал ложечкой в стакане чая с лимоном.

— Ну, какое может быть сейчас настроение? На каждом шагу натыкаешься черт знает на что.

И он с озлоблением рассказал о своем столкновении с Семеновым.

Толстой слушал внимательно. Потом задумался, моргая большими серыми глазами. Наконец, наклонился через стол всем своим большим телом.

— Семенов прав. Никакого «Московского листка» не будет, ваших купцов тоже не будет. И этого кафе не будет. Большевики задумали страшное дело, грандиозное: перестроить всю жизнь сверху донизу по-новому. Удастся ли им это? Не знаю. Но

массы — за ними. Наши генералы, конечно, тоже сразу не сдадутся. Принято считать, что немецкие генералы гении, а наши — олухи. Ничего подобного! Наши генералы, конечно, в политике ничего не понимают, от занятия политикой их поколениями отучали, да и в жизни они дураки. Но дело свое знают, и будь у нас порядка побольше, не начни гнить империя с головы, не так бы у нас шла война с немцами. Так вот… (он допил кофе, отодвинул чашку), генералы, конечно, соберутся: «Как! Мужепесы взбунтовались! Свою власть хотят установить! А вот мы им покажем!» Солдаты за ними не пойдут. Но солдаты им пока и не нужны: они из офицеров и юнкеров создадут стотысячную армию. И какая это будет армия! Первоклассная (он закатил глаза). Римские легионы нашего времени.

Он помолчал, потом поднял руку с трубкой.

— Однако армия эта повиснет в воздухе. Ее никто не поддержит, рабочие и крестьяне не пойдут с ними, они поддержат большевиков. Триста лет висело у них ярмо на шее, теперь они его скинули, и никто, понимаете, никто им его больше не наденет. Да… — Он покачал головой, потом повернулся к Пазухину… — Купцы ваши, разумеется, закричат: караул, грабят! Побегут к банкирам в Европу и в Америку: спасите и наши и ваши деньги от большевиков!.. И те помогут генералам. И начнется кровопролитнейшая гражданская война. Страна наша большая, ярости накопилось много, сейчас оружие есть у каждого.

Пазухин уже давно слушал его с открытым ртом и вытаращенными глазами. За соседними столиками все повернулись в нашу сторону.

Наконец Пазухин дрожащим голосом спросил:

— Что же делать? Кто прав?

Толстой поправил очки, задумался.

— Не знаю. С точки зрения высших идей — справедливости, социального равенства и так далее, — правы большевики. Но все дело в том, как они будут осуществляться. Что касается меня, я не годен для такой борьбы. Мое дело — писать. А для того чтобы писать, нужно время.

Он помолчал и прибавил:

— Время, чтобы осознать и понять… Вот тут антрепренер один предлагает на лето поехать за границу. Вероятно, уеду…

Хорошенькая официантка Зося, уже давно стоявшая с подносом, наконец решилась подать счета.

Толстой посмотрел пристально на нее, потом на Пазухина.

— Так вот-с, Алексей Михайлович, что же вы намерены делать?..

Старик вздохнул.

— Буду делать то же, что и делал: ходить в кафе, пока его не закроют, писать, пока будут печатать, а потом, вероятно, помру…

Толстой провел ладонью руки по лицу, как бы умываясь.

— Гм… — потом повернулся ко мне.

— Ну, а вы, собственно, вот вы самый молодой, только что с гимназической скамьи?

— Я уезжаю…

— Куда?

— Я поступил добровольцем в Красную Армию, еду на Южный фронт.

— Вы что же, из рабочей семьи?

— Нет, можно сказать, наследственный интеллигент.

Толстой пожал плечами.

— Не понимаю.

— Видите ли… мне кажется, что это единственная возможность собрать раздробленную сейчас Россию в единое целое и установить в ней справедливый порядок. Я верю в честность большевиков.

Толстой раза два затянулся, выпустил дым.

— Может быть, вы и правы. Иногда устами младенцев глаголет истина.

Мы вышли на улицу. Шел мягкий снежок. Матовые дуговые фонари бледным светом покрывали прохожих, стены домов, мостовую, извозчиков, проезжавших по Тверской. На углу мы распрощались, и каждый пошел по своему пути. В те времена у людей были разные дороги.

В начале января Михаил со своим отрядом прибыл в Москву и поместился в гостинице «Эрмитаж».

Про эту гостиницу во всех путеводителях было сказано:

> «Совершенно особняком стоит гостиница «Эрмитаж», Трубная площадь, в собственном доме. Известная каждому москвичу, она не имеет вывесок и приезжими не посещается, так как приезжих принимают неохотно ввиду значительного спроса на номера со стороны постоянно живущих в Москве. При гостинице — знаменитый ресторан».

Ресторан «Эрмитаж» был тем храмом еды, который создали богатые московские хлебосолы, чтобы удивить Европу.

Он имел школу для поваров в Париже и уполномоченных во Франции, в Архангельске и на Волге. В белом зале с мраморными колоннами и с ложами наверху, в зеленом, синем и золотом кабинетах сверкали на столах серебро, фарфор и хрусталь. Великолепный оркестр под управлением Фердинанда Криша

исполнял преимущественно классическую музыку. Страсбургские паштеты, зернистая икра, старые вина, стерлядь и форель направлялись вагонами в Москву для того, чтобы попасть на столы богатых гурманов, которые были постоянными посетителями «Эрмитажа Оливье». Здесь капиталисты справляли свои юбилеи, праздновали свадьбы, устраивали банкеты и принимали знаменитых иностранцев…

В «Эрмитаже» чествовали министров-социалистов Франции во главе с Альбером Тома.

Ложи, опоясывавшие верхний ярус зала, имели занавески. Если известный в Москве человек приезжал с дамой и не хотел, чтобы их видели, он шел в ложу, а оттуда после ужина по внутреннему, застланному коврами коридору, в соседнее здание. Это была роскошная гостиница с номерами не менее чем из трех комнат, которые даже до войны стоили от двадцати пяти до семидесяти пяти рублей в сутки. Разумеется, никаких документов там не спрашивали, и никогда ни один полицейский туда не заглядывал. Со стороны бульвара ворота и калитка, ведущие во двор, были наглухо закрыты. Бешеные деньги защищали разврат богачей от постороннего глаза. Москвичи в шутку говорили, что легче попасть в женский Рождественский монастырь, помещавшийся поблизости, чем в эту гостиницу.

Теперь в ней разместился отряд Михаила. Часовой при входе не сидел на табуретке и не лузгал семечки, как в те времена водилось, а стоял неподвижно в положении «смирно».

Дежурный с маузером в деревянной кобуре потребовал документы. Их у меня с собой не было. Тогда он соединил меня по полевому телефону, стоявшему рядом на столике, с Михаилом. И в подъезде, и в коридоре было абсолютно чисто, полы натерты, дорожки выметены. Номер, в который я попал, состоял из нескольких комнат — гостиной, столовой, спальни и бассейна-ванной, стены которой были покрыты зеркалами.

В гостиной среди кушеток тет-а-тет и каких-то пуфов стояли два письменных стола с полевыми телефонами и столик с пишущей машинкой.

В комнате было трое: Михаил, светловолосый, сероглазый человек в кожаной куртке и высокий, с крестьянским веснушчатым лицом и бегающими колючими глазами, солдат в помятой фуражке защитного цвета и расстегнутой шинели.

Михаил стоял, расставив ноги, и смотрел на солдата.

— Ну? — сказал он ему, не здороваясь со мной.

Солдат молчал. Человек в кожаной куртке кашлянул.

— Тофарищ Михаил, этот кофер у него запрали, когда он хотел ухатить со твора.

— Брал ковер? — мрачно спросил Михаил.

— Товарищ командир, — вдруг неожиданно высоким голосом закричал солдат, — я же еду на побывку домой, а ковер этот — ничейный. Он раньше принадлежал буржуям, а теперь, как их выгнали, он ничейный.

Михаил стал краснеть.

— Стало быть, выходит, растаскивай все, что есть?

— Зачем же все, один ковер…

Латыш в кожаной куртке покачал головой.

— Мы тебя путем сутить…

— Не будем, — сказал Михаил, продолжая разглядывать солдата. — Посмотри на себя: шинель расстегнута, фуражка набекрень, небрит, нечесан, ремня нет, сапоги не чищены…

— Что же, выходит, как раньше, при старом режиме?..

— Врешь! Раньше ты кому служил?

— Царю.

— Так. А теперь кому служишь?

— Народу.

— А раз так, служи как следует.

Михаил повернулся к латышу.

— Отпуск отставить. Наряд вне очереди…

Солдат замотал головой.

— Все равно уеду…

Михаил схватил его левой рукой за борта шинели, приподнял, потом поставил на место и, сжав правую в кулак, поднес его к носу солдата.

— Ты это видел? И смотри, не попадайся мне на глаза в таком виде.

Солдат, одурело оглянувшись, поплелся к выходу.

— Стой! Повернись! Налево кругом! Шагом марш!

Когда он ушел, латыш вздохнул:

— Тофарищ Михаил, фы путете иметь неприятность с фаша рука.

Михаил скосил на него глаза.

— Товарищ Калнин, садитесь и проверяйте ведомости.

Потом повернулся ко мне:

— Пойдем!

Через столовую, украшенную натюрмортами с изображением дичи и фруктов, мы прошли в спальню. Под огромным балдахином стояла двухспальная кровать. Со всех стен глядели нагие женщины с необычайно пышными формами и неестественно розовой кожей.

— М-да, — произнес я, оглядываясь.

Михаил рассердился.

— Чего «м-да»? Куда я все это дену? Через несколько дней уйдем на фронт, тогда согласно точной инвентарной описи вся гостиница будет передана Моссовету. Тут уже ко мне начхоз подкатывался: «Разрешите, товарищ командир, убрать все лишнее неприличие…» — «Куда убрать?» — «Да место найдется».

— Я его знаю, этого начхоза. Он бывший интендантский писарь. Жулик, но в хозяйстве толк понимает… Теперь жулики, пока еще не создан настоящий советский аппарат, под горячую руку лезут со всех сторон.

Он подошел к туалетному столу с большим овальным зеркалом и начал открывать ящики. В первом оказались прессованная пудра «Коти» и женский кружевной платок с вензелем. Михаил понюхал, покачал головой.

— Наверное, дама какая-нибудь забыла, торопилась уехать. Где-то у меня тут колбаса была и консервы? Чай сейчас соорудим.

Пока он хлопотал, я заглянул в ванную. Кафельный бассейн сиял безукоризненной чистотой, отражаясь в зеркалах, вставленных в стены от потолка до пола.

Когда мы сели за стол, я заметил:

— Чисто у вас и тепло.

Михаил разлил какую-то жидкость по стаканам, добавил воды.

— Сырец, дрянь, но пить можно.

Мы выпили, он закусил колбасой.

— Видишь ли… Когда мы заняли гостиницу, через полчаса прислуга исчезла. Я, конечно, узнал, в чем дело. Оказывается, вызвали их директора «Эрмитажа» и говорят: «Жалованье будем платить, как и раньше. Однако обслуживать большевиков запрещаем. Они захватили помещение нахально и за номера не платят. Подумать только! После Лианозова, Манташева и Рябушинского солдатня будет туда водить девиц с Трубной площади…» Хорошо! Я, значит, велел всю обслугу на другой день собрать. Смотрю, какие-то рожи несообразные: старые лакеи, выстроившие себе дома на подачки от кутил, бабы, похожие на сводней. Ладно, посмотрел и говорю им: «Вы порядок знаете?» Один из них, почтенный человек в баках, говорит: «Раньше знали…» — «И теперь будете знать! Уборка с утра, как полагается. Топить аккуратно. Белье менять и стирать соответственно. Полы натирать до полного блеска. Дежурный! Переписать каждого на карточку с точным адресом и взять подписку, если что пропадет — под суд! Найду непорядок — на сутки под арест. И не выпускать никого, пока не проверите документы и не перепишете». И представь себе, — ничего, порядок.

Когда мы кончили есть, он закурил, вздохнул.

— А вообще трудно! Все дело в том, что крестьянин получил землю, получил мир. Стремится в деревню и знать ничего не хочет. Начинаешь ему объяснять, а он говорит: «Пока я тут с вами буду канителиться, в деревне всю землю поделят, мне ничего не достанется». Да к тому же часто и прихватить что-нибудь норовит: «Ведь это буржуйское, а у меня, говорит, за войну семья разорилась». Не хватает культуры, грамотности, сознательности. А тут со всех сторон контрреволюция поднимается. Спасти нас может только железная дисциплина… Ну ладно… Ты что сейчас делаешь?

— Да вот, пишу понемногу, но думаю уехать на фронт. Сейчас не до учебы.

Михаил задумался.

— Беззаботности, покоя и свободного времени у нас больше не будет… Может быть, добьемся этого для наших детей. К себе я тебя не зову. Мы характерами не сойдемся…

— Да, — подтвердил я, — не сойдемся…

В это время вошел Калнин.

— Вас фысыфают…

Михаил встал..

— Еду. Ну, прощай, надеюсь, на днях увидимся…

Скоро его отряд ушел на фронт. Увиделись мы, когда я после гражданской войны и службы за границей вернулся в Москву, — через девять лет. Свободного же времени не хватает у нас и сейчас — ни у него, ни v меня…

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИМ

Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, в начале апреля 1918 года, мы с Делафаром сидели в комнате одного из богатых московских особняков. Делафар читал мне свои стихи. Комната была заставлена старинной мебелью красного дерева, на стенах висели картины — прежний хозяин считался известным коллекционером. На столе работы мастеров павловского времени стояли две солдатские алюминиевые кружки и большой жестяной чайник. Взамен сахара на бумажке лежало несколько слипшихся леденцов.

Изразцовые печи с синим затейливым рисунком почти не давали тепла.

> «Для того чтобы прожить долго, — говорится в одной старинной книге, — нужно жить в деревянном доме и кафельные печи топить березовыми дровами. Тогда теплый воздух будет бодрящим и освежающим».

Не только березовых, но и сосновых дров не было, топили чем попало.

Делафар был молодым человеком, с пушистыми светлыми волосами, правильными чертами лица и горящими глазами. Улыбался он или сердился, читал стихи или допрашивал арестованных, — его голубые глаза всегда горели. Он мог часами говорить о Марате и Робеспьере, прекрасно знал историю Французской революции, восторгался якобинцами, верил в то, что капиталистический мир погибнет в самое ближайшее время, и считал, что систематическое уничтожение контрреволюционных элементов является таким же необходимым гигиеническим мероприятием, как, скажем, чистка зубов. Делафар был чекистом-поэтом, чекистом по убеждению и призванию, хотя и происходил из аристократической французской семьи (предки его бежали во времена Французской революции в Россию). Теперь правнук бежавшего маркиза являлся участником величайшей из революций. Такова диалектика истории.

Позднее, в 1919 году, Делафар был послан на подпольную работу в Одессу, оккупированную французскими войсками. Оккупанты долго не могли его выследить. Однажды они напали на его след, окружили, но ему удалось уйти. Это было ночью. Делафар отстреливался и исчез. В другой раз, при новой перестрелке, он был ранен и схвачен. Его судил французский военный суд. На суде Делафар произнес на блестящем

французском языке гневную речь, в которой клеймил оккупантов. Делафара расстреливали на барже. Он отказался от повязки, скрестил руки на груди и воскликнул: «Да здравствует мировая революция!».

Впоследствии А. Н. Толстой в романе «Ибикус» описал трагическую гибель этого удивительного большевика, одного из многих замечательных героев первых лет революции.

В тот апрельский день, когда Делафар читал мне стихи, и он и я, как и многие молодые люди нашего поколения, полагали, что мировая революция — дело совсем близкое и сравнительно несложное. Такое представление отражалось и в его стихах, где описывалось падение старого мира и будущее царство труда. В какой-то особенно патетический момент, когда Делафар, ударяя кулаком по столу, читал описание последнего решительного боя, в комнату вошел высокий худощавый человек лет сорока, с бородкой и усами. Он придерживал накинутую на плечи солдатскую шинель, выражение его продолговатых серых глаз было задумчивым. Человек постоял, послушал, потом сел на диван. Неожиданно он улыбнулся, лицо его подобрело, он осторожно взял кружки, подскакивавшие от ударов делафаровского кулака, и переставил их на подоконник. Делафар кончил читать, вынул из кожаной тужурки платок, отер лоб, повернулся к человеку, сидевшему на диване, потом ко мне.

— Ну как? — И, не ожидая ответа, прибавил: — Познакомьтесь, товарищи…

Человек в шинели приподнялся.

— Дзержинский.

Теперь с этим именем связана целая история героической жизни; оно неотъемлемо от истории нашей партии, нашего государства. Но тогда, в первые месяцы после Октябрьского переворота, я знал лишь о том, что это был один из членов Военно-революционного комитета, сидевший до февраля 1917 года в Бутырской тюрьме, известный в Польше и Литве социал-демократ.

— Ну как? — снова спросил Делафар.

Я замялся. Стихи по форме были Неплохие, Но содержание их было наивно-утопическое.

Дзержинский посмотрел на меня, на Делафара и сказал со своей удивительно мягкой и застенчивой улыбкой:

— Революционер должен мечтать, но — конкретно, о вещах, которые из мечты превращаются в действительность. Все мы мечтали, что пролетариат захватит власть, эта мечта осуществилась. И все мы мечтаем о том, что, победив своих классовых врагов, мы создадим могучее социалистическое

государство, которое откроет человечеству путь к коммунизму. Вот над осуществлением этой грандиозной задачи придется работать и нам и, вероятно, нашим детям. А стихи… По-моему, не плохие.

Делафар молча посмотрел на Дзержинского, на меня, покраснел, поставил алюминиевые кружки обратно на стол, достал еще одну, взял чайник и пошел за кипятком.

Дзержинский посмотрел ему вслед.

— Не обиделся? Ведь он в стихах выразил то, во что он верит, чем заполнена его душа…

Когда Делафар вернулся, разговор перешел на общие темы. Я сказал, что часть интеллигенции, честно желающей служить Советской власти, смущена все возрастающим бандитизмом в Москве, беспорядком в учреждениях, исчезновением продуктов и тем, что спекулянты продают их не на деньги, которые катастрофически теряют свою ценность, а в обмен на ценные вещи.

Дзержинский усмехнулся и посмотрел на меня.

— Удивляюсь вашей наивности. Идет классовая борьба не на жизнь, а на смерть. Буржуазия применяет самые подлые методы по отношению к рабочему классу и его правительству. Саботаж, уничтожение и утаивание продуктов, печатание фальшивых денег, организация бандитизма — вот с чем мы сталкиваемся. Помимо заговоров и шпионажа. По Москве бродят шайки анархистов, грабят, захватывают особняки, убивают. Кто они? Идейных анархистов там ничтожное количество. Основное — это уголовники и офицеры, которые ими руководят! Например, в Петрограде бандитами руководил князь Эболи. Но мы справимся со всем этим…

Он поправил спадавшую с плеч шинель, сделал глоток из кружки и встал.

— Мне пора идти…

И уже в дверях, как бы на прощание, сказал последнюю фразу:

— Все честное, что есть в стране, перейдет к нам. Остальное — я говорю о наших врагах — или будет уничтожено, или рассеется, сойдет с исторической сцены.

И вдруг, глядя на меня, Дзержинский улыбнулся. Его глаза как будто засветились, и худощавое, суровое лицо аскета стало необыкновенно добрым.

— Ничего, вы еще увидите, как расцветет наше социалистическое государство. А то, что происходит сейчас, — это неизбежные этапы борьбы рабочего класса за свое будущее.

Он ушел, и мы несколько минут просидели молча. Когда я

собрался уходить, Делафар тоже поднялся.

— Я провожу вас немного, — сказал он.

Делафар взял лежавшую на подоконнике кобуру с револьвером и надел ее на ремень под кожаной курткой, снял фуражку с вешалки, и мы вышли на улицу.

Было уже темно. Стоял холодный, ясный апрельский вечер. По пустынным неубранным улицам ветер гнал мусор и обрывки бумаги. В переулке, выходящем со стороны Димитровки в Каретный ряд, хлопнул выстрел, потом другой, послышались крики: «Стой!» — и топот бегущих людей. Потом все стихло. Мы продолжали идти. Полная луна освещала голые деревья Страстного бульвара, пустые аллеи и занятые влюбленными скамейки.

Делафар оглянулся, вдохнул полной грудью свежий вечерний воздух, в котором чувствовался весенний запах оттаявшей земли, и сказал:

— Хорошо! Надо пережить этот год, а там наступит революция в Европе, образуется союз социалистических стран и исчезнут все наши трудности…

Если бы оба мы могли знать, что через год он будет отправлен на подпольную работу и погибнет, что немного позже и я переживу тяжелые испытания в подполье и что через два года мне придется встретиться с Ф. Э. Дзержинским, в совершенно других условиях.

1918-й ГОД

1918 год был, пожалуй, самым трудным в истории Советского государства. На юге, за Курском, начиналась гетманская Украина, оккупированная германской империей. Немецкие войска занимали Прибалтику, Белоруссию, Финляндию, захватили Донецкий бассейн и Закавказье, турецкие — Баку, основной источник снабжения нефтью. Союзники высадились в Мурманске и Архангельске. Чехословацкий корпус, командование которого было подкуплено Антантой, восстал, и обширная территория за Волгой управлялась контрреволюционными «правительствами». Владивосток захватили японцы, и вслед за ними начали высаживаться и продвигаться в Сибирь англо-американские войска. На Дону образовалось пронемецкое «правительство всевеликого войска Донского» во главе с атаманом Красновым, который рвался к Царицыну. Ростов был занят немцами.

Фактически Советская Россия превратилась в осажденную крепость, лишенную хлеба, угля и нефти.

Крестьянин середняк колебался. Он получил землю и свободу, но не понимал еще, что падение Советской власти приведет к потере и того, и другого. К тому же снабжение деревни необходимыми предметами прекратилось.

В городах мелкобуржуазные элементы испытывали такие же настроения. Часть из них, пользуясь экономической разрухой, обогащалась, создавая огромную армию спекулянтов и мешочников.

Голод и отсутствие топлива сказывались на всем. Транспорт работал с перебоями, во многих городах стали электростанции, сыпной тиф и дизентерия косили людей.

Старая армия распалась. Новая, Красная Армия, вербовавшаяся по принципу добровольности, к 10 мая 1918 года насчитывала всего 306 тысяч человек. Она находилась в стадии формирования. Многие полки, бригады и дивизии еще не были обучены и не получили боевого крещения. Белогвардейские армии, хорошо защищенные оккупировавшими значительную часть России войсками интервентов, находились также в стадии формирования. Деникин, Колчак, Миллер, Юденич, Скоропадский вначале строили свои армии тоже по классовому признаку. Это были добровольческие офицерские полки, пополненные кулаками, сыновьями помещиков и капиталистов и великолепно снабжавшиеся империалистическими государствами: Когда вопрос касался помощи контрреволюции, две враждебные группы империалистических государств — австро-германская коалиция и

Антанта — были единодушны. Одни белогвардейские вожди получали помощь от немцев, другие — от союзников.

Небольшая советская территория, окруженная со всех сторон врагами, население которой было обречено на величайшие лишения, кишела агентами иностранных и контрреволюционных организаций, подготавливавших мятежи, диверсии и убийства.

Никогда в истории человечества ни одно правительство не находилось в таком тяжелом положении.

Но никогда в истории человечества не было и такой формы власти, как власть Советов рабочих и крестьян, и такой партии, как партия большевиков, во главе которой стоял В. И. Ленин.

В марте 1918 года в партии было всего 300 тысяч человек, из них 170 тысяч коммунистов находились на неоккупированной территории.

Перед партией, как авангардом рабочего класса, стояли задачи:

1. Подавить внутренних врагов.

2. Создать многомиллионную Красную Армию и для этого подготовить своих полководцев и политических комиссаров.

3. Разбить и уничтожить войска интервентов и многочисленные белые армии.

4. Справиться с голодом, эпидемией и экономической разрухой.

В ночь на 12 апреля 1918 года были ликвидированы очаги анархистов по всей Москве. В захваченных ими особняках обнаружено и изъято много ценностей и продовольствия. Большая часть задержанных оказалась уголовниками.

18 мая арестованы основные бандитские шайки в Москве.

19 мая раскрыт заговор «Союза защиты родины и свободы».

22 июня подавлен контрреволюционный мятеж в Тамбове, организованный правыми эсерами.

6—7 июля ликвидирован мятеж левых эсеров в Москве.

6 июля начался мятеж правых эсеров под руководством Перхурова в Ярославле. Ликвидирован через две недели.

7 июля разгромлен мятеж правых эсеров в Рыбинске.

8 июля ликвидирован мятеж правых эсеров в Муроме.

10 июля поднял мятеж в Симбирске командующий Восточным фронтом левый эсер Муравьев. Мятеж был подавлен, а Муравьев убит.

15 июля ликвидирован заговор в Саратове.

27 августа подавлен мятеж в Ливнах.

30 августа было совершено злодейское покушение на В. И. Ленина, он был тяжело ранен двумя отравленными пулями. В тот же день правые эсеры убили в Петрограде М. С. Урицкого, а

до этого В. В. Володарского.

Сообщение о ранении В. И. Ленина вызвало всеобщий народный гнев. В эти дни был раскрыт заговор Локкарта. 2 сентября 1918 года Советская республика была объявлена единым военным лагерем, а 5 сентября Совнарком принял постановление о красном терроре.

К этому времени уже определилось изменение в соотношении сил.

На всех территориях, оккупированных иностранными или белыми армиями, крестьянство и рабочий класс, подвергшиеся жесточайшим притеснениям, организовывали партизанские отряды под руководством подпольных партийных организаций.

В. И. Ленин внимательно следил за работой партизанского отдела Полевого штаба, а затем Реввоенсовета Республики.

15 сентября Центральный Комитет РКП(б) созвал совещание представителей подпольных коммунистических организаций оккупированных областей. Для руководства подпольной работой совещание избрало Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных местностей.

Волна восстаний на Украине, в Белоруссии, Прибалтике и на Кавказе заставила германское командование снимать свои части с Западного фронта для переброски в эти районы. Австрийские и германские войска на Украине, в Белоруссии, частично в Прибалтике под влиянием пропаганды разлагались и теряли боеспособность.

Между тем в период с 8 по 15 августа 1918 года англо-французские войска, тоже испытывавшие большое напряжение, все-таки сумели нанести серьезный удар германским армиям на Западном фронте (Амьенская операция). В результате германское верховное командование вынуждено было наиболее боеспособные части перебросить из оккупированных областей на Запад. Однако 26 сентября союзники перешли в общее наступление. 29 сентября капитулировала Болгария, 31 октября — Турция, 3 ноября — Австро-Венгрия, 9 ноября совершилась буржуазная революция в Германии и 12 ноября — в Австро-Венгрии. Вся огромная территория оккупированных австро-германско-турецкой коалицией частей бывшей России превратилась в кипящий котел.

Уже к осени 1918 года Красная Армия имела около миллиона бойцов. На Восточном фронте 12 сентября советские войска заняли Симбирск, 3-го — Сызрань, 4-го — Сарапул, 7-го — Самару. 20 ноября было создано временное рабоче-крестьянское правительство Украины. 21 — 25-го советские войска освободили Полоцк, Бобруйск, Псков.

26 ноября 1918 года Центральный Комитет РКП(б) принял

постановление о переходе в наступление на всех фронтах…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НА УКРАИНСКОМ ФРОНТЕ

ТЫЛ И ФРОНТ

В ночь на 1 января 1919 года последние остатки разбитых под станцией Казачья Лопань петлюровских войск откатывались в район Люботин — Мерефа. Отряды повстанцев прервали сообщение между Харьковом и Полтавой. Боевые рабочие отряды Харьковского ревкома занимали район за районом, приближаясь к центру.

Как и во всех городах, откуда они бежали, петлюровцы держали население в полном неведении о положении на фронте.

В то время как части 2-й украинской советской дивизии (5-й Глуховский полк и полк червонного казачества) стремительно приближались к Харькову и первые отряды уже вступали в него, на улицах города висели еще объявления «командующего левобережным корпусом вильного казачества атамана Болбочана» о том, что «большевистские войска разбиты под Белгородом и на всей территории Незалежной Украины сохраняется полное спокойствие».

Рядом с этими плакатами, расклеенными вскоре после того, как в упорном бою советские части разбили под Белгородом 20 декабря петлюровские и германские войска, висели еще и пожелтевшие афиши, подписанные немецким командующим генералом Кохом, в которых говорилось: «…так как нижепоименованные лица и после 1 октября 1918 года имели и хранили при себе оружие, то они были расстреляны». Далее следовал набранный петитом список, где украинские фамилии перемежались с русскими. Но больше всего было плакатов Харьковского ревкома о переходе всей власти к Совету рабочих депутатов.

Ночь была морозная и ясная. По мере того как от товарной станции, миновав окраины города, мы приближались к центру, все меньше попадалось навстречу людей. Редкие прохожие, боязливо оглядываясь, спешили домой. Иногда в тишине улиц раздавались свист дудок, дробь барабанов и равномерный топот подкованных сапог, к городскому вокзалу отдельными отрядами стягивались остатки немецких частей.

Немецкая армия, частично разложившаяся под влиянием большевистской агитации еще до ноябрьской революции, все-таки сохраняла свою боеспособность. Эта боеспособность поддерживалась двумя факторами.

Во-первых, железной дисциплиной, свойственной вообще немцам, и, во-вторых, единым, охватившим всех солдат стремлением прорваться как можно скорее назад — в Германию.

Офицеры, унтер-офицеры и специально подобранные члены «советов солдатских и офицерских депутатов» с утра до вечера говорили о том, что «только дисциплина может помочь армии вернуться на родину».

Очень часто, несмотря на объявленный верховным германским командованием «нейтралитет», немецкие части оказывали упорное сопротивление наступающим советским войскам. Так это было, например, под Белгородом. Даже контрреволюционное правительство Директории немцы согласились впустить в Киев только после того, как согласовали этот вопрос с англо-французскими интервентами и обеспечили выезд гетмана Скоропадского и безопасность его министров.

Вся Украина была охвачена восстанием. Во многих местах советские партизанские отряды дрались с петлюровцами. 1-я советская дивизия шла на Чернигов, 2-я подходила к Харькову. Железнодорожные пути на многих участках были взорваны, телефонная и телеграфная связь прервана. Германское командование, стремясь скорее вывезти свою 300-тысячную армию и огромные склады с обмундированием, вооружением и техникой, пользовалось летчиками, радиосвязью и специальными офицерами, чтобы координировать действия отдельных частей и штабов.

Когда я подъехал к гостинице «Метрополь», мне представилось странное зрелище. Перед входом в нее толпились люди явно буржуазного вида, в дорогих шубах и бобровых шапках. Огромный усатый швейцар, в зимней ливрее с галунами и расшитой золотом фуражке, стоял перед дверью, повторяя одно и то же:

— Ресторан-с полон! Все места заняты!..

Около здания стояло десятка полтора извозчичьих саней, окруженных немецкими солдатами в стальных шлемах и в полном боевом вооружении. Время от времени из подъезда выскакивали, немецкие офицеры с чемоданами в руках, садились в сани, солдат взбирался на облучок рядом с кучером, и извозчик, нахлестывая лошадь, мчался к вокзалу.

Войдя в гостиницу, я увидел, что двери ресторана широко открыты. Зал был наполнен празднично разодетой публикой. Оркестр играл вальс. Дамы в белых декольтированных платьях и мужчины в черных костюмах, высоких стоячих воротниках и крахмальных манишках — странные привидения дореволюционного времени — усердно танцевали…

Перед растерянным портье стояли несколько командиров, одетых в самое разнообразное обмундирование, требуя предоставить номера.

Зная по опыту, что разговорами в таких случаях ничего не добьешься, я поднялся по лестнице и вошел в какой-то номер, который, по-видимому, был свободен. В первой комнате я увидел на столе шашку, маузер и кубанку. Открыв дверь во вторую, я замер на месте.

На кровати валялась гимнастерка. Перед умывальником стояла, в красных штанах и кавалерийских высоких сапогах со шпорами, Мирра Гец — высокая, стройная блондинка с большими голубыми глазами и коротко подстриженными курчавыми волосами, командир одного из кавалерийских отрядов, а впоследствии секретарь предсовнаркома.

— Ты чего залез в мой номер? — спросила она, смывая мыльную пену, покрывавшую ее красивые руки и плечи.

— Я думал, что он свободен… Все остальное занято.

Мирра обтерлась полотенцем и бросила его на одну из кроватей.

— Устала как собака — весь день в седле!

И, усевшись на стул, стала снимать сапоги…

Я стоял, не зная, что делать дальше. Она посмотрела на меня и рассмеялась так, как могут смеяться только дети или люди с очень чистой душой.

— Ну вот что: в первой комнате есть диван, — ляжешь, а завтра убирайся, куда хочешь. Еще подумают что-нибудь. Терпеть не могу всяких пошлых разговоров… Да возьми вещевой мешок из угла — там консервы и хлеб…

И когда я поставил свой маленький деревянный чемодан на пол и стал снимать шинель, она мечтательно сказала:

— Сходил бы ты в ресторан. Может, достанешь настоящего чая, а то страшно надоел этот морковный настой.

На другой день я получил ордер на занятие особняка на Сумской улице, принадлежавшего семье сбежавшего миллионера Гладкова.

Особняк, выходивший фасадом на улицу, имел балкон, тянувшийся почти вдоль всего второго этажа, и глухие чугунные ворота с узенькой калиткой. С трех других сторон он был окружен высокой каменной стеной.

Войдя в калитку, я увидел двор, парадный подъезд и сад с засыпанными снегом дорожками. Меня встретил хмурый дворецкий. Я показал ему ордер. Он молча повел меня через парадные комнаты и залу по мраморной лестнице, застланной ковром, на второй этаж. Здесь были обширная столовая с огромными двустворчатыми окнами и дверью на балкон, кабинет, несколько спален, Две ванные, туалетные комнаты, кухня, за ней — комнаты для прислуги.

Видно было, что хозяева сбежали в последний момент, потому что даже безделушки и мелкие вещи стояли на обычных местах. Я разделся, взял свой жалкий чемодан и прошел в кабинет.

— Прикажете отнести чемодан в спальню? — спросил дворецкий.

Я посмотрел ему в глаза. Это был человек лет пятидесяти с лишним, бритый, с баками, в серой куртке и серых штанах. Лицо его выражало покорность судьбе. Он, видимо, ожидал, что все имеющееся в доме будет разграблено.

— Как вас зовут?

— Матвей.

— По отчеству?

— Матвей Прокофьевич.

— Вот что, Матвей Прокофьевич. Через несколько минут придет начхоз и перепишет все, что есть в доме, включая последнюю тряпку на кухне. Опись будет составлена в четырех экземплярах. На одном вы распишитесь, другой — с подписью начхоза — будет находиться у вас, третий — у меня, четвертый пойдет в управление. Если пропадет хотя бы коробка спичек, вы будете отвечать…

— А как же быть с прислугой?

— Так как здесь будет общежитие, то она вся останется на местах и будет получать зарплату. Я лично буду жить в кабинете, есть — в столовой.

— Продуктов хватит не более чем на неделю. Что же касается дров, запас имеется до лета…

— Получаемые на меня продукты я буду сдавать кухарке, а она за плату — готовить еду. Поскольку обслуга зачислится на службу, она также будет получать продукты по нормам…

Он несколько оживился.

— Разрешите идти?

— Вот еще что, Матвей Прокофьевич. Я обратил внимание на то, что дорожки в саду не разметаются, на полу и на мебели пыль. Видимо, все решили, что можно ничего не делать. Предупреждаю: всюду должна быть абсолютная чистота, и каждый обязан добросовестно выполнять свои обязанности. Теперь все, что здесь есть, — народное достояние, и оно должно содержаться и сохраняться самым тщательным образом…

Когда он ушел, я осмотрелся. Огромный кабинет с большим письменным столом, кожаными креслами и диваном, книжными шкафами и сейфом, вделанным в стену, курительным столом и креслами вокруг него производил впечатление комнаты, в которой хозяин никогда не работал. Я заглянул в чернильницы

большого бронзового письменного прибора. Только в одной из них было немного чернил. В кожаном бюваре лежало начатое письмо. На матовой плотной бумаге было написано:

«Уважаемый господин Шмидт!

Так как большевики, видимо, на днях займут Харьков, то я…»

На этом письмо обрывалось. Кому писал хозяин дома и что собирался сделать, оставалось неизвестным… Впрочем, меня это и не интересовало…

2-я украинская советская дивизия, имевшая в начале своего наступления немногим более тысячи бойцов, после освобождения Харькова уже насчитывала 3645 пехотинцев и 400 кавалеристов, с пятью орудиями и двадцатью пулеметами, а также несколько самостоятельных отрядов, доходивших общей численностью до шести тысяч бойцов. Объяснялось это тем, что ежедневно из состава петлюровских частей сотни солдат переходили на сторону Красной Армии.

Украинское крестьянство, испытавшее на себе всю тяжесть помещичьего гнета и немецкой оккупации при гетманщине, вначале поверило демагогическим обещаниям Директории, будто «частная собственность на землю будет отменена, а каждая семья получит надел не менее чем в пятнадцать десятин за счет поместий, государственных земель и земель, принадлежащих винокуренным и сахарным заводам».

Но уже в ближайшие дни после прихода петлюровцев к власти на места была дана строжайшая инструкция: «Не допускать никакого самовольного захвата земель, а виновных немедленно привлекать к суду».

Не ограничиваясь этим. Директория стала взыскивать недоимки по налогам и продовольственным поставкам, установленным при гетмане.

Теряя авторитет среди трудового крестьянства, Директория путем разнузданной агитации против коммунистов еще опиралась на середняцкие и кулацкие элементы деревни. Кроме того, она объединила под лозунгом борьбы «против Советов» социал-соглашательские партии, украинскую и русскую буржуазию и все контрреволюционные элементы, вне зависимости от того, на кого они равнялись, — деникинцев, красновцев, кадетов и монархистов прогерманской и проантантовской ориентации.

Рабоче-крестьянское правительство Украины, переехавшее из Суджи в Харьков, столкнулось с чрезвычайно сложным положением в стране.

Для того чтобы была понятна обстановка того времени, следует вкратце рассказать о том, что произошло на Украине примерно за три с половиной месяца — с октября 1918 года до половины января 1919 года.

Уже в октябре 1918 года «гетман всея Украины», бывший царский свитский генерал Павел Петрович Скоропадский, решил, что немцы явно проигрывают войну, а потому и маска «самостийной державы» больше ни к чему. Поэтому он направил бывшего члена Государственной думы, председателя «Совета государственного объединения» Шидловского к генералу Деникину, а сам 21 октября встретился с «донским атаманом» генералом Красновым. В итоге они договорились о будущих взаимоотношениях гетманского правительства с Антантой и об организации общих вооруженных сил для восстановления «единой, неделимой России».

3 ноября 1918 года министр иностранных дел гетмана Афанасьев сообщил Деникину и Краснову, что «Украинские силы в согласии с Доном и параллельно с Добровольческой армией направляются на борьбу с большевиками для восстановления единства России». На 18 декабря в Киеве было назначено совещание представителей контрреволюционных правительств Дона, Кубани, Терека, Грузии и Крыма.

Генерал Ломновский, представлявший Деникина в Киеве, начал усиленно формировать офицерские и юнкерские отряды, которыми должен был командовать ярый монархист генерал Келлер. Однако в Киеве эти силы не превышали трех — четырех тысяч человек.

Не дремали и украинские националисты, объединившие все буржуазные партии в «Украинский национальный союз». В него входили эсеры, социал-демократы, социалисты-федералисты, трудовики и «хлеборобы-демократы».

Они, конечно, тоже понимали, что немцы проигрывают войну, но пока не видели возможности прийти к власти без их помощи. Поэтому Винниченко, Никовский и Швец обивали пороги германского и австро-венгерского посольств в Киеве, доказывая, что они лучше, чем гетман, могут бороться против большевиков и во всяком случае обеспечат германские и австрийские интересы на Украине.

Однако германские генералы, фактические хозяева положения, долго сомневались, смогут ли украинские националисты служить им как следует, и только под влиянием роста партизанского движения в деревне и революционных настроений в городах решили «в виде опыта» к началу ноября 1918 года предоставить им пять портфелей в «гетманском

правительстве».

Даже за три дня до краха германской империи, когда было совершенно очевидно, что немцы проиграли войну, буржуазные украинские националисты продолжали раболепствовать, перед оккупантами.

6 ноября 1918 года представитель «УНЗ» Марголин посетил германского генерального консула Тиля и предложил ему «в интересах Германии»: «…чтобы государственную власть на Украине возглавили люди, приемлемые для Антанты и в то же время доброжелательно настроенные в отношении Германии».

Для этого Марголин предложил создать правительство из лидеров буржуазных украинских националистов Винниченко и Никовского, присоединив к ним русского монархиста Шульгина.

Все эти комбинации, однако, провалились. Германия капитулировала, и Антанта 19 ноября созвала в Яссах совещание, на которое прибыли представители всех контрреволюционных организаций. К этому времени, 13 ноября, украинские националисты, съехавшиеся в Белую Церковь под защиту полка «галицийских сечевых стрельцов», входивших в состав бывшей австрийской армии под командой Коновальца, избрали Директорию во главе с Винниченко и «головным атаманом» Симоном Петлюрой.

Союзники в Яссах находились в нерешительности. С одной стороны, им хотелось оставить во главе Украины гетмана Скоропадского; но он был скомпрометирован как немецкий ставленник, и верные ему части насчитывали всего несколько тысяч штыков. С другой, хотя у Директории были войска и она готова была за признание ее подписать любое соглашение, первые же воззвания, выпущенные Винниченко и Петлюрой, казались им слишком радикальными. В итоге представители Антанты решили отправить в Киев французским генеральным консулом Энно (который дальше Одессы никуда не попал), командующим союзными силами на Украине назначить генерала Бертелло и начать немедленную высадку союзных войск в Новороссийске, Севастополе, Одессе, Николаеве и Херсоне.

23 ноября английские суда прибыли в Новороссийск. 25 ноября англо-французская эскадра вошла в Севастопольский порт, 27-го началась высадка союзников в Одессе. В дальнейшем они заняли Николаев и Херсон. А пока предписали германскому командованию «сохранять порядок» на Украине, и в частности в Киеве, до прибытия союзных войск.

Но уже 11 декабря выяснилось: 1) что гетман не может сохранить власть в Киеве; 2) что германское командование не в состоянии удержать свои войска, требовавшие немедленной

эвакуации; 3) что Винниченко и Петлюра готовы подписать соглашение, обеспечивающее эвакуацию немецкой армии в Германию, и дать союзникам обещание «воевать с большевиками».

В результате переговоров, происходивших 12 декабря в ставке Петлюры (Фастов), между Директорией, германским командованием и представителем союзников де Муленом было подписано соглашение, по которому петлюровским войскам разрешалось занять Киев и получить оружие из складов, находившихся под контролем германского командования.

На другой же день гетман Скоропадский уехал, переодетый, в Германию, а его «правительство» подало в отставку. 14 декабря в Киев, где по-прежнему хозяйничали немецкие войска, вошли петлюровцы.

Все «военное хозяйство» и гетманский государственный аппарат механически перешли к петлюровцам.

Таким образом, на территории, еще не освобожденной советскими войсками, находились: петлюровские войска, бывшие гетманские части, офицерские и юнкерские формирования, наконец, партизанские крестьянские и рабочие отряды, стремившиеся создать Советскую власть в тылу неприятеля. О том, насколько такие отряды были велики и многочисленны, можно судить хотя бы по тому, что в районе Павлограда к началу 1919 года под руководством Екатеринославского губкома, переехавшего из Екатеринослава в Павлоград, находилось четырнадцать разной численности полков. Некоторые из этих полков были составлены только из рабочих, другие — из крестьян и рабочих, бывших фронтовиков. Эти четырнадцать полков имели приблизительно 7100 штыков, 500 сабель и три броневика.

Самостоятельно действовал Махно.

За фронтовой полосой также находились германские войска, которые еще не успели эвакуироваться, за исключением части «спартаковцев» под командованием Фокетэ, перешедших на сторону Советской власти; союзные войска — французские, английские, греческие, сербские, польские легионы, а также цветные колониальные отряды.

Между тем если во 2-й дивизии советских войск, наступавшей на Харьков, насчитывалось к началу боевых действий немногим более тысячи бойцов, то 1-я дивизия, продвигавшаяся в направлении на Киев через Клинцы — Городню — Чернигов — Козелец и Березню — Нежин, имела в Богунском и Таращанском полках, отдельном Нежинском батальоне и Новгород-Северском полку всего 2410 штыков, 410 сабель, 76 пулеметов и 11 орудий. В частности, знаменитый Таращанский полк «батьки» Боженко,

входивший в эту дивизию, состоял вначале всего лишь из 400 штыков, 150 сабель, 20 пулеметов и двух орудий.

Эти две дивизии, 2-я и 1-я, имели перед собой противников, численность которых не поддавалась даже приблизительному учету. Одна только германская армия, хотя и готовившаяся уже к эвакуации, насчитывала 300 тысяч солдат, великолепно вооруженных, снабженных и с прекрасно подготовленным командным составом.

Вопреки всякого рода соглашениям, отдельные немецкие части вступали в бой с советскими войсками всякий раз, как только им казалось, что последние продвигаются слишком быстро или могут помешать их эвакуации. Фактически они служили завесой для формирования петлюровских войск, которые все время пополнялись свежими отрядами из Галиции. Наконец, высаживавшиеся в южных портах Украины и в Крыму союзные войска все время получали подкрепление. К началу февраля в одной лишь Одессе союзники имели свыше 27 тысяч пехоты, 15 тысяч кавалерии, 76 батарей, 43 танка.

Ежедневно менялась ситуация. Так, например, не довольствуясь шестью тысячами польских легионеров, высадившихся в Одессе, Петлюра при участии военных представителей союзников вел во Львове переговоры с польским командованием не только о координации действий (Пилсудский уже тогда подготовлял наступление на Белоруссию и Литву), но и о переброске в помощь ему, Петлюре, польских частей.

Оказывая помощь петлюровцам (в конце декабря 1918 года, как явствует из протокола МИДа Директории от 17 декабря 1919 года, именно для этого в Киев приезжала специальная военная миссия), французы то и дело меняли свою тактику. Впустив петлюровские части в Одессу 12 декабря, они уже 18 декабря, после прибытия очередного крупного транспорта англо-французских сил, в том числе 156-й французской дивизии, потребовали от тех же петлюровцев ухода из города. Губернатором Одессы был назначен деникинский генерал Гришин-Алмазов. Началось формирование добровольческих офицерских частей. Между Новороссийском, занятым интервентами еще 23 ноября, и Одессой были установлены регулярные рейсы.

Петлюровские войска, как и белогвардейские части, были отлично вооружены и снабжены. Получив все склады вооружения, боеприпасов и обмундирования от немцев и гетмана, Директория этим не ограничилась. Во всех странах послевоенной Европы скопилось огромное количество военного имущества. «Послы» Директории спешно скупали его и направляли Петлюре. Так,

посол Директории во Франции Сидоренко сообщал, что украинская делегация купила у правительства Соединенных Штатов Америки в кредит на пять лет военное имущество на сумму в 11 миллионов долларов, причем все полученные товары уже доставлены на склады в Марсель и Бордо для отправки на Украину.

Об интервентах говорить не приходится — от танков до авиации все было в их распоряжении. Предметами снабжения и продовольствия они спекулировали, перепродавая его голодному населению по бешеным ценам.

В то же время советские войска в основном могли рассчитывать только на трофейное оружие. Обуви и обмундирования не хватало, особенно зимнего. Снабженческие базы давно отстали от наступающих частей.

Н. А. Щорс после занятия Новозыбкова, подготавливая дальнейшее движение на Киев, писал:

> «Богунский полк раздет, разут. Положение самое критическое. Службу несут или в бабьих кафтанах, или полуголые. То же в Таращанском полку…»

Таким образом, перед рабоче-крестьянским правительством Украины и его вооруженными силами стояла задача разгрома многочисленных, великолепно вооруженных сил буржуазно-националистической Директории, белогвардейских отрядов и войск интервентов.

На стороне неприятеля было все, кроме одного, — народа, беднейших крестьян и рабочих, которые составляли основную массу населения.

Практически важнейшая задача, стоявшая перед украинским Советским правительством и командованием Украинского фронта, заключалась в том, чтобы: 1) организовать правильное получение информации о неприятеле и о том, что происходит у него в тылу; 2) поскольку интервенты имели исходные базы, откуда транспортировалось войско и вооружение — Константинополь, порты Румынии и т. д., своевременно знать о поступающих туда пополнениях и грузах еще до их прибытия к месту назначения; 3) иметь точное представление о примыкающих к Украинскому фронту территориях, занятых Добровольческой, Донской и польской армиями; 4) снабжать правильной информацией советскую печать на освобождающейся территории и все армейские газеты; 5) вести пропаганду на освобождающейся территории; 6) вести пропаганду на неприятельской территории; 7) не только своевременно получать, но и быстро проверять, обобщать и делать выводы из всей

информации, получаемой в тылу, на фронте и с территории, занятой неприятелем.

Конечно, войсковая разведка существовала во всех подразделениях, начиная от полка и выше. ЦК КП(б)У получал необходимые сведения от партийных организаций, которые вели большую агитационную и пропагандистскую работу на неприятельской территории и руководили огромным партизанским движением в тылу неприятеля. Были и другие источники информации.

Однако насколько в те времена собственно войсковая разведка была несовершенна, показывают следующие факты.

После занятия станции Бровары был разработан довольно сложный план атаки Киева в ночь на 6 февраля с расчетом на упорное сопротивление петлюровцев. Между тем уже к утру 5 февраля последние покинули город и отступили на Васильков — Фастов.

И наоборот, восстанию казаков на Дону в районе Вешенской, которое помогло впоследствии Деникину овладеть Донбассом и Харьковом, долго не придавалось должного значения не только штабом Южного фронта в Козлове, но и украинским командованием в лице Антонова-Овсеенко и Подвойского, несмотря на телеграммы В. И. Ленина, который сразу оценил создавшуюся ситуацию.

Для выполнения задач, о которых я говорил выше, при рабоче-крестьянском правительстве Украины было создано Бюро печати и информации (БУП). Следовало бы прибавить и пропаганды, ибо оно выполняло и эту функцию. Назначенная незадолго до эвакуации Наркомом пропаганды А. М. Коллонтай, не успела даже развернуть свой аппарат.

Если примерно половина БУПа вела работу, аналогичную работе РОСТА, то другая часть была создана впервые в советских условиях. Таковы были отделы особого осведомления правительства, иностранный отдел, отдел военной информации, отдел документальной пропаганды, куда входили фото-, кинопропаганда и т. д. Кстати сказать, работал этот последний отдел так, что вступление Богунского и Таращанского полков в Киев, заснятое как кинохроника, было показано бойцам этих частей на другой же день. Существовал еще отдел по снабжению военных газет и военных частей срочной текущей информацией. Был специальный отдел связи, который организовывал сношения со всеми пунктами Украины, вне зависимости от того, под какой администрацией они находились.

Для создания такой огромной, гибкой организации, работа которой, естественно, зависела от военных операций, ибо она

развертывалась на территориях, только что освобожденных советскими войсками, нужны были очень толковые и энергичные люди. К тому же аппарат организовывался таким образом, что в каждом пункте Украины, включая даже некоторые волости, находились один или несколько информаторов, которые после установления там Советской власти открывали соответствующие отделения или становились корреспондентами БУПа.

За передовыми частями ехали группы работников, помогавших создавать аппарат информации на местах.. Как это ни странно, трудности, возникавшие при организации этого ведомства, отдельные части которого имели столь различное назначение, заключались вовсе не в подборе кадров. Было много талантливых, умных, самоотверженных людей, начавших там работать и впоследствии ставших известными писателями, художниками, журналистами. Многие сотрудники специальных отделов впоследствии проявили себя как крупные военные руководители, дипломаты, партийные работники, ученые. Основные препятствия заключались в отсутствии технических средств связи. Телеграфная и телефонная связь была почти всюду прервана, а железнодорожное сообщение зависело от хода боев, которые велись в основном вдоль железнодорожных магистралей. Радиосвязь была весьма несовершенной. И потому столь важный источник информации, как служба перехватов, хотя мы учитывали весь немецкий и австрийский опыт периода первой мировой войны (система «Пенкала»), все-таки не мог быть использован полностью.

Н. И. ПОДВОЙСКИЙ И В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Однажды вечером, вернувшись домой, я сел ужинать. Порядок в особняке был образцовый; я каждое утро перед работой вместе с обслугой расчищал двор, убирал снег и колол дрова. Вначале такое мое поведение привело Матвея Прокофьевича в изумление. Он вышел из буфетной и, стоя в дверях, смотрел, как я орудую деревянной лопатой. Потом не выдержал и, подойдя ко мне, сказал:

— На это есть-с люди!

Я повернулся к нему.

— И я тоже «человек»!

Он пожал плечами и вернулся в дом. Вообще понять меня он был не в состоянии.

Глядя на то, как я ем, принимаю ванну, одеваюсь и с привычным равнодушием отношусь к обстановке этого дома, он предполагал, что я «как будто и сам барич». Но в его голове никак не укладывалось, как же это интеллигентные люди могут воевать против богатых, то есть, по его мнению, таких же интеллигентных людей.

Когда в особняк въехала по ордеру одна очень известная и в прошлом богатая актриса бывшего императорского Александрийского театра, старик нашел, что она ведет себя, как «настоящая барыня». И действительно, свои отношения с прислугой она ограничивала кивком головы, лишь иногда роняя: «Благодарю вас, Матвей…» По комнатам актриса проходила торжественным, медленным шагом; на лице хранила выражение многозначительной грусти и много молилась перед большой иконой, которую попросила перенести из спальни хозяев к себе.

Я же был в обращении прост, а поэтому непонятен для Матвея. Но все же как человек опытный он угадывал основные черты моего характера. Мне довелось услышать, как он говорил горничной:

— Ты смотри, того… убирай как следует! Он беспорядка не любит. Да и нрав у него крутой…

Итак, в этот вечер, усевшись за стол, я смотрел, как Матвей Прокофьевич принес на великолепной саксонской тарелке довольно жидкую гречневую кашу, политую подсолнечным маслом, и, пожав плечами, выбрал и положил рядом с тарелкой серебряную ложку. Потом подвинул хлебницу с куском черного хлеба и снова пожал плечами.

Меня это стало раздражать.

— Вы чем-то недовольны, Матвей Прокофьевич?

— Да как сказать-с! Нам все равно. Только напротив живет интендант, значит, из штаба. Так вчерась заходил ихний повар. У них еда как еда. Все как полагается. Все четыре блюда, и вино, и гости каждодневно. А разве сравнишь ихнюю квартиру с нашим особняком… Так себе, обыкновенная квартира…

— Что вы этим хотите сказать?

Матвей Прокофьевич собрался что-то ответить, но в это время раздался шум, и в дверях появился человек в черной кожаной фуражке с красной звездой и в кожаном костюме с маузером через плечо. Приложив руку к фуражке, он сказал:

— Вас требует командующий к себе!

— Мандат!

Он вынул из кармана удостоверение, из которого явствовало, что предъявитель его является комендантом поезда командующего Украинским фронтом.

Я удивился. Я тогда еще не имел непосредственных сношений с командующим и, по правде говоря, не любил председателя Совнаркома Украины Х. Г. Раковского, хотя он в то время пользовался огромным авторитетом. Раковский, врач по образованию, учившийся и воспитывавшийся во Франции, несмотря на свое буржуазное происхождение, был видным социал-демократическим деятелем международного значения. Освобожденный после Февральской революции из Ясской тюрьмы, он знал Румынию гораздо лучше, чем Украину. Он тогда еще плохо говорил по-русски. Жена его говорила только по-французски.

В те голодные времена, когда наркомы жили в обыкновенных номерах рядовых гостиниц и питались в обыкновенных столовых, Раковский жил в отдельном особняке, пил то же самое красное вино, которое пил всегда, и курил те же самые сигары, к которым издавна привык.

Вместо «незаможних», то есть беднейших крестьян, он говорил «незамужних»; целого ряда слов не понимал вообще. Приходилось во время беседы разъяснять их значение. Несмотря на большую культуру, он не обладал подпольным и военным опытом старых большевиков, и его вмешательство в некоторые дела обошлось довольно дорого. Кроме того, у меня создалось впечатление, что тогда, в 1919 году, он не понимал основного: при создавшейся обстановке положение Украины зависело полностью от других фронтов. Достаточно было Деникину, Юденичу, Колчаку или Пилсудскому добиться значительных успехов на своих фронтах — и неустойчивый Украинский фронт

мог рухнуть. Ленин со свойственным ему гениальным пониманием людей чувствовал слабые стороны личности Раковского. Недаром в телеграмме от 5 мая 1919 года он писал:

> «…правы те, кто обвиняет вас в самостийности и в устремлении на Румынию…»

Николая Ильича Подвойского я встречал раньше в Москве. Владимира Александровича Антонова-Овсеенко видел всего один раз.

Внизу стояла машина, и минут через пятнадцать я был в вагоне Антонова. Подвойский и Антонов были люди совершенно различного характера. Первый был приятный, спокойный, методический в работе человек. Несмотря на то, что он не был до революции военным, во всей его деятельности чувствовалась система. Антонов, человек большого темперамента, бесстрашный и хладнокровный в минуты опасности, мог принимать мгновенные и самые неожиданные решения. Внешность его — длинные волосы, очки, весь облик — как-то не вязалась с представлением о командующем фронтом, то есть о профессиональном военном. А между тем Антонов-Овсеенко происходил из военной семьи, учился в Воронежском корпусе и после окончания юнкерского училища в Петербурге в 1904 году был выпущен офицером в 40-й пехотный Колыванский полк. Состоя с 1902 года в РСДРП, он неоднократно арестовывался, был приговорен к смертной казни, с заменой ее каторгой, откуда несколько раз бежал самым романтическим образом — с перестрелками, взрывами стен и т. д.

В салон-вагоне командующего лампочка почему-то горела в полнакала, желтоватым светом.

Когда я доложил о прибытии и мне предложили сесть, Подвойский ходил по вагону, иногда останавливаясь у стола, на котором лежали карты. Антонов-Овсеенко с любопытством меня разглядывал, не начиная разговора.

Я уже привык к этому любопытству, потому что выглядел тогда до неприличия юным.

Наконец Антонов постучал пальцами по столу и сказал:

— Дайте оценку Махно.

— В отрядах Махно при наступлении на Екатеринослав в конце тысяча девятьсот восемнадцатого года было около пятисот сабель и двести штыков. Сейчас он имеет, вероятно, около трех тысяч бойцов. Под влиянием разложения петлюровских частей и активности деникинцев крестьяне бегут к Махно. Это — кулаки и середняки, но есть и бедняки. Одни боятся генералов и помещиков, другие «коммуны». Отряды Махно привыкли жить

грабежами. Половина добычи, наиболее ценная, идет Махно и его отрядам, другая — громоздкие грузы — раздается крестьянам. Кроме этого, Махно, грабя поездные составы и склады в уездных центрах, добывает соль, мануфактуру, спички, керосин и снабжает этими необходимыми предметами крестьян. В обмен они кормят его армию, и именно поэтому лозунг «За свободные Советы» их вполне устраивает…

— Можно ли из отрядов Махно создать регулярные воинские части?

— Едва ли, поскольку махновцы связаны с определенным районом. Это — Екатеринославская губерния с махновской столицей Гуляй-Поле, части Новомосковского и Павлоградского уездов…

— Надо влить махновцев в Красную Армию…

— Это будет сомнительное пополнение. Их внешняя организация — сколок с Красной Армии: в полку три батальона, в бригаде — три полка, в дивизии — три бригады, штабы, даже «Реввоенсовет»… и все-таки это не армия…

— Почему?

— Крестьянские отряды Махно из всей военной техники признают только винтовки и пулемет, да и то в видоизмененной форме. Винтовку они превратили в обрез, пулеметы поставили на тачанки, пехоту посадили на телеги. Аппарата нормального снабжения и связи у них нет. Складов, кроме зарытого в земле или спрятанного в деревнях оружия, тоже нет. И санитарной службы нет. Тыловые службы отсутствуют, потому что нет тыла. Опыт декабрьских боев в Екатеринославе показал, что махновские отряды могут действовать только в поле. Вести бои за овладение укрепленными узлами и городами они не в состоянии. Их командиры обладают боевым навыком, но не имеют военных знаний.

— У них есть в комсоставе бывшие офицеры?

— Есть, но мало, — Марченко, Петренко, Чернов… Есть деклассированные рабочие. Но больше всего крестьян — бывших унтер-офицеров и фельдфебелей. Комсостав пьянствует, грабит и насилует, Махно пытается бороться с этими явлениями. Однако и сам Махно пьянствует и устраивает оргии вместе со своим штабом…

— Странно, он ведь, кажется, учитель и идейный анархист…

— Это — легенда! Махно никогда не был учителем. Он — сын крестьянина, потом был маляром на металлургическом заводе. После убийства пристава Корачевского попал в тюрьму и стал учеником сидевшего вместе с ним в Бутырках анархиста Аршинова. Тогда и сам сделался анархистом. Кстати, Аршинов

сейчас руководит у него «культпросветработой».

— Кто еще из анархистов у Махно? Назовите-ка наиболее активных людей из его штаба…

— Махно и его отряды не имеют сейчас соприкосновения с нашими частями. Они находятся в кольце между петлюровскими и деникинскими войсками. Поэтому точных сведений нет…

— Никаких сведений нет?

— Сведения поступают отовсюду, следовательно, и из этого района. Вопрос в том, насколько они достоверны. По нашим данным, туда выехал анархист Волин на должность так называемого «председателя Реввоенсовета повстанческо-революционной армии». Прибыла туда Маруся Никифорова; у нее — ярко антисоветская окраска. К Махно присоединились Черняк с боевой группой, Венгеров, Карпенко. Но не они определяют действия махновского штаба. В штабе работают Белаш, Каретников, Попов, Марченко…

Молчавший до сих пор Подвойский сказал:

— Вас трудно понять. Махно дерется с Деникиным и Петлюрой, к нему в качестве политических руководителей едут идейные анархисты. Судя по нескольким номерам газеты его штаба «Путь к свободе», это такой же орган анархистов, как и харьковский «Набат»…

— Анархисты занимаются теоретическими дискуссиями и уверяют Махно, что он совершит «третью всемирную анархистскую революцию», а практическим делом занимаются бандиты. Это — бывший левый эсер Д. И. Попов, поднявший антисоветское восстание в Москве. В его штабе, особенно в знаменитой «контрразведке», имеются уголовные бандиты: Чередняк, Скорпионов и Володин, по-видимому, связанные с белыми, Яков Глагзон, Цинципер, Левка Задов, он же Зиньковский, имеющий множество уголовных судимостей, его брат — Д. Задов, Чалдан и другие. Там есть даже два бывших германских офицера, ранее проживавших в России…

— Думаю, что это непроверенные сведения. Почему они примкнули к Махно?

— Немецкий генеральный штаб предусмотрителен и, несмотря на поражение, изучает опыт войны. Их интересует тактика партизанской войны…

— А если Махно ликвидировать?

— Для этого нужно изменить экономическую политику в деревне и создать специальную конную армию…

Вдруг Антонов вскочил и посмотрел на меня в упор.

— Вы только что говорили, будто махновские отряды небоеспособны…

— Части Махно имеют свои сильные и слабые стороны. Они не пригодны для регулярной войны и выполнения сложных задач. Сильная их сторона заключается в большой маневренности. Отдельные отряды, даже разбитые, рассеются по деревням и через час превратятся в обыкновенных крестьян. На другой день они могут снова собраться и возродиться, как Феникс из пепла, в виде воинской части. Отряды Махно, меняя лошадей у крестьян, могут делать переходы до ста верст в день, и ни одна кавалерийская часть их не догонит. Во многих деревнях у Махно есть подпольные органы — «пункты сбора и донесений», через которые проходящие отряды махновцев получают информацию и директивы. Связными служат старики, подростки, девушки… Для того чтобы ликвидировать махновское движение, кроме мер экономических, нужно оцепить огромный район, прочесать и обыскать каждую избу, все леса…

Подвойский, пройдясь по вагону, подошел к столу.

— Владимир Александрович, я не понимаю, какое все это имеет сейчас практическое значение? Есть определенная директива: третьей Заднепровской дивизии идти через Синельниково на Екатеринослав для соединения с Махно. — Потом обратился ко мне: — Вот я и хочу выяснить дело до конца. Почему вы думаете, что идейный анархист, вроде Махно, не может стать коммунистом?

— Махно не такой человек, который может подчиниться партийной или воинской дисциплине. Он анархист, не по убеждению, а по характеру…

Видимо, Подвойского больше интересовал другой вопрос, и он его задал:

— Есть ли у вас точные данные о том, что делается в Одессе?

— Нет. Сведения все время меняются. Фактически для получения необходимой информации нужно переходить два фронта: петлюровский и линию примерно от Тирасполя через Бирзулу, станцию Мартыновка и далее до Николаева и Херсона. От Одессы войска союзников продвинулись, как вам известно, на сто — сто пятьдесят верст. При этом трудно сказать, где расположены советские повстанческие отряды и где идет разграничение между петлюровскими и союзными войсками. Когда наши части возьмут Киев, данные будут на каждый день…

Николай Ильич погладил бородку и опять прошелся по вагону…

— Другими словами, вы хотите сказать, что у союзников нет никакого оперативного плана…

— Есть. И он вам, вероятно, известен. После высадки союзников в Новороссийске двадцать третьего ноября на

совещании в Бухаресте под председательством Бертелло был намечен план общего наступления на Москву по трем направлениям: из Одессы, Херсона и Николаева через Киев и Калугу; из Севастополя через Харьков и Курск; из Мариуполя через Купянск — Воронеж и Рязань. Возможно еще одно направление — польское — из Вильно на Минск — Жлобин — Гомель… Ведь Пилсудский уже вел переговоры с Петлюрой во Львове…

Вдруг Антонов рассмеялся так громко, что я покраснел, мучительно соображая, что же сказано мною смешного…

Он подошел, хлопнул меня по плечу и спросил:

— Сколько вам лет?

Я ответил.

Он улыбнулся уже мягче.

— А не назначить ли вас верховным главнокомандующим вместо Вацетиса?..

Я обиделся и решил больше не говорить ни слова.

Подвойский почувствовал мое состояние.

— Не хотите чаю? А? Чего это вы покраснели и надулись? Чем черт не шутит! Мы переживаем величайшую из революций, которая выдвинет немало полководцев. Плох тот солдат, который не надеется стать маршалом…

Домой я вернулся уже ночью. К моему удивлению, в столовой были зажжены все люстры. За столом я увидел Юрия Саблина, одетого с иголочки в военную форму, розовощекого, веселого и возбужденного. А рядом с ним очень красивую блондинку. Ее волосы, цвета спелой ржи, были распущены; длинные ресницы прикрывали огромные славянские глаза, мерцавшие, как изумруды. Она была в халате, и ее открытая шея и руки поражали белизной кожи и правильностью линий. Все последнее время я был поглощен с утра до ночи своей работой. Товарищи посмеивались над тем, что я не признавал ни спиртных напитков, ни женского общества.

Немного растерявшись, я сказал:

— Как вы сюда попали?

— По ордеру, — ответил он. — Так же, как и вы. Познакомьтесь — это моя жена…

Я, конечно, знал, что Саблин был арестован после левоэсеровского мятежа вместе с Марией Спиридоновой. Но, в отличие от нее, он отрицательно относился к этой авантюре. Приговоренный к короткому тюремному заключению, он уехал на Украину, по-видимому, не без ведома партизанского отдела Полевого штаба. Сформировав крестьянский партизанский отряд, одним из первых вступил он в Харьков. Жена его была актрисой

какого-то театра. На столе стояли вино и закуски; оба они немного выпили, и ее, видимо, забавляло мое смущение.

Настроение мое испортилось окончательно, и я ушел к себе.

ОТЪЕЗД В КИЕВ

Работа, несмотря на множество трудностей, развертывалась хорошо. Основой всего были старые большевики, хотя их в аппарате БУПа было немного: В. С. Люксембург, И. И. Стрелков и другие. Опытные конспираторы, способные в любой обстановке вести себя спокойно и уверенно, они подучивали молодежь, восторженную, энергичную, охваченную романтикой революции и непоколебимо верившую в ее победу. Теперь даже трудно поверить, сколько героических подвигов, не записанных ни в какие летописи, было совершено в период гражданской войны, и какие удивительные люди, имена которых забыты, пали бесстрашно в подполье и в боях.

Часто я ночевал на работе или у товарищей. Однажды утром получена была сводка об аресте левых эсеров — Карелина, Евдокимова, Цветкова, Саблина — и о том, что они пытались организовать волнения в Купянском и Волчанском уездах. Надо сказать, что В. А. Карелин до этого выступал в Харькове с какими-то путаными речами на митингах, где критиковал некоторые советские мероприятия. Это было тем более глупо, что крестьянство в те дни буквально десятками тысяч бежало от Петлюры и вступало в Красную Армию. Более чем двухсоттысячная армия Директории таяла, как снег под солнцем. Петлюру спасали только пополнения из галицийских кулаков, белые отряды, десанты союзников в тылу и польские войска на правом фланге его фронта. Причины левоэсеровских интриг заключались в том, что Карелин и его соратники жаждали личной власти и пытались завоевать ее путем авантюр. Что касается Саблина, то он не относился к этому разряду людей. В то же время из-за какой-то непонятной деликатности он все-таки открыто не порывал с ними. Впоследствии же, будучи освобожден, отлично воевал в Красной Армии.

Падение Киева ожидалось со дня на день, и мне предписано было вместе с 1-й дивизией следовать туда.

Заехав в особняк, чтобы захватить вещи, которые укладывались в один мешок, я увидел молодую жену Саблина. Она казалась несколько бледной. Но тщательная прическа, слегка подведенные брови и ресницы, едва заметно подкрашенные губы говорили о том, что личное несчастье не очень отразилось на ее привычках. Поэтому, когда она демонстративно встала и, повернувшись ко мне спиной, вышла из гостиной, через, которую я проходил, меня это не огорчило.

Увязав мешок за спиной и затягивая ремни на шинели, я

услышал осторожный стук в дверь. Она открылась, и на пороге показался Матвей Прокофьевич.

— Уезжаете, значит? — спросил он.

— Да.

— Жалко!

— Почему же?

— Весьма благодарны, значит, за спасение дома, имущества и нашего живота…

— А причем тут ваш живот?

— Да вот, знаете, на Рымарской в особняке появился отряд, не то летучий, не то еще какой… Вроде бы анархистов.

— Ну и что же?

— Камердинера сразу хлопнули, как слугу капитала, а горничных, которые, конечно, подходящие, разобрали по рукам.

— А потом что было?

— Потом еще хуже…

— Хуже?..

— Да-с… Пришел через два дня отряд из чека — «летучих»-то этих ликвидировать. И одни бомбы бросают, и другие. Часа два сражение шло, покамест всех «летучих» в тюрьму забрали…

— Бывает…

— Для вас, может, это дело привычное, а нам на старости лет…

— Ничего, все обойдется. Желаю вам, Матвей Прокофьевич, и всем остальным товарищам всего лучшего…

— Ну, лучшего не жди!..

— Да почему ж?

Матвей Прокофьевич подошел, оглянулся кругом и шепотом сказал:

— А вдруг белые придут?

Я невольно улыбнулся.

— Небось вам при них лучше будет. Вернется ваш хозяин, которому вы лет тридцать служили…

Матвей Прокофьевич грустно покачал головой.

— Извините-с, черта с два он вернется. За границу удрал. А налетит офицерье? У них разговор короткий: «Красным комиссарам служил?» — «Служил». — Ну и пустят в расход. Нет, я так думаю: я человек хозяйственный, к воровству неспособный. Пойду в исполком, может, дадут какую-нибудь работу. Тогда с ними и подамся, в случае чего…

Он задумался.

— Ведь дело-то какое… Только при Советской власти и стали меня Матвеем Прокофьевичем звать… Всю жизнь прожил, а кроме как Матвей да Матвейка, ничего не слыхал…

— Нам каждый честный человек нужен…

Когда я садился в машину, его грустное лицо снова показалось в дверях подъезда…

ОБСТАНОВКА В КИЕВЕ

5 февраля 1919 года советские войска заняли Киев. Первыми вступили в город Богунский и Таращанский полки во главе со Щорсом и Боженко. Из далекой Унечи, около нейтральной зоны, где собралось несколько рот украинских партизан, составлявших основное ядро этих полков, они совершили героический поход до Киева. Опрокидывая отступавшие немецкие части, офицерские отряды, корпуса гетманских сердюков и полки Директории, как снежная лавина, обрастая все новыми добровольцами, богунцы и таращанцы, наконец, увидели златоглавую украинскую столицу во всем великолепии ранней весны.

Со всех концов России, из обеих столиц и из южных городов буржуазия и помещики бежали в Киев, к гетману, под защиту немецких штыков. Здесь находились: «Союз промышленности, торговли и финансов», «Союз хлеборобов-собственников», «Монархический блок», «Совещание членов законодательных палат», «Союз возрождения России», «Национальный центр», «Земско-городское объединение», «Совет государственного объединения России» и т. д. Люди, которые еще вчера кричали на всех перекрестках, что «большевики — изменники», потому что не хотят сражаться с немцами «до победного конца», снимали шапки и почтительно кланялись, когда немецкий патруль, стуча подкованными сапогами, проходил по мостовой. Но в душе они прекрасно понимали, что и гетман, и немцы, и Директория — плохая защита.

Директория удержалась в Киеве около пяти недель и бежала. Министры и члены Директории, «атаманы» и «куренные полковники», в одну ночь ограбив все ювелирные магазины в городе, бежали в Винницу, захватывая паровозы, вагоны, автомобили, отнимая лошадей и сани у проезжих извозчиков. Убежала верхушка. Все же остальные остались в городе. Сиятельные князья, короли угля, сахара, хлеба, царские сенаторы и генералы шепотом передавали друг другу о том, что происходило вокруг: Одессу заняли союзники, Петлюра — в Виннице, Деникин двигается с Дона на Украину, не сегодня-завтра кто-нибудь из них будет здесь. А пока… Пока большевики крепко занимали Киев и двигались дальше на юг.

И вот люди, хваставшиеся своим благоразумием, спекулянты, которые ради наживы готовы были растерзать друг друга, старались в смутной надежде на будущее как-нибудь пережить эти полные страха тревожные дни. Дух легкомыслия витал над этим городом, куда только что вступили советские войска.

Рестораны были с утра набиты людьми, которые пили, чтобы забыться. Кабаре и ночные кабаки открывались чуть ли не с пяти часов вечера. Хорошо одетые, выхоленные, упитанные дамы и мужчины бегали по магазинам, скупая все, что представляло ценность. Среди этой толпы обезумевших от страха и жадности прожигателей жизни и спекулянтов было множество шпионов — польских, деникинских, петлюровских и агентов союзников, пробравшихся из Одессы. В Киеве вдруг оказалось огромное количество иностранных подданных, говоривших по-русски, с типичным для москвичей и петроградцев говором, и десятки консулов всех стран мира, включая южно-американские государства.

Весна того года была удивительная: ранняя, сияющая южная весна, когда солнце с утра заставляет всех улыбаться, а молодежь ходит, как пьяная.

Советские полки впервые после трехмесячного похода и каждодневных боев расположились для отдыха и переформирования.

В те времена бои велись главным образом вдоль железнодорожных магистралей. Впереди шли авангардные боевые полки, за ними — вновь сформированные отряды пополнения, эшелоны с боеприпасами, коммунисты-рабочие с заводов и фабрик Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, посланные в помощь фронту, партийным и советским организациям. Поскольку не существовало железнодорожного расписания, все это двигалось в зависимости от возможности достать паровозы и топливо для паровозов, а иногда и от того, с какой энергией и какими средствами то и другое добывалось. Вооружение у людей было самое разнообразное: человек с двумя револьверами и гранатами за поясом, перевязанный крест-накрест пулеметными лентами и с винтовкой за плечами ни у кого не вызывал удивления.

Крестьяне, обманутые Петлюрой, массами переходили на сторону большевиков. Многие из них были типичными выразителями мелкобуржуазной анархистской стихии. Петлюровцы играли на этих инстинктах. С одной стороны, они раздували национальные, шовинистические чувства, с другой, потакали самым низменным порывам, которые могут возникать у человека на войне. Грабежи, насилия над женщинами, еврейские погромы были обычным явлением на территории, занятой войсками Директории. Переходя на сторону Красной Армии, крестьяне попадали совсем в другую обстановку. Суровая дисциплина, жертвенность ради революции, голод и холод (излишки хлеба и топлива отправлялись в Москву и Ленинград,

население которых в них остро нуждалось) — вот что ожидало советского бойца во время гражданской войны. За грабеж, насилие, пьянство отдавали под суд военного трибунала, а в боевой обстановке расстреливали на месте. Орденов еще не было (указ о них только что появился); самой высокой наградой был приказ по полку; самой большой честью было умереть в бою за партию и Советскую власть.

Не удивительно, что многие из тех, кто, перебегая от Петлюры на сторону большевиков, надеялись на легкую и веселую жизнь, впадали в уныние и легко поддавались контрреволюционной агитации. Тогда возникали бунты, волнения в отдельных частях, а иногда и крупные восстания, как это было впоследствии с армией Григорьева или отрядами Махно и отдельных атаманов, которые то переходили на нашу сторону, то воевали против нас.

Наш вагон, в котором ехали также С. Винокуров, Н. Вершинин и небольшая охрана, то прицепляли к эшелонам, шедшим на фронт, и тогда мы летели почти без остановок, то отцепляли без предупреждения, и тогда он стоял на какой-нибудь станции до тех пор, пока нам не удавалось получить паровоз. На одной станции мы видели, как полк в конном строю, прямо по железнодорожному полотну, шел в атаку на эшелон, в вагонах которого петлюровским агентам удалось вызвать волнения.

Мы приехали в Киев к вечеру. На вокзале нас встретил Фомин — высокий, худой человек, затянутый во френч, в ремнях и с маузером через плечо. Он был начальником контрразведки округа. Его серые глаза то вспыхивали холодным блеском, когда он говорил о происках контрреволюционеров, то излучали удивительную теплоту, когда рассказывал о Щорсе, бывшем тогда начальником гарнизона, — Фомин был его другом и поклонником. Мы ехали по оживленным улицам Киева, заполненным веселой, жизнерадостной толпой. Предвечерняя голубоватая пелена как бы окутывала город, на улицах которого жемчужной, серебрящейся нитью вспыхивали гирлянды фонарей.

Мы подъехали к гостинице «Франсуа» и вошли в подъезд. В холле толпилось множество всякого народа — молодые люди с офицерской выправкой, но в штатских костюмах, обрюзгшие спекулянты с заломленными на затылок шляпами и в немецких непромокаемых плащах, женщины в черных декольтированных платьях, обвешанные фальшивыми драгоценностями. Трехстворчатая застекленная дверь вела в огромный ресторанный зал, набитый разношерстной толпой, среди которой кое-где за отдельными столиками сидели командиры наших частей. На эстраде играл оркестр, лакеи бегали, разнося блюда. В воздухе

висел сизый табачный дым. Сквозь равномерный гул голосов изредка прорывались пьяные выкрики. Огромная хрустальная люстра, висевшая очень низко, освещала лепной позолоченный потолок, верхнюю часть стен и головы людей, сидевших посреди зала.

Мы поднялись по устланной ковром лестнице на третий этаж. Два китайца-часовых вытянулись при виде Фомина. Фомин кивнул им головой и повернулся к нам.

— Это наш этаж!

Здесь находились самые дешевые номера. Но Фомин избрал третий этаж потому, что он был верхний и его было нетрудно изолировать. Если буржуазия живет в роскошных номерах — черт с ней! Пускай она в них и разлагается; а пролетариат нужно уберечь от соблазнов. Приведя себя в порядок после дороги, мы начали подумывать, где бы поужинать. Спросили Фомина. Он задумался.

— Да, будь пораньше, можно было бы послать в отряд на кухню за кашей. А теперь придется ужинать внизу. Только там публика неподходящая, и в любое время контрреволюция может проявить себя… Эх! Придется спуститься в самый подвал.

— Почему в подвал?

— А там у них другой ресторан — с программой. Туда больше крупная буржуазия ходит. Та теперь тише воды, ниже травы. Но на всякий случай надо быть при оружии.

Мы спустились вниз и прошли в общий зал. Метрдотель, увидев Фомина и трех человек явно комиссарского типа, побледнел и бросился вперед по узенькой лестнице, которая вела в подвал.

Здесь в небольшом зале сидели за столиками мужчины в черных костюмах, накрахмаленных воротничках (которых мы после взятия Харькова не видели) и галстуках и дамы в вечерних туалетах, украшенные драгоценностями, на этот раз настоящими. Из кадок со льдом торчали разноцветные горлышки винных бутылок. Лакеи в черных фраках — не те лакеи, что в верхнем зале носились в своих пропитавшихся потом белых куртках, а лакеи, сами похожие на господ, — медленно и важно разносили на продолговатых серебряных блюдах изысканные закуски, распространявшие острый, пряный запах. Когда мы вошли, все головы повернулись в нашу сторону. Фомин с яростью оглядел сидевших и повернулся к метрдотелю.

— Дайте нам столик в углу у самой сцены…

Мы сели. Метрдотель передал три толстых прейскуранта. Фомин вернул их назад.

— Дайте четыре порции котлет…

Винокуров проглотил слюну и добавил:

— Отбивных…

Метрдотель наклонил голову.

— А на закуску что прикажете? Какое вино?

Винокуров, который имел около двух метров роста и такой ширины плечи, что ни один каптенармус не знал, где достать на него обмундирование, вздохнул:

— По сто граммов водки и две селедки с гарниром!

Метрдотель поднял брови: таких заказов до сих пор ему еще не давали, и, сказав: «Слушаюсь» — поспешно ушел.

Фомин посмотрел ему вслед.

— Он, свинья, не понимает, что люди несколько дней ехали и горячего во рту не имели. Привык буржуям слизняков в раковинах подавать да белые вина разливать…

В зале, где прежде еле слышался сдержанный говор, теперь раздавались громкие голоса, женский смех. Недалеко от нас сидел мужчина с мясистым, красным лицом, остриженный бобриком, держа в одной руке, украшенной толстым золотым кольцом с крупным бриллиантом, сигару и положив другую на обнаженные плечи молодой очаровательной блондинки с синими, широко раскрытыми глазами. Он шептал ей что-то на ухо. Она смеялась низким грудным смехом, продолжая удивленно нас разглядывать. Оркестр заиграл попурри, потом смолк, и на авансцену вышел знаменитый когда-то в Москве конферансье. Он всматривался в зал и время от времени кланялся какому-нибудь столику:

— Здрасьте, господа, здасьте, зрасьте…

Раздались приветственные ответные выкрики из зала. Конферансье повернулся в нашу сторону и на мгновение замер, онемев. Потом снова обрел дар речи:

— Начинаем нашу концертную программу…

После него появилась девица, сильно декольтированная и намазанная, которая, подтанцовывая под музыку, спела куплеты с рефреном: «Деньги здесь и деньги там…»

После первой девицы появилась вторая, в купальном трико, и показала несколько акробатических номеров. После нее выступила третья. Впрочем, нас больше занимала еда. В течение нескольких дней мы питались черным хлебом с кусками сала, запивая их кипятком. Давно уж не ели мы такой селедки и таких котлет… Три бутылки пива, поданные дополнительно, окончательно привели Винокурова в добродушное настроение. Сложив огромные руки на животе, он осматривал подобревшими глазами зал.

— Хорошо вы тут живете, сытно!

Фомин вскинул на него серые глаза.

— Действительно, хорошо, — все время под пулей. Ты не смотри на буржуазию сейчас, когда она гуляет! Ты посмотри на нее с другой стороны; чуть какой командир зазевается, пуля из-за угла — и готов. Попробуй-ка пройдись ночью по улицам…

Вдруг потух свет. Желтые лучи прожектора упали в середину зала. Женщина, гибкая, как змея, в черном платье, с такими разрезами по бокам, что ее длинные ноги выделялись очень резко, начала медленно танцевать «танго смерти». Ее партнером был томный молодой человек в баках и во фраке, сидевшем на нем, как трико. Тягучая музыка, страстная и вместе с тем печальная, пробуждала у людей затаенные желания.

Свет вспыхнул, потом снова погас. Раздался страшный удар, словно кто-то гигантским молотком хватил по потолку. Наверху послышался топот ног и вслед за ним дикий испуганный женский визг в нашем зале.

Фомин выхватил из кармана электрический немецкий фонарь и, одним прыжком вскочив на сцену, направил свет в зал.

— Тихо! Сидеть всем спокойно! Сейчас будет свет!..

Минута или две казались вечностью. И свет действительно зажегся. Фомин повернулся к нам.

— За мной!..

Мы бросили на стол деньги, вскочили на сцену и, не отставая от Фомина, наткнулись за кулисами на конферансье.

— Где выход?

— Отсюда по лестнице прямо во двор.

Фомин вынул маузер из кобуры.

— Проверить оружие!

Мы вышли на улицу и направились к ярко освещенному входу в гостиницу. Одни люди выбегали из подъезда, другие, наоборот, вбегали туда.

В гостинице мы увидели страшное зрелище. Зеркальные двери и большие стекла в окнах были выбиты. В середине огромного ресторанного зала, среди перевернутых столиков, лежали несколько раненых и убитых мужчин и женщин. Огромная люстра, как будто подрезанная сверху, валялась на полу, разбросав свои хрустальные подвески. Вся лестница, ведущая во второй этаж, была забита женщинами, теми женщинами определенной профессии, для которых этот ресторан был своего рода биржей и местом постоянного пребывания. С трудом пробившись наверх, мы увидели на нашем этаже двух растерявшихся часовых-китайцев, которые кричали и бегали по коридору, потому что и он был забит такими же женщинами. В двойном номере Фомина его дежурный адъютант что-то кричал в

трубку полевого телефона.

Фомин схватил его за плечо.

— В чем дело?

— Подлетел к гостинице кавалерийский взвод и пулеметная тачанка. Сначала дали очередь по подъезду, а потом кто-то вбежал и бросил одну гранату в середину зала, а другую в люстру…

— Ну?..

— Пока опомнились, их и след простыл.

— Скорую помощь вызвали? Внизу раненые…

— Уже выехала.

Фомин плюнул с досады.

— В девятый кавалерийский звонил?

— Звонил, все в порядке.

— Звони в двадцать пятый…

Пока адъютант вызывал 25-й кавалерийский полк, Фомин вдруг открыл ящик стола и вытащил пачку «богдановских» папирос «Дюшес».

Винокуров удивился.

— Ты разве куришь?

— Иногда…

Винокуров посмотрел на коробку с уважением.

— Смотри, настоящие ростовские папиросы… Где же ты их достаешь?

— Покупаю в любом магазине.

Фомин повернулся к адъютанту.

— Ну что ты тянешь?..

— Двадцать пятый, двадцать пятый, — надрывался адъютант. — Кто говорит? Дежурный по штабу — Петров? Здравствуй, Петров… Это я… У вас все в порядке?

— Третий эскадрон… так… а где они сейчас?.. Так… Разъезды выслали? Так… все!

Адъютант сообщил Фомину:

— Третий эскадрон у них восстал. Командир — бывший петлюровский офицер. Да и весь почти эскадрон был из перебежчиков. Выслали разъезды на поиск. Начальнику гарнизона доложено.

Фомин надел фуражку.

— Еще одну ночь не спать. Вызывай две бронемашины и легковую. Это добро мы у Петлюры в Дарнице захватили, теперь пользуемся. Пока!..

Мы вышли от Фомина и отправились по своим номерам. В коридоре на полу и прямо на ступеньках лестницы в разных позах спали женщины. Рядом с некоторыми лежали их жалкие и

смешные шляпки.

Так закончился наш первый день пребывания в Киеве.

Петлюровцы, уходя из Киева, сознательно оставили весь свой пропагандистский аппарат в городе. На Крещатике, 25, в пятиэтажном здании помещалась «УТА» (Украинское телеграфное агентство). Продолжали выходить украинские газеты, печатавшие информацию этой же «УТЫ». Буржуазные газеты и издательства прекратили свою деятельность. Но их владельцы, надеясь на скорое возвращение Петлюры или на приход Деникина, старались сохранить своих сотрудников.

Я очень хорошо помню, как, поднявшись в дирекцию «УТА» и спросив заведующего, я ни от кого не мог получить ответа, потому что во всем здании не оказалось человека, желающего говорить по-русски. Наконец меня привели к «пану керуючему», который, посмотрев на мой мандат на русском языке, тоже заявил, что он не понимает, о чем идет речь. Все это привело к тому, что в течение суток «УТА» перестала существовать и превратилась в БУП — Бюро печати и информации рабоче-крестьянского правительства Украины.

В пятом, верхнем этаже этого здания до прихода советских войск находилось правление украинского «Союза промышленности, торговли и финансов». Председатель его сбежал, оставив после себя мертвый и живой инвентарь — мебель, толстого лакея в баках и серой униформе и не менее толстого, брошенного на произвол судьбы старого бульдога.

Отдел осведомления правительства расположился на этом этаже. Вообще здание было удобное и обширное. После переезда правительства в Киев в нем свободно разместились все отделы. Прямой провод с радиостанцией, телеграфом, штабом и некоторыми учреждениями обеспечивали хорошую связь. Киев был удобен для установления непосредственного наблюдения за всей оккупированной территорией и полосой за фронтом.

Для того чтобы разобраться в обстановке, мы устроили прием для иностранных представителей. Наравне с так называемыми «почетными консулами», которые фактически являлись иностранноподданными коммерсантами, жившими в течение многих лет в Киеве, были представительства, существовавшие явно для информационных целей, а также возникшие в период смены предыдущих правительств. Таким было оставшееся после петлюровской Директории польское представительство, довольно обширное по составу, хотя между польским правительством Пилсудского и Советским украинским правительством не было ни дипломатических отношений, ни официальных военных действий. Учитывая продвижение польских войск в ряде районов,

наличие польских частей в составе оккупационных войск в Одессе и помощь поляков Петлюре, можно было ясно представить, чем это представительство занималось. Было представительство международного Красного Креста, курьеры которого еженедельно выезжали в оккупированную Одессу. Было множество неясных групп. Хотя сношения с иностранцами и наблюдение за ними, так же как и защита государственной безопасности, входили в ведение других органов и Наркоминдела, тем не менее Отдел особого осведомления, задачей которого было получение всесторонней информации, вынужден был принимать соответствующие меры в тех случаях, когда он сталкивался с вражеской агентурой. В этом смысле и с Фоминым, и с начальником Особого отдела Апетером было очень легко работать, не говоря уже о Мартине Яновиче Лацисе.

Я, как сейчас, вспоминаю свой первый с ним разговор, когда после обсуждения некоторых деловых вопросов Мартин Янович вздохнул, разгладил свою расчесанную на две стороны бороду и сказал с характерным Для него латышским акцентом:

— А все-таки до сих пор пуржуазия кушает и пьет в сфое удофольствие, а нарот кодит босая и голая…

Насколько сложной была обстановка того времени, показывают три наудачу взятых дела.

МАСОНЫ, ПЕТЛЮРОВЦЫ, ДЕНИКИНЦЫ, ГРАФ ПИРРО

Отдел внутренней информации несколько раз сообщал о наличии в Киеве большого количества масонов. Мне, считавшему, что масонство в России после екатерининских времен и периода московских просветителей отошло в историю, это показалось глупой выдумкой. Однако я всегда ставил за правило ни одно сведение не отбрасывать без проверки. Кроме того, я уже и тогда знал, что жизнь способна преподносить неожиданности, которые не в состоянии придумать никакая человеческая фантазия. Впоследствии я имел случай многократно убедиться в правильности этого взгляда.

Так как в Киеве мы получили пополнение высококвалифицированными людьми — учеными, писателями и журналистами, безоговорочно связавшими свою судьбу с борьбой за Советскую власть, то я поручил специалистам выяснить вопрос, имелись ли в Киеве активно действовавшие масонские организации до войны 1914—1918 годов или во время войны. Таких не существовало. И тем не менее они были теперь налицо.

Постепенно выяснилась следующая картина. После прихода к власти гетмана Скоропадского французская разведка решила установить с ним связь. Французский генеральный штаб прекрасно понимал, что Скоропадский, командовавший корпусом во время войны против немцев и являвшийся генерал-майором свиты последнего царя Николая Романова, вступил с немцами «в брак поневоле» и что, будучи монархистом, он играет в «самостийную Украину» по необходимости.

В числе многочисленных организаций, созданных вторым отделом французского генерального штаба или существовавших на его деньги, была «Великая франкмасонская ложа» в Париже. Одним из «великих мастеров» этой ложи был капитан второго бюро Бенар.

Война не прервала связей между масонами враждующих стран. Это открывало широкие возможности для французской разведки. После того как было получено согласие Скоропадского вступить в масонскую ложу, из Вены прибыл некий австрийский подданный по фамилии Галип с большим количеством денег и полномочиями организовать «Генеральную украинскую франкмасонскую ложу». Действовал он совершенно свободно, ибо помимо того, что был австрийцем, имел и необходимые рекомендации к австро-германскому командованию. Как во

всякой подобной организации, кроме прямых агентов, завербованных за деньги для целей разведки, туда попадали также и дураки и жулики.

После бегства Скоропадского Галип связался с Петлюрой, и Петлюра вступил в парижскую «Великую франкмасонскую ложу».

Во всех капиталистических государствах могут меняться правительства и в зависимости от парламентских комбинаций происходить колебания в их внешней политике. Но разведка, как правило, действует самостоятельно на основе преемственности. Французская разведка, отбрасывая многочисленных лидеров украинских националистов, часть которых была крепко связана с Австрией, сразу остановилась на Петлюре, считая его основным козырем в игре.

Поэтому Петлюра назначил Галипа товарищем министра иностранных дел и поручил ему вместе с военным министром генералом Грековым и начальником генерального штаба генералом Матвеевым вести первые переговоры о военном соглашении с французами в Одессе. В конце ноября 1918 года «Генеральная украинская франкмасонская ложа» была фактическим отделением французской разведки. От нее ездили регулярно курьеры в Париж и другие страны. В свою очередь ложа получала приказы, инструкции и инспектировалась уполномоченными «Великой ложи».

В одном из своих писем Петлюра писал Бенару в Париж:

> «Я очень доволен, что брат Галип имел возможность изложить вам и братьям «Великого Востока» Франции дела «Великой украинской ложи», дела нашего народа. Я обращаюсь к вам, мой истинный брат, от имени всех братьев «Великой украинской ложи» и прошу у вас моральной поддержки. Полный надежд, шлю вам братский привет. С. В. Петлюра».

Следует заметить, что из 400 лож, 50 капитулов и 20 советов «Великого Востока», входившего в «Великую мировую франкмасонскую ложу» (другая часть ее называлась «Высокий совет»), значительное число находилось в разных странах.

После бегства Петлюры из Киева бежал и Галип, но «братья» остались и продолжали работу[4].

Другой случай, позволивший раскрыть целую организацию, возник также в связи с незначительным сообщением отдела внутренней информации. На некоторых заборах появилось небольшое объявление, текст которого, если не ошибаюсь, мелькнул даже на последней странице одной из газет.

«Студент, едущий на каникулы в Ростов, за небольшую плату берет на себя доставку писем родным, проживающим в Донской области».

Дальше следовал адрес.

Поскольку объявление расклеивалось открыто, трудно было представить, что деникинский агент пойдет на то, чтобы оповещать всех о своем местопребывании. С другой стороны, смешно было бы думать, чтобы рядовой обыватель решился перейти два фронта с гарантией вернуться назад и жить на территории белых, прибыв туда из занятого советскими войсками Киева. Я попросил, кажется, Апетера прислать мне кого-нибудь, если можно, женщину, имеющую родственников на Дону или Кубани.

И вот однажды явилась девушка с удостоверением, что она прислана в мое распоряжение по условленному делу. Это был скорее подросток лет шестнадцати — семнадцати, с длинной косой, серыми глазами и миловидным лицом. Говорила она тихо, двигалась медленно и производила впечатление слабого, беззащитного существа. Ее тетка жила в Ростове. Я смотрел на нее и думал: могу ли я подвергать ее опасности, связанной с этим делом?

В Киеве тогда уже начались нападения на отдельных работников и волнения среди некоторых частей, которые потом вылились в открытые восстания, начиная с событий на Куреневке и кончая мятежом Григорьева. Со мной незадолго до этого произошло следующее. Один из ответственных руководителей заболел радикулитом, и его положили в больницу Красного Креста. Я решил его навестить, имея также в виду необходимость согласовать с ним некоторые вопросы. Вечером, взяв верховую лошадь, я поехал к больному и, пробыв у него часа два, отправился назад. Улицы были пустынны, шел дождь; лошадь оказалась плохо подкованной и все время оступалась. На одной из улиц я услышал, что меня нагоняют, и, обернувшись, увидел трех всадников. Один из них, державший в правой руке снятый с плеча карабин, крикнул: «Стой!» — и вслед за тем выстрелил в мою сторону. Я перевел лошадь в карьер, свернул в первый попавшийся переулок, а оттуда — во двор углового дома. При повороте во двор лошадь поскользнулась, упала и сейчас же поднялась. Я вовремя спрыгнул с седла и, закинув поводья за столб крыльца, бросился к подъезду. Несколько ударов по двери рукояткой нагана заставили хозяев открыть ее. Я вбежал в комнату, выключил свет, бросился к окну, выходившему на улицу, и, держа наган наготове, стал смотреть из-за занавески.

Через несколько минут трое всадников придержали своих коней около этого дома. Один из них, в кубанке, с чубом, вылезавшим из-под нее на лоб, в синем жупане, при шашке и с карабином в руке, осмотревшись, громко сказал: «Бис его знае, куды он задевався…» Потом они помчались дальше. Выждав некоторое время, я вышел во двор. Лошадь моя по-прежнему стояла у крыльца. Решив не оставлять без внимания это дело, я заехал в находившееся неподалеку управление начальника киевской милиции Бориса Полякова. Он был у себя в кабинете. Вместе с дежурным кавалерийским взводом мы объехали все прилегающие улицы, но никого не обнаружили.

Теперь, вспоминая это происшествие и глядя на девушку-подростка, сидевшую передо мной, я думал: «Как они могли прислать такое беспомощное существо!»

— Скажите мне ваше имя.

Она посмотрела на меня своими серыми глазами и очень тихо ответила:

— Наташа…

— Вы знаете, что поручение, которое я вам дам, связано с большой опасностью?

— Знаю. У меня отца белые убили…

«Студент» оказался милым молодым человеком. За небольшое вознаграждение он согласился отвезти письмо от Наташи тетке в Ростов и предложил зайти к нему через две недели. Когда Наташа зашла к нему, он передал ей ответ. Тетка писала, что живет она не очень хорошо и была бы рада видеть Наташу. От себя студент прибавил, что Наташина тетя очень больна и нуждается. Наташа сказала, что немного денег она могла бы собрать.

— Каких? — спросил он.

— Обыкновенных, советских, рублей триста — четыреста…

— Эти деньги там не берут, нужны донские деньги. И потом, если бы даже я обменял эти триста рублей, это все-таки совершенно ничтожная сумма.

«Студент» предложил Наташе собрать кое-какие сведения, взамен чего он мог бы передать достаточную сумму ее тетке и привезти от нее расписку.

Через некоторое время удалось раскрыть крупную организацию Добровольческой армии, члены которой были навербованы преимущественно из лиц, имевших близких родственников на занятой Деникиным территории.

Союзники, высадившиеся в Одессе, естественно, стремились создать в Киеве прочный агентурный аппарат, а если возможно, то и взорвать Советскую власть изнутри.

Вскоре после переезда Советского правительства из Харькова в Киев туда из Одессы прибыл бразильский консул граф Пирро. У него были бумаги, аккредитующие его при Советском украинском правительстве.

Человек неясной национальности, очень элегантный, с бородкой и подстриженными усиками, он прекрасно говорил на нескольких языках и даже по-русски. У графа Пирро было много денег, и он был весьма общителен. Ему не хватало только одного — бразильских соотечественников. Поскольку Пирро был агентом военной разведки и, по-видимому, раньше жил и работал в южноамериканских странах, он считал, что легче всего свергнуть Советскую власть путем военного переворота. В многочисленных украинских и русских партиях он разбирался плохо и находил, что действовать с их помощью бесполезно. Через заведующего оружием инженерных командных курсов Алфердова он скупал и добывал вооружение, создавая организацию офицерского типа и стремясь к тому, чтобы члены ее были завербованы из штабов и воинских частей, входивших в Киевский гарнизон.

В середине августа, когда организация Пирро и все ее члены были выявлены окончательно, он и наиболее активные его соучастники были расстреляны.

В ОККУПИРОВАННОЙ ОДЕССЕ

Разумеется, с первых дней прибытия в Киев перед нами возникла задача выяснить точно, что же происходит в оккупированных районах, особенно в Одессе.

В области экономики там царил полный хаос. Большинство предприятий города закрылось. Никогда безработица не принимала таких ужасных размеров. Не было хлеба и топлива. Город был наводнен спекулянтами и бежавшими туда от наступающих советских войск капиталистами, лидерами контрреволюционных партий и помещиками. Союзные войска занимались безудержной спекуляцией, торгуя продовольствием и товарами, которые они контрабандным путем привозили с собой. Из Турции, Румынии, Греции, Франции слетелись любители легкой наживы. Сбывая залежавшиеся колониальные товары, они скупали золото, драгоценности, редчайшие картины — все ценное, что попадало под руки. Пьянство, проституция и бандитизм дополняли эту картину. Чтобы благополучно вернуться домой, посетители многочисленных ночных кабаков нанимали офицеров для охраны. Над городом царствовал сидевший на Пересыпи и Молдаванке бандит Мишка-япончик, обкладывавший торговцев контрибуцией и угрожавший в случае неповиновения убийством.

Одесса являлась центром большевистского подполья для юга Украины и Крыма. Всей работой руководил И. Г. Смирнов, прибывший туда еще в ноябре 1918 года. В Крыму работал брат В. И. Ленина — Д. И. Ульянов. В начале февраля 1919 года в Одессе была созвана подпольная областная конференция, на которую съехались делегаты от еще не освобожденных городов юга Украины, Молдавии и Крыма. Эта конференция особое внимание уделила развитию партизанского движения в тылу врага. Партизанские отряды уже тогда проявляли большую активность, сковывая силы интервентов. Особенно беспокоил союзное командование неуловимый Г. И. Котовский.

В шести километрах от Одессы, в каменоломнях, была оборудована большая подпольная типография, печатавшая газеты и листовки на шести языках. Пропагандой среди иностранных солдат руководила иностранная коллегия во главе с И. Г. Смирновым и Жанной Лябурб — француженкой, приехавшей из Москвы. Оба они геройски погибли от рук интервентов.

Иностранные солдаты и матросы стремились домой. Мировая война закончилась, и они вовсе не склонны были умирать, сражаясь против русских рабочих и крестьян, которым

сочувствовали. Первые волнения возникли еще 18 декабря 1918 года на болгарском крейсере «Надежда», в Севастополе. Матросы убили командира, арестовали часть офицеров и увели судно в Варну. В Одессе первыми взбунтовались солдаты 58-го пехотного французского полка, отказавшиеся идти в наступление на Тирасполь, который захватили повстанцы.

Интервенты и деникинцы наводнили Одессу десятками контрразведок. Кроме того, каждое командование — французское, греческое, английское, польское, сербское, румынское, итальянское — действовало еще и по собственному разумению. Греческий штаб привез с собой около пятидесяти православных священников разных рангов и среди них трех епископов и четырех архимандритов — «для вразумления русского народа».

Разумеется, недостатка в информации не было. Но она была не вполне точной. Далеко не совершенной была и пропаганда среди иностранных солдат. Например, листовки выпускались с надписью:

> «Товарищи, так как неизвестно, как расположены по национальности войска союзников, то распространяйте между ними этот листок, составленный на шести языках».

Таким образом, точное расположение частей, по крайней мере в первые месяцы интервенции, не было установлено, а главное, не были еще разработаны формы пропаганды применительно к национальным особенностям каждой группы иностранных войск.

Но основное заключалось не в этом. Изучая многочисленные сведения, поступавшие в Отдел особого осведомления из Одессы, мы пришли к выводу, что во всей этой информации не хватает «верхнего этажа». Предположим, что вы ожидаете нападения какой-нибудь страны. У вас имеются данные о численности и расположении ее войск, настроении населения, экономике. Однако этого мало. Без оперативного и мобилизационного планов нападающего практически вы ничего не будете знать.

Возвращаясь к Одессе, мы имели сведения, что Директория, терпя поражение на фронтах, стремится любой ценой достигнуть военного соглашения с союзниками и Деникиным, идя за это даже на отказ от своей призрачной «самостийности». 13 февраля в Виннице был создан новый «кабинет министров». Винниченко, как глава Директории, передал свой пост Петлюре и уехал за границу. Петлюра составил «правительство» во главе с Остапенко по списку, согласованному с союзниками. Теперь задачей

Петлюры было подписание военного соглашения, по которому командование союзников взяло бы на себя руководство петлюровской армией и ответственность за ее совместные с интервентами действия. С этой целью в Одессу была направлена миссия в составе генерала Грекова, заместителя министра иностранных дел Марголина, Мацкевича, Бачинского и других.

Нам нужен был текст этого соглашения, если оно будет заключено.

Система, по которой Отдел особого осведомления посылал своих агентов за кордон, существенно отличалась от той, которая была тогда принята в других организациях.

Обычно подбирался человек, имевший солидные семейные или личные связи в том или другом городе. Ему обеспечивался переход через фронтовую линию или границу туда и назад, выдавались необходимые по объему задачи средства. Он не имел никаких явок, адресов и не знал никого из подпольных работников в том месте, куда ехал. Иногда в одном городе, например в той же Одессе, было несколько таких лиц, но они не имели никакого представления друг о друге. Что могло произойти с таким человеком? Он мог сбежать и не вернуться (чего, кстати, ни разу не случилось), его могли арестовать (что иногда бывало), но против него не было никаких улик, и он ничего не мог сообщить ни о ком, кроме как о себе, что равнялось самоубийству.

Для данного поручения был выбран один из бывших репортеров «Киевской мысли» некий Р-н, в прошлом большой приятель петлюровского заместителя министра иностранных дел Марголина. Это был очень красивый, представительный мужчина, с ассирийской черной бородой и блестящими белыми зубами, из тех, которых называют «душой общества». Веселый, остроумный, кутила и поклонник женщин, он, так сказать, идеально приспособлялся к любому обществу и уже через несколько часов оказывался на короткой ноге даже с самыми угрюмыми по характеру людьми. Только сумасшедший мог считать его связанным с большевиками. К тому же он был редкий нахал. Приехав в Одессу, Р-н взял у вокзала лихача и подкатил к той самой гостинице, в которой жил Марголин. Чемодан желтой кожи с заграничными наклейками, представительный вид, громкий голос и взятка ошеломили портье. Р-н мгновенно получил номер, хотя весьма именитые беженцы ютились в коридорах. Переодевшись, надушившись, закусив и выпив, он бросился в номер Марголина. Заместитель министра был у себя. Постучав и даже не ожидая ответа, Р-н ворвался в комнату, заключил Марголина в объятия и с криком «Ух! Наконец-то вырвался!» упал

в глубокое кресло.

Изумленный и заинтересованный Марголин целый час слушал басни Р-на о том, что происходит в занятом большевиками Киеве…

27 февраля 1919 года военное соглашение между Директорией и представителями Антанты и Деникина было подписано в Бирзуле.

В первых числах марта Р-н вернулся в Киев, а через несколько дней текст этого соглашения был опубликован в советских газетах.

Но были случаи и иного рода. Однажды Раковский направил к нам одного человека, прибывшего из Одессы. Это был бритый, рыжий, спокойный человек, с трубкой во рту, по фамилии Рейтер. Первая же беседа с ним заставила нас насторожиться. Он прекрасно знал расположение войск союзников и добровольческих отрядов в Одессе и мог дать исчерпывающий ответ почти на любой заданный ему вопрос. Это было неестественно. Опыт показывал, что даже крупные военные специалисты, взятые в плен, например в боях с петлюровцами, знали не так уж много. Без материалов, которыми эти специалисты обычно пользовались, они сообщали приблизительные данные, плохо знали, что делалось в соседних частях и в вышестоящих штабах. Но Рейтер отвечал на вопросы так, как это мог бы сделать только человек, заранее выучивший данные наизусть. Проверить все, что он сообщал, было трудно, потому что в течение двух — трех недель части, как правило, меняли свое расположение, состав, не говоря уже о настроениях в союзных войсках и об обстановке в Одессе и в других городах, занятых союзниками.

К тому же Рейтер держался слишком спокойно. Обычно люди, приезжавшие из Одессы и возвращавшиеся туда, старались быть в Киеве незамеченными. Это было естественно, ибо в Киеве находилось множество петлюровских, польских и деникинских агентов, хотя контрразведка, Особый отдел и Всеукраинская чрезвычайная комиссия вылавливали их пачками и по одному. Рейтер же разгуливал по улицам Киева, как у себя дома. И мы отказались иметь дело с ним. Несмотря на это, Раковский считал его «ценным человеком». В конце концов «ценный человек» оказался провокатором, и одесские подпольщики застрелили его на улице.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

В Киеве, переполненном агентами союзников, поляков, деникинцев и петлюровцев, нужно было организовать мощный советский информационный и пропагандистский аппарат. Среди людей, первыми откликнувшихся на призыв Советской власти, был Михаил Ефимович Кольцов.

Однажды часов в одиннадцать вечера Лев Никулин привел ко мне в кабинет молодого человека среднего роста, в очках, очень скромного на вид, работавшего в редакционно-издательском отделе политуправления Киевского военного округа. Зашел разговор о том, какие формы агитации и пропаганды являются наиболее действенными. Тогда БУП выпускал плакаты с иллюстрированными стихами. Огромный успех имел, например, плакат «О гетмане, Петлюре и прочих, до власти охочих» со стихами Льва Никулина и иллюстрациями художника И. Рабиновича. Плакат этот забрасывали в тыл к петлюровцам и наклеивали на станционные здания, где стояли эшелоны Директории. Многие перебежчики приносили обрывки этого плаката в качестве доказательства своих добрых намерений. Помимо плакатов, выпускались стенные газеты, в которых очень коротко, ясно, крупным шрифтом печатались сообщения о событиях за день. По всему городу были развешаны фотовитрины, где каждая краткая подпись под фотографией стоила больше статьи. Например, под фотоснимками еврейских погромов, учиненных сечевиками в городах, стояла подпись: «Петлюровская демократия в действии». Или такая фотография: бандиты атамана Зеленого загнали изнасилованных девушек в пруд; под нею подпись: «Идите в Красную Армию защищать ваших дочерей и жен!» Еще одна фотография: петлюровцы перед уходом из Киева грабят ювелирные магазины; подпись: «Петлюра защищает частную собственность». Организацией фотопропаганды ведал поэт Павел Герман. Помимо умения подобрать фотоматериал и найти к нему нужный текст, приходилось посылать целые группы фотографов на территорию противника, иметь там своих корреспондентов и информаторов во всех слоях населения.

Большое внимание в этом отношении уделялось оккупированной Одессе.

Однако все время приходилось искать новые формы агитации и пропаганды, а главное, стремиться к тому, чтобы содержание ее было понятно каждому и чтобы действие этой пропаганды проникало за линию фронта.

Об этом в тот поздний вечер и шел с Кольцовым разговор,

прерываемый бесконечными телефонными звонками и людьми, приносившими пачки телеграмм с самыми неожиданными сообщениями.

Михаил Ефимович, выслушав все, что ему говорилось, посмотрел на нас своими карими, умными глазами как-то поверх очков и сказал:

— Пока что самый сильный жанр с точки зрения воздействия на массы отсутствует. Это — фельетон. Вспомните дореволюционную печать. Фельетоны Власа Дорошевича, знаменитый фельетон Александра Амфитеатрова «Семья Обмановых» — о царской семье, фельетоны Леонида Андреева. В сущности, каждый крупный писатель умел писать фельетоны. Да что там говорить! Сам Горький, прежде чем стать тем Горьким, которого мы знаем, прошел школу фельетониста. Но не нужно делать фельетон собственностью одной газеты, надо передавать фельетоны по телеграфу во все газеты Украины наряду с информацией.

С тех пор Кольцов частенько заходил по вечерам ко мне в «Континенталь», куда я перебрался. У него была своя манера разговаривать очень ровным, спокойным голосом и медленно. Я вообще — ни тогда, ни впоследствии — никогда не видел его возбужденным или громко разговаривающим. Он любил шутки, был очень меток в определении людей, с удовольствием гулял по вечерам по аллеям Купеческого сада, откуда открывался прекрасный вид на Днепр. Работал Кольцов много. Но имя его не было широко известно, как, впрочем, и некоторых других литераторов, ставших впоследствии весьма известными, а в те времена бывших просто рядовыми работниками нашей печати, политотделов, БУПа.

Кольцов тогда много говорил о том, что ему удалось осуществить значительно позже, — о печати, как инициаторе общественных начинаний, о зеленых городах, о создании массового автомобилизма и массовой авиации. В обстановке гражданской войны и полного разорения все это казалось возможным только в далеком будущем. Но в тихом, внешне спокойном Кольцове была скрыта огромная энергия блестящего организатора, талант которого проявил себя потом во всем блеске.

Немалая часть времени у меня уходила на работу во Всевоенобуче Украины, и по этой работе мне часто приходилось сталкиваться и с Н. И. Подвойским, и с окружвоенкомом Павловым, и с начальником штаба, бывшим царским генералом Николаем Николаевичем Петиным.

О Подвойском я уже говорил. Это был приятный, умный и

талантливый человек. Петин был одним из лучших генштабистов, которых мне случалось знать. Что же касается Павлова, то даже в те героические времена он выделялся своей удивительной храбростью. Впоследствии, уже будучи награжден несколькими орденами Красного Знамени, он пал в бою на другом фронте.

ТЮТЮНИК. ВСЛЕД ЗА АТАМАНОМ ГРИГОРЬЕВЫМ — В ОДЕССУ

Отдел особого осведомления имел, естественно, в лице военных представителей БУПа информаторов на всех фронтах и при всех командующих до командиров бригад включительно.

В бюллетенях «Бюро осведомления Совнаркома УССР», начиная с № 6, все больше уделялось внимания атаману Григорьеву.

Атаман Григорьев, в прошлом штабс-капитан царской армии, к концу войны входил в «стратегическую тройку» Украинского комиссариата Юго-Западного фронта в Бердичеве и активно боролся против большевиков. Потом он служил гетману, от него перешел к Петлюре и вербовал крестьян в свои отряды под лозунгом освобождения Украины от немецких оккупантов.

В свое время Григорьев предъявил немцам в Николаеве ультиматум, в котором требовал, чтобы они пешком отправились в Германию, оставив все вооружение и склады. Германское командование, впрочем, не обратило на это никакого внимания. Когда же части Красной Армии вступили в боевое соприкосновение с петлюровскими на его фронте, Григорьев перешел на сторону Советской власти.

В бюллетене № 6 Отдела особого осведомления БУПа дается следующая характеристика «атамана Григорьева»:

> «Григорьев производит впечатление человека бесстрашного, с огромной энергией, крестьянского бунтаря. Среди крестьян Григорьев популярен. К горожанам относится скептически. Штаб Григорьева состоит из украинских левых эсеров (начальник штаба — Тютюник), так же как и командный состав. Партизанские войска преимущественно из крестьян. Себя Григорьев считает беспартийным».

Отряды Григорьева вошли в состав Красной Армии в качестве 3-й бригады 2-й советской дивизии.

Бригада его росла за счет наплыва перебежчиков от Петлюры, и вскоре, став командующим «Советскими войсками Херсонской группы», он 10 марта занял Херсон, 14-го — Николаев и начал наступление совместно с другими частями на Одессу. 15 марта начались бои за Березовку. Здесь были сосредоточены французские, греческие, деникинские, петлюровские и польские части. Ожесточенные бои эти кончились разгромом интервентов и

петлюровско-деникинских частей. Григорьев захватил большие трофеи — винтовки, орудия, танки (один из которых был послан в Москву В. И. Ленину), бронепоезд, составы с военным имуществом.

Основная причина побед Григорьева заключалась в нежелании иностранных, в первую очередь французских, солдат воевать против Советской власти и в стремлении украинских крестьян и рабочих освободиться от интервентов. Так было в Херсоне, где 176-й французский полк отказался сражаться, а матросы крейсера «Жюстис» с революционными песнями прошли по городу и освободили заключенных из тюрем. Так было и в Николаеве, и под Березовкой, где французы не поддержали греков, петлюровцев, деникинцев. Греки одними убитыми потеряли свыше 600 человек.

Но победы вскружили голову Григорьеву и его командирам. Популярность его на Украине усиленно раздувалась украинской прессой, в которой в 1919 году подвизалось немало скрытых петлюровцев и украинских эсеров.

Военный информатор Отдела особого осведомления БУПа после занятия Березовки прислал специальным нарочным крайне тревожное донесение. Описывая недостатки в снабжении, почти полное отсутствие политработников и литературы, он особое внимание уделял описанию настроений повстанцев из числа бывших солдат, на которых опирался Григорьев. Антисемитизм, разговоры о том, что «коммуны» не нужны, а надо «создать» крестьянскую власть, по словам корреспондента, весьма распространены. Далее он рассказывает об эпизоде, когда при обсуждении вопроса о правильном распределении оружия между частями («у одних винтовок с излишком, у других — не хватает») командир одного из полков заявил: «У меня, правда, имеются лишние винтовки, но я сохраняю их до того момента, когда придется применить их против партии коммунистов-жидов». Рассказывая о том, что расположенный в селе Березовка 15-й полк бригады Покуса, действующей вместе с частями Григорьева, состоит из солдат, занимающихся преимущественно грабежами, насилиями и заражающих своим примером остальные части, автор донесения подчеркивает, что во главе этого полка стоит некий Козырев, именующий себя «полковником». Все это делается на глазах у Григорьева и кажется более чем странным, ибо «атаман» обладал энергией и решительностью (в Николаеве на расстоянии пятидесяти шагов выстрелом в голову он убил какого-то матроса-мародера).

Автор донесения приходил к такому выводу:

«Предстоят большие трения и, может быть, даже кровавые события».

По получении этого донесения решено было послать к Григорьеву одного из лучших работников БУПа, члена Высшей военной инспекции, смелого и кристально честного коммуниста С. А. Винокурова, который немедленно выехал туда. Но вот прошло уже недели две, а от Винокурова все еще не было сообщений.

6 апреля Григорьев занял Одессу. Практически сделать это было нетрудно, ибо к этому времени союзники, убедившись в полном разложении своих войск, решили эвакуировать город, а Одесский ревком, создав сильные вооруженные рабочие отряды, фактически уже 4-го захватил город. В день занятия Одессы пришла телеграмма, что Григорьев со своими командирами устроил грандиозное пьянство в здании вокзала и что, судя по многим признакам, его разложившиеся части могут вызвать беспорядки в городе.

К вечеру того же дня я получил предписание отправиться в Одессу.

Часам к одиннадцати ночи, получив пропуск у коменданта вокзала, я начал обходить пути в поисках состава с указанным мне номером вагона. Наконец обнаружился одинокий салон-вагон, прицепленный к паровозу, уже разводившему пары. У входа стоял часовой с винтовкой, одетый довольно живописно: короткий жупан, кубанка с пришитой к ней алой лентой, красные галифе и сапоги со шпорами.

Я предъявил ему пропуск. Отстранив его рукой, он закричал:

— Куда лезешь?

Видя, что разговоры бесполезны, я оттолкнул его в сторону и вошел в вагон. Пока я шагал по коридорчику в салон, двери трех купе начали одна за другой открываться, и из них стали выглядывать фигуры, весьма похожие на часового у вагона. Очевидно, это была охрана. В салоне меня встретил довольно угрюмого вида военный среднего роста, с бородкой и коротко подстриженными усами.

— Что вам угодно?

— У меня есть предписание на проезд в этом вагоне.

Он насторожился.

— А куда вы едете?

— В Одессу.

Мне показалось, что голос его стал мягче.

— А ваш мандат?

В те времена мандаты писались не менее чем на страницу. Чего только в них не было — начиная с «права пользоваться всеми телеграфными и телефонными проводами» и кончая угрозами «привлечения к ответственности лиц, которые не будут оказывать содействия предъявителю сего».

— Я думаю, что предписания на следование в этом вагоне будет достаточно!..

Он посмотрел предписание.

— Почему именно в этот вагон?

Мне стал надоедать допрос.

— Потому что он уходит в Одессу раньше других…

Он вернул мне бумажку.

— Ну что ж, располагайтесь!

Я снял фуражку, поставил чемоданчик около кресла, сел и закурил.

Человек с бородкой подошел к столу, на котором горела лампа под зеленым колпаком и лежала раскрытая книга, уселся в другое кресло и стал читать.

Паровоз пронзительно засвистел, и мы поехали. Из купе доносилась какая-то украинская песня, которую пели хором мужские голоса.

Уже несколько суток я мало спал и теперь чувствовал, что мною овладевает непреодолимая дремота.

Вдруг хозяин вагона встал.

— Подождите, вам очистят место в купе.

Он вышел в коридор, и я увидел, как из одного купе в другое перешли с вещами несколько бойцов, небрежно одетые и явно нетрезвые.

Двухместное купе оказалось пустым. Но в каком виде оно было! Только что опорожненные бутылки из-под водки стояли на полу и на столике, здесь же валялись огрызки колбасы и сала, куски хлеба. Я закрыл дверь на замок, покрылся шинелью, положил наган под подушку и мгновенно заснул.

Проснулся я на какой-то большой станции. Стояло прекрасное солнечное утро. Все было залито светом и наполнено весенним теплым, ароматным воздухом. Вагон был отцеплен и поставлен далеко от вокзала. Среди товарных составов видны были некоторые, разбитые снарядами.

Подумав, я достал из чемоданчика еду и в поисках кипятка выглянул в коридор. Тут я наткнулся на часового, стоявшего у входа в вагон во время посадки в Киеве.

Увидев меня, он улыбнулся во весь рот.

— Ну, як почивали?

— Спасибо, хорошо. Нет ли у вас кипятку?

— А, може, чарку горилки?

— Нет, с утра не пойдет…

Он пошел в соседнее купе и принес чайник. В другой руке у него была начатая пачка липтоновского чая[5].

— Это откуда же?

— Хранцузский… В Херсоне забрали.

Пока я пил чай в купе, по коридору протопал чубатый партизан и раздался возглас:

— Атаман на проводе!

В тот же миг военный, с которым мне пришлось накануне объясняться, выскочил без фуражки из вагона и, перелезая через платформы составов, скрылся в направлении вокзала.

Я спросил у бойца, снабжавшего меня кипятком и чаем:

— Ваш начальник какую должность занимает? Тот удивился:

— Хиба ж вы не знаете? То ж начальник штабу атамана Григорьева — Тютюник…

Теперь уже мне пришлось удивляться. Я закурил и стал раздумывать. Кроме секретных документов с характеристиками Григорьева, его штаба и некоторых командиров, не было никаких официальных указаний насчет того, как следует держаться по отношению к ним. Это можно было выяснить только в Одессе, где находился Григорьев.

Около вагона послышались крики: двое «хлопцив» из охраны Тютюника вели куда-то под конвоем машиниста.

Через несколько минут вернулся в вагон сам Тютюник. Он был бледен и казался озабоченным..

— Не знаете, скоро ли прицепят паровоз? — обратился я к нему.

— Сейчас поедем…

Он вынул пачку папирос, распечатал ее и стал закуривать. Мне показалось, что руки его дрожат.

Послышалось фырканье паровоза, вагон толкнуло, качнуло… и мы двинулись.

Тютюник расхаживал по салону. Я стоял в коридоре и смотрел в окно. То тут, то там попадались разрушенные артиллерийским огнем здания. Недалеко от колеи, на проселочной дороге, валялись разбитые французские грузовики и легковая машина. Рядом с ними — французские синие стальные каски. Трупы, видимо, уже зарыли… Потом паровоз набрал скорость, и мы полетели мимо расцветающих деревьев, белых хат, окруженных весенними садами, и полей, над которыми, радуясь весне и как будто играя, звенели жаворонки.

Как чудесен, странен и страшен мир, думал я. Вот рядом со мной ходит человек. Что у него в голове? Может быть, лучше его

застрелить и этим избавить от страданий множество других людей. А возможно, это все чушь, и Тютюник — обыкновенный, рядовой командир, каких множество. И не думает ли он о том же: что не мешает на всякий случай убрать меня…

Но Тютюник был, по-видимому, занят другим и продолжал расхаживать по вагону…

Я почувствовал, что оставаться одному с моими мыслями невозможно, и зашел в салон.

— Неизвестно ли вам, когда мы прибудем в Одессу?

— Не знаю. А в чем дело?

— Я тороплюсь.

Он посмотрел на меня в упор.

— И я тоже… А зачем вы, собственно, туда едете?

— На свидание с девушкой.

Он удивился и впервые произнес фразу, в которой отразилось его офицерское происхождение:

— Изволите шутить!

— Нисколько. Война идет, но и жизнь продолжается. Весной это особенно чувствуется.

— И что же, она будет вас встречать?

— Обязательно!

— Как же она узнает о вашем приезде?

— Получив направление в ваш вагон, я протелеграфировал его номер в Одессу…

— Но откуда же она узнает о времени его прибытия?

— Узнает… Ей сообщат… Если угодно, могу ее с вами познакомить, у нее есть подруги… Можно повеселиться час, другой…

Он задумался.

— К сожалению, маршрут изменился, я еду дальше…

— На фронт?

— Да, на фронт…

И отошел к столу, не желая продолжать разговор.

Я вернулся в свое купе. Очевидно, что-то произошло, думал я. Ведь в Киеве мне было ясно сказано, что вагон идет только до Одессы! Но что же именно произошло?

Когда мы подъехали к Березовке, удивительное зрелище открылось перед нами. Вокзал был разрушен, как и многие здания вокруг него. На перроне лежала огромная белая куча — это были юбки греческих солдат. На путях валялось множество порванных и целых документов — удостоверения греческих, французских и сербских солдат. Вокруг станции было много разбитой техники — орудия без замков, перевернутые, исковерканные машины, повозки; виднелись свежие, недавно

вырытые окопы. Все говорило о том, что здесь происходил ожесточенный бой…

Подростки — мальчики и девочки, босые и уже успевшие загореть, — бродили по полю недавней битвы, что-то разыскивая и собирая в мешки. Их веселые перекликающиеся голоса и маленькие фигурки странно выделялись на фоне этой картины разрушения.

Почти все станции, попадавшиеся нам до сих пор навстречу, были разрушены, — бои шли вдоль железнодорожной линии. Но как быстро возрождалась жизнь! Железнодорожники выходили на перрон и передавали эстафету. Иногда попадались женщины, продававшие сало, молоко, семечки…

На одном из полустанков, где мы задержались на несколько минут, старик копался в маленьком садике. Сирень уже распустилась, и ее одуряющий аромат проникал в открытые окна вагона. Чем ближе мы приближались к Одессе, тем меньше было разрушений. И когда вагон медленно подошел к главной платформе, она была полна народу. Глядя на веселых, оживленных женщин в летних платьях и мужчин в белых костюмах, трудно было представить, что еще несколько дней назад десятки тысяч иностранных солдат вместе с белогвардейскими отрядами под натиском частей Красной Армии поспешно покидали этот город.

Однако сквозь огромные окна ресторана виден был пустой зал с перевернутыми в беспорядке стульями и столами. На всех путях стояли воинские составы; командиры и бойцы в самом разнообразном и подчас фантастическом обмундировании разгуливали по платформе.

Тютюник стоял в коридоре и отдавал какие-то распоряжения двум лихим кавалеристам в синих жупанах и с нагайками в руках, вскочившим в вагон на ходу.

Я всматривался в людей, толпившихся на перроне, и наконец увидел поспешно шагавшего Фомина — высокого, худого, затянутого в ремни, в его неизменном френче со стоячим, наглухо застегнутым воротником. За ним следовал матрос огромного роста и необъятной ширины, с карабином на ремне и двумя гранатами и маузером за поясом.

Они шли, и толпа раздавалась перед ними на обе стороны. Фомин посмотрел немигающими серыми глазами на вагон, на часового с винтовкой, который шарахнулся в сторону, и медленно поднялся по ступенькам в коридор.

Тютюник глянул на него и сказал:

— А вот и невеста пришла!..

— Что? — очень спокойно спросил Фомин, и матрос

немедленно выдвинулся немного вперед, положив огромную руку на рукоятку маузера.

Я не выдержал, обнял Фомина, взял чемоданчик и приложил руку к козырьку.

— До свидания, начальник штаба…

— До свидания, «жених», — ответил Тютюник.

— Чего это он дурит?

Фомин уже нахмурил брови.

Тот, кто жил в годы гражданской войны, когда, случалось, комиссар получал пулю от своего командира (как было с Виллером и другими) или вынужден был сам его застрелить за измену, помнит, что значили тогда настоящая дружба и вера в человека. Мне казалось, что я с Фоминым никогда не расставался.

Мы сели в машину. Рядом с шофером я увидел второго матроса, увешанного оружием, и невольно усмехнулся.

— Ты не усмехайся, — сказал Фомин, — это не город, а змеиное гнездо…

— Почему же?

— Во-первых, контрреволюция не успела выехать, почти вся осталась. Во-вторых, бандитизм полный. Мишка-япончик сидит на Молдаванке, имеет телефонную связь и агентуру. У него не менее чем полтысячи бандитов. В-третьих, сам комендант — вор и мошенник…

— То есть как это? Наш советский комендант?

— А чей же, ясно, что наш…

— Что же ты его не берешь?

— Сразу всех не возьмешь… Ты ко мне или в гостиницу?

— В гостиницу…

— А не лучше ли ко мне?

— Нет, мне надо осмотреться… Как говорится, со стороны виднее… А где Григорьев?

— Три дня пьянствовал на вокзале. Бандиты его все перебили, запакостили. А потом ушел в Александрию. Сегодня туда уходят его последние части…

— Почему?

— А кто знает! Наверху виднее…

— Но ведь его войска должны наступать на Румынию?

— Что ты меня спрашиваешь, я не главнокомандующий, он передо мной не отчитывается…

Одетые в зеленый наряд одесские улицы были залиты вечерними огнями. Из бесчисленных ресторанов, кабаре, кафе доносилась музыка. Несмотря на поздний час, магазины торговали. На всех углах продавали цветы. Тротуары заполняла южная, шумная толпа. Мы подъехали к Лондонской гостинице.

— Подожди минутку, — сказал я Фомину. — Я только возьму номер и сейчас же выйду…

— Иди, иди, — сказал он усмехаясь.

Я прошел в подъезд, перед которым стояло несколько хорошо одетых бездельников, занятых болтовней, и направился к портье.

Он был похож на грека. За конторкой я увидел черные, как маслины, глаза, нос удивительной формы, усы, кончики которых свисали вниз, и огромный живот, стянутый пикейным жилетом под люстриновым черным пиджаком.

— Сто вам угодно?

— Мне нужен номер…

— Все занято, ницего нет…

И он ткнул толстым пальцем в доску с фамилиями жильцов.

Я подошел к доске и ахнул, читая одну за другой надписи: № 1 — первой гильдии купец С. Я. Рубинштейн; № 2 — присяжный поверенный С. Н. Трегубов; № 3 — генерал-майор М. Н. Васильев…

— Как, и генерал здесь живет?

— Зивет…

— Так не будет номера?

— Нет!

Я вернулся к Фомину.

— Это же черт знает что! Там какие-то купцы и генералы номера занимают…

— Ну и что же… А куда их денешь?

— Ты не знаешь, куда?

— Не сразу. Сначала надо снять сливки, а потом пить молоко. Всех в один день не возьмешь…

Он обернулся к матросу.

— Пошли!

Втроем мы вернулись в гостиницу. Фомин покосился серыми глазами на грека.

— Ко мне!

Грек стал из темного матовым и мелкими шажками подбежал к нам. У него оказались маленькие короткие ножки в полосатых брюках и лаковых туфлях. Фомин подошел к доске и ткнул пальцем в № 1.

— Он первой гильдии купец?

— Первой. Все снают, сто первой…

— Так. Соединить с генералом.

— Как соединить?

— Возьмешь генерала и переведешь в комнату к купцу. Пускай живут пока вместе…

Грек от изумления застыл.

— Оба вместе?

— Ясно, что оба.

Фомин повернулся к матросу.

— Осуществи!..

— Поехали! — сказал матрос греку и легонько подтолкнул его ниже талии.

Грек с необычайной легкостью понесся вперед. Матрос зашагал за ним по коридору…

— Выйдем на свежий воздух, — сказал Фомин, — не могу я на эти рожи смотреть…

Мы вышли на бульвар. Прямо перед гостиницей полукружием высился ресторан над морем. Оттуда доносились пьяные голоса…

— Гуляют… — Фомин закурил папиросу. — Пускай последние дни погуляют, скоро перестанут…

На рейде видимые невооруженным глазом стояли корабли, сияя на фоне темного южного неба бесчисленными огнями. Их были сотни — крейсера и миноносцы, пароходы, парусные суда, баржи… Французские, английские, греческие — флаги всех цветов слегка колыхались на ветру.

— Эскадра интервентов не уходит?

— И не собирается! Да и того мало. Они захватили четыреста двенадцать наших крупных судов, не говоря уже о малых. Увезли все, что успели, захватили добровольцев, виднейших деятелей контрреволюции и капиталистов. Только все это было в спешке — многие не попали на суда.

— Ну, а сейчас корабли для чего стоят?

— Во-первых, чтобы помешать подвозу продовольствия, нефти и угля в город. Во-вторых, они требуют, чтобы им, разрешили взять еще несколько сот человек по списку, якобы иностранноподданных, не успевших эвакуироваться. Просмотрел я этот список. Ивановы да Петровы оказались иностранноподданными. Кстати, снял копию. Смотрю, многих пропустил. Теперь подбираю понемножку. Кроме того, французское командование заявляет, будто здесь суда стоят для того, чтобы предупредить кровавый террор и резню в городе…

— Что же, с ними ведут переговоры?

— Да, из исполкома ездили Фельдман и другие. Между прочим, удается подбрасывать литературу французским морякам. Вот стоит большой крейсер «Жюстис». Там матросы все за большевиков. Они в Николаеве тюрьму открыли и отказались выступать против нас…

— А все-таки стоят!

— Каждому хочется вернуться домой, во Францию, а некоторых, самых левых, уже изолировали. Кроме того, многие и

у нас остались…

В это время показался матрос.

— Товарищ Фомин, все в порядке!

— Сегодня уже поздно, а завтра с утра приходи ко мне, — покажу тебе свое хозяйство. Тут недалеко, на Гоголевской.

Фомин повернулся к матросу.

— Вася, поехали!..

Я был голоден и решил пойти в ресторан, который стоял над морем. Столик на краю веранды только что освободился. Кругом сидели упитанные, хорошо одетые люди. Очень много было красивых женщин — южанок той яркой красоты, которую редко встретишь в наших северных городах.

Мне показалось, будто сидевшие за соседними столиками не то избегают на меня смотреть, не то просто отворачиваются, но не придал этому значения. Мимо пробежал официант. Я окликнул его, он не остановился. Увидев на каком-то столе прейскурант, я попросил разрешения его взять. Мне никто не ответил. Я взял карточку, и тогда толстый человек с панамой на голове, в ярком галстуке вдруг привстал.

— Па-азволь-те!

Все это мне надоело, и я уже жалел, что зашел сюда. Но уходить теперь было бы глупо. Я повернулся к толстяку.

— Позволяю вам сесть!

Наконец я увидел метрдотеля, подошел к нему и заказал блюдо и бутылку пива. Он пожал плечами.

— Обратитесь к официанту!

— Вот что, голубчик, чтобы через десять минут все было на столе!..

Он посмотрел на меня и быстро пошел на кухню.

На темном небосклоне, сливавшемся с морем, по-прежнему покачивались тысячи электрических огней, похожих на звезды. На каком-то судне отбивали склянки. На другом почему-то протрубил горн. Откуда-то, из-за угла здания, по воде проплыла лодка. В ней сидели четыре человека. Двое почти неслышно гребли веслами. Лодка вышла из полосы света и исчезла в море. Но вдруг раздались крики: «Стой!». Грянули выстрелы. Моторный катер понесся вслед за лодкой. Все сидевшие за столиками у барьера встали. Какой-то молодой человек, с подстриженными усиками и пробором почти до шеи, сказал:

— Догонят!

Пожилой мужчина бравого вида, с лихими усами, сидевший вместе с юношей, покачал головой.

— Едва ли! Тут недалеко…

Принесли еду. Поужинав, я спросил, сколько с меня следует.

Официант перебросил салфетку через руку.

— Какими будете платить?

— Советскими, конечно…

Он вынул карандаш и начал что-то высчитывать.

— Пятнадцать рублей!

— Как же вы рассчитываете?

— Советские — как трезубцы или керенки, а николаевские в полтора раза дороже…

В полном недоумении я вернулся в номер. Его освободили, но не убрали. В пепельницах торчали папиросные окурки. В ночном столике лежала забытая книга «Ее крейцерова соната». Из дневника г-жи Позднышевой. Киев. Изд. Иогансона. Видимо, генерал был весельчак…

Утром я вышел на бульвар. Теперь корабли были видны совершенно отчетливо. Матросы в синих бескозырках с красными помпонами или в белых круглых шапочках мыли палубу. На других судах видны были мужчины и женщины, сидевшие вокруг чемоданов и узлов. На корабле с надписью «Ропит» находилось множество русских офицеров. Одни суда уходили, другие приходили. Между находившимися на рейде сновали моторные лодки под иностранными флагами. Тут же на бульваре стоял старик с телескопом на треноге, в который по вечерам рассматривают звездное небо. Сейчас старик предлагал желающим за полтинник посмотреть на корабли.

Ближе всех покачивалась серая громада «Жюстис», орудия которого были направлены на город.

В магазинах еще оставалось много импортных товаров. Зайдя в табачную лавку, я увидел рядом с пачками сигарет «Капораль» и папирос «Дюшес» круглые синие коробки «Кэпстена». На сто рублей я приобрел запас табачных изделий месяца на два.

На Гоголевской в особняке помещалось «хозяйство» Фомина. Он с гордостью повел меня сначала во двор. Там стояли лошади кавалерийского взвода. Очень красивая, стройная и сильная девушка в красноармейской форме чистила скребницей великолепную английскую кобылицу. Везде была идеальная чистота.

Потом мы прошлись по кабинетам и наконец спустились в полуподвальный этаж. Красная дорожка, заглушавшая шаги, тянулась вдоль коридора. По ней прохаживались надзиратели с ключами.

Фомин остановился перед первой камерой.

— Открой-ка!

Дверь распахнулась. В комнате, очень чистой, с кроватью, столиком и табуреткой, сидел генерал и читал книгу.

Генерал был такой, каким показывают генералов режиссеры в провинциальных театрах: стриженный ежиком, с красным носом, выпученными глазами, усами с подусниками, в серой куртке с красными отворотами и брюках с лампасами.

Генерал встал.

Фомин посмотрел на него, как обычно смотрят на очень ценные для человека вещи.

— Жалобы есть?

— Нет…

— Питание как?

— Удовлетворительное…

— Обращение?

— Пока приличное…

— Заявление имеете?

Генерал сделал шаг вперед.

— Имею!

Фомин склонил голову набок.

— Слушаю.

— Прибыв в Одессу, я проживал здесь, не состоя ни на какой службе…

— Почему?

— Я генерала Деникина не признаю, как не признавал и генералов иностранных армий…

— Так-с. А Советскую власть признаете?

— Тоже не признаю…

Фомин удивился.

— Значит, вы того, анархист?

Генерал налился кровью.

— Я мо-нар-хист! И поскольку государь император отрекся, а потом скончался, я никакой власти не признаю. Почему же меня держат?

— Вот именно поэтому…

— То есть как поэтому?

— Генерал, а простой вещи не понимаете. Неизвестно, к какой категории вас отнести. Если бы вы были действующий контрреволюционер — это одно. А вы контрреволюционер без проявления активности. Так сказать, редкий экземпляр пассивного монархиста. И притом высокого ранга — генерал-от-инфантерии. Категория неясная. Пока читайте книги!

Когда дверь закрыли, Фомин с огорчением сказал:

— Видишь, какой попался! Только камеру занимает. И выпустить его нельзя, и толку от него никакого… Ну, зайдем еще в одну…

В другой камере сидел выхоленный, солидный мужчина, с

манерами европейца. Он слегка привстал и поклонился. Фомин обратился к нему:

— Ну, что будем делать? Сидеть будем или выходить?

Мужчина вскинул пенсне в золотой оправе на нос.

— Я вас не понимаю, вы же все забрали!

— И я вас не понимаю. Вашей собственной рукой была составлена опись валюты. Половины не хватает!..

— Но она у компаньона!..

— А компаньон где?

— Если бы я знал!..

Фомин покачал головой.

— Ну и упорный же вы контрик. Неужели вы нас за дураков считаете? Я за вами несколько дней наблюдал. Компаньон накануне ареста ужинал с вами.

— Так то было накануне…

— Вот что, господин хороший, представьте себе, что ваш компаньон нашелся и валюта тоже. Я вас выпускаю, и будете вы служить в советском учреждении, под наблюдением, конечно, но нормально, как все.

— А если не найдется?

— То я и компаньона и остальную валюту сам найду. Посмотрите на меня внимательно!

Господин уже поверх пенсне взглянул на Фомина.

— Похож я на легкомысленного человека? Нет. Послушайте-ка меня! Вы Евгению Марковну знаете?

Господин вскинулся.

— Причем тут Евгения Марковна?

— А при том, что она не только с вами, а и с вашим компаньоном жила…

Господин вскочил — он был в визитке, в рубашке, но без галстука и воротничка, в полосатых брюках — и заходил по камере. Потом остановился.

— Этого не может быть!

— Именно так. И если я доставлю ее сюда, то через полчаса все будет: и компаньон, и деньги… Так что уж лучше по-хорошему…

Господин схватился за голову.

— Может быть, мы и найдем компаньона…

Фомин улыбнулся.

— Вот так-то лучше!

Когда мы вышли, Фомин сказал:

— Видишь, так и уговариваю целый день. Вожусь, как с детьми. Конечно, настоящая контрреволюция — это другой материал. Их тут тысячи работают секретно. По как? Он первый,

подлец, нацепит красный бантик и придет сам в советское учреждение: готов служить. У него и автобиография и документы — все заготовлено. Его нужно найти и раскрыть. В этом и заключается наша настоящая работа. Но и тех, что ты видел, — полон город. Приходится их сначала процеживать, потом высылать. На все нужно время, нужны люди. Никогда не было такой нагрузки… Спим урывками, между делом… У тебя ко мне вопросы есть?

— Есть.

— Ну, пошли ко мне…

В кабинете Фомина, очень скромном, ибо он искренне был убежден, что роскошь и всякие соблазны придуманы буржуазией главным образом для разложения пролетариата, мы разговорились. Я задавал ему вопросы. Но, к сожалению, не получал на них точного ответа.

Венгерская Советская Республика изнемогала в борьбе с врагами. Чтобы ее спасти, рабоче-крестьянское правительство Украины объявило Румынии войну и дало распоряжение своим войскам перейти границу. Предполагалось кратчайшим путем прорваться в Венгрию. Эту задачу должны были выполнить в первую очередь части Григорьева. Речь теперь шла не о «тяготении к Румынии». Спасение единственной Советской республики в центре Европы могло бы сыграть решающую роль во всем соотношении сил неустойчивого послевоенного мира. Но вопрос о наступательной тактике пролетарской революции для спасения братских демократических стран тогда еще не прорабатывался широко, а главное, сама идея не была доведена до красноармейских масс.

Части Григорьева состояли из крестьян и партизан — бывших петлюровцев. Григорьев старался не брать рабочих и горожан и под всяким предлогом отсылал в тыл или откомандировывал коммунистов.

По мере того как приближалось время сбора урожая, вопрос о продразверстке из теоретического превращался в практический. Крестьяне к продразверстке относились отрицательно, отчасти потому, что разъяснительная работа в деревне была поставлена плохо. Об отношении своем к Советской власти крестьяне иногда говорили, что они «за большевиков», но против «коммуны». Если их спрашивали, как они понимают «коммуну», никто из них толком ответить не мог. Антисоветские элементы, подготовлявшие мятежи, усиленно разъясняли, что «в коммуне все будут забирать и делить между собой поровну». Не понимали крестьяне также, почему большие имения превращают в совхозы.

Неустойчивость обстановки, необходимость все усилия

сосредоточить на борьбе с деникинцами, петлюровцами и поляками не давали возможности поставить как следует снабжение деревни необходимыми товарами и организовать совхозное хозяйство. Отсталые элементы, подстрекаемые кулачьем, говорили: «Нам не дали, и сами не умеют хозяйствовать». Все эти ошибки, исправленные в следующем году партией, тогда, в 1919 году, только что начали сказываться.

Конечно, у Фомина было много данных о безобразиях в григорьевских частях. Но Григорьев, расстреливая иногда отдельных бандитов в своих частях за грабежи или насилия, создавал иллюзию, будто он борется с такими явлениями. Пока было известно только, что он со своим штабом выехал в Александрию, где находился его лучший полк, Верблюжский.

Не было ясной картины о настроении крестьянства в районе. Только насчет богатой колонии немецких кулаков можно было с уверенностью сказать, что это — потенциальные враги.

Город был разработан хорошо. Впрочем, в Одессе было слишком много рабочих, коммунистов и моряков, чтобы опасаться каких-либо неожиданностей.

От Фомина я отправился в только что развернувшееся отделение БУПа. И здесь не хватало определенности. В Одессе, как и в Киеве, нашлось немало честной интеллигенции, которую можно было привлечь к работе. Следовательно, в корреспондентах и информаторах недостатка не ощущалось. Но район, армейские части и села освещались в печати слабо. Общее впечатление складывалось такое, что в случае восстания Григорьева крестьянство активно его не поддержит, за исключением отдельных кулацких очагов. Следовало немедленно составить подробную карту сельских местностей всей Украины, которая точно показывала бы, где находятся преимущественно кулацкие районы, а где преобладают середняки, бедняки и соотношение всех этих групп. Затем надо было проверить настроение в каждой сельской точке с учетом расположения наших воинских частей. Фактически почти все войска были на границах Галиции и Румынии, а также на Деникинском фронте — в Донецком районе. Составление такой карты с точным обозначением данных о появлении банд имело бы огромное значение. Но для этого требовалось время. Впоследствии это было сделано.

К себе я возвращался вечером. Глядя на людей, которые заполняли не только тротуары, но и шли по краю мостовой или оживленно беседовали в подъездах, под деревьями, на скамейках бульваров, видя рестораны и кафе набитыми до отказа, я становился не веселее, а мрачнее. «Неужели, — думал я, глядя на

эту оживленную толпу, — люди не понимают, что враг стоит на рейде, а может быть, завтра появится и на подступах к Одессе, что город, лишенный подвоза с моря, вскоре испытает огромные лишения?» Но, казалось, в этот вечер никто об этом не думал. Попадались одинокие женщины, весьма бесцеремонно останавливавшие мужчин, и типичные уличные завсегдатаи, торчавшие на углах с таким видом, будто это их основное занятие. Прошла довольно большая группа французских матросов, которые остались в Советской России. В толпе иногда слышалась греческая, болгарская, румынская, еврейская речь.

В открытом экипаже, запряженном парой лошадей, проехал комендант Домбровский, в черкеске и папахе с красным верхом, сопровождаемый эскадроном. Все всадники были одеты в черкески одного цвета, сидели на лошадях одной масти и имели одинаковое оружие — шашки, кинжалы и карабины.

Это пышное войско не сделало ни одного выстрела, когда через несколько дней коменданта арестовали за злоупотребления.

Повидавшись на другой день с секретарем исполкома А. Фельдманом, окрвоенкомом А. Кривошеевым, замгорвоенкома Я. Ядровым и прибывшим в Одессу с военной инспекцией В. Юдовским, я вечером выехал в Киев, поскольку никаких указаний о заезде в Александрию не получил.

ВСЕВОЕНОБУЧ

Много времени у меня уходило на организацию Всевоенобуча в Киеве. Если в 1918 году в этом деле не было никакой системы, то в 1919-м уже были разработаны программы. Предполагалось, что обучение должно проводиться двумя этапами. Сначала занятия ведутся по 96-часовой программе. Затем обучающиеся подлежат казарменному сбору на четыре недели, где они занимаются в системе взводов, рот и батальонов. Всевобуч должен был в первую очередь обратить внимание на те возрасты, которые подлежат призыву в армию.

Но эта система страдала существенными недостатками. Во-первых, мы до известной степени дублировали Упраформы. При всех штабах фронтов имелись управления по формированию войск, которые в запасных частях занимались обучением тех же возрастов из числа лиц, прибывающих из тылов и прифронтовой полосы. Во-вторых, лица, подлежавшие обучению, работали на заводах, в партийных и советских организациях. И поскольку все способные носить оружие очень часто призывались в те дни для выполнения отдельных задач в городе и деревне, руководители производств, организаций и учреждений всеми способами старались не давать нам своих людей для обучения, так как это срывало их работу.

Помню, как мы (я, Виленский и Сметанич) носились по городу, «вырывая людей». Людей не давали. Возникали конфликты. Приходилось обращаться к Подвойскому и Павлову. Кое-кого удавалось вырвать для обучения. Но в общем толку было мало.

Я всегда считал, что любая работа может быть успешной только в том случае, если в рамках своих обязанностей и руководствуясь общими директивами каждый сотрудник будет проявлять инициативу. Тип прежнего чиновника, хотя бы и с советским наименованием, который пересылает бумажки по инстанциям и ждет решения вышестоящего начальства по любому делу, вызывал во мне органическое отвращение. Обычно это были инертные, равнодушные ко всему люди, которые подолгу держались на своих местах только потому, что в случае любого конфликта у них под руками почти всегда оказывались соответствующая бумажка или распоряжение.

Поэтому я составил новый проект работы Всевобуча Украины и отвез его к Н. Н. Петину, который считался одним из лучших штабных работников.

Проект этот предусматривал перевод призванных Всевобучем

на казарменное положение и обучение их в течение шести недель с выдачей им соответствующего обмундирования и оружия. По истечении шести недель призванные возвращались на свою работу и домой, но состояли в районном «полку вооруженного пролетариата», который имел командный состав, штаб, оружие и боезапас. До призыва в армию два раза в неделю они должны были проходить по три часа в день дополнительную строевую и боевую подготовку.

Преимущество предлагаемой системы заключалось в том, что призывать людей для военного обучения нужно было не два раза, а только один. Кроме этого, в обстановке того времени, когда ежедневно где-нибудь происходили контрреволюционные восстания или нападения шаек на города, вместо возникавшей в таких случаях неразберихи, с призывами «Все за оружие!», губернские и даже уездные города могли бы за какие-нибудь два часа выставлять полноценные воинские части.

Петин, маленький, седой, в гимнастерке с поясным ремнем, внимательно при мне прочитал проект и задумался. А потом сказал:

— Конечно, такая система улучшила бы положение в тыловых районах, а главное, по мере мобилизации давала бы армии готовых — обутых, одетых и подготовленных бойцов. Но все это не так просто. Для реализации проекта необходимо иметь много проверенного командного состава, обмундирование, деньги, оружие. Многое у нас есть, но надо все это собрать, распределить по городам, возложить на военкоматы новые обязанности. Притом проект необходимо подкрепить расчетами, провести через украинское правительство, а потом и через Москву. А времени у нас мало. Все, что мы имеем, направляется для ликвидации восстания в тылу Южного фронта, в районе Вешенской. И с этим мы плохо справляемся. Нас правильно ругают за это в Москве. Но попробуйте при «самостийности» наших командующих у кого-нибудь, например у Григорьева, изъять излишки людей, оружия, боеприпасов и обмундирования. Они живут по принципу: что захватил, то — мое!

Он встал, прошелся по большому, светлому кабинету и затем вернулся ко мне.

— Трудно, очень трудно… А проект толковый… Оставьте его у меня…

А. М. КОЛЛОНТАЙ И П. Е. ДЫБЕНКО

В сущности, почти все ответственные работники жили в одной гостинице «Континенталь». Несмотря на это, там долго продолжал работать открытый для всех ресторан со знаменитым румынским оркестром под управлением Жана Гулеско и Корнелия Кодолбана. Однако для большинства наших товарищей, даже наркомов, он был недоступен по своим ценам, и они питались в столовых. Александра Михайловна Коллонтай, приехав на Украину, тоже жила в «Континентале». И по своей работе и потому, что наши номера были неподалеку один от другого, мне приходилось часто встречаться с ней.

Она была красивая, умная, образованная и прекрасно воспитанная женщина.

Что такое хорошее воспитание? Это — скромность, простота в обращении, уважение к другому человеку. За редким исключением, эти черты свойственны были всем старым большевикам. Ленин, Дзержинский, Красин, Чичерин, Луначарский и многие другие обладали ими в высшей степени.

Но, кроме этого, Коллонтай никогда не теряла того женского обаяния, которое так ярко выражено было в Ларисе Рейснер или Инессе Арманд. Поэтому, когда теперь, особенно в кинокартинах, посвященных первым годам революции, большевичек изображают так, что нередко женщину разве лишь по имени можно отличить от мужчины, то это просто говорит о том, насколько плохо мы знаем свою собственную историю.

Коллонтай в эмиграции — в Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Бельгии, Италии, Швеции, Дании, Норвегии и США — работала в качестве агитатора и писателя. Разговаривать с нею для меня, молодого человека, являлось истинным наслаждением, ибо читать и учиться было некогда. Беседы и общение со старыми большевиками были учебой для моего поколения. Кроме блестящей эрудиции, меня восхищала в Коллонтай ярко выраженная смелость характера. Недаром она в Кровавое воскресенье 1905 года вместе с демонстрантами шла к Зимнему дворцу. Да и в 1919 году неоднократно выезжала на фронт, выступая перед бойцами.

Однажды, зайдя к ней в номер, я увидел плотного, красивого моряка с бородой и усами. Это был Павел Ефимович Дыбенко. Он, так же как и Коллонтай, родился в украинской семье на Черниговщине. Его родители были так бедны, что ему с трудом удалось при содействии социал-демократки Давидович окончить трехклассное училище. Семнадцатилетним юношей он уехал в

Ригу, работал там грузчиком, потом электротехником. В 1911 году Дыбенко был призван на военную службу матросом в Балтийский флот и в 1912 году вступил в партию большевиков. После Февральской революции он был избран председателем Центробалта, участвовал в июльской демонстрации, был за это арестован и просидел в тюрьме до сентября 1917 года. Дыбенко участвовал в октябрьском перевороте, командовал войсками под Гатчиной и Красным Селом, где арестовал Краснова. Он был избран первым народным комиссаром по морским делам и пробыл им до апреля 1918 года. Но ему не удалось защитить Нарву, которая была сдана немцам. За это Дыбенко был отдан под суд, который его оправдал. После пребывания в подполье на Украине он прибыл в нейтральную зону около города Рыльска. Там он был сначала военкомом полка, потом командиром батальона, а после взятия Харькова командовал группой войск екатеринославского направления, которая освободила Крым. Так он стал командующим Крымской армией.

Павел Ефимович Дыбенко являлся как бы олицетворением того типа моряков, которые сыграли такую большую роль и в октябрьские дни, и в решающих боях на всех фронтах гражданской войны. Это было естественно. В матросы брали квалифицированных рабочих, ибо морская служба связана с освоением техники. Вместе с тем туда отбирали наиболее выносливых, физически сильных людей. Революционные настроения моряков, так ярко выявившиеся в 1905 году, превратились за годы реакции в такой загнанный вглубь «горючий материал», который после февраля 1917 года служил до конца делу революции. Если на многочисленных фронтах в белых армиях были не только офицеры, но и солдаты, то «белых матросов» почти не существовало. Конечно, и у Врангеля, и у Деникина, и у Колчака были корабли, но их было очень мало, и обслуживались они офицерами, мичманами, гардемаринами и незначительным числом матросов, подготовленных зачастую даже из унтер-офицерского состава пехотных частей.

Я не знаю, кому из советских писателей можно приписать честь открытия того «братишки-матроса», с клешем, переваливающейся походкой и блатным жаргоном, который столь часто преподносится в качестве обязательного персонажа в историко-революционных пьесах, рассказах и романах.

Матросы, которых я встречал в период гражданской войны, за редким исключением, были людьми выдержанными, политически грамотными и беззаветно преданными Коммунистической партии. Надо, конечно, оговориться, что во многих случаях, особенно в анархистских и партизанских отрядах, попадались

типы, «работавшие под матросов», то есть носившие матросскую форму и выдававшие себя за моряков. Но их разоблачали очень быстро.

Возвращаясь к Павлу Ефимовичу Дыбенко, нужно сказать, что он был человеком жизнерадостным, полным энергии и какой-то стихийной силы. Дыбенко очень хотелось учиться, и, несмотря на то, что его беспрерывно отрывали на фронты, ему все-таки удалось окончить военную академию.

Коллонтай и Дыбенко были очень красивы. Коллонтай имела правильные черты лица, прекрасную фигуру, приятный голос и очень непосредственную, товарищескую манеру обращения с людьми. Дыбенко было тогда около тридцати лет. Он находился в расцвете сил.

Когда я вошел, они оживленно разговаривали, сидя около открытого окна. Я хотел уйти. Мне казалось, что я пришел не вовремя. Но Александра Михайловна меня задержала. Дыбенко рассказывал о крымских делах, о генерале Сулькевиче и кадетах, которые бежали.

— Все дело в том, — говорил он, — что тамошние татары — совсем не то, что волжские. Крымские татары — это проводники, владельцы дач, словом, люди, которые наживались на буржуазии, приезжавшей в Крым. Конечно, среди них есть и трудящиеся, но они или в лапах у богачей, или тоже обслуживают курортников. Среди них очень сильны буржуазные националистические тенденции и религиозные предрассудки. Во время немецкой оккупации турецкие агенты вели там бешеную антисоветскую агитацию.

— Ну, а с армией у вас как? — спросил я.

— Плохо. У меня много махновцев и григорьевцев. Эти привыкли к атаманщине. А нужно создать стойкие регулярные части. Приходится заменять, тасовать людей. Сейчас стараюсь укрепить полки рабочими и коммунистами. Но их не хватает. Всюду нужны люди — в советский и партийный аппарат, на производство, для того, чтобы сохранить винодельческие хозяйства и дворцовое имущество. А тут еще Семашко замучил: требует превратить Крым в народную здравницу. Лучшие здания — отдай ему, продовольствием — обеспечь, дворцы — охраняй… Я попробовал огрызнуться, да от Владимира Ильича влетело…

Александра Михайловна засмеялась:

— И правильно влетело. Крым принадлежит всем трудящимся…

Дыбенко почесал голову.

— Оно верно. Но только сначала отвоеваться надо. Я

приказал начальнику санитарного управления ликвидировать в кратчайший срок вшивость, наладить санитарную обработку. А тут телеграмма: «Организовать физио-терапевтический институт» и «бальнеологическую клинику…» Да у меня же под боком Григорьев!..

— А почему вас Григорьев беспокоит?

Дыбенко повернулся ко мне.

— Неужели вы не понимаете, что нам придется рано или поздно с ним конфликтовать? Он и сейчас себя считает «атаманом Херсонщины и Таврии», а мечтает быть «атаманом всея Украины». Григорьев сидит в Александрии и нисколько не собирается вести свои части на Румынский фронт. Наши ему нарисовали чудесную картину: ежели прорвется он через Буковину в Венгрию и спасет венгерскую революцию, то станет героем в глазах мирового пролетариата. А что ему мировой пролетариат! Ему свои «дядьки» нужны, «дядькам» — хата, хороший участок земли, десяток коров и коней да гроши за пазухой…

Вдруг дверь открылась, и громкий голос произнес:

— Это у кого гроши за пазухой?

Борис Поляков, матрос и тогдашний начальник милиции Киева, приятель Дыбенко, был одним из самых красивых людей, какие мне встречались в жизни: высокий, широкоплечий, с открытым прекрасным, мужественным лицом. Когда он шел по улице, на него невольно оглядывались и женщины, и мужчины. Одевался он с той флотской элегантностью, которая была традицией кадровых моряков. Человек могучего телосложения и большой физической силы, Поляков по характеру своему был скромен, даже застенчив. Он не пил, не курил, жил в небольшой квартире, где жена его вела скромное хозяйство, покупая продукты на базаре.

Поляков был человеком твердым, но доброжелательным ко всем и умел поддерживать порядок в городе, не раздражая население мелкими придирками.

Я вспоминаю, как в первые дни обсуждался вопрос о борьбе с массовой проституцией, которая расцвела в Киеве при гетмане, а при Петлюре усилилась еще больше вследствие распущенности его банд. Одни предлагали выслать всех проституток из города, другие — принудительно заставить их работать на заводах и фабриках. Поляков задумался и сказал:

— В большинстве это несчастные женщины, лишенные семьи и профессии, настоящие жертвы капиталистического строя. Наказывать их было бы жестокостью. Надо их приучать к труду постепенно.

И он стал это делать довольно оригинальным способом. Всех задержанных проституток собирали, распределяли по районам и заставляли убирать город. При этом он оплачивал их труд, а тех, которые работали добросовестно, охотно направлял куда-нибудь на постоянную работу.

Как-то я зашел к Полякову, которому только что сообщили об очередном скандале со стрельбищем в базарный день на Подоле. Мы поехали вместе. Это было еще до восстания, поднятого позже переодетыми петлюровцами на Куреневке.

Когда мы прибыли на место, толпа бурлила и шумела вокруг дюжины кавалеристов, одетых как попало. Размахивая кто нагайками, а кто и саблями, они отнимали у людей и складывали в кучу разные вещи. Поляков ездил в экипаже, запряженном парой лошадей. Встав на подножку и мгновенно оценив обстановку, он велел сопровождавшему его взводу оцепить эту часть базара, а сам пошел на толпу, которая раздалась перед ним. Так он дошел до грабителей. Один из них, видимо, предводитель, в жупане, в кубанке с красным верхом, положил руку на эфес шашки и крикнул:

— Тебе што надо?

Поляков усмехнулся:

— Брось шутить! — и слегка взмахнул рукой.

Здоровенный мужчина полетел, как сброшенный с воза мешок.

Когда через несколько минут бандитов уводили под конвоем, Поляков велел задержать и проверить всех, кто находился в этой части базара. Одной из последних шла старушка с двумя корзинами, в которых были зелень и яйца. Увидев Полякова, она остановилась и сказала:

— Это ты и есть полицмейстер?

Так как он молчал, то старушка покачала головой и Добавила:

— Ничего не скажешь, красив!..

Теперь же Поляков стоял в дверях и снова повторил свой вопрос:

— Так у кого же за пазухой гроши?

Дыбенко улыбнулся.

— Во всяком случае, не у нас с тобой!

В тот вечер мы все отправились погулять в Купеческий сад над Днепром. Белый от цветущих яблонь и черемухи, розовато-лиловый от сирени, весь наполненный одуряющим ароматом весны, сад этот был так хорош, что не хотелось уходить оттуда. Солнце уже пряталось, и его красноватые лучи, как огни прожектора, скользили по ровной глади Днепра. В ресторане над

обрывом музыка играла старинный вальс. На каждом шагу попадались влюбленные пары. Они шли, тесно прижавшись друг к другу. Для влюбленных, как известно, весь мир заключается в них самих.

Человек, сталкиваясь лицом к лицу с красотой природы, становится молчалив, — она поглощает человека…

Мы посидели молча на скамейке, глядя на Днепр и на другой берег реки. Потом Коллонтай сказала:

— Наступит время, и жизнь человека станет такой же гармоничной и красивой, как природа…

День уходил… Постепенно зажигались в парке матовые фонари, освещая одну аллею за другой. Когда мы возвращались, вечерние улицы были овеяны покоем. У некоторых домов семьи сидели на завалинках, и дети играли рядом. Из открытых окон доносились отзвуки голосов, иногда песня, иногда плач ребенка. Кое-где видно было, как люди готовились ко сну…

Мы подошли к «Континенталю». В вестибюле какой-то военный, ожидавший у конторки, подошел к Дыбенко, отдал честь и передал ему пакет.

— От командующего первой армией товарища Мацилецкого… Срочно!

Дыбенко отошел в сторону, вынул и прочитал какую-то бумажку, потом вернулся к нам и сказал шепотом:

— Я должен немедленно уезжать. Восстал Григорьев!

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОССТАНИЕ ГРИГОРЬЕВА И МАХНО

Минут через десять я сидел у себя на Крещатике. Там уже был текст изданного Григорьевым «Универсала». В нем атаман обещал «свободу торговли», «свободные при участии всех партий (кроме коммунистов, конечно) советы», «защиту собственности», «незалежность Украины» и многое другое. Вместе с тем он призывал к свержению Советской власти.

Среди материалов, связанных с восстанием Григорьева, было сообщение С. А. Винокурова об обстановке, предшествовавшей этому событию. Юдовский, Щаденко, Кривошеев и другие предупредили командующего фронтом Антонова-Овсеенко, что Григорьев подготавливает свои части к открытому бунту против Советской власти. Антонов-Овсеенко счел их соображения необоснованными. Тогда они сообщили о своем мнении ЦК КПУ и Совнаркому Украины. В итоге между Антоновым-Овсеенко и Щаденко после прибытия командующего фронтом в Одессу произошел следующий разговор.

— Я вынужден буду поставить вопрос перед ЦК о том, что я с вами не могу сработаться, так как у нас резко противоположные взгляды на вопросы оперативного и политического использования попутных нашей революции сил, — заявил Антонов-Овсеенко.

— Что ж, пожалуйста. По крайней мере, мы будем знать ясную линию ЦК Украины. Но мы категорически утверждаем, что Григорьев восстанет, и восстанет очень скоро.

— Вздор, чушь, паникерство, и больше ничего, — горячился командующий. — Я сейчас от Григорьева, у него великолепное настроение, и скоро он будет прекрасно драться со своими верблюжцами.

— Драться-то он будет, но с кем?..

— Бросьте вы заниматься паникерством, — повторил Антонов-Овсеенко, и на этом разговор окончился.

Далее Щаденко рассказывает:

«Мы были в штабе армии, помешавшемся в здании судебных установлений близ Одесского вокзала, и обсуждали оперативные возможности ближайшего будущего.

Дежурный по телеграфу сообщил, что атаман Григорьев просит командующего фронтом к юзу. Мы быстро встали и все вместе направились к аппарату.

— Здравствуйте, — печатал юз.

И после нескольких слов приветствия аппарат замолк. Потом

торопливо застучал снова. На ленте отчетливо появилось зловещее слово «Универсал».

В Одессе создалось напряженное положение. 3-й крестьянский григорьевский полк, расположенный в городе, был неустойчив. Союзная эскадра подошла к самому берегу. Ее моторные лодки шныряли по всем направлениям. Белогвардейская контрреволюционная организация под руководством «барона Бема» готовилась захватить город. Она была раскрыта и руководители ее расстреляны. Кстати, следует отметить, что «барон Бем» не был бароном, как и князь Эболи, расстрелянный со своей любовницей в 1918 году за бандитизм в Петрограде, не происходил из княжеского рода. Это, впрочем, вовсе не значило, что иногда аристократы не руководили бандитскими шайками.

В ночь на 21 июня 1919 года в город Верхнеднепровск, Екатеринославской губернии, ворвалась группа бандитов, ограбила казначейство, захватив 1,5 миллиона рублей, и убила ряд коммунистов. На другой день бандиты были выбиты из города. Большая часть денег была у них отобрана, десять видных участников налета были пойманы, но главари — князья Голицыны — успели скрыться.

Одесские коммунисты и рабочие с честью вышли из тяжелого положения. 3-й полк был выведен за город, бандитские элементы в нем были изолированы, и с этой стороны опасность была ликвидирована. Отряд железнодорожников под командованием Мизикевича, ануловские рабочие батальоны, полк коммунаров имени Старостина, кавалерийский полк Беспалова, автоброневики под руководством Реввоенсовета 3-й армии, фактически слившегося с губисполкомом, не только сумели обеспечить полный порядок в городе, но и выдвинуть отдельные отряды вперед на случай неожиданного прорыва григорьевских банд.

Части Григорьева уже двигались в направлении на Екатеринослав, Кременчуг — Харьков, Киев и Херсон. С точки зрения оперативного замысла, направления эти были выбраны удачно, ибо давали возможность Григорьеву соединиться с махновцами, деникинцами и петлюровцами.

Григорьев продвигался быстро. 11 мая мятежники, захватив Екатеринослав и Кременчуг, двинулись на Харьков. 12 мая части Григорьева дошли до Золотоноши и открыли направление на Киев. 15-го и 16-го они вошли в Херсон и Николаев.

У Григорьева было тысяч двадцать штыков и сабель, а также приданная им артиллерия и бронепоезда. Во всех же трех украинских армиях насчитывалось до шестидесяти тысяч бойцов.

Но эти армии были прикованы к границам или связаны боями с казаками верхнедонских станиц и деникинцами, проявлявшими все большую активность.

Успех Григорьева объяснялся отсутствием советских войск на пути его движения и пассивностью крестьянства. Середняки колебались между ним и Советской властью. Кулаки, конечно, ему сочувствовали. Но они еще не дошли до того «накала», который впоследствии породил такое количество банд. В результате этого ряд городов объявил себя «нейтральными». Большое значение имела позиция Махно. Махновцы — типичные выразители интересов среднего и богатого крестьянства — тоже колебались. Махно, конечно, понимал, что «двум батькам на Украине не пановать», и потому соединяться тогда с Григорьевым не собирался. Но он надеялся, что борьба Григорьева с Советской властью позволит ему расширить свою территорию. На запрос представителя СТО о его позиции Махно ответил нахальной телеграммой, в которой, между прочим, говорил, что от оценки действий Григорьева он пока воздерживается и будет драться с деникинцами, «стараясь в то же время, чтобы освобождаемый нами тыл покрылся свободными рабоче-крестьянскими соединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя, и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и многие комиссариаты, проводящие партийную диктатуру, встретят в нас энергичных противников».

Между тем «Универсал» Григорьева стал осуществляться на практике. «Свобода торговли и охрана собственности» выразилась в том, что он предоставил своим бойцам, превратившимся в бандитов, делать в захваченных местностях что им угодно.

С. А. Винокурову удалось в последний момент, когда уже восстание фактически начиналось, уйти в подполье, а потом прибыть в штаб войск К. Е. Ворошилова, подавлявших мятеж. Старый большевик Антонов-Чалый, назначенный к Григорьеву комиссаром, был зверски убит.

С момента мятежа и до эвакуации с Украины я почти беспрерывно находился в разъездах по разным фронтам. По прибытии с нашими частями, которые шли по пятам Григорьева, в Черкасы я увидел этот небольшой городок в ужасающем состоянии. Трупы были не убраны, большинство домов разграблено. Особенно пострадало еврейское население. Невольно я задержался около одного белого домика. Все окна в нем были выбиты, цветы в палисаднике перед домом растоптаны, ограда сломана. У входа в дом лежал труп пожилого человека с выколотыми глазами и бородой, из которой были выдраны клочья. Рядом с ним — женщина в разорванной рубашке, с

отрезанными грудями и вспоротым животом. И, наконец, тут же — мертвая обнаженная девочка с явными признаками насилия.

В этой трагической обстановке являлось парадоксальным, что неофициальным гимном григорьевщины стало знаменитое «Яблочко».

Пьяные бандиты, больше всего ненавидящие чекистов и громившие здания чрезвычайных комиссий, врываясь в города и села, распевали под гармонику:

Эх, яблочко, куда ты котишься,
в Че-ка попадешь — не воротишься…

Всюду по пути следования григорьевских банд находили десятки трупов, зарытых по пояс в землю головой вниз. Было установлено, что людей бросали в ямы живыми.

Красноармейцы, видя все это, приходили в такую ярость, что клялись уничтожить григорьевцев всех до одного. Вся Украина пришла в движение — рабочие, крестьяне, члены профсоюзов, советские работники, ремесленники, мелкие торговцы бросали дома и семьи, записываясь в ряды Красной Армии. Все партии, кроме двух — «незалежников-активистов» и «левых эсеров-активистов», — призвали своих членов на борьбу с Григорьевым.

Даже крестьянский съезд, созванный самим Григорьевым в Александрии, предложил ему «прекратить бесчинства и заявить о своем примирении с Советской властью». Два полка из частей Григорьева — 3-й и 5-й — отказались ему подчиняться и перешли на сторону Красной Армии. Но основное ядро его армии — бывшие петлюровцы, ряды которых пополнились офицерами, уголовниками и отдельными кулаками, — продолжало сражаться.

Командующий всеми войсками, в том числе и рабочими добровольческими отрядами Харьковского военного округа, К. Е. Ворошилов во взаимодействии с частями 2-й армии разбил основные силы григорьевцев у Екатеринослава. Части 1-й и 3-й армий были брошены во фланги и в тыл григорьевской группировки. С «григорьевщиной» было покончено в две недели. Но сам Григорьев с довольно крупной бандой вступил в районе Александрийского уезда, Херсонской губернии, в соприкосновение с отрядами Махно.

Антисоветская позиция Махно окончательно определилась после попытки созвать контрреволюционный кулацкий съезд в Гуляй-Поле, хотя формально он подчинился приказу сдать дивизию. Оставив всех своих командиров и людей в частях, он под предлогом выхода для действий в тыл деникинцам ушел с

сотней отборных кавалеристов в тыл Красной Армии. Нападая на мелкие продовольственные отряды, уездные города и различные склады, Махно дошел до Херсонской губернии, где и столкнулся с Григорьевым.

Для Махно эта встреча имела двоякое значение. Во-первых, в лице Григорьева он видел своего основного соперника. Во-вторых, имея мало сил (до задуманного им переворота в войсках Дыбенко), Махно счел целесообразным сначала соединиться с Григорьевым, а потом убить его. В итоге переговоров было решено, что григорьевцы и махновцы сливаются в один отряд. Махно становится «председателем Реввоенсовета», которому Григорьев подчиняется в качестве «главнокомандующего». Григорьевцы перемешались с махновцами. После того как в одном селе бандиты Махно разграбили у крестьян последнюю кооперативную лавку, он решил созвать митинг, обвинить в грабеже Григорьева, а затем убить его.

Один из приближенных Махно, Чубенко, впоследствии дал яркое описание схватки двух кулацких скорпионов.

«В то время, когда я говорил на митинге против Григорьева, то Григорьев прошел в толпе и подошел ко мне, но сзади меня сидел Махно. Тогда он обратился к Махно и сказал, что я ответствен за то, что говорю. Махно же ему ответил: «Пусть кончает, мы его спросим». Увидев такое дело, я кончил говорить. После меня выступил Фома Шпота, а я пошел в помещение сельского Совета. За мной пошел Григорьев, а за Григорьевым Махно, Каретников, Чалый, Колесник, Троян, Лепетченко и телохранитель Григорьева, какой-то грузин.

Придя в помещение сельсовета, я зашел за стол, вынул из кармана револьвер «библей» и поставил его на боевой взвод. Это я сделал так, чтобы Григорьев не заметил, и, стоя за столом, держал в руке револьвер. Когда пришли все остальные, то Григорьев стал около стола напротив меня, Махно рядом с ним, справа, а Каретников позади Махно; с левой стороны Григорьева стали Чалый, Троян, Лепетченко и телохранитель Григорьева. Григорьев был вооружен двумя револьверами системы «Парабеллум»; один у него был в кобуре около пояса, а другой привязан ремешком к поясу и заткнут за голенище.

Обращаясь ко мне, Григорьев сказал: «Ну, сударь, дайте объяснение, на основании чего вы говорили это крестьянам». Я стал по порядку рассказывать, на основании чего я говорил. Сначала я сказал ему, что он поощряет буржуазию: когда брал сено у кулаков, то платил за это деньги, а когда брал у бедняков и те приходили просить, так как у них это последняя надежда, то он их выгонял. Затем я ему напомнил, что он оставил у одного

помещика пулемет, два ящика патронов и несколько винтовок, 60 пар черных суконных брюк, в то время как у нас население совершенно раздето; затем я ему напомнил о том, как он расстрелял махновца за то, что он у попа вырвал лук и обругал его. Я напомнил ему еще несколько человек, которым он бил морды, потом я ему еще сказал, что он действительно союзник Деникина и не захотел наступать на Плетеный Ташлык, так как там были шкуровцы. Григорьев стал отрицать. Я ему в ответ: «Так вы еще отрицаете, что вы не союзник Деникина? А кто же посылал делегацию к Деникину и к кому приезжали офицеры, которых Махно расстрелял?»

Как только я это сказал, Григорьев схватился за револьвер; но я, будучи наготове, выстрелил в упор в него и попал выше левой брови. Григорьев крикнул: «Ой, батько, батько!» Махно крикнул: «Бей атамана!»

Григорьев выбежал из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил во двор и упал, Я тогда его добил.

Телохранитель Григорьева выхватил маузер и хотел убить Махно, но Колесник, стоявший около него, схватил его за маузер и сунул палец под курок, так что он не мог выстрелить. Махно в это время забежал сзади телохранителя и начал стрелять в него. Он выстрелил пять раз, пули прошли навылет и ранили его, телохранителя и Колесника, так что они оба упали одновременно. Когда оба (Григорьев и его телохранитель) были убиты, то их вытащили за ворота в канавку. В это время прибежали Шусь, Забудько, Лазаренко и еще какие-то четыре кавалериста.

Махно приказал, чтобы я взял у кавалериста лошадь и быстро сообщил своим войскам, чтобы они оцепили село и разоружили григорьевцев, что и было сделано. Когда григорьевцы были разоружены, то они пошли в штаб, где был еще один григорьевский командир и казначей, которых они забрали и тут же на площади убили камнями. А бывший начальник штаба Григорьева Бондарь бежал, и как ни старались его поймать, — не смогли. Так была ликвидирована григорьевщина, и многие григорьевцы у нас остались…»

После убийства Григорьева Махно приступил к осуществлению плана, который он разработал, когда формально сдал свою бригаду и ушел с небольшим отрядом из Красной Армии.

Его полки сначала входили в 3-ю Заднепровскую дивизию, которой командовал П. Е. Дыбенко, а потом в состав Крымской армии. Меры, которые принял П. Е. Дыбенко для реорганизации этих частей, были очень поверхностными и ограничились

назначением комиссаров и некоторыми второстепенными перемещениями комсостава. Во главе полков по-прежнему стояли старые соратники Махно.

Чтобы принять участие в боевых операциях против Деникина, части Красной Армии в июле стали покидать Крым, оставляя там небольшие гарнизоны. Неожиданно бывшие махновские командиры Дерманжи, Калашников и Буданов арестовали комиссаров и некоторых командиров и повели части на соединение с Махно.

ЗАГОВОРЫ И РОСТ БАНДИТИЗМА

С июня 1919 года сводки Отдела особого осведомления пестрят сообщениями о заговорах, появлении банд почти во всех губерниях и уездах Украины и об их действиях.

Было известно, что после бегства Петлюры в Ровно и создания им «кабинета Мартоса» в петлюровское правительство вошли представители от «повстанцев» — эсеры Одрина и Черкасский. Эсеры вместе с петлюровцами создали в начале апреля подпольный повстанческий центр.

Начались антисоветские выступления в селах, которые как бы кольцом окружали Киев, — в районах Новопетровцы, Старопетровцы, Вышгород, Валки, Демидов, Горенка, Мостища, Гостомель.

Еще 10 апреля петлюровцы организовали восстание в самом Киеве на Куреневке. Под видом идущих на богомолье паломников, скрывая под одеждой оружие, они мелкими группами просачивались на Подол. Наконец, соединившись в банду, превышавшую двести человек, они бросились в красноармейские казармы. Внезапность удара и наличие в некоторых полках неустойчивых элементов из числа петлюровских перебежчиков могли вызвать беспорядки в городе. Но часть банды занялась еврейским погромом, время было упущено, и восстание легко удалось ликвидировать.

Такие единичные вспышки не имели особого значения до тех пор, пока кулаки повсеместно не перешли к активным действиям.

Уже в июле 1919 года банды Зеленого, центр которых был в селе Триполье, захватили из двадцати одной волости Киевского уезда пятнадцать. Таким образом, только шесть волостей имели связь с Киевом. Это привело к резкому сокращению подвоза продуктов в столицу Украины.

Зеленый имел в своем отряде более 2,5 тысячи хорошо вооруженных бандитов, пулеметы и орудия.

В районе Радомысля действовали бандитские отряды Струка и Соколовского. У Струка было несколько тысяч человек, пулеметы, орудия и одно время даже несколько пароходов, захваченных в Сварожье.

В Каневском уезде оперировала банда эсера Пирковки и прапорщика Коломийца, в Черкасском — отряды эсера Чучупаки, в Звенигородском — бывший григорьевский начальник штаба Тютюник. В Таращанском и Уманском районах оперировал крепко сколоченный отряд эсера Клименко и петлюровца Волынца. Отряд этот имел строгую военную организацию,

пулеметы, орудия.

Ликвидация миргородского восстания, как и некоторых других, дала многочисленные доказательства того, что все крупные банды поддерживают связь с петлюровцами с помощью курьеров, переходящих линию фронта, а также получают директивы из центра, находящегося на советской территории, вероятно, в самом Киеве.

Всеукраинской чрезвычайной комиссии удалось установить, что центром, связывающим большинство крупных шаек, был «Царский сад» в Киеве, а центром, пытавшимся объединить действия всех бандитских шаек, «повстанческий всеукраинский ревком».

У одного из задержанных в «Царском саду» агентов «повстанческого ревкома», учителя по профессии, были найдены мандаты: «ЦК незалежников», «головы войсковой рады», «штаба 3-й повстанческой дивизии», «Днепросоюза» и старый мандат за подписью атамана Григорьева.

Штаб «повстанческого ревкома», возглавляемого Юрием Мазуренко, находился в Свирском уезде. Начальником штаба был полковник Сатана, подчинявшийся непосредственно Петлюре, хотя это всячески скрывалось. Штаб пытался сформировать три дивизии: 1-ю — под командованием Тютюника, 2-ю — во главе с Дьяченко и 3-ю — под начальством однофамильца атамана Григорьева.

Сам Юрий Мазуренко под кличкой «атаман Калитва» командовал «отдельной дивизией». У него было около пяти тысяч бойцов, пулеметы, 6 орудий, обоз. Он пытался сосредоточить свои силы в районе Устиновка — Попельня с тем, чтобы, перерезав железнодорожную магистраль Фастов — Попельня и Фастов — Белая Церковь, зайти в тыл советским войскам, сражавшимся с частями Петлюры, и облегчить последнему прорыв на Киев. Для этого Юрий Мазуренко координировал свои действия с атаманом Зеленым. Петлюра через «повстанческий ревком» поддерживал связь со всеми крупными бандами.

Чем больше я изучал нашу тактику ликвидации банд, тем яснее для меня становилось, что вся система операций против петлюровских, махновских и кулацко-эсеровских банд на Украине в 1919 году страдала двумя существенными пороками.

Во-первых, операции велись не на окружение и полное физическое истребление противника, а на освобождение от него того или другого района. Отчасти потому, что на такие операции не хватало сил, они были плохо подготовлены и командование фронтов смотрело на них, как на второстепенные.

Во-вторых, крестьянская масса на Украине, освободившись от

гетманского и немецкого гнета, явилась почвой, на которой бурно расцвели мелкособственнические кулацкие инстинкты. Захватив землю помещиков и усевшись на ней, пользуясь возможностью спекулировать хлебом, мясом, салом, молоком, маслом, продавая их по бешеным ценам на городских базарах, не только кулак, но и середняк вовсе не склонен был жертвовать всем этим добром ради продразверстки. Он считал себя «отвоевавшимся». С другой стороны, мы еще не умели по-настоящему работать на селе. Нам не удавалось подойти к крестьянину так, как надо, и умело вести на селе пропаганду. В тот период крестьянин-собственник прочно воспринимал лишь то, что отвечало его классовой мелкобуржуазной природе. К тому же в «активисты» часто попадал особый тип «бедняка». Он действительно до империалистической войны был бедняком. Но потом привык состоять на казенном пайке, и в гражданскую войну содержался на всем готовом, в конце концов отучился крестьянствовать и, вернувшись в деревню, вовсе не склонен был с утра до вечера работать над восстановлением своего хозяйства. Много было таких болтунов-краснобаев, которые, придя к власти на селе, по существу оказались бездельниками и в первую очередь стремились хорошо пожить за чужой счет. У добросовестных, честных крестьян, даже бедняков, они вызывали только озлобление. На Украине, охваченной тогда гражданской войной, подобрать для работы на селе лучшие кадры было невыполнимой задачей.

Я решил эти выводы, сложившиеся на основании множества поступавших материалов, проверить лично.

К концу мая в Уманском районе создалось серьезное положение. Обстановка была такова, что учет военнообязанных провести было невозможно. В селах Дубовке и Маньковке скопилось множество дезертиров, захвативших с собой оружие. Эсеры и петлюровцы воспользовались созванным в Умани крестьянским съездом, чтобы поднять восстание. Умань захватил эсер Клименко, у которого в отряде было несколько тысяч человек. Клименко имел пулеметы и артиллерию. Христиновка и Севостьяновка были захвачены петлюровцем Волынцом. Ближе к Шполе действовал боротьбист Шегрин. Все они действовали совместно и имели до семи тысяч человек, много пулеметов, пять орудий, бронепоезд. В Умани Клименко учинил погром, убив более полутора тысяч человек.

Еще до этого Волынец захватил Липовец, но был оттуда выбит.

Для ликвидации контрреволюционного восстания, поднятого Клименко, 12-я армия выделила бригаду, двигавшуюся со

стороны Винницы на Умань. В помощь ей из Киева через Фастов на Шполу была направлена экспедиция под общим командованием В. П. Бельгова, который впоследствии, кажется, был военным министром ДВР.

Я попросил прикомандировать меня к Бельгову.

Экспедиция в составе двух поездов была сформирована из небольшого отряда моряков, кавалерийского взвода, кажется, 25-го полка, коммунистов, мобилизованных из киевских советских учреждений, и отряда продармейцев. Впереди двигался бронепоезд. Сам отряд, за исключением матросов, кавалерийского взвода, в котором по крайней мере половина состояла из петлюровских перебежчиков, был сборищем людей, плохо знающих военное дело. Мобилизованные коммунисты, составлявшие большинство отряда, были беззаветно храбры, преисполнены энтузиазма, но прошли самое поверхностное и краткосрочное военное обучение, между тем как бандиты, в основном кулаки, служившие в царской армии ефрейторами и унтер-офицерами, были великолепно подготовлены к одиночному бою, прекрасно знали местность и умели ее использовать.

В итоге мы медленно двигались через Фастов в сторону Шполы и Умани, восстанавливая железнодорожную колею и не выходя за пределы ее полосы. Я никогда не забуду ужасного зрелища сожженных полустанков, убитых железнодорожников и телеграфистов, на трупы которых мы то и дело натыкались. Иногда из расположенных неподалеку огромных сел прибегали люди и рассказывали о том, что там бесчинствует банда. В таких случаях составы надолго задерживались, выставлялось сторожевое охранение, а кавалерийский взвод вместе с матросами и небольшим отрядом коммунистов, имевших боевой опыт, двигался в село. Я сам однажды командовал таким отрядом. Дело было под вечер, неподалеку от Шполы. Старик и две женщины, из которых одна была пожилая, а другая молодая, покрытые синяками и ссадинами, в разорванной одежде, крича, плача и перебивая друг друга, рассказывали о том, что в их селе, в трех — четырех километрах от полустанка, со вчерашнего дня находится большая банда, которая грабит, насилует девушек и женщин и убивает сельских активистов. К ночи банда устроила дикое гульбище, и пьяные бандиты до сих пор бродят по селу, часть населения которого убежала в поле и леса, бросив на произвол судьбы дома и скот. Мы задержали старика и женщин, чтобы они могли служить проводниками, а отчасти еще и из тех соображений, что, вернувшись в село, они могли бы распространить слух о прибытии нашего отряда. Никаких точных данных о количестве бандитов, их вооружении, наличии

пулеметов, тачанок и т. д. получить не удалось. Старик уверял, что их не больше сотни; женщины доказывали, что они заполонили все село.

Прошло не менее получаса, пока мы выгрузили из вагонов лошадей и двинулись к селу. Дорога от полустанка шла через огромное поле уже высоко поднявшейся пшеницы. Солнце было на закате. Вдали, на пригорке, белели первые хаты большого села, и красноватые отблески играли на позолоченном куполе церкви. Наступали не колонной, а развернутой цепью — на случай, если сторожевое охранение бандитов укрывается в пшенице. Двигались мы довольно медленно. Наконец, дойдя до околицы, бросились вперед. Кавалерийский взвод сразу же оторвался от бегущих впереди стрелков. Только тогда я понял, какой длины бывают улицы в больших украинских селах. К тому же надо было выделить людей в хаты; если там находились бандиты, то, выскочив на огород, они легко могли бы нас обстрелять с тыла или вообще уйти. В конце села послышалась перестрелка, и когда я доскакал туда, то увидел нескольких бандитов, стоявших с поднятыми руками, и двух или трех красноармейцев, державших винтовки на изготовку. Остальные бойцы взвода были уже за селом, преследуя банду, ускакавшую верхом и на тачанках. В отдельных домах, особенно в тех, где жили евреи, представилась ужасающая картина чудовищных зверств и разгрома…

Так было почти всегда. Мы освобождали полустанки, станции, села, восстанавливали железнодорожную колею, связь, советские органы власти, но бандам почти всегда удавалось уходить. Только в самой Умани разыгрался серьезный бой, в результате которого банда Клименко была разгромлена, а сам он (что с атаманами случалось редко) попал в плен. Подобную же картину я наблюдал под Киевом во время операций против Тютюника, Зеленого, Апостола и других.

Из Уманского района наш отряд был срочно переброшен в Бердичев в связи с тем, что часть местного гарнизона напала на чрезвычайную комиссию и освободила некоторое количество красноармейцев из числа бывших петлюровских перебежчиков, арестованных за грабеж и антисоветскую агитацию.

В Бердичев мы приехали вечером. Выставив сторожевое охранение вокруг наших составов и вокзала, я по приказанию Бельгова с десятком матросов отправился в город выяснить обстановку. Пройдя с полкилометра, мы увидели трехэтажное ярко освещенное здание с открытыми окнами, из которых доносились звуки музыки. Мы зашли туда. Выяснилось, что это женская гимназия, в которой происходит бал учениц старших классов. Военный оркестр играл вальсы. Девушки в коричневых

платьях с белыми воротничками танцевали, забыв все на свете, с командирами и бойцами, обмундированными, как в те времена водилось, по вкусу каждого. Странно: не было ни пьяных, ни скандалов. Кавалеристы в роскошных галифе, френчах, гимнастерках или синих жупанах, звеня шпорами и обливаясь потом от жары, усердно вытопывали, стараясь не сбиться с ноги и не осрамиться.

Самое смешное заключалось в том, что какой-то командир, может быть недавний прапорщик или юнкер, руководил балом, как в былые времена, выкрикивая по-французски:

— Авансэ… Ангажэ во дам… Турнэ…

Конечно, никто, может быть, кроме гимназисток, не понимал того, что он говорил, но все старались, как могли.

Теплое чувство сжало мое сердце. Кругом лилась кровь. Разгульные атаманы, руководя пьяными бандитами, грабили, резали, убивали невинных, беззащитных людей под руководством «головного атамана» Петлюры. Здесь же я видел, как могучие чубатые люди с великой бережливостью и осторожностью водили за руки своих дам — милых, нежных, ясноглазых девушек с косами, которые при поворотах мелькали в воздухе.

Мои матросы переминались с ноги на ногу. Им тоже хотелось потанцевать. Но у них были винтовки в руках. Пришлось разрешить им танцевать по очереди.

Рядом со мной командир матросского отряда, бывший боцман, вдруг начал свертывать цигарку, и я заметил, что руки у него дрожат, а глаза стали влажными.

Он почувствовал, что я наблюдаю за ним, и, как бы оправдываясь, сказал:

— У меня такая же дочка осталась в Кронштадте… Семнадцатый год пошел… Эх! Скорей бы сбросить беляков да петлюровцев… Не дают людям жить спокойно…

Когда мы выходили из здания, на подоконниках открытых окон, в коридорах и на лестницах — всюду были счастливые пары. В те времена требовалось очень немного, чтобы создать иллюзию мирной жизни.

Мы шли по тихим, уснувшим улицам, и наши шаги гулко отдавались вокруг. Небо, похожее на черную раковину, казалось, спустилось очень низко, и большие звезды ярко светились в нем. Город как будто вымер. Редко в каком доме за спущенными занавесками мерцал в окне огонек.

Мы вернулись назад. Через два дня в результате переговоров зачинщики беспорядков были арестованы. Мы двинулись в сторону Киева.

УХУДШЕНИЕ ОБСТАНОВКИ

Когда я ехал с вокзала к себе в «Континенталь», яркое солнце заливало золотом и пурпуром улицы и сады, где играли дети, парки, в которых прогуливалось множество людей, оживленных и загорелых.

В «Континентале» из ресторана доносились звуки оркестра и шум голосов.

Как будто ничего не изменилось, подумал я, открывая дверь своего номера. Но на другой день, просматривая материалы, поступившие за две недели, я увидел, что обстановка менялась с катастрофической быстротой.

Постепенно положение складывалось так, что Левобережье захватывал Деникин, в районе Екатеринослава и Херсона действовали махновцы, а все Правобережье истекало кровью от бандитских погромов. Если с 1 апреля по 1 мая 1919 года из девяноста трех контрреволюционных выступлений на Киевскую губернию приходилось тридцать четыре, то за первую половину мая из двадцати восьми выступлений на киевский район приходилось тринадцать, то есть почти половина, а с 15 по 30 мая — три четверти.

Деникинская армия подходила к Харькову. В районе Сарны — Ровно против расположения нашей 12-й армии (с 1 июня в связи с декретом ВЦИК о военно-политическом единстве советских республик номера армий были изменены) появился новый враг — «галлерчики». С апреля по июнь Антанта спешно перебрасывала в Польшу сформированную во Франции польскую армию генерала Галлера. Она состояла из шести дивизий, полностью укомплектованных, обученных и снабженных техникой и вооружением в соответствии с французским штабным расписанием военного времени.

Петлюровцы получили значительные подкрепления из Галиции и от обороны перешли к активным действиям.

Украинский советский фронт фактически исчерпал свои резервы.

Поредевшие части пополнялись наскоро вооруженными отрядами шахтеров и рабочих.

Измена Махно явилась главной причиной быстрого продвижения деникинцев. Махно, обещавший в свое время уполномоченному Совета Труда и Обороны «по-прежнему с товарищами повстанцами гнать деникинские банды», уже тогда сам удирал с необыкновенной быстротой от Шкуро. Деникинское командование прекрасно понимало, чего стоят батько и его

войско. Впоследствии оно даже допустило ошибку, оставив его в своем тылу, ибо именно в тылу махновцы и были опасны.

Деникин бросил конный корпус Шкуро на махновские полки. В первый же день наступления махновцы откатились на 45 километров, а через три дня, к 23 мая, на 100 километров. 29 мая Махно открыто выступил против Советской власти, и его части ушли в тыл, обнажив фронт на участке шириной до 50 километров. Здесь кавалерийский корпус Шкуро обрушился на тыл 13-й армии и на ее фланг, смыкавшийся с соседней, оборонявшей Луганск 8-й армией. За ним следовали пехотные части под командованием генерала Май-Маевского.

Несмотря на героическое сопротивление этих двух советских армий, потерявших в боях почти весь свой командный и политический состав, 24 июня Харьков был занят белыми.

Поздно вечером, когда я сидел в кабинете, это известие окончательно подтвердилось. Светлое пятно падало из-под абажура лампы на пачку телеграмм, лежавших на столе. Углы комнаты тонули в темноте.

Я читал одно сообщение за другим и видел: по всем дорогам Украины двигались вражеские войска. Шли деникинские офицерские полки, ехали в зеленых грузовиках одетые в синюю французскую форму «галлерчики», наступали серожупанные «галицийские сечевики» — «директории без территории», из лесов выходили шайки бандитов, постепенно накапливаясь в окрестностях Киева.

Я спустился вниз, в Отдел внутренней информации, которым руководил мой друг, Виктор Алексеевич Ордынский. Среди фанатически преданных революции людей — рыцарей без страха и упрека — он занимал достойное место.

Слово «история» — греческого происхождения и обозначает повествование о том, что известно. Буржуазным историкам легко писать о прошлом. Один император, президент или полководец следует хронологически за другим, выдающиеся люди сменяются посредственными, за периодом упадка следует эпоха возрождения, и учебник воспринимается, как хороший обед: каждое блюдо приготовлено по давно известному рецепту и полито соответствующим соусом.

Но, вероятно, пройдут десятилетия, пока удастся написать исчерпывающую историю Советского государства, ибо оно создавалось всем народом во главе с Коммунистической партией. В период создания Советского государства и во время гражданской войны наш народ дал десятки тысяч выдающихся людей, имена которых станут известными после того, как ученые ознакомятся со всеми документами прошлого. Таким человеком

был и Виктор Алексеевич Ордынский.

Высокий, голубоглазый, с правильными чертами лица и коротко подстриженными светлыми усами, всегда спокойный и вежливый, он на первый взгляд производил впечатление человека замкнутого. Ордынский не любил громких слов, панибратства, распущенности. Обладая высокой культурой, настоящей храбростью, которая всегда является признаком сильной воли, и исключительным благородством, он был очень скромен.

Даже мне, часто общавшемуся с ним, все эти его качества раскрылись только впоследствии, в условиях подполья, когда совместные испытания сблизили нас навсегда — до последних дней его жизни.

В тот вечер, когда я зашел к Ордынскому, он еще работал. Методическими движениями он брал бумаги — одну за другой — из лежавшей на столе металлической корзинки, читал их, правил, делал пометки и аккуратно складывал в другую — для отработанных документов.

— Виктор Алексеевич, не хотите ли пройтись?.

Ордынский вынул из маленького кармана брюк плоские часы, взглянул на них.

— Если вам угодно. Я освобожусь минут через пять…

Мы вышли на Крещатик и молча пошли в сторону парка — к Днепру…

Город, с его улицами, фонарями, музыкой, доносившейся из кафе, голубым сумраком над рекой, женщинами и мужчинами, которые сидели, обнявшись, на скамейках, жил прежней жизнью. Огненное кольцо еще не сомкнулось вокруг него.

Ордынский посмотрел на меня.

— Что-то вы сегодня молчаливы…

— Не могу еще оценить значение потери Харькова…

— По-моему, оно очевидно: овладение Харьковом открывает кратчайшую дорогу на Москву…

— Я имею в виду не это. Деникин со времени падения монархии ничего не понял и ничему не научился. Для того, чтобы восстановить власть помещиков и фабрикантов, ему нужно иметь в тылу огромную армию, и преимущественно офицерскую. Ее у Деникина нет. Даже чтобы начать наступление, ему придется прибегнуть к всеобщей мобилизации, которая его погубит…

Ордынский помолчал, потом сказал:

— Не знаю… У крестьянства наступит перелом, и оно восстанет. Это ясно. Весь вопрос во времени: какой срок требуется для этого. С какой быстротой будет идти наступление Деникина на Москву, как скоро мы сумеем организовать контрудар. Владимир Ильич все это учитывает, и, вероятно, контрудар будет

сокрушительным. Но здесь, на Украине, кроме белых, есть еще и петлюровцы, и поляки. Киев еще не раз будет переходить из рук в руки…

— Что касается петлюровщины, — сказал я, — то она вырождается в бандитизм. Если Деникин будет разбит, от Директории и следа не останется… Поляки — другое дело. Они только что заняли Силезию, Познань, Галицию, часть Литвы и Белоруссии. Неизвестно, где они остановятся и чего они хотят…

У беседки, стоявшей около обрыва над Днепром, мы сели на скамейку. Доносился ровный плеск воды. Красный диск луны вырвался из облаков и залил светом все, бросая на землю тени деревьев.

Ордынский посмотрел на небо и сказал:

— Да, в этом городе еще много прольется крови…

НА ДЕНИКИНСКОМ ФРОНТЕ

25 июня вечером мне было предложено с группой товарищей — С. Винокуровым, В. Грутманом, Н. Вершининым — и небольшим техническим аппаратом выехать в Сумы, где сосредоточивались отступавшие из Харькова части.

Наша задача заключалась в возможно более точном и широком осведомлении о положении, создавшемся на этом участке фронта и примыкавшей к нему тыловой полосе, а также в выяснении причин отступления из Харькова. Важно было, конечно, знать и что происходит на недавно занятой Деникиным территории.

Несколько часов, которые оставались у меня до отъезда, ушли на получение различных инструкций и оформление мандатов. Один из них должны были подписать председатель ВУЦИК Г. И. Петровский и секретарь Г. Ф. Лапчинский.

Г. Ф. Лапчинский был обаятельный человек, умный и приятный.

Заглянул я и в Совнарком. Мирра Гец, секретарь предсовнаркома, сидела грустная за своим столом: ей хотелось на фронт, и она с тоской смотрела на груды бумаг, скопившиеся на столе. М. Л. Грановский, управляющий делами правительства, тоже стремился уйти отсюда и, кажется, вскоре был назначен членом Реввоенсовета 14-й армии. Впечатление было такое, что общий подъем охватил всех и никто не хочет оставаться в тылу.

Когда ночью мы приехали на вокзал, выяснилось, что нет ни вагона, ни паровоза. После довольно энергичных объяснений с начальником станции нам дали паровоз и платформу, на которую мы водрузили несколько ящиков, чтобы было на чем сидеть.

Я не успел взять с собой не только вещи, но даже шинель. Впрочем, дни стояли очень жаркие. Едва мы проехали несколько километров, как стало ясно, что дальше двигаться почти невозможно. Из паровоза, который топили дровами, снопы искр сыпались на платформу.

Луна ярко освещала березовые рощи и бесконечные поля. Пшеница колыхалась, словно убегающие вдаль волны. Ветер свистел в ушах. Навстречу пронесся пассажирский поезд, набитый людьми, каждый из которых не знал, что его ожидает завтра.

Мы пересаживались с места на место, прятались за ящиками — ничего не помогало, укрыться от искр было негде. Следовало на ближайшей станции потребовать замены платформы вагоном, но тогда мы задержались бы по крайней мере на полдня, потому что дефицит в вагонах был страшный.

Даже самые срочные военные перевозки выполнялись с трудом и опозданием. Оставался один выход — терпеть и ехать как можно быстрее. На какой-то станции мы попытались достать уголь — ничего не вышло, потому что из Донбасса, захваченного белыми, уже давно ничего не поступало.

Хмурый усатый комендант, с красными, отекшими от бессонницы веками, даже не взглянув на мои мандаты, сказал:

— Верю, что вы едете не гулять! Поймите, дров и тех не хватает! Вчера один эшелон, чтобы продвинуться дальше, прицепил несколько вагонов с сухой рыбой. Вместо угля паровоз топили рыбой. И вообще черт знает что происходит… Ночью какие-то личности почти за гроши продавали водку кавалеристам башкирской дивизии. Вон взгляните в окно…

Я посмотрел и увидел, как десятка два всадников промчались галопом по путям и исчезли за линией в направлении видневшейся недалеко деревушки.

Поздно ночью мы прибыли в Сумы. Но в каком виде! Френч, истлевший во многих местах, я выбросил и теперь был в одной рубашке, дырявых галифе и обгоревшей фуражке. Остальные выглядели примерно также. Все мы к тому же покрылись густым слоем сажи…

В городе был введен комендантский час, и, выйдя на площадь, мы не встретили ни одного человека. В те годы улицы этого городка утопали в фруктовых садах, и дома как бы прятались в них. Освещенные луной, без единого огонька в окнах, они казались нарисованными.

Мы стояли, изумленные, голодные и полураздетые, раздумывая, где найти начальника гарнизона. Заспанный дежурный по станции ничего не знал, коменданта тоже не оказалось на месте.

Неожиданно послышался конский топот, и из-за угла выехали несколько всадников, которые направились прямо к нам. Они были одеты в красные галифе, красные кафтаны и фуражки с красными околышами. Такой всадник в поле или в городе был виден издалека, как красный тюльпан на фоне травы. Любой человек, даже взявший впервые винтовку в руки, мог бы без промаха попасть в эту чудную мишень.

Старший из них подъехал, стараясь прижать нас лошадью к стенке дома.

— Кто такие?

Я ответил и полез в задний карман брюк за документами.

— Стой, не шевелись! — закричал он, видимо думая, что я вынимаю револьвер, хотя кобура с наганом висела у меня на ремне.

— Да откуда вы, черт вас возьми, какой части?

— Патруль комендантского эскадрона…

— Где комендант?

— А зараз увидишь… Пошли!

К нашему удивлению, нас повели назад к вокзалу.

В одном из вагонов, переоборудованном под штабной, сидели несколько командиров вместе с женщинами, выпивали и закусывали.

Комендант оказался толстым, обрюзгшим человеком. Взглянув на нас, он было обрадовался:

— Хороши!.. Попались, голубчики!.. Документы?

Но по мере того как он читал мандаты, физиономия его вытягивалась, а голос приобретал другой оттенок.

— Вы, наверное, устали с дороги? Прошу, присаживайтесь, закусывайте…

— Это вы одели эскадрон в красное обмундирование?

— Я! Для того чтобы комендантская часть отличалась от других.

Переночевали мы в какой-то казарме, а на другой день нам отвели двухэтажный особняк с садом.

Сумы показались мне самым живописным городком из всех виденных мною до этого времени. Он стоит при трех реках — Псел, Сумы и Сумка. Берега реки, протекающей у самого города и местами имеющей хороший песчаный пляж, привлекали много купающихся. Мы с удовольствием проводили там час, другой, если удавалось оторваться от работы. К тому же Сумы и тогда были крупным центром свекло-сахарной, табачной, кожевенной и пищевой промышленности. Поэтому в городе было много хороших домов и всякого рода торговых и банковских зданий. Красивый городской парк с рестораном, превращенным в закрытую военную столовую, привлекал по вечерам много публики.

Особняк, который нам отвели, по-видимому, принадлежал какому-то сбежавшему купцу. Обходя комнаты, я увидел, что внизу, судя по обстановке, находилась контора, а наверху — жилые комнаты. Очевидно, наиболее ценные предметы были где-то спрятаны. Заканчивая осмотрев конце коридора второго этажа я заметил дверь и открыл ее. Это была очень большая комната, вся заставленная вещами, собранными со всего дома. У окна на каком-то обитом шелком диванчике овальной формы сидела девушка-подросток, лет пятнадцати — шестнадцати, в очень коротком платье, с голыми ногами и обнаженными руками и шеей, и читала книжку.

Я спросил девушку, что она здесь делает. Она взглянула на

меня — в ее больших серых глазах не было ничего девического.

— Это дом моих родителей…

— Где они?

— Не знаю, куда-то уехали…

Это было неприятно. В то же время я не имел права ее выселять из собственного дома, тем более, что она еще училась в местной женской гимназии.

С детства меня приучали к точному распределению дня и к тому, чтобы помещение, в котором человек работает или живет, содержалось в абсолютном порядке. Покойный отец поднимал нас всех — трех братьев и сестру — в семь часов утра. Мы должны были сами аккуратно застелить свои кровати и убрать свои комнаты. Каждой вещи полагалось быть вычищенной и стоять на своем месте. После этого все принимали холодный душ — вне зависимости от времени года и погоды, и только тогда начинался завтрак и рабочий день. В школе и дома нам непрестанно внушали, что в любом месте и при любых обстоятельствах человек должен содержать себя и одежду в чистоте, быть во всем аккуратным и жить в соответствии с разумным расписанием дня. За пятна на одежде или грязные сапоги наказывали так же, как и за любой другой проступок. Кроме этого, то, что следовало сделать сегодня, не разрешалось оставлять на другой день. На основе этих общих принципов воспитания строились и обучение, и подготовка к любой профессии.

Уже на другой день после нашего прибытия были распределены обязанности, установлены часы занятий, и работа началась.

Через несколько дней выявилось следующее:

1. Что Деникину удается гораздо быстрее, чем нам, сосредоточивать крупные силы на важнейших направлениях и затем, после выполнения намеченной задачи, перебрасывать войска на другие участки фронта.

2. Что Деникин сформировал крупные кавалерийские соединения — конные корпуса Мамонтова, Шкуро, Улагая, Покровского, Шатилова, которые в условиях гражданской войны (в основном маневренной) имели в боях решающее значение.

3. Что, соединившись с ранее поднявшими восстание казаками, белые (как это и предвидел В. И. Ленин) получили огромное, полностью вооруженное и великолепно подготовленное пополнение.

Что касается наших частей, то они были переутомлены беспрерывными боями, потеряли более половины состава ранеными и убитыми, и хотя добровольческие отряды донецких шахтеров и рабочих крупных городов сражались героически, они

не могли возместить этих потерь.

К тому же в тот период белые еще пополняли свои полки казаками, офицерами и юнкерами, стекавшимися к ним отовсюду. Наши же резервы, с точки зрения боевой подготовки, заставляли желать лучшего.

На решающих направлениях у белых было почти двойное численное превосходство. Деникин к моменту своего наступления имел неограниченное количество вооружения, боеприпасов, продовольствия, фуража. У него были танки, самолеты, бронепоезда, броневики и автомашины. В Новороссийском порту круглые сутки выгружали посылаемое Антантой, в первую очередь Англией, вооружение, боеприпасы, обмундирование и все необходимое для армии, вплоть до сигарет и сгущенного молока.

В ряде случаев сыграла роль и измена командного состава, когда бывшие офицеры перебегали к белым. В частности, за несколько дней до оставления Харькова из окружного военного комиссариата несколько офицеров перебежали к деникинцам, и полученная от них информация весьма помогла Май-Маевскому.

К 1 июля Деникин захватил Донскую область, Донецкий бассейн, часть Украины, Крым, Царицын и вышел на Волгу. Впечатление было такое, что им задумана совместно с Колчаком широкая, хорошо подготовленная операция наступления на Москву — в лоб, в направлении Харьков, Курск, Орел, Москва, и с тыла — со стороны Волги. Однако на фоне этих, казалось, блестящих успехов некоторые данные свидетельствовали о том, что они недолговечны и что время работает на нас.

Захватывая новые территории, Добровольческая армия автоматически устанавливала на них дореволюционный режим. Как из-под земли появлялись бывшие помещики или их наследники и отнимали у крестьян обработанную землю, инвентарь, а часто, под предлогом компенсации за разоренные имения и потери, накладывали на них крупные денежные взыскания. В результате не только бедняки и колебавшиеся середняки, но иногда и зажиточные крестьяне начинали оказывать вооруженное сопротивление белым.

Чем дальше двигался Деникин, неся огромные потери в боях, тем больше ему приходилось «подчистую» забирать все в тылу. Даже в крупных тыловых городах гарнизоны состояли из нескольких офицерских взводов или рот. В то же время в этих же городах все больше накапливалось офицеров, чиновников и интендантов, под разными предлогами откомандированных из частей и занимавшихся безудержной спекуляцией и кутежами.

Теперь за каждым белым полком тянулись целые составы награбленного имущества.

Для того чтобы численно увеличить армию и восполнить потери, без чего нельзя было и думать о дальнейшем наступлении, Деникин должен был начать мобилизацию. Так белая армия теряла не только свой классовый и профессионально военный характер, но и свою боеспособность, поскольку насильно мобилизованные крестьяне и рабочие ее ненавидели.

Захватив 30 июня ценой огромных потерь Царицын, Деникин не мог осуществить главной задачи — соединиться с Колчаком, ибо войска последнего уже откатились далеко на восток.

В тылах у Деникина безнаказанно рыскал Махно. Отряды его увеличивались. Рабочие повсеместно готовились к восстанию. Владельцы промышленных предприятий и рудников вовсе не собирались полностью восстанавливать производство и добычу угля. Они или продавали фабрики, заводы, шахты агентам иностранных компаний, во множестве появившимся на занятой белыми территории, или сбывали лежавшую на складах продукцию. Всюду царила безработица, заработная плата вовремя не выдавалась. Все, кроме небольшой кучки торговцев, промышленников, помещиков и офицерства, бедствовали. В этих условиях неустойчивости и военной истерии вся экономическая жизнь находилась в руках спекулянтов, мечтавших об одном — побольше награбить и уехать за границу.

В это время мы впервые начали сталкиваться с новыми элементами — «зелеными».

«Зеленые» являлись дезертирами из белой армии. Они составляли отряды и скрывались в лесах или городах, не желая переходить к красным. В описываемые дни это были еще мелкие шайки, бродившие между фронтом в поисках места, где бы можно было укрыться.

Обычно к вечеру мы верхом ездили из Сум к кадетскому корпусу, расположенному, кажется, в трех километрах от города, где помещалась радиостанция и откуда мы передавали срочные радиограммы в Киев.

Возвращаясь однажды поздно вечером вместе с Винокуровым, Вершининым и другими товарищами, мы наткнулись на группу всадников, неуверенно оглядывавшихся по сторонам.

Подъехав к ним вплотную, мы не могли различить, какой они части, — на фуражках не было ни кокард, ни звезд, а обычные солдатские гимнастерки в те времена носил кто угодно.

Ехавший впереди всадник был молод и имел довольно нагловатый вид. Он повернулся ко мне и почему-то шепотом спросил:

— В городе-то кто?

— А вы чьи? — задал я в свою очередь вопрос.

— Ничьи… — он почесал затылок, сдвинув на лоб фуражку. — Вишь ли, белые — г…о, да и красные не лучше…

В тот же момент он получил по физиономии, а находившийся рядом Винокуров одной рукой схватил поводья его лошади и дернул их так, что и лошадь и всадник покачнулись.

По команде «За мной!» вся группа (человек двадцать), сопровождаемая по бокам Вершининым и Грутманом, рысью последовала за нами.

Оказалось, что это были крестьяне, мобилизованные в запасный эскадрон одного из белых полков и второй день блуждавшие в поисках какого-нибудь незанятого села, «куда можно было бы податься».

В самих Сумах, где комендантом был Павел Андреевич Кин, соблюдался полный порядок. Городок даже производил почти мирное впечатление. Но на фронте положение не улучшалось. Деникинские армии еще полностью сохраняли инициативу и, в частности, наступали на Полтаву.

В то же время белые двигались к Киеву из Екатеринослава в направлении на Знаменку и из Крыма на Херсон и Николаев.

Было очевидно, что Деникин до наступления на Москву хочет захватить Украину и использовать ее ресурсы.

Сумы как информационный центр уже не имели своего значения. По основным вопросам, выяснение которых было на нас возложено, мы получили из разных источников исчерпывающие материалы. Со дня на день мы ждали приказа вернуться в Киев. Неожиданно в Сумы прибыл поезд председателя Реввоенсовета. Первое, что сделал предреввоенсовета, это вызвал редактора военной газеты «Красная звезда» Д. И. Эрдэ.

Эрдэ после оставления нами Харькова написал статью о необходимости более бдительного надзора за бывшими офицерами, работавшими на командных и штабных должностях в Красной Армии. За эту статью председатель Реввоенсовета приказал выслать Эрдэ из фронтовой полосы за 50 километров. Затем он вызвал ряд лиц, в том числе и меня, для информации.

Вся обстановка, царившая в его поезде, прекрасно оборудованном и усиленно охранявшемся, сковывала людей. Если Владимир Ильич Ленин располагал к себе человека с первого же слова и каждый готов был рассказать ему все, что он думает и чувствует, то предреввоенсовета, с его надменным лицом, холодно поблескивающим пенсне и ледяной, официальной манерой задавать вопросы, приводил собеседника в состояние замкнутости. Вызванный старался прежде всего не сказать чего-нибудь лишнего и был рад, когда беседа заканчивалась.

Когда он уехал, работа в штабах и учреждениях опять вошла в

нормальную колею.

Как-то в полдень, направляясь обедать в столовую, я увидел в парке девицу, которая жила в нашем доме. Она сидела на скамейке в такой позе, что все проходившие мимо оглядывались на нее. Мне показалось, что для гимназистки она ведет себя несколько странно. В тот же день поздно вечером я спустился в нашу канцелярию, помещавшуюся в нижнем этаже, чтобы проверить, отправлена ли одна важная телеграмма, и застал эту девицу с одним молодым парнем, приехавшим с нами в качестве технического секретаря. Их отношения меня не интересовали, но то, что она попала в канцелярию, заставило меня задуматься. Белые иногда довольно ловко засылали агентов. Парень получил от меня нагоняй, а ей я предложил переселиться на время нашего пребывания в особняке к родственникам или знакомым.

Учитывая всю полученную информацию о положении на деникинском фронте и в тылу у белых, ЦК КП(б)У в июле создал Реввоенсовет и главный штаб по руководству повстанческим движением на Левобережье. Командующим повстанческими войсками Левобережья был назначен Г. А. Колос, из политотдела 14-й армии.

В июле же начали заблаговременно создаваться базы и штабы партизанского движения на случай занятия неприятелем Украины. Было образовано также Зафронтовое бюро ЦК КП(б)У во главе с С. В. Косиором. Впоследствии Зафронтбюро переправило более восьмисот своих уполномоченных в тыл к белым. Совместно с подпольными партийными организациями они руководили борьбой трудящихся против Деникина на Украине. Героически вели себя комсомольцы. Достаточно сказать, что только одна одесская комсомольская подпольная организация объединяла свыше четырехсот юношей и девушек. Многие из них погибли, проявив при этом изумительное мужество.

Несколько дней спустя мы получили приказание вернуться в Киев.

В Киеве было тревожно. Белополяки, разделавшись с Западной Украиной, вступили в соглашение с буржуазными украинскими националистами, обещая им в порядке компенсации создать «автономную Восточную Украину» в составе Польши. Они двигались из района Сарны — Луцк на Житомир, петлюровцы — на Бердичев. Их части, которых сдерживала дивизия Н. А. Щорса, занимали линию Ямполь — Жмеринка — Ярмолинцы — Волочиск.

Екатеринославская группа деникинских войск из Знаменки развивала наступление в двух направлениях — на Киев и на

Вознесенск — Николаев — Одессу.

Генерал Шиллинг довольно быстро продвигался из Крыма на Херсон — Николаев.

29 июля деникинцы заняли Полтаву.

Обстановка в Киеве сильно обострилась. Перестрелки по ночам и налеты бандитов под самым городом на отдельных красноармейцев и советских работников стали обычными явлениями.

Контрреволюционные организации, действовавшие ранее с соблюдением правил строгой конспирации, теперь активизировались, рассчитывая восстаниями в тылу ускорить падение Советской власти в городах.

В конце июля ВУЧК была раскрыта белогвардейская организация под руководством Карла Лайкс-Шантоля в Черниговском и Городнянском уездах.

В августе был захвачен подпольный штаб петлюровцев в Киеве на Миллионной улице. Руководители его — Назар Стодоля и Кузьма Корж имели связь не только непосредственно с Петлюрой, но и со всеми крупными петлюровскими бандами на Украине.

В эти дни все коммунисты, а также значительная часть беспартийных советских служащих, пожелавших сражаться с ними плечом к плечу, встали под ружье.

В соответствии с телеграммой В. И. Ленина от 9 августа 1919 года: «…Обороняться до последней возможности, отстаивая Одессу и Киев, их связь и связь их с нами до последней капли крови. Это вопрос о судьбе всей революции. Помните, что наша помощь недалека» — делалось все возможное. Половина коммунистов из всех учреждений Киева отправилась на фронт. Годных для военной службы мужчин заменяли женщинами. Рабочие шли на фронт почти поголовно. На предприятиях, не имевших военного значения, оставались только старики и женщины. Командующий Киевским укрепленным районом К. Е. Ворошилов обратился ко всем трудящимся с призывом удесятерить свои усилия для организации отпора Деникину.

В новой телеграмме в Киев от 13 августа В. И. Ленин и Е. Д. Стасова от имени Политбюро рекомендовали:

> «…Закрыть все комиссариаты, кроме военного, путей сообщения и продовольствия. Мобилизуйте всех поголовно на военную работу и поставьте задачей продержаться хоть немного недель, слив в одно учреждение Совнарком, Совобороны, ЦИК и ЦК КПУ».

В обстановке чрезвычайного положения выявлялось

подлинное лицо людей. Какой-нибудь сотрудник хозяйственной части, еще вчера внушавший отвращение своим подхалимством, теперь не мог уже скрыть злорадного удовлетворения, глядя, как ты с винтовкой входишь в кабинет. Человек, скромно работавший в аппарате и ничем не обращавший на себя внимания, вдруг приходил с просьбой отправить его на фронт. Некоторые перестали ходить на службу, другие каким-то образом ухитрялись получить командировку в Москву. Скрытые белогвардейцы и украинские буржуазные националисты ждали момента, чтобы выйти на улицу с оружием в руках.

Сейчас уже невозможно охарактеризовать все оттенки настроений отдельных групп интеллигенции и мелкой буржуазии того времени. Многие из этой категории людей, даже не будучи враждебно настроенными, считали, что большевики — это утопические фанатики, которые просто не в состоянии понять, что их дело безнадежно проиграно.

Припоминается такой случай. Когда поляки захватили Житомир, а деникинцы и петлюровцы наперегонки рвались к Киеву, ко мне в гостиницу «Континенталь» явился один из наших сотрудников — молодой широкоплечий парень с голубыми глазами, некто В-н, которого я полюбил во время поездки в Сумы. Он был очень застенчивым и, когда волновался, начинал заикаться. Придя ко мне в номер, В-н поздоровался и уселся на стул.

Зная его характер и понимая, что такое молчание может длиться долго, я спросил его, зачем он пришел.

В это время вдруг зазвенели стекла от орудийных выстрелов — шла ликвидация банды Зеленого, который пробрался под самый Киев.

В-н покраснел.

— Х-хочу жениться…

— Время неподходящее, может, отложишь?

— Н-не могу… влюбился…

Выяснилось, что он пришел просить меня быть сватом, так как невеста без согласия отца не хочет выходить замуж, а сам он не уверен, что удастся уговорить.

Я убедил парня подождать.

Вечером стало известно, что операцией против Зеленого руководил лично Н. И. Подвойский. Когда часть бандитов пыталась вырваться из окружения у разъезда Карапыши, был тяжело ранен начальник артиллерии полевого штаба Наркомвоенмора, впоследствии известный писатель Борис Андреевич Лавренев.

Прошло еще несколько дней. На улицах по вечерам началась

частая стрельба. Подготовлялась эвакуация.

В-н опять явился ко мне — на этот раз в кабинет, с винтовкой в руках и револьвером в кобуре, потому что все коммунисты были мобилизованы.

— Так к-как же н-насчет свадьбы?

Вначале я хотел обругать В-на, но, посмотрев на его взволнованное, красное лицо, спросил:

— А невеста все еще согласна?

— Б-безусловно… Она здесь… О-ожидает…

Невеста оказалась очаровательной девушкой, полной наивной прелести и не имевшей ни малейшего представления о том, что происходит в мире. Ее манеры свидетельствовали о тонком воспитании, и, расспросив ее, я узнал, что это дочь крупного инженера, бывшего директора одного из киевских заводов.

В-н через несколько часов мог оказаться на фронте, со дня на день в город могли ворваться белые или петлюровцы. Эта наивная девушка должна была или идти с винтовкой на фронт вместе с мужем, к чему она была явно не подготовлена, или остаться в городе, захваченном врагом, в качестве жены «комиссара», что грозило ей тяжелыми последствиями…

Все это я объяснил жениху и невесте со всем красноречием, на которое был способен. Так как мои доводы не могли поколебать их решения, я вызвал машину и поехал с девушкой к ее отцу.

К моему удивлению, они жили в Липках в небольшом особняке, который не был уплотнен.

Папаша, в черном костюме и белом крахмальном воротничке, с бородкой и подстриженными усами, выглядел так, как будто никакой революции не произошло.

Невеста познакомила меня с отцом и исчезла. Мы прошли в кабинет. Я изложил причину своего визита. Папаша пристально посмотрел на меня и улыбнулся:

— Скажите, как бы вы поступили на моем месте?

— Дал бы согласие на брак…

Папаша вынул большую коробку с папиросами «Лаферм».

— Не угодно ли?.. Так вот, вы, кажется, интеллигентный человек и в состоянии мыслить логично. Город эвакуируется. Вероятно, его займут белые, потому что в Петлюру я не верю. При нынешнем соотношении сил, надо думать, Москва тоже будет занята. Дело в том, что такого строя, какой пытаетесь создать вы, до сих пор в истории не существовало. И во всем мире тоже не существует. Согласитесь сами: зачем же мне делать из моей дочери в восемнадцать лет вдову? Ведь этого молодого человека

повесят. — Он встал, прошелся по кабинету: — А жалко!.. Я — беспартийный специалист, и все-таки я вижу: у большевиков есть государственные идеи. При них не было такого расхищения, спекуляции, воровства, какое было при гетмане, белых, Петлюре… И они прежде всего восстанавливают промышленность… Да, жалко… И этого юношу, который влюбился в мою дочь, жалко, и вас мне жалко, молодой человек…

Он говорил совершенно искренне, и это меня возмутило. Я встал и сказал ему:

— У вас есть блокнот или бумага?

Инженер удивился:

— Да… Конечно…

— Запишите то, что я вам скажу. Даже если белые и придут сюда, советские войска вновь вернутся в этот город. А если им придется снова оставить его, они придут в него второй раз. Это будет повторяться до тех пор, пока в Киеве Советская власть не установится навсегда. В-н, если останется жив, опять придет за своей невестой, я его знаю. Искренне советую вам ни за кого другого пока не выдавать ее замуж. Вероятно, мы с вами еще увидимся…

Эти мои слова, хотя не полностью, но сбылись. Правда, больше этого человека я не видел. Но после того как Киев был освобожден в начале 1920 года, В-н явился за своей невестой. На этот раз папаша сдался. В мае поляки заняли Киев, и В-н с женой уехали в Харьков. После освобождения города они снова вернулись в Киев.

В конце августа белополяки захватили Житомир и Новоград-Волынский, петлюровцы — Фастов и Белую Церковь, деникинцы двигались к Киеву вдоль Днепра. Английский флот подошел к Одессе и после двухдневной бомбардировки высадил большой белогвардейский десант, который 25 августа захватил город. 12-я советская армия, сжатая со всех сторон численно во много раз превосходящим противником, сражалась героически, но было ясно, что ни она, ни все части киевского укрепленного района не смогут удержать Киев до решающих боев против Деникина, которые должны были начаться на орловско-курском направлении.

Теперь вечером нельзя было выйти на улицу в военном обмундировании, чтобы тебя не пытались подстрелить из какого-нибудь окна, хотя днем в городе царил полный порядок.

Однако не следовало поддаваться влиянию обстановки этих дней при анализе возможного развития событий в будущем.

Для меня стало совершенно очевидным еще в Сумах, что при таком положении, какое было у Деникина в тылу и в армии, как

только его наступательный порыв выдохнется, он не сможет долго продержаться. Задачи, которые Деникин поставил себе, — овладение Украиной, выход на Волгу, движение из Царицына на Астрахань и Саратов и, наконец, овладение Москвой — не соответствовали его возможностям.

Петлюровцы могли существовать только при поддержке извне. Вначале ее оказывала Галиция, потом — поляки. В самой же Украине петлюровское движение себя изжило, превратившись в разновидность бандитизма. Следовательно, с моей точки зрения, все упиралось в белополяков.

Буржуазно-помещичья Польша еще не установила границ со своими соседями — Советской Белоруссией, Литвой и Украиной. Она имела недосягаемый для нас тыл и неограниченную поддержку Антанты и соседних капиталистических государств. Аппетиты у военной клики, окружавшей Пилсудского, росли с каждым днем. Она уже мечтала о Польше «от Балтийского до Черного моря» — вопреки всякому здравому смыслу и желанию самого польского народа, который ждал, когда, наконец, можно будет перейти от военных неурядиц к нормальной жизни.

Захватив Житомир, Новоград-Волынский и Сарны, белополяки стали подтягивать резервы.

В то же время они начали наступление на Советскую Белоруссию. Захватив 8 августа Минск, они продолжали двигаться дальше. К концу месяца пали Бобруйск и Борисов. Польские войска на широком фронте остановились у Березины.

В последние дни в целях обеспечения безопасности и нормального хода эвакуации в Киеве проводились широкие облавы. Среди задержанных подозрительных лиц оказался русский офицер-белогвардеец, прибывший из Варшавы. Занимался он вовсе не шпионажем, а вербовкой других офицеров для формируемого при содействии Савинкова белогвардейского русского корпуса в Варшаве. Корпус, по словам офицера, предназначался в качестве авангардной части при наступлении белополяков на Москву через Смоленск.

Пока что Деникин, разумеется, не признавал никакой Польши, а Директории тем более. Поляки помогали петлюровцам, но следили за тем, чтобы они не очень-то укрепились. Петлюровцы воевали с большевиками, боялись деникинцев и опасались неожиданного удара со стороны поляков. Хотя петлюровцы первыми вступили в Киев, они вынуждены были на другой же день передать его Добровольческой армии. Деникин в свою очередь оставил для операций против петлюровцев свыше 10 тысяч штыков.

Во всяком случае, оставалась неизменной задача: разведать

намерения польского правительства хотя бы на ближайший период.

Некоторая часть аппарата БУПа, Отдел особого осведомления, так же как и Всевоенобуч, работали почти до момента оставления Киева.

Отступали мы к вечеру в направлении Гомеля уже под выстрелами из окон и из-за углов домов. Киев был оставлен 30 августа. В этот же день у села Белощицы был убит в бою легендарный начальник 44-й дивизии Н. А. Щорс.

ГОМЕЛЬ

Гомель был забит воинскими частями, эвакуировавшимися учреждениями и вывезенным имуществом. Только что закончилось отступление после длительных и страшных боев.

Мы жили в Доме Красной Армии. Там же находились командиры некоторых частей и отрядов, отступивших с Украины. Остатки их в большинстве насчитывали по нескольку десятков бойцов. Теперь части и отряды подлежали переформированию, а командиры ждали назначений. Настроение у многих из них было подавленное. Каждый рвался в бой. Сидеть и ждать у моря погоды было тем более невыносимо, что ежедневно приходили известия о героических подвигах Южной группы войск 12-й армии под командованием И. Э. Якира. Прорываясь из окружения, Южная группа наголову разбила у Попельни петлюровцев, захватив 7 орудий, 14 пулеметов и 600 пленных. Среди командиров дивизий и бригад этой группы были такие военачальники, как И. И. Гарькавый, И. Ф. Федько, Г. И. Котовский. В это же время другая часть Южной группы выбила деникинцев из Фастова. Все части Южной группы, соединившись с 44-й дивизией 12-й армии, выбили белополяков из Житомира. Теперь благодаря героическому рейду Южной группы, которая с непрерывными боями совершила четырехсоткилометровый переход по занятой неприятелем территории, вся 12-я армия вышла из окружения.

С этого момента боевая линия на польском фронте, где формально не было ни мира, ни войны, оставалась почти неподвижной, за исключением небольших участков, переходивших из рук в руки.

Чем это объяснялось, фактически никто не знал. Можно было предполагать, что клика Пилсудского, исчерпав все военные и экономические ресурсы, решила ограничиться захваченными территориями. Но, возможно, руководители белопомещичьей Польши ожидали исхода борьбы между Деникиным и Советской властью. Наконец, возникало и третье предположение — что это затишье объясняется желанием белополяков более тщательно подготовиться к войне с нами.

Примерно через неделю после нашего прибытия в Гомель мне и В. А. Ордынскому предложено было подготовиться для отправки в оккупированную белополяками Белоруссию, а оттуда в Польшу.

Задача наша заключалась в том, чтобы выяснить военное, экономическое и политическое положение Польши и, если это удастся, наладить своевременное поступление оттуда

информации.

Идя в Гомеле по улице, я случайно наткнулся на Михаила Кольцова. Мы зашли в какое-то кафе, где подавали какао на воде с сахарином. На душе было тоскливо. Кольцов посмотрел на меня отсутствующим взглядом.

— Неужели все, что было сделано на Украине, не оставило своих следов в сознании народа?

— Оставило, конечно, и ни Деникин, ни Петлюра долго не удержатся…

Он покачал головой.

— Я уезжаю в Москву, а вы?..

Я не ответил ему, потому что через несколько дней должен был уехать в подполье. Но, видя, что мое молчание удивляет его, сказал:

— Я еще не знаю…

В это время в кафе вошел довольно плотный, аккуратный старичок и спросил, нет ли вегетарианских блюд. Небрежно одетая злая официантка передернула плечами:

— У нас вообще ничего нет, кроме какао, и то на воде, с сахарином…

Старичок довольно усмехнулся.

— Ничего, говорите, нет… Ну что ж, дожили!.. — и вышел.

Кольцов посмотрел ему вслед:

— А вы знаете, что среди вегетарианцев попадаются довольно пакостные люди?..

— Знаю…

— Натыкались на таких?..

Я рассказал ему, как однажды вечером, будучи гимназистом, зашел в вегетарианскую столовую в Газетном переулке в Москве. У нее была огромная вывеска с надписью: «Я никого не ем!» Там подавали тогда шампиньоны в сметане. Моим соседом по столу оказался здоровенный мужчина в толстовке, с длинными волосами до плеч. Пока я ел шампиньоны, он поглощал одно блюдо за другим: какие-то каши, пюре, морковные и травяные котлеты. Вероятно, если бы ему подали стог сена, он прожевал бы его быстрее лошади. Вышли мы одновременно. На Тверской уже горели фонари, и печальная процессия проституток, в распоряжение которых царская полиция предоставила эту улицу и Тверской бульвар, медленно двигалась в сторону Страстной площади. Попадались почти подростки, худые и жалкие, с голодными глазами. И вдруг мой вегетарианец устремился к такой девице и, потоптавшись, подцепил ее под руку и увлек в переулок. «Вот тебе и «никого не ем», — подумал я…

Выслушав меня, Кольцов заметил:

— А представьте себе в плане историческом подлеца вегетарианца. Это, должно быть, нечто из ряда вон выходящее…

Кольцов оказался прав: такой «подлец вегетарианец» впоследствии нашелся. Это был Гитлер, ни при каких обстоятельствах не евший мясного и уничтоживший в специальных печах миллионы людей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
В ПОДПОЛЬЕ

НА ГРАНИЦЕ

Теплым ясным утром в середине сентября 1919 года мы с Ордынским покинули Гомель.

По улицам, уже посыпанным золотым осенним листом, подъехали мы к маленькому вокзалу, окруженному чахлыми деревьями, и погрузились на одну из бесчисленных платформ товарного состава, направлявшегося в Жлобин. Поезд шел медленно. На платформах виднелись кучки жавшихся, пугливых людей, потому что с каждым километром мы приближались к фронту. Нам предстояло действовать так, как действуют контрабандисты, спекулянты и другие бегущие на Запад темные личности, и избегать общения с нашими официальными органами.

В Жлобине маленький еврейский домик был наполнен странными людьми. Сквозь стены грязной комнатушки мы слышали разговоры о том, как поляки расстреливают всякого, переходящего границу, какими путями нужно ехать, где нужно покупать и как прятать кокаин.

Улицы маленького городка спали, когда мы выехали на платформе, подвозившей оружие, полушубки и провизию на фронтовые участки, к бронепоезду, стрелявшему через Березину в сторону Бобруйска.

День был довольно жаркий. Красноармейцы в расстегнутых гимнастерках проводили нас в деревню к командиру бронепоезда, сидевшему на лавке перед домиком. Группа крестьян толпилась вокруг него. Впереди с шапкой в руке стоял седобородый старик, держа курицу и яйца в платке.

— Не стреляй, батюшка, всю деревню спалишь: вот тебе яички, вот тебе курочка, не стреляй.

— Возьми яйца, старик. Я сам из крестьян, мне каждую избу жалко. Но что же делать, если поляки из вашей деревни не вылезают?..

Мы стояли и слушали.

В избе, пока мы разыскивали на карте, где находятся наши последние посты, командир рассказывал, как каждую ночь пьяные польские офицеры ведут эскадроны в кавалерийскую атаку на бронепоезд, как секут их из пулеметов. В углу его скромного жилища были сложены трофеи — высокие четырехугольные конфедератки.

В ПУСТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Чтобы пройти через фронт, нужно было ехать в сторону, деревнями, параллельно линии фронта. И вот с разрешения штаба полка, занимавшего один из участков фронта, мы проезжаем мимо последних советских часовых. Никто, даже наш еврей-возница, не знает, какие деревни заняты поляками. По дороге, ведущей через густой лес, мы приближаемся к деревне. Уже вечер, кругом тишина. Мы въезжаем в деревню по широкой улице, почти совсем потонувшей во мраке, и видим: на площади собралась большая толпа. Отъехав за угол, слезаем с воза и осторожно подходим к задним ее рядам. Молодая баба с расширенными от страха глазами спрашивает нас шепотом, кивая в сторону всадников в толпе:

— Кто это, красные аль поляки?

Всадники одеты, как крестьяне, но вооружены. Они задают вопросы старосте, поворачивают и мчатся галопом в сторону расположения советских частей.

В поисках пристанища мы попадаем в большую избу. Хозяин расспрашивает нас пытливо, разглядывая и поглаживая бороду: что мы за люди, куда едем и зачем. Наконец, после долгого раздумья, он ведет нас в сарай. Мы ложимся на пахнущее свежее сено и с наслаждением думаем о сне, но вдруг вздрагиваем: двери захлопываются, и слышно, как щелкает тяжелый замок: мы заперты. Начинаем думать о багаже: два чемодана битком набиты очень ценным грузом. Что, если хозяин заинтересуется и откроет их? Стучим в тяжелую дверь, никто не отзывается. Усталость берет свое, и мы засыпаем..

Рассвет. Сквозь щели в стене и под дверью, в маленькие оконца под самой крышей пробиваются лучи солнца. Скрипит и открывается дверь. Перед нами, склонившись в поклоне, стоит молодуха — хозяйская жена и держит Две крынки молока. Веселеем от запахов сена и утра, от парного молока, от ласковой женской улыбки и с легким сердцем едем дальше. Опять перед нами молчаливый лес. Чувствуется, что где-то близко река. Подъезжаем к Березине. На этом берегу — деревня Углы, напротив, на другом, — деревня Холмы. Надо переправиться через реку. Там нас должны ожидать…

Деревня кажется пустой, но на улице, в самой середине деревни, стоят пятеро крестьян. Один из них шатается, размахивая перед собой пустой бутылкой; второй что-то кричит; трое качаются в обнимку. Наш возница робеет и хочет свернуть в сторону, но мы уже замечены. Крестьянин с бутылкой подбегает к

нам, хватает лошадь за уздечку и кричит пронзительным голосом:

— Что вы за люди? Где пачпорт? Почему без разрешения от легионов?

Соскакиваем с повозки и начинаем разговаривать.

Все теперь занялись нами, и мы видим, как наш возница, все время оглядываясь, погоняя лошадь, едет, к реке. Пьяница, махая бутылкой, требует наши паспорта. Высокий, худой крестьянин со скучным лицом и грустными глазами смотрит на нас с укоризной. Остальные, безразличные ко всему окружающему, распевают песни. Разговаривая, мы двигаемся к реке. Высокий наклоняется к нам, дышит в лицо самогоном и говорит, растягивая слова:

— Ты, знаешь, дай нам на водку, потому тоска заела…

И вдруг, повернувшись к крикливому мужику, хватает его за грудь:

— Ты чего орешь? Ты благонравие покажи, господа на водку дадут.

Мы стоим у взорванного моста через Березину, у самой воды. Возница, посматривая на тот берег, робко убеждает крестьян:

— Тише, вы, разве не видите: там легионеры…

На противоположном берегу что-то поблескивает, видны серые неясные фигуры.

Услышав возницу, крестьянин с бутылкой прорывается вперед, рискуя упасть в воду.

— Не же-лаю, легион, легион!..

Он не успевает закончить фразу, потому что высокий и грустный крестьянин, как выяснилось, дядя Емельян, берет его крючковатыми пальцами за ухо и отводит от берега.

Я вынимаю две николаевские десятирублевки и молча передаю их ему. Сзади проталкивается маленький белесый белорус, хитро поблескивая глазками.

— Это верно, дядя Артем, зачем кричать? Они вас удовлетворили, а я их на другую сторону перевезу.

Не дожидаясь нашего согласия, он подворачивает штаны до колен и вытаскивает из-под моста выдолбленное бревно — челн с одним веслом. Мы смотрим на реку, на покачивающийся на воде челн и на него, который как ни в чем не бывало, сидя на носу этого утлого суденышка и держа весло в руках, болтает ногами в воде. Переправиться можно только по одному. Я решаюсь. Два наших объемистых чемодана целиком заполнили лодку. И когда я сажусь на них, челн оседает, вода заливает лодку. Мы движемся медленно, преодолевая течение, которое сносит нас в сторону. Но вот наконец берег. Мне кажется, что, пока мы плыли, прошли годы. По крутой тропинке взбираюсь наверх. Передо мной стоит юноша-еврей и внимательно смотрит на противоположный берег,

на челн и на меня. Не произнеся ни слова, он спускается к реке, берет чемоданы и идет вперед. Я иду за ним. Мы молча подходим к домику, стоящему над рекой. Это не крестьянская изба и не городской дом, а нечто среднее, но внутри чисто, тепло и уютно. Нас встречает очень красивая девушка.

— Исаак, — говорит она, — их нужно до вечера доставить в Бобруйск, потому что в семь придут польские офицеры.

Вскоре появляется и Ордынский. За чаем решено, что мы на лодке пойдем вдоль берега реки. Берег крутой и высокий, и есть надежда пройти незамеченными. За 3 километра до города мы должны перегрузить на воз с сеном наш груз и в город въехать, когда стемнеет.

Чудесная река Березина! С обеих сторон сжата она высокими берегами. Сверху нас поливают красноватые лучи заходящего солнца. Свежий воздух бодрит.

К деревне мы добираемся в темноте. Через несколько минут над обрывом появляется огромный воз с сеном. Взбираемся на него, подсаживая друг друга, и едем по большой дороге, ведущей в Бобруйск. Навстречу нам попадаются крестьянские возы, пешеходы. Обращаем внимание на человека с красно-белой повязкой на рукаве, с шашкой на поясе и в старой фуражке городового. Это — стражник, первый символ оккупации. Стражник довольно бодро несет в правой руке лукошко с яйцами, а левой поддерживает атрибут власти — шашку в потертых ножнах, в иные времена называвшуюся селедкой.

Глубокой ночью, уже не видя ничего перед собой, мы подъехали к старому дому на самом краю города. Исаак стучал долго, но ему не открывали. Наконец калитка приоткрылась, и после довольно продолжительных переговоров, которые велись шепотом, нас впустили в дом.

Старого седого еврея окружали бесчисленные дочери: от девочек, ползавших под столом, до самых безнадежных старых дев. Казалось, что мы попали в женский пансион. Видимо, наш хозяин был обречен на всю жизнь иметь только дочерей.

— Вы знаете, что здесь происходит? — говорил он. — Вы не знаете, вы не можете знать. Каждый день полиция обыскивает все углы в еврейских домах, требует книги для прописки, допрашивает приезжающих и забирает всех, кто ей не нравится и не дает взяток. Вы помните, что было, когда евреи уходили из Египта? Так вот здесь происходит то же самое. Каждый день хватают евреев на улицах, в домах, сажают в поезда и увозят, и никто не знает куда. В Краков, во Львов, в Повонзки. Как я вас запишу? Ведь тут должно быть все: кто вы, кто ваш отец, ваша бабушка, чем вы занимаетесь, когда приехали, зачем, почему. Ну

вот, посмотрите!

И он сунул нам под нос громадную книгу, где каракулями были записаны имена приезжих. Мы взглянули на вкривь и вкось разбегавшиеся строки и, несмотря на трагичность своего положения, не могли удержаться от смеха. В книге было написано:

> «Мойша Шпулькин, родом из Шклова, по занятию — шпигулянт…»

Когда хозяин немного успокоился, он снова стал рассказывать об ужасах, которые царят в городе: в Иом-кипур солдаты окружили обе синагоги, забрали всех стариков и как они были — без обуви и в талесах — погнали в деревню Киселевичи, где стали всех избивать. На улице в сумерки нельзя показаться, особенно девочкам-подросткам, — столько развелось насильников. Из крепости ежедневно выводят на расстрел пленных красноармейцев. Каждый день то на одной, то на другой улице вспыхивают погромы: солдаты врываются в дома и лавки, грабят, забирают что им нравится и избивают людей. Имена поручика Серба и генерала Милецкого, по приказу которых были расстреляны сотни людей, вызывают у всех ненависть и презрение.

Старик немного помолчал и добавил:

— И вы знаете, что все-таки солдаты тут ни причем. Иногда мы видим: они не хотят этого делать. Но тогда офицеры и фельдфебели начинают кричать: «Чего стоишь, разве не видишь, что это все большевики?!»

Ночь мы провели в маленькой комнатке, на узких девичьих кроватях, осаждаемые наступавшими на нас легионами клопов.

Рано утром я вышел на улицу.

Бобруйск был наполовину уничтожен — сожжен, разгромлен. По тротуарам, прижимаясь к стенам выгоревших домов, бродили горожане. Евреи, в большинстве старики, пугливо перебегали улицы, скрываясь в воротах и подъездах домов. Окна магазинов были заколочены досками, жалкие лавчонки на углах стояли пустые.

Подходя к какой-то площади, я услышал барабанный бой и монотонный напев дудок. С обеих сторон широкого квадрата стояли лошади с коноводами между ними. Холеные, крупные, гнедые познанские кони, пофыркивая, били копытами. Ровной линией перед ними выстроились солдаты, разукрашенные нашивками, бляхами, выпушками и еще чем-то. Почему-то это напоминало мне вывод на арену цирка лошадей берейторами. Через площадь шагала познанская колонна. Двенадцать

барабанщиков и двенадцать флейтистов выбивали и наигрывали однообразную мелодию. Солдатские сапоги, — подкованные немецкие короткие серые сапоги, — ударяли в такт. Сбоку, выпятив грудь, шли с мертвыми, каменными лицами фельдфебели. Впереди, сверкая стеклом монокля, выбрасывая прямые, несгибающиеся ноги, маршировал офицер. Только офицеры и фельдфебели носили конфедератки — высокие четырехугольные шапки, все остальные были в немецких железных касках.

Панская Польша показывала полученное ею в наследство лицо немецкого фельдфебеля.

К вокзалу нельзя было подойти ближе чем на пятьдесят шагов. Изгородь из колючей проволоки отделяла его от остального мира. Это был неприступный остров, охраняемый заграждениями и часовыми и по вечерам освещаемый со всех сторон прожекторами. Оказывается, чтобы попасть в вокзал и сесть на поезд, нужно было иметь билет и пропуск из комендатуры. Я решил посмотреть, что делается в бюро пропусков.

Перед маленьким домиком, широко расставив ноги, неподвижно стояли двое часовых в серых немецких шинелях, в железных касках, с примкнутыми к ружьям штыками. Временами открывалась заветная дверь. Молодые, краснощекие, франтоватые писаря выходили, позванивая шпорами, позабавиться. Средь бела дня, на глазах сотен людей, они приставали к женщинам или дергали евреев за бороду.

Иногда, войдя в раж, эти молодчики набрасывались на случайного прохожего и с прибаутками угощали его тумаками. Приглядевшись, я заметил, что в дом никого не впускали. Вдруг очередь зашевелилась, вытянулась и превратилась в прямой неподвижный хвост. Замерли часовые. Исчезли писаря. Раскрылись половинки дверей. К подъезду мягко подкатил высокий немецкий шарабан желтого лакированного дерева на больших колесах. Рядом с солдатом, державшим в вытянутых руках вожжи, сидел офицер, в светлой шинели, в высокой конфедератке, блестя моноклем и сложив руки в белых перчатках на коленях. На запятках стояли два рослых гайдука, держась за спинку сиденья.

Покачиваясь, позванивая саблей, офицер спустился с сиденья, остановился, посмотрел на очередь и крикнул в подъезд:

— Убрать!..

Из подворотни высыпали солдаты с ружьями наперевес. Площадь опустела. Кто-то кричал, кого-то били.

Подпольный Бобруйский комитет только начал разворачивать

свою работу. Правда, шла она не плохо. Большевики проникли в типографию штаба «Великопольской Познанской дивизии» и получали оттуда секретные сводки, приказы и директивы. Они добывали бланки для паспортов. У них были свои люди в штабе. Комитет хорошо наладил подпольную связь со Смоленском через фронт. На Муравьевской улице была конспиративная квартира, принадлежавшая двум портнихам. Это были красивые польки, ходившие в конфедератках с белыми орлами и аккуратно посещавшие костел.

Даже сам пан ксендз Нацевич, говоривший: «Школа не сделает из мужика пана, а только испортит», — был о них хорошего мнения.

Но у нас, во избежание провала, было строгое указание прибегать к помощи подпольных организаций только в самом крайнем случае, ибо трудно было узнать, не находится ли кто-нибудь в этих организациях под наблюдением.

В те времена у польской администрации и даже в польской армии за деньги можно было сделать многое. Мы не сомневались, что в польской комендатуре, по самой ее природе, должны были быть люди, торгующие пропусками. Поэтому, посмотрев на пана коменданта издали и вернувшись домой, я заговорил с хозяином о том, нельзя ли приобрести два пропуска в Минск.

Он задумался:

— Дочь Рувима Майзеля живет с комендантом. Но у нее доброе сердце, а польский комендант на то и создан, чтобы брать взятки.

И наш хозяин послал одну из своих дочерей за грешницей.

Она оказалась красивой, бойкой и смышленой девицей по имени Рахиль. Узнав, что мы хотели бы уехать с первым поездом, Рахиль запросила вдвое против обычной цены, которую брала за пропуск.

Присутствовавший при беседе хозяин взмахнул руками:

— Побойся бога, в тебе нет совести!

Грешница подняла указательный палец кверху:

— Половину я отдаю коменданту, четвертую часть старшему писарю. О риске я уже не говорю…

Подъезжаем ночью к вокзалу. Он освещен снаружи, но внутри темно. Пассажирский зал полон, о чем мы догадываемся по кашлю, приглушенным голосам и подавленным вздохам.

На платформе крики, визг, топот ног. Играет гармоника, веселый тенорок поет неприличную польскую песенку.

Временами солдаты вваливаются в темный пассажирский зал. Вспыхивают фонарики, раздается визг женщин.

К утру подают состав, но никого в него не пускают — грузят

раненых. Чередой ползут носилки, слышны стоны, ругательства, проклятия. Рядом кто-то рассказывает: вчера пьяные офицеры бросили в атаку кавалерийский полк на наш латышский отряд. Мало кто вернулся. Дорого обходятся солдатам офицерские забавы.

В числе немногих мы попадаем в поезд. В товарном вагоне среди раненых примостились в углу на каком-то ящике. Несколько солдат на снятой где-то половинке двери, положенной на бочку, играют в карты. Познанец, рослый онемеченный поляк, играет молча и сосредоточенно, прикрывая от партнеров ладонью левой руки карты. Легионер, маленький, юркий русский поляк, что-то напевает себе под нос. Третий игрок, в синей французской шинели, «галлерчик», после каждой карты переругивается с познанцем. Поезд идет медленно, в дыму горят буксы. Время от времени легионеры стреляют из вагонов в воздух для развлечения. Тогда поезд останавливается, и в вагонную дверь просовывается сердитое усатое лицо фельдфебеля:

— Пся крев, кто стшелял? — и фельдфебель бежит дальше.

Поезд двигается, кто-то опять стреляет, и поезд опять останавливают. Забаве нет конца…

С нами в вагоне едет еврей — военный доктор. Хотя у него капитанские погоны, солдаты называют его «пане жиде-капитане» и явно издеваются над ним. Видимо, антисемитизм официально поощряется.

К утру подъезжаем к Минску. Едва поезд остановился, все пути и платформы заполняются бегущими солдатами. Пробираемся в этой гуще к вокзалу. С нами идет молодая женщина со своим мужем — известным минским промышленником. У дверей вокзала отдаем носильщику все чемоданы, кроме одного маленького, который я несу сам. Говорю носильщику, чтобы он вышел на улицу и ждал нас перед вокзалом. И недаром. Неожиданно перед нами вырастает жандармский офицер с рысьими глазами.

— Не угодно ли обождать, а то солдаты, толкотня… Могут обеспокоить…

Как только опустела платформа, жандарм говорит:

— Прошу в комендатуру!

Маленькая грязная, прокуренная комната разделена на две части. Жандармский офицер потребовал у шедшей с нами жены промышленника документы и через минуту повел ее за перегородку. Прошло довольно много времени, голоса уже больше не доносились. И вдруг неожиданно раздался женский крик. Находившийся с нами муж этой женщины побледнел, хотел было встать и пойти на крик, но стоявший около нас жандарм

коротко и решительно сказал: «Сесть!»

Дверь открылась, и молодая женщина вошла растрепанная, с красными пятнами на лице…

Вызывают меня. Вхожу за перегородку и вижу за столом, покрытым клеенкой, офицера, задержавшего нас на перроне. Сделав страшное лицо, он громовым голосом потребовал пропуск. Осмотрев пропуск со всех сторон, на свет и даже понюхав его, он занялся моим паспортом, бумажником и маленьким чемоданчиком. Неожиданно он почувствовал разочарование и усталость и махнул рукой в знак того, что я свободен. Ордынского он почти не осматривал.

СТОЛИЦА БЕЛОРУССИИ

Большого труда стоило мне сохранить хладнокровие: мысли мои были заняты чемоданами, переданными носильщику. Он мог уйти, унести багаж и заинтересоваться содержимым; наконец, ему просто могло надоесть ожидание. И вот мы выходим на ступеньки перед вокзалом. Какая радость: носильщик здесь! Отпускаем его и садимся на извозчика.

На вокзальной площади торчит триумфальная арка. Вчера из Минска выехал «комендант панства» Пилсудский. На улицах темновато и пусто, но кабаков — хоть отбавляй: из многих окон вырываются звуки буйной музыки и пьяные возгласы.

Подъезжаем к гостинице «Одесса». Несколько солдат с полицейским волокут вниз по лестнице какого-то военного наружу. Шум, крик, ругательства.

Входим в номер и вздыхаем с облегчением. Первые препятствия преодолены. Но, постепенно приходя в себя, начинаем ощущать страшный голод. Что делать? Мы снова на улице и рыщем в поисках места, где можно поесть. Перед нами сияет огнями кафе.

Швейцар, с бакенбардами, в раззолоченной ливрее, стоит, как архангел Гавриил при входе в рай. На вешалках — шинели и плащи, каски и конфедератки. Черное штатское пальто затерялось среди светлых шинелей с галунами и нашивками. Вступаем в зал. Посредине — огромный стол, во главе его восседает старый, похожий на птицу, носатый генерал. Взгляд его сосредоточен и напряжен до крайности. Двадцать офицеров всех родов оружия, возрастов и чинов сидят вокруг стола и внимательно следят за вытянутым вперед указательным пальцем генерала. Правые руки каждого поднимают рюмки в уровень с генеральским перстом. Руки взметнулись, и рюмки опрокинулись. На эстраде бурно играет затянутый в рейтузы женский оркестр. Большой стол похож на планету, окруженную звездами: в зале, кроме него, еще десятки маленьких столов, пары, сидящие за ними, развлекаются каждая на свой лад. Едва ли не самый цвет польского офицерства собрался за этими столами. Провинциал, случайно попавший в такое высокое собрание, был бы поражен фантастическим разнообразием погон, нашивок, лампасов, галунов и аксельбантов. Прибавьте к этому блеск моноклей, могучую густоту бакенбардов и усов, закрученных с такой небывалой лихостью, что при виде их Тарас Бульба мог бы, пожалуй, заплакать от зависти. Что же касается дам, то они были так ослепительно ярко раскрашены, что сомневаться в их

профессии не приходилось.

Заметив в углу столик, за которым сидел какой-то человек в штатском, мы направились к нему. Но не успели мы сделать и шага, как, офицер с сигарой во рту, раскачиваясь, что-то напевая, гремя саблей и шпорами, подошел к штатскому и с такой быстротой и ловкостью выдернул из-под него стул, что бедняга распластался на полу.

Очевидно, все сочли это за остроумную шутку — в зале раздался хохот. Упавший встал и кинулся было на офицера. Но десятки рук ухватили его за ворот и вышвырнули за дверь.

Не желая служить забавой для чинов польской армии, мы повернулись и ушли.

Работа налаживалась. Через несколько дней после нашего прибытия в Минск я перебрался под видом больного в отдельную палату частной хирургической клиники. Хирург Шапиро, пользовавшийся в городе большой известностью, был высокий старик, несколько напоминавший московского профессора Розанова, умный и честный человек. В те тяжелые времена, когда казалось, что молодое Советское государство не устоит под напором вражеских армий, он понял, где правда, и, подвергаясь огромному риску, оказывал нам большие услуги. В Минске этого никто не подозревал.

Маленькая одиночная палата помещалась в первом этаже и выходила большим окном в сад. После вечернего обхода, когда наступали сумерки, я открывал окно, легко перескакивал через подоконник в сад, прикрывал за собой раму и либо сам шел на свидание, либо встречался с нужными мне людьми в саду. Хронический аппендицит, который кстати обострился, делал вполне естественным мое пребывание в клинике; штат у доктора Шапиро был небольшой и, конечно, преданный ему полностью.

Белопольская оккупационная армия чувствовала себя в Белоруссии, как в пороховом погребе. Такое положение создалось в значительной степени по вине польских помещиков, католического духовенства и офицерского состава армии, охваченных диким национализмом.

После занятия Минска белополяками город в течение пяти суток подвергался свирепому грабежу, сопровождавшемуся такими насилиями, убийствами и издевательствами, которые, казалось, немыслимы были в двадцатом веке. Обязательным языком для всех был объявлен польский. Русские рабочие массами увольнялись с железной дороги и с большинства предприятий. Для поступления на работу требовалась рекомендация ксендза и справка из полиции. На государственную службу принимались только поляки, особенно охотно

прибывавшие из центральной Польши. Профсоюзы были разогнаны, а потом разрешены, но только в соответствии с положениями, установленными германской оккупационной армией в 1918 году. Большинство предприятий вовсе не работало, некоторые восстановились частично. Безработица росла из-за дискриминации еврейского населения. Отовсюду наехали польские помещики, купцы и бесчисленные родственники «всемогущей клики полковников», окружавшей Пилсудского. Эта свора хищнически прибирала к рукам все наиболее ценное: имения, предприятия, ведущие отрасли торговли.

Армия, обеспеченная вооружением, обмундированием и боеприпасами, во всем остальном снабжалась по принципу «кто что заберет». Недаром в одном из приказов командира 2-й польской дивизии полковника Борущака говорилось:

> «Мы поступаем хуже, чем татары несколько столетий тому назад, когда нападали на Польшу».

Польская администрация боялась всех: белорусов, русских, евреев. Но больше всего она боялась коммунистов. Рыдз-Смиглы, имевший тогда звание генерал-подпоручика и командовавший литовско-белорусским фронтом, засыпал все штабы офицерскими приказами, в которых говорилось, что польская армия разлагается под влиянием коммунистической пропаганды, что долг каждого офицера бороться с этой пропагандой всеми средствами и следить за солдатами.

Солдаты, которых офицеры сознательно развращали, толкая на грабежи и насилия, особенно в деревнях, мало-помалу начинали задумываться над тем, что они делают. Влияние Польской коммунистической партии в армии росло с каждым днем.

Что же касается так называемых белорусских буржуазных националистов, главный центр которых находился в Берлине, то они тщетно умоляли польское правительство разрешить им формировать белорусскую армию и создать бутафорскую «Белорусскую народную республику в пределах Польши».

Правда, после оккупации Вильно и Гродно, в июне 1919 года, Юзеф Пилсудский пробормотал в одном из своих выступлений что-то невнятное о том, что «польский меч несет Белоруссии свободу и независимость». Но что именно он подразумевал под этим, никому не было известно. Позже польское военное командование разрешило белорусским националистам формировать вспомогательные отряды для польской армии. Но каково же было удивление поляков, когда желающих вступить в такие отряды вовсе не оказалось, и это в то самое время, когда

партизанское движение против оккупантов росло не по дням, а по часам. Поражало бытовое разложение командного состава польской армии. С одной стороны, шовинистический угар и бесконечные рассуждения о «Великой Польше «от моря до моря»; с другой — взяточничество, пьянство и невиданный разврат. Самые секретные документы, не говоря уже о печатавшихся в дивизионных типографиях офицерских приказах, хранились как попало. Любой писарь мог продать всю канцелярию. Добыть сведения о дислокации войск, об оперативных задачах, возложенных на те или иные подразделения, было необычайно легко.

В польской армии не существовало даже наставлений по сохранению военной тайны. Рядом с жестокостью и палочной дисциплиной уживались легкомыслие и служебная распущенность. Все это с неизбежностью отражалось на характере оккупационного режима.

Необходимая информация по Белоруссии была нами собрана. Несколько курьеров отбыли за кордон. Мы готовились к дальнейшей поездке в Варшаву. Затруднением являлось, конечно, пребывание Ордынского в гостинице, которая была под наблюдением польской тайной полиции. Но Ордынский общался с ограниченным кругом верных людей, и слежка за ним ничего не могла дать. Я настойчиво просил его не устанавливать связи с местными подпольными организациями прежде, чем мы тщательно не обдумаем этот вопрос Однако нам необходимо было встретиться в Варшаве с одним человеком, по кличке «Фронт», адреса которого мы не знали.

Значительная часть денег, а также и еще кое-что находилось при мне, в больнице. Ордынский не бывал в больнице; мы виделись с ним по вечерам в обстановке, исключающей возможность слежки.

Неожиданно я почувствовал себя плохо; потребовалась операция аппендицита. Наш отъезд в Варшаву затянулся. Ордынский, не видевший меня уже несколько дней, не выдержал и отправился в один из производственных профсоюзов, где можно было уточнить варшавский адрес Фронта. Конечно, все профсоюзы, а в особенности тот, куда шел Ордынский, находились под тщательным наблюдением шпиков. Появление нового человека, кстати весьма мало похожего на рабочего-производственника, привлекло их внимание. Выяснилось: Ордынский жил в гостинице, числился коммерсантом, но никаких коммерческих операций не производил. Это насторожило полицию. В то же время никаких фактических данных против Ордынского у нее не было.

Шпики навели справку, зачем приходил в профсоюз «высокий, представительный, хорошо одетый пан». Им ответили, что «пан» собирается купить небольшой завод и справлялся, на каких условиях можно пригласить некоторых специалистов. Однако шпиков это не удовлетворило.

Находясь в больнице, я, разумеется, ничего этого не знал. Лежа после операции на койке, я думал только о том, что время уходит. Значительно раньше срока, указанного мне доктором Шапиро, я, еще перевязанный, отправился в гостиницу к Виктору Алексеевичу.

АРЕСТ

Это было 3 октября. Беседуя с Ордынским в его номере, я услышал шум снаружи и отворил окно. Гостиница была оцеплена. У подъезда стояла карета, окруженная конными полицейскими. Дверь номера распахнулась, и несколько жандармских офицеров с целой оравой солдат ворвались в комнату.

— Не сопротивляйтесь, вы арестованы!

Они рассыпались по комнате, все обнюхивая, осматривая каждый угол, раскрывая чемоданы, срывая обшивку с сидений…

Темная и узкая полицейская карета привозит нас в какое-то здание монастырского типа. По крутой лестнице мы поднимаемся на второй этаж; люди, в черных сюртуках, со скучными лицами, сидят вокруг стола. Наше появление удивляет всех. Оказывается, это Белорусская рада. Не то, совсем не то… Мы выходим, и полицейский офицер снова возит нас долго по городу в поисках контрразведки. Наконец подъезжаем к довольно убогому двухэтажному зданию, над окнами которого криво висит вывеска: «Международная компания жатвенных машин». У входа — часовые. На площадке первого этажа три фельдфебеля при свете фонаря играют в карты. Один из них приковывает мое внимание: настоящий оперный черт. Кривые ноги, фигура, заставляющая подозревать хвост под мундиром, мефистофельский нос и даже необычная в армии бородка… Черт-фельдфебель, скучновато улыбаясь, повел нас на второй этаж, освещая фонариком заплеванную окурками грязную лестницу. В первой комнате горела свеча, бросая длинный блик света на стену. Унтер-офицер, самодовольно ухмыляясь, долго записывал что-то в книгу. Но доставивший нас сюда полицейский офицер все еще не собирался уходить. Выяснилось, что он должен передать нас непосредственно начальнику контрразведки.

Минуты тянулись, как часы. Поражала тишина в здании. Часовые в полном боевом снаряжении сменялись на постах. Казалось, будто они охраняли пустоту. Вдруг за дверью послышались звон шпор, смех и женские голоса. Унтер-офицер вытянулся. Полицейский офицер подтянул ремень на животе.

— Черт побери, где же свет? — спросил чей-то голос с веселой интонацией.

И по случайному совпадению почти тотчас же вспыхнули электрические лампочки. Мы увидели в комнате странную группу людей. Впереди, с приятной улыбкой на румяном круглом лице, стоял, согнувшись в полупоклоне, изящный офицер небольшого роста, в лайковых белых перчатках, в светло-серой шинели, с

выпущенной сбоку кривой кавалерийской саблей, судя по погонам — подполковник. Рядом с ним — другой офицер, огромного роста, с тупо-надменным выражением лица. Широко расставив ноги, он опирался на гигантский палаш, формой и размерами похожий на средневековый меч. Две девушки весело щебетали, осматривая комнату и тыкаясь носиками во все углы. Одна, наконец, села на угол стола, положив ногу на ногу, качаясь и напевая какую-то песенку. Унтер-офицер стрельнул было в нее косым глазом и оправил усы, но поворот головы высокого офицера заставил его вытянуться и замереть на месте. Другая девушка подошла к этому офицеру, и они начали шептаться. Между тем подполковник в лайковых перчатках, сохраняя приятную улыбку на лице, протянул руку. В тот же миг полицейский офицер, сделав прыжок, передал ему пакет и вытянулся. Это и был начальник контрразведки Блонский. Мы слышали о нем раньше как о человеке, применявшем самые гнусные провокации в борьбе с коммунистическими организациями и превратившем контрразведку в застенок политической инквизиции.

Блонский пробежал глазами бумаги и с еще более приятной улыбкой сказал:

— О, это очевидное недоразумение. Мы выясним все очень быстро: интеллигентным людям всегда легко объясниться.

Не успел он договорить фразу, как высокий офицер, до этой минуты интересовавшийся, по-видимому, только разговором с девушкой, вдруг так рявкнул, что даже ко всему привычные унтер-офицеры вздрогнули и вытянулись в испуге.

— Большевицы! Анархисцы, хцон зруйновать цалэ Польске? До ростшеляня!

Чем громче рычал этот офицер, стуча о пол палашом, вращая белками глаз и выкрикивая то и дело «К расстрелу!», тем слаще, мягче и приятнее становился Блонский. Грубое звероподобие первого должно было служить выгодным контрастом для культурных приемов второго, чтобы тем легче было махровому контрразведчику с самого начала расположить к себе арестованных.

Припадок бешенства свирепого офицера был в разгаре, когда Блонский прекратил его благородным жестом руки и, позванивая шпорами, пошел вперед, указывая нам дорогу. Выходя из комнаты, я обернулся и увидел, что офицерский мавр, превосходно отработав свою роль, весело улыбался, тихо флиртуя с оставшимися девушками.

И вот мы в коридоре. Старший фельдфебель — начальник караула — загремел ключами и открыл одну из дверей. Мы — в

небольшой комнатке, совершенно пустой. Дверь за нами захлопнулась.

Однако через полчаса замок снова щелкнул, и фельдфебель торжественно спросил:

— Не угодно ли будет поужинать с господином начальником контрразведки?

Как ни высока была честь, но мы от нее отказались.

Прошло еще несколько минут, и сам Блонский с видом любезного хозяина отличного дома стоял перед нами, говоря о том, как приятно поужинать в хорошем обществе, украшенном к тому же присутствием красивых дам.

Изобразив на лице мину огорчения по поводу нашего отказа, он вдруг возмущенно воздел руки к небу:

— Позвольте, да тут же нет никакой мебели! На чем же вы будете спать? Варта!..

Будто из-под пола вырос фельдфебель.

— Поставить в комнату к господам два хороших дивана. И вообще я желаю, чтобы они чувствовали себя здесь, как дома.

И снова приятный жест:

— Желаю спокойной ночи, господа. До завтра.

Едва закрылась за подполковником дверь, как мы принялись обсуждать наше положение и договариваться о поведении на предстоявших допросах. Долго мы толковали. Спать не хотелось, да и обещанные диваны не появлялись. Нас ожидало явление совсем иного порядка. В коридоре раздались крики и шум, дверь распахнулась, и, как мяч, в нашу комнату влетел юноша лет восемнадцати. Три великана, с желтыми аксельбантами и значками полевой жандармерии, заполнили собой всю комнату, потрясая резиновыми палками. Один из них, с нашивками фельдфебеля, орал:

— Я бы ему переломал все ребра, этому жиду. И охота с ним возиться!..

Юноша, как затравленный зверь, бледный, с вытаращенными глазами, забился в угол. Мы стояли, не зная, что предпринять. Фельдфебель повернулся и, громко стуча сапогами, вышел вместе с жандармами. Дверь опять захлопнулась, и мы остались втроем. Опасаясь провокации, мы молча слушали бессвязный рассказ юноши о том, как жандармы ворвались в его дом, схватили, жестоко избили по дороге палками и, наконец, бросили сюда. Он был фотографом-ретушером, никакого отношения к политике не имел и не, знал, за что, собственно, его арестовали.

При аресте у нас отобрали все деньги и все вещи, даже спички. Деньги поступили в распоряжение контрразведки, но пользоваться ими мы все-таки могли, хотя и в очень

ограниченных суммах. Не будь этого, мы должны были бы умереть с голоду, потому что никакого питания не получали; деньги же, предназначенные на эту статью, уходили в карман офицерской банды контрразведчиков. Среди камер, соседних с нашей, была одна, очень большая, где арестованные женщины и мужчины спали на голом полу в общей куче. В числе арестованных женщин было несколько явных проституток. Причину их ареста я узнал только впоследствии: развратничая с арестованными и конвойными, они выполняли кое-какие задания охранки. Солдатня вела себя цинично, пьянствовала, играла в карты, брала взятки, выполняла поручения арестованных, развратничала с женщинами и пела похабные песни. Все было заплевано, загажено, прокурено и наполнено смрадом.

Так мы впервые столкнулись с непонятным для нас массовым разложением в польской армии. Внешняя дисциплина соблюдалась излишне строго: солдаты вытягивались перед начальством, «печатали» шаг, орали во весь голос в ответ на заданный вопрос. И в то же время на глазах у офицеров крали и безобразничали. Лишь много времени спустя мы поняли, в чем дело. Польское командование, несмотря на широкую помощь союзников, не могло, однако, полностью снабжать свою армию всем необходимым (кроме вооружения и обмундирования).

Продовольствие, импортируемое в Польшу из-за границы, расходилось по крупным городам и таяло на черном рынке. Чтобы составленная из самых разнообразных элементов тогдашняя польская армия могла держаться, надо было предоставить солдатам все возможности легкой, веселой жизни профессиональных разбойников.

Впоследствии мы натолкнулись на секретный приказ № 5 главного командования польских войск.

> *«30 ноября 1919 года*
>
> …Главное командование ожидает, что командование фронта сделает все, что только в его силах, для улучшения плохого состояния продовольствования, констатированного административными инспекторами. Робость здесь не к месту. Солдат должен быть сыт за всякую цену. Главное командование возьмет под свое покровительство каждого, кто в хороших намерениях и в границах необходимости даже отступит от предписаний, чтобы только дать солдату то, что ему хочется».

И все-таки мы долго не могли привыкнуть к возмутительному поведению солдат в панской Польше. Перед тем как отправиться на подпольную работу, я в течение почти целого года выезжал на

различные участки нашего фронта на Украине. Считалось совершенно естественным, что коммунисты идут в атаку впереди всех, что красноармейцы ни при каких условиях, даже если они голодны и плохо одеты, не могут ничего брать у населения. Случаи воровства и пьянства рассматривались как величайшее преступление перед революцией. Виновных предавали суду военного трибунала и расстреливали. Незадолго до того в Москве проходила партийная неделя по вовлечению рабочих и красноармейцев в партию, и в «Правде» печатался следующий призыв: «Коммунисты — правящая партия, которая пилит дрова, сражается на фронтах, грузит вагоны и расстреливает своих собственных членов, если они оказываются негодными. Идите, товарищи, в эту партию!..»

И вот теперь, арестованные, мы глядели на все происходившее вокруг нас и ежеминутно чувствовали, насколько наш советский строй выше, сильнее, честнее, благороднее того строя, который создавала на оккупированных ею землях панская Польша. Это поднимало в нас чувство собственного достоинства, сознание нашего превосходства при столкновениях с представителями польской помещичье-буржуазной администрации.

На другой день начальник контрразведки вызвал нас на допрос — каждого в отдельности. Блонский и я — мы поняли друг друга с первого слова. Он начал с того, что в демократической республике все убеждения законны. Он, Блонский, например, социалист. И тут подполковник галантным жестом продемонстрировал свой пэпээсовский билет. Почему же ему не уважать большевиков, коль скоро они такие же социалисты? Достаточно ему убедиться, что мы идейные большевики, как он нас немедленно выпустит на свободу. Зачем же скрывать и обманывать? Надо говорить прямей, откровенней…

То же самое Блонский болтал одному нашему товарищу по фамилии Ширяев, сидевшему в соседней камере. Когда тот, по наивности, заявил, что он действительно большевик, от удара кулаком в переносицу искры замелькали у него в глазах. Стекло от разбитого пенсне попало в глазную орбиту, и он навсегда лишился правого глаза. Его били несколько дней, прижигали пятки железом, колотили через мокрое полотенце резиновыми палками, чтобы не было следов на теле. И спасся он от смерти только потому, что в числе дежурных часовых нашелся коммунист, который помог ему бежать.

На допросах у Блонского Ордынский и я отвечали в один голос, что старания его совершенно напрасны. Если он может доказать нашу виновность, пусть действует по закону, если нет,

мы требуем освободить нас.

Вдруг допросы прекратились. Одиннадцать дней нас не беспокоили, а на двенадцатый день отвезли в Минскую каторжную тюрьму.

МИНСКАЯ ТЮРЬМА

Эта старая, мрачная, стоявшая на окраине города тюрьма уже давно подлежала уничтожению. Тяжелая и скрипучая калитка в воротах впустила нас, чтобы выпустить только через пять месяцев для отправления в другой, еще более мрачный, застенок. Под сводами полутемной комнаты писец тюремной канцелярии с лицом, будто снятым со стертой монеты, с телом, будто приросшим за многие десятилетия к стоявшему здесь инвентарю, записывал в книгу ответы на длинный перечень вопросов. Он делал это тридцать лет. Когда-то здесь сидел Пилсудский, направлявшийся отсюда в Питерский централ. Теперь его чиновники сажали сюда других. При большевиках сидели тут царские сановники и генералы; теперь — большевики.

Двери тюрьмы одинаково гостеприимно открывались для всех, и рука старого писаря одинаково охотно записывала всех арестованных в одну и ту же книгу.

Нас вновь обыскали, кажется, в четвертый или пятый раз с момента ареста: тюрьма покоится на традициях, и если бы сюда попал новорожденный, только что вышедший из чрева матери, то и его обыскали бы согласно правилам.

Мы прошли через дворик. Открылись новые двери, потом вторые и третьи, и вот наконец мы стоим перед последними дверями — «карантина». Это камера, рассчитанная на тридцать человек, в которой находится около ста. Она называется «карантином» потому, что арестованные содержатся в ней до окончательного распределения по другим камерам. Поэтому политические и уголовные сидят здесь вместе.

Три четверти сидевших в «карантине» были евреи. Седобородые старики, собранные со всех концов Белоруссии, доставлялись сюда пачками и смешивались с настоящими политическими, которые, в свою очередь, тонули в громадном числе уголовников, прибывавших ежедневно все большими и большими группами. Уголовники обкрадывали друг друга, а особенно политических, дрались припрятанными ножами, демонстрировали все виды своего искусства и потрясали зрителей, когда какой-нибудь артист-ворюга мгновенно извлекал из карманов таких же заправских воров все находившиеся в них вещи.

Однажды утром под одной из нар нашли задушенного человека, и никто не мог сказать, кто это сделал.

Из десяти человек только один спал на нарах; все остальные валялись на залитом липкой грязью полу.

Через несколько дней нас перевели в камеру № 3 — одну из тех, где сидели политические. Там были замечательные люди из числа арестованных коммунистов. Один из них, член польской военной организации, вскоре был отправлен на военно-полевой суд в Варшаву. Трое конвоиров везли его в купе скорого поезда. На полном ходу поезда, около какой-то небольшой станции, он открыл дверь, выпрыгнул наружу[6], скатился с насыпи вниз и бросился бежать. Поезд остановили, солдаты пустились в погоню. Чувствуя, что дело плохо, он с разбегу наскочил на телеграфный столб. От страшного удара он упал и в результате сотрясения мозга потерял сознание. Его подобрали, привезли в госпиталь, вылечили, а потом судили, приговорили к расстрелу и расстреляли.

Двое других — матросы партизанских отрядов, действовавших против поляков, — были взяты в бою. В самый день нашего перевода в камеру их отправили в тюремную башню, так как на следующий день они должны были предстать перед полевым судом. В башне, где они сидели, отыскалось полено. Тогда один из них, человек необычайного роста и исключительной силы, ночью отогнул этим поленом решетку окна. Его товарищ спустился по выступам стены вниз, прыгнул на часового и задушил его, прошел через тюремный двор, забрался на наружную стену по крыше примыкавшей к ней бани, задушил еще одного часового и исчез. Оставшийся в башне матрос был так толст, что не мог пролезть в оконное отверстие. Полевой суд приговорил его к расстрелу.

В камере, предназначенной для политических, было тоже так тесно, что только счастливцы спали на нарах. Вши ползали по людям. Их можно было увидеть на столах, на скамейках, на полу. Стоял страшный холод. Мы это чувствовали особенно сильно, потому что были арестованы в летних пальто, и нам не выдавали наших вещей, несмотря на все требования. Кроме осьмушки (50 граммов) хлеба в день, утром и вечером полагалась горячая вода, в двенадцать часов — та же вода, подправленная мукой и солью. За две недели такого питания лица арестованных приобретали землистый цвет и отекали. Через месяц опухали ноги, через три месяца воспалялись десны и движения становились затруднительными. В каждой камере были люди, двигавшиеся с трудом, раздувшиеся как от водянки, настолько слабые, что они почти не могли говорить.

Ко всему этому — вечно спертый воздух и угнетающий запах параш, которые опорожнялись только раз в два дня. Пользоваться деньгами было нельзя, — мы не знали, у кого они находились. Писем писать и передавать не разрешалось. Камеры были наглухо

закрыты целый день, за исключением трех раз по десяти минут.

Среди политических арестованных, кроме большевиков, были еще бундовцы и эсеры. История ареста этих эсеров поистине удивительна. Захлебнувшись от радости по поводу отступления большевиков и перехода власти к «демократическому» польскому правительству, эсеры торжественно объявили о своей полной готовности сотрудничать с ним. Тут же они выставили свои кандидатуры на выборы в городскую думу. Но польским генералам было не до шуток. Они должны были в кратчайший срок передать все местные органы самоуправления, и без того бесправные в условиях военной оккупации, в руки польских помещиков. Поэтому контрразведка выпустила краткое объявление о том, что организация русских эсеров, центр которой находится по ту сторону фронта, является вражеской, и эсеры были посажены в одни камеры с большевиками.

Кошмарные условия жизни арестованных вызывали по временам возмущение, которое вспыхивало стихийно. В третьем этаже, где помещались долгосрочные уголовники, неожиданно начинался тяжелый равномерный грохот. Это арестанты стучали скамьями. Стук подхватывался в других этажах. Раскрывались окна, к решеткам подтягивались остатки сгнивших матрацев и поджигались. Из раскрытых окон тюрьмы било пламя, шел дым, вся тюрьма сотрясалась от грохота и криков. Тогда из караульного помещения, находившегося во дворе, с ружьями наперевес выбегали солдаты. Они врывались в камеры арестованных, били их прикладами, хватали сопротивлявшихся и выволакивали в специальную штрафную камеру — подвал без окон, сырой и полный крыс.

Между тем дни текли за днями, и даже в условиях полного заточения и отрезанности от внешнего мира человеческая воля творила свое дело. В сущности, никогда не было более спокойных условий для работы, чем в тюрьме. В бутылках с двойным дном доставлялись и отсылались записки. Для связи служили и некоторые из служащих тюрьмы. Ежедневно политические арестованные получали от организации помощи пищу, книги и все остальное, что было необходимо. Иной раз это приводило к курьезам.

Перед уходом из Минска советских войск была реквизирована тюремная библиотека. Однажды вместе с передачей мне прислали книгу. Просматривая ее, тюремный начальник на первой же странице увидел штамп Минской тюрьмы. Он выскочил, чтобы захватить передававшего, но его уже и след простыл. Меня немедленно вызвали к начальнику тюрьмы.

— Эта книга — из тюремной библиотеки, вывезенной

большевиками. Кто вам ее передал?

— Вы знаете, что помощь арестованным оказывается официально существующей организацией Красного Креста, а средства этой организации составляются из пожертвований всего населения. Кроме того, книга могла быть куплена на базаре. Наконец, я не обязан знать всех обслуживающих Красный Крест лиц.

Другой случай. В годовщину комсомола я написал воззвание и переслал его в подпольный комитет. На следующий день в местной газете, бесплатно раздававшейся всем арестованным и являвшейся польским официозом, было напечатано о том, что по всему городу расклеено воззвание к молодежи и что власти принимают энергичные меры к отысканию его авторов. Это сообщение было подкреплено злобной передовицей, обещавшей с корнем вырвать «сеятелей вредных семян». Чтение номера этой газетки доставило нам немалое развлечение в тяжелых условиях тюремного существования.

Вспоминая теперь нашу тогдашнюю конспиративную технику, я должен признать, что она была довольно примитивной. Записки передавались с бутылками молока, подклеенные под дно, а также и через некоторых надзирателей. Писались они на бумаге молоком. Когда бумага подогревалась, на ней появлялись бледные рыжие буквы. В передаваемых книгах таким же способом отмечались некоторые буквы; из букв составлялись фразы.

Вообще, как это ни странно, молоко играло особую роль во всей конспиративной работе Минского комитета большевиков. На Мало-Татарской улице помещалась подпольная типография. Оттуда листовки доставлялись в маленькую молочную лавку, служившую также и местом явки. Из лавки в корзинах, на дне которых лежала литература, а сверху стояли бутылки, листовки разносились на места. Работой в профсоюзах и в Красном Кресте ведал товарищ Ривес. Всей деятельностью Минского комитета, который считался краевым, руководил товарищ Ян Дембо (Мариан). Это был блестящий конспиратор и организатор. Техникой ведал товарищ Максимович. Минскому комитету удалось не только охватить своим влиянием большинство легальных профсоюзов, но и организовать широкое партизанское движение. Партизанский штаб в Козыреве распространил среди крестьян 8 тысяч листовок. Большое количество литературы на польском языке распространялось и среди солдат. Эта литература печаталась на месте, а также доставлялась из Смоленска и из Варшавы. Росла военная организация Польской компартии.

Польское командование, вынужденное мобилизациями рабочих и крестьян пополнять свою армию, очень быстро

почувствовало силу большевистской агитации.

Будущий маршал Польши Рыдз-Смиглы, который бесславно удрал в Румынию при наступлении гитлеровцев в 1939 году, оставив армию и государство на произвол судьбы, был тогда генерал-подпоручиком. Командуя Литовско-Белорусским фронтом, он издавал приказ за приказом по вопросу о проникновении большевиков в польскую армию. Вот выдержка из его приказа за № 5, обращенного к офицерам Литовско-Белорусского фронта.

«Вильно, 16 июля 1919 года.

Среди солдат раздаются в большом количестве коммунистические брошюры и между прочим воззвания Коммунистической рабочей партии Польши к солдатам-полякам.

Приказываю всем командирам и начальникам беспощадно уничтожать и вылавливать этого рода литературу.

Предпринять самые энергичные меры, чтобы сделать невозможным проникновение брошюр подобного содержания в руки наших солдат.

Внушить солдатам мысль, что если кто-нибудь из них получит или обнаружит где-нибудь подобного рода воззвания, докладывать об этом своим командирам».

Еще выдержка из «офицерского» приказа за № 8 того же генерала.

«Вильно, 5 августа 1919 года.

Коммунистическая партия, поддерживаемая враждебными нам факторами, прилагает все усилия, чтобы дезорганизовать польскую армию и сделать ее небоеспособной.

Противодействие необходимо и должно осуществляться энергично двумя путями.

Во-первых: офицеры, а особенно офицеры инспекции, должны обращать бдительное внимание на гражданских лиц, посещающих казармы; следует наблюдать за солдатами, а в случае серьезного подозрения в агитации изолировать их. Всякие агитационные издания и газеты — конфисковывать.

Во-вторых: напоминаю офицерам, что их обязанностью является использовать всякий случай к преодолению влияний вредной агитации.

Командиры назначают в ближайший срок

офицерские собрания, на которых должны быть детально обсуждены вопросы борьбы с разлагающей агитацией в армии.

После офицерских собраний командиры рот (эскадронов, батарей), назначают собрания унтер-офицеров, на которых разъясняют в духе офицерских собраний задачи унтер-офицеров в борьбе с коммунистической агитацией».

Не лишена интереса и такая выдержка из «офицерского» приказа за № 12 командования Литовско-Белорусского фронта.

«Вильно, 30 сентября 1919 года.

Подтверждается, что большевики усиливают свою пропаганду среди наших солдат.

Во многих частях контакт офицеров с солдатами слишком слаб.

Приказываю, чтобы в этой тяжелой для нашего солдата осенней и зимней кампании офицеры глубже вникали в жизнь своих подчиненных, непосредственно чувствовали все заботы и неудобства солдата, смягчали его огорчения, объясняли причины недостатков, наконец, со всей преданностью влияли на идейное и нравственное состояние своих частей. Недосмотр в этом смысле будет наказываться наряду с другими служебными проступками. Офицер должен стать старшим товарищем и духовным руководителем солдата».

Возвращаясь к работе Минского подпольного комитета, следует сказать, что он продержался почти до прихода советских войск. Только в мае 1920 года польская дефензива напала на след, который привел ее сыщиков в молочную лавку. Ян Дембо был арестован две недели спустя в Вильно, после страшных пыток заключен в Варшавскую цитадель, а затем направлен в лагерь смерти «Дембью», где и погиб в 1921 году. Максимович пал в стычке с жандармами около железнодорожной станции.

Медленно тянулись дни в сырой, мрачной Минской тюрьме. Иногда с воли поступали к нам новые товарищи, и тогда возникало оживление. Бывший председатель Столбцовского исполкома Лобко с группой крестьян был арестован и попал в тюрьму по подозрению в организации партизанского движения. Это был малорослый белорус, очень умный и подвижной, страстный любитель игры в шашки. После утренней поверки и кипятка с куском отвратительного хлеба он становился за длинный тюремный стол и вызывал желающих играть в шашки:

— Выходи, кто хочет, даю фору!..

На этапе ему удалось бежать вместе со своими крестьянами.

Удивительным по чистоте души человеком был старый польский революционер Бобровицкий. Своим обликом он чем-то напоминал мне Дзержинского. Бобровицкий умер в тюрьме от туберкулеза. Замечательным по своей культуре был Ширяев, работник минского подполья. Его часто вызывали в контрразведку, пытали и били.

Каждый день шла незаметная для других борьба подпольщиков не на жизнь, а на смерть. Вдруг я заболел — у меня резко повысилась температура. К моему удивлению, тюремный врач, местный поляк, перевел меня на несколько дней в тюремную больницу. Это было бревенчатое здание, имевшее несколько небольших палат, на 2—3 арестанта каждая.

Однажды меня вызвали в кабинет врача, сообщив, что кто-то пришел туда и хочет меня видеть. Я был в полном недоумении. В Минске меня никто не знал, и я не мог представить себе, чтобы подпольная организация решилась послать кого-нибудь на свидание со мной в тюрьму. К изумлению своему, в кабинете врача я увидел профессора Шапиро, в клинике которого лежал раньше. В руках у него была большая коробка с передачей, перевязанная красной ленточкой. Расспросив меня о здоровье и о том, в каком положении мое дело (мы были одни), он спросил, что ему делать с моими деньгами. При аресте у нас была отобрана только часть денег. Другая находилась в клинике Шапиро, в моей отдельной палате, в чемодане под кроватью. Это была значительная сумма в николаевских рублях и польских марках. Я сказал профессору, как поступить с деньгами, и, кроме того, попросил выполнить несколько таких поручений, которые нисколько не нарушали условий конспирации. Этот пожилой и почтенный человек, далеко не коммунист по своим убеждениям, не только не побоялся прийти ко мне в тюрьму, но и сделал многое для нас, проявив замечательное гражданское мужество. Глубоко сожалею, что после освобождения Белоруссии мне не удалось его увидеть.

Дни превращались в недели, недели в месяцы, никто нас не вызывал, не допрашивал и не судил. Ежевечерне старший надзиратель перед обходом читал длинный список вызываемых арестантов, к именам одних он прибавлял: «с вещами», других «без вещей». Первых отпускали на свободу, но таких было маловато, вторых — на допрос или в суд. Иногда контрразведка вновь вспоминала о каком-нибудь арестованном, и его мытарства начинались сначала.

Мы уже почти не прислушивались к голосу надзирателя, но

однажды вечером нас вызвали и повели под конвоем по окраинам и пустым улицам. От свежего воздуха кружилась голова. У входа в маленький домик стоял часовой. Нас провели в зал на втором этаже. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидел генерал, маленький, толстый, краснощекий, с отвисшими усами, по сторонам от него восседали офицеры разных чинов. Сбоку, за другим столом, два писаря с равнодушными лицами что-то писали, склонив головы набок. Генерал, сунув нос в дело, задал нам несколько незначительных вопросов; затем движением куклы повернулся к соседу справа, слева, кивнул головой, и солдаты отвели нас назад в тюрьму. На другой день в конторе тюрьмы была собрана довольно большая группа женщин и мужчин, в том числе много крестьян, бывших членов волостных и уездных исполкомов, подозревавшихся в принадлежности к партизанскому движению. В эту группу включили и нас. Вся партия подлежала отправке по этапу, куда — неизвестно. Еще накануне мы узнали, что суд приговорил нас к заключению без срока. Было совершенно очевидно, что нас повезут на Запад. Поэтому мы запаслись всем необходимым для побегав каком-нибудь из пунктов по пути нашего следования и заучили адреса и явки.

ПО ЭТАПУ

Довольно большая группа женщин и мужчин шла к вокзалу. Мы с наслаждением шагали по крепкому, хрустящему снегу, вдыхая свежий воздух, которого были столько времени лишены. Взвод во главе с офицером окружал нас со всех сторон. Среди арестованных было много членов уездных и волостных исполкомов, очень популярных среди крестьян. Это беспокоило охрану, так как арестованные должны были проезжать через свои районы, и можно было ожидать нападений на поезд и побегов. Поэтому лица конвойных были сурово напряжены, а офицер несколько раз проверял по списку партию. Молодой, веселый фельдфебель, осматривая арестованных, шутил с девушками, выпрашивал у мужчин папиросы, деньги и наконец начал подшучивать над нашими летними пальто, уверяя, что никогда не видел людей, которые бы так легко одевались зимой. Мы ему сказали, что наши шубы запечатаны в шкафу гостиницы и было бы хорошо за ними заехать. Сравнительно небольшая плата соблазнила его на сделку.

Как только партия прибыла на вокзал и стала дожидаться поезда, мы сели на извозчика и отправились в гостиницу. Управляющий встретил нас с удивлением и испугом. Выяснилось, что часть наших вещей была забрана, а шубы остались в опечатанном шкафу. Тогда, ни мало не смутясь, фельдфебель предложил вскрыть шкаф и «освободить» шубы. Не ожидая нашего ответа, он выхватил из ножен «багнет» (штык) и, сломав печать, взломал дверцу шкафа. Забрав вещи, мы вернулись на вокзал.

Нас привели в холодный, нетопленный вагон третьего класса немецкого типа, имевший из всех купе и уборной двери, отворяющиеся наружу. Арестованные мужчины и женщины разместились в одной его половине, а в другой — офицер с конвоем. Поезд шел медленно, часто останавливаясь. И на каждой остановке офицер отправлялся в буфет и возвращался все более багровым, пока не свалился в своем купе и не заснул мертвым сном. Веселый фельдфебель пояснил тут же, что он пропивает деньги, выданные на питание арестованным. Очевидно, в нем говорила зависть. На следующей большой станции и он, и унтер-офицер тоже сбегали в буфет, и настолько удачно, что, вернувшись назад, никак не могли войти в вагон. Поздно вечером поезд еле полз в гору мимо крупных белорусских селений. Около Столбцов несколько арестованных крестьян один за другим скрылись в уборную. Ночью пьяный фельдфебель

вышел, шатаясь, из своего купе и, обведя осоловелыми, мутными глазами арестованных, задумчиво произнес: «Никак их стало меньше?» Потом, тыча пальцем в каждого, начал считать. Считал он несколько раз, сбиваясь и начиная снова. То у него выходило на восемь человек меньше, то на десять. Наконец он что-то сообразил и закричал диким голосом: «Караул, сбежали!» Тогда вся охрана во главе с офицером выскочила к арестованным, на площадки и на подножку, проходившую снаружи вдоль всего вагона. Остановили поезд. Солдаты побежали обыскивать состав. Послышался страшный крик, дверь вагона отворилась, и туда вбросили какого-то человека. Охрана набросилась на него и стала бить. Затем его подняли, приставили к стене и стали обыскивать. Кто-то поднес фонарь к его лицу. У унтер-офицера вырвалось проклятие. Выяснилось, что это был совершенно посторонний человек — польский телеграфист, который, отбыв часы работы на своем полустанке, бежал вдоль поезда, чтобы прыгнуть в него и доехать до следующей станции. На этот раз он сделался невольным козлом отпущения за бежавших.

ПОБЕГ

При полном расстройстве транспорта мы только на четвертый день прибыли в Гродно. По дороге бежать было невозможно, потому что после первого побега арестованным разрешалось выходить из вагона на остановках только в случаях крайней надобности, причем каждого сопровождали двое конвоиров. Решено было бежать в Гродно, где мы должны были остановиться на несколько дней в пересыльном этапном пункте, и об этом мы дали знать заранее тамошней подпольной организации.

Окруженный проволочным заграждением, четырехугольный двухэтажный каменный дом, в котором помещался этапный пункт, стоял недалеко от вокзала, на шоссе, параллельном линии железной дороги и отделявшемся от нее невысокой стеной. В подвальном этаже здания находились кухня, кладовая, комната начальника караула и помещение для проходящих воинских команд. Арестованные спускались туда с верхнего этажа за получением пищи. В первом этаже были комнаты канцелярии, начальника пункта полковника Поклевского-Ко́зелл (кстати сказать, Поклевские-Ко́зелл, богатейшие помещики царской России, из поколения в поколение верно служили российским императорам, что не мешало им теперь быть столь же верными жандармами белопольского правительства) и другие служебные помещения. Весь второй этаж занимала громадная, нетопленая, с разбитыми окнами зала, где на полу спали арестованные. Наша сравнительно небольшая группа растворилась в массе людей, наполнявших эту залу и предназначенных к отправке в различные пункты. Тут было много крестьян, много евреев и вообще людей самых разнообразных возрастов, званий и профессий.

Начальник пункта полковник Поклевский-Ко́зелл лично проверил по документам наличие арестованных и в ответ на целый ряд задававшихся ему вопросов отвечал одними и теми же фразами: «Свои деньги получите там, где вам их дадут», «Мало ли что полагается, выдается то, что есть». В сущности, полковник изрекал афоризмы.

Чтобы подготовить побег, мы должны были хотя бы раз побывать в городе, и это нам удалось под предлогом необходимости продать вещи. В связи с нашими планами они были нам не нужны, так как мы все равно не смогли бы их захватить с собой. За взятку в сопровождении унтер-офицера мы прошли в город, и пока я угощал в ресторане сержанта, Ордынский успел сделать то, что нужно. Было два способа

бежать. Арестованные проходили за пищей в подвальный этаж через двор, где часовой охранял выход на улицу. Подкупив часового заранее, можно было с наступлением темноты выскользнуть наружу. Но этот план по многим причинам не годился. Второй казался вернее. Нас известили, что в определенный день в нижнем этаже здания остановится воинская команда во главе с офицером, который везет обмундирование в Вильно. Если выйти на шоссе, идущее вдоль стены железнодорожного пути, то шагах в тридцати, слева от нашего здания, находилась калитка. За калиткой, по ту сторону полотна, нас должен был ждать офицер с несколькими конвоирами и, поместив в одном из вагонов с обмундированием, довезти до Вильно. Но как выйти из здания на улицу? Проволочные заграждения были расположены вокруг дома с трех сторон; четвертая, обращенная прямо к шоссе, охранялась лишь одним часовым, медленно ходившим вокруг дома. Надо было улучить момент, выпрыгнуть из окна второго этажа и дойти до калитки.

Как и было условлено, в восемь часов вечера назначенного дня мы открыли окно и, подготовив связанный из простыней длинный жгут, стали следить, когда часовой завернет за угол. Бежать должны были четверо: я, Ордынский, Ясикевич и Лианович. Оставшимся товарищам надлежало закрыть за нами окно. Опустившись на жгуте почти до уровня первого этажа, я оттолкнулся ногами от стены и прыгнул в высокий мягкий сугроб. Прыжок был хорошо рассчитан, и, даже не поскользнувшись, я пошел дальше по середине шоссе. Ордынский двинулся по тротуару, примыкавшему к стенам домов и скрытому в их тени.

При организации побега трудно предусмотреть все случайности.

Мы упустили психологический момент, не подумав о том, что арестованные, видя нас свободно идущими по улице, захотят последовать нашему примеру. Это так и случилось. Вслед за нами выпрыгнуло еще человек пятнадцать, которые мгновенно растаяли в темноте. Среди них был один хромой еврей-портной. Прыгая, он ударил ногой в окно полуподвального этажа, почти занесенное снегом. Это было окно дежурного по комендатуре, фельдфебеля, забавлявшегося в это время с одной из арестованных. В одном белье и босой, он вскочил с кровати, глянул в окно и увидел бегущие в разных направлениях ноги.

Я уже видел калитку и шел к ней ускоренным шагом, но не решался бежать, чтобы не обратить на себя внимания редких прохожих. Вдруг сзади раздались крики: «Стой!» — и выстрелы. Впереди, как призрак, несся на лошади босоногий дежурный по

комендатуре с револьвером в руках. За ним бежали унтер-офицеры и солдаты — кто с саблей, кто с ружьем. Уже просвистело несколько пуль. Бежать дальше было бессмысленно. Я остановился и стал ждать. Фельдфебель, осадив передо мной лошадь, кричал и ругался матерными словами. Единственный конный среди пеших, он чувствовал себя дико на лошади, то напирая на меня ее мордой, то вертясь в общей куче. Унтер-офицер с блинообразной каскеткой на голове очень хотел ударить меня в лицо. Несколько раз он подпрыгивал и взмахивал рукой, но я отворачивал голову, и он каждый раз давал маху. Тогда он выхватил багнет и ударил меня им. Его оттолкнули. Зато удары прикладами посыпались на меня со всех сторон. Кто-то кричал: «К стенке его, к стенке!» Их бесило мое спокойствие. Меня приставили к стене и вскинули ружья к плечу. Я не мог стоять и медленно оседал вниз. Грохнул выстрел. Пуля ударилась в стену несколькими дюймами выше моей головы, осыпав меня штукатуркой.

Меня поволокли назад в здание. Обыск, при котором все было разорвано в клочки, превратил мою одежду в лохмотья. Полуголого, меня втиснули в небольшой чулан, где можно было поместиться лишь на корточках. Дверь захлопнулась, и я остался в темноте, почти ничего не сознавая. Кровь сочилась из штыковой раны, но на душе было полнейшее равнодушие. Есть такой предел напряжения, за которым человек уже теряет способность реагировать на внешние воздействия — становится для них непроницаемым. Часы текли в сумраке и полузабытьи, из которого, наконец, меня вывел яркий свет. Солдатские руки вытащили меня из чулана и поставили перед судилищем. За длинным столом сидели десятка полтора офицеров. Начался допрос. На все вопросы я отвечал молчанием и только на один — о причинах побега сказал: «Бежал, потому что не хотел сидеть в тюрьме». И вот я снова втиснут в прежний закут, куда никогда не проникает свет. Удар по голове заставил меня встрепенуться.

Представьте себе нишу, почти сплошь заполненную человеческим телом. Но, поскольку это тело все же не спрессовано окончательно, в нише остается еще очень небольшое свободное пространство. Туда-то и упала буханка черствого черного хлеба. Вскоре затем снова открылась дверь, и меня повели, подгоняя прикладами, в верхнюю залу, где помещались все арестованные. Я увидел странное зрелище. Шел поголовный обыск. На полу валялись кучи изодранного в клочки белья и платья. В углу кого-то пороли, и человек этот кричал истошным голосом. Операция подходила к концу. Солдаты, в невиданной еще нами форме, как безумные, носились по зале. Меня схватили,

ударили прикладом, отбросили в один конец залы, а оттуда — в другой. Игра в живой мяч… Потом всех нас выстроили и повели к вокзалу. Я был изумлен, увидев рядом с собой Ордынского. Оказалось, что при побеге, видя меня пойманным, он вернулся, незаметно проскользнул во двор и присоединился к арестованным, шедшим за ужином. Он не хотел оставить меня одного в неволе. На вокзале фельдфебель пересыльного пункта подошел к нам и, приставив громадный кулак к носу Ордынского, сказал: «Я же видел, как ты тоже бежал. Но у него денег нет, стало быть, они у тебя. А ну, выкладывай!» И, не дожидаясь ответа, начал обыскивать. Отобрав деньги, он тут же пригласил нас выпить по рюмке водки за его, то есть за наш, счет, мотивируя это тем, что иначе после такой «обработки» я могу «издохнуть». Затем, сделав галантный жест и поблагодарив «за вознаграждение», исчез. Теперь мы ехали так: всего несколько человек в пустом товарном вагоне, сопровождаемые четырьмя конвойными.

ПО ДОРОГЕ В АВСТРИЙСКУЮ ПОЛЬШУ

Опять медленно тянулся поезд, останавливаясь на всех полустанках.

В Варшаве нас вели вечером по освещенным и заполненным гуляющими толпами улицам. Положение в столице было в то время очень напряженное — на почве продовольственного кризиса. Несмотря на окрики конвойных, отдельные прохожие расспрашивали нас, произнося слова сочувствия по нашему адресу, а то и попросту злобно ругая правительство. Тогда мы запели «Интернационал», надеясь на то, что в центре города конвойные не решатся начать избиение.

Нас привели в «Повонзки» — громадный, оборудованный немцами пересыльный пункт. Он был забит русскими военнопленными, большинство из которых были калеки, с искусственными руками и ногами. Германская революция освободила их из лагерей, и они стихийно пошли через Польшу к себе на родину. Но здесь они были задержаны специальными заслонами и загнаны в лагеря, а некоторые отправлены на принудительные работы.

Через несколько дней мы очутились на новом вокзале — Венском, ожидая поезда, идущего в Краков. Нам пришлось довольно долго стоять в дальнем углу громадного вокзала, разукрашенного цветами и заполненного нарядной толпой. Французские и английские офицеры, находившиеся в зале, растворялись в интернациональной толпе, которая преобладает на всех железнодорожных пунктах, связывающих центры Европы. Мимо дам, сопровождаемых камеристками, несшими большие картонки для шляп, мужчин, в котелках и бобровых шапках, провели партию арестованных и разместили в одном из задних товарных вагонов. Бесконечные сероватые поля сменялись правильно возделанными квадратами оттаявшей земли. Поезд все ускорял ход и наконец врезался в прозрачный колпак Краковского вокзала.

НОЕВ КОВЧЕГ

Кусок Европы отрезали и присоединили к другому куску — бывшей царской России. От этого он, однако, не потерял своего лица. Чиновники, в австрийских шапочках с лакированными черными козырьками, стояли у всех входов и выходов. Немецкой чистотой сияли перроны. Громадная вертящаяся вокзальная дверь выпустила нас на площадь одного из самых старинных городов Европы, сжатую домами готического стиля. Нас вели по аллее Вакха, с изумительными домиками по обеим сторонам. Здесь веками стояли кабачки, старенькие, увитые виноградными лозами, со статуэтками Вакха на фронтонах. Вывески сообщали прохожему о том, сколько лет и кто приготовлял наливку в этом доме, или просто содержали ласковое обращение к нему, вроде: «Зайди — и ты не уйдешь!» В конце аллеи, тянувшейся несколько километров, видны были пустыри пригорода и темное пятно на какой-то возвышенности. Оно оказалось проволочными заграждениями, окружавшими лагерь Дембью. Целый город, с многочисленными домами, улицами, площадями, служил местом заключения.

Нас привели в большой зал со стеклянными перегородками и окошечками, напоминавший контору большого предприятия. Меня с Ордынским выделили и подвели к окошечку с надписью: «Особисто интернованы». То же самое было написано на выданных нам карточках с указанием фамилий и номеров.

В отдельном доме было еще человек десять особо интернированных. Лагерь напоминал Ноев ковчег. В нем содержались чешские офицеры, немецкие генералы, петлюровцы, деникинцы, большевики. В зависимости от положения, значения и еще ряда условий, заключенные жили или в бараках, или в специальных домиках из нескольких комнат с кухней, или же в совершенно изолированных помещениях. Например, были так называемые «галицийские дома», где жили галицийские помещики-автономисты со своими слугами. Им дозволялось выписывать галицийские издания, посещать под конвоем город и т. д. Обладая значительными средствами, они вели довольно широкий образ жизни.

Немецкие генералы, вывезенные из отошедших от Германии к Польше территорий и включенные поляками на всякий случай в список «особисто интернованых», держались замкнуто, презрительно относясь ко всем окружающим, а особенно к полякам. Австрийский генерал, когда-то начальник связи между Веной и Константинополем, был чрезвычайно жизнерадостным и

веселым человеком, на ночь он аккуратно надевал сетку для сохранения пробора на голове, а днем носил под мундиром корсет. Петлюровские министры во главе с Остапенко имели довольно жалкий вид, хотя и пытались доказать, что они надеются на «урегулирование отношений польского правительства с украинским». Поверить в это было трудно, ибо украинское правительство не владело тогда никакой территорией, а сам Петлюра жил фактически под домашним арестом в одном из особняков варшавской «Аллеи роз». Это продолжалось почти целый год, пока поляки не привезли его на своих пушках в Киев. Деникинский офицерский отряд, отступивший из-под Проскурова, попробовал было соединиться с поляками, но те предложили деникинцам проехаться в качестве «гостей» в Польшу. Под Варшавой поезд был окружен, деникинцев разоружили и отправили в Дембью. Вначале они сохраняли бравый вид, усердно «выясняли» большевиков и доносили о них начальству лагеря, но вскоре опустились, «завяли» и принялись заниматься попрошайничеством у более состоятельных заключенных.

Были и загадочные фигуры: женщины неизвестной национальности, говорившие на нескольких языках и по большей части очень красивые. Их обвиняли в шпионаже в пользу других государств, но молва утверждала, что они состояли на службе польского правительства, а когда проваливались, то сейчас же подвергались изоляции в Дембью. Были иностранцы самых разнообразных профессий, арестованные по различным, иной раз почти фантастическим, обвинениям. Немец-авиатор, доставлявший Петлюре в Каменец-Подольск печатавшиеся в Берлине украинские деньги, совершил на обратном пути вынужденную посадку на польской территории, вблизи чехословацкой границы. И вот его обвинили в шпионаже в пользу трех государств: Германии, Чехословакии и Украины. Кстати, со всеми этими тремя государствами у панской Польши были непрерывные столкновения.

Совершенно особое место среди заключенных занимали пленные красноармейцы. Несколько тысяч их было захвачено при вероломном нападении Пилсудского на Вильну. Они содержались в одном общем холодном развалившемся бараке и буквально умирали с голоду. Продовольственный кризис во всей буржуазной Польше, а в особенности в австрийской ее части, обострился тогда до крайности. Выдававшийся в лагере паек состоял из трех видов: для особо интернированных, интернированных и пленных. Последняя группа, к которой были причислены красноармейцы, фактически ничего не получала. На

голых досках, в истрепавшейся одежде, красноармейцы мерли от тифа и истощения, принужденные выполнять самую тяжелую работу.

Как-то в туманный и дождливый день, идя по улице лагеря Дембью, я увидел громадный воз, нагруженный правильно нарезанными гранитными глыбами. Впряженные красноармейцы тянули его, останавливаясь, падая и обливаясь потом. С десяток познанцев плетками подгоняли эту живую силу. Возмущенный, я подбежал к солдатам и крикнул, что скоро наступит время, когда им придется отвечать за свою бесчеловечность и преступления. Они не обратили на мой крик никакого внимания, даже не попытались меня остановить. Я повернулся и ушел. Но на перекрестке меня настиг фельдфебель и уже не отходил от меня до самого моего барака. У порога он повернулся и исчез. Минут через десять этот фельдфебель ворвался к нам уже вместе с каким-то офицером дефензивы — капитаном, который наскочил на меня крича, что он меня сейчас задушит за «поношение коменданта панства (начальника государства) и цалэй Польски». Однако угрожающие крики заключенных охладили его пыл, и он уже другим тоном потребовал, чтобы я шел с ним в комендатуру.

Я не очень спешил, соображая, как мне лучше поступить. Но капитан, бросая злобные взгляды вокруг, повторял одно и то же: «Прошэ до коменданта». Пришлось идти. Фельдфебель доложил коменданту, что я ругал польское правительство и, в частности, Пилсудского. Меня особенно возмутило то, что капитан, которого до появления в бараке я вообще не видел, стоя рядом, повторял, крутя усы: «Так, так, пане пулковнику». Выслушав его, комендант — маленький, толстый апоплексический полковник с выпяченным животом, на кривых ножках и с традиционными длинными усами — важно спросил меня, что я могу сказать в свое оправдание. Я рассказал, как было дело, добавив, что капитан, вероятно, забыл о своей офицерской чести, если может так бесстыдно лгать. При этих словах капитан бросился на меня, но полковник остановил его жестом.

Объяснение было прервано криками, раздавшимися на площади перед комендантским домом. Большая толпа арестованных во главе с Ордынским кричала и шумела, требуя моего освобождения. Считаясь с общим настроением в лагере, полковник меня отпустил, присовокупив, что в следующий раз это так легко не пройдет. Я должен, кстати, заметить, что мой дорогой друг и товарищ по подполью и заключению В. А. Ордынский был старше, опытнее, благоразумнее меня и неоднократно выручал меня из тяжелых положений, в которые я попадал благодаря своей несдержанности.

Настроение среди заключенных в связи с тяжелыми условиями жизни в лагере становилось все возбужденнее. В подпольной коммунистической организации лагеря состояло немало пленных, работавших на фабрике, а также польских солдат и офицеров. Чувствовалось приближение серьезных событий.

В лагере была «кантына». Это род универсального магазина, соединенного с рестораном. Там продавались продукты и товары широкого потребления; при магазине был зал-ресторан, в котором из-под полы можно было получить все, вплоть до вина. Офицеры лагеря, сложившись, на свои средства организовали эту лавочку для эксплуатации арестованных и наживали колоссальные деньги, потому что все продавалось там втридорога. Однажды кто-то, придя в ресторан, купил там много белых булок и начал раздавать их тут же пленным красноармейцам. Давя друг друга и протягивая вперед руки, красноармейцы ринулись вперед. Вот толпа в магазине… Вот она все расхватывает и разносит. Между тем по улицам, примыкавшим к площади, на которой стояла «кантына», уже бежали польские солдаты с ружьями наперевес, скакала конница, а на перекрестках устанавливались пулеметы. Красноармейцев разогнали, но источник офицерских доходов был уничтожен. Это первое событие предшествовало второму, более значительному.

Однажды почти половина всех постов, охранявших лагерь, исчезла вместе с офицерами. С ними бежали и несколько десятков арестованных.

Польское командование было встревожено. На следующий день, в двенадцать часов ночи, в дом, где мы находились, вошел патруль во главе с офицером. Вид его и движения ясно подчеркивали важность порученного ему дела. На этот раз мы, уже вдвоем с Ордынским, предстали перед комендантом. В первый момент он даже не заметил нас — ярость и отчаяние его ослепили. Упершись руками в бока, наклонив голову и топая кривыми ножками, он кричал: «Коммунисты! Если вы не расскажете все, что знаете, — вас расстреляют!..»

Перед ним стояли офицер с сорванными погонами и два бледных унтер-офицера. Увидев нас, полковник завопил: «Вот они, ваши соблазнители!»

После этого нас увели в отдельную комнату. Трудно сказать, действительно ли полковник верил или только делал вид, будто поймал подлинных организаторов побега.

Вызвав нас снова, комендант некоторое время молча смотрел на меня и на Ордынского, а потом заявил:

— Я прекрасно знаю, что вы собой представляете и чем вы

занимаетесь. Если бы не некоторые обстоятельства, я бы поговорил с вами иначе… Идите…

Мы не знали, о каких обстоятельствах он толкует. Однако все выяснилось на следующий день.

Жизнь в неволе приучает человека ко всякого рода неожиданностям, и поэтому мы не удивились, когда на следующий день нас снова повели к коменданту лагеря. На этот раз он был не один. Рядом с ним сидел высокий, элегантный краснощекий офицер в форме генерального штаба. Изобразив на лице любезную улыбку, полковник начал:

— Советское правительство предлагает обменять вас на польских заложников. Наше правительство не возражает. Надеюсь, что вы не можете пожаловаться на условия лагерной жизни. Кстати, деньги, отобранные у вас, присланы. Не угодно ли проверить?

Краснощекий офицер открыл чемодан, полностью набитый николаевскими мелкими купюрами. Дело в том, что хотя общая сумма и сходилась, но пятисотрублевые купюры (которые у нас были отобраны) стоили значительно дороже мелких, и офицер не преминул на этом спекульнуть. Вслед за тем нам представился поручик, который вместе с фельдфебелем должен был сопровождать нас туда, где польские власти решили собрать тех арестованных подпольных работников, за которых Советское правительство передавало Польше нескольких крупных польских заложников.

К сожалению, я забыл фамилию этого поручика. Он служил во время войны в русской армии, но у его родителей где-то в Польше было имение. Не знаю, что это было за имение, потому что у поручика не было ни одной марки в кармане. Первое, что меня поразило, — это разговор поручика с фельдфебелем по поводу краковской колбасы, купленной кем-то из них по дороге. Поручик спрашивал, куда девалась колбаса. Фельдфебель, вытянувшись по всем правилам и стукнув каблуками, доложил, что это ему неизвестно. Поручик, возмущенный таким нахальством, хотел было начать расследование, но я прервал их разговор, заметив, что это не имеет значения. Поручик посмотрел на меня и спросил: «Пан так розуме?..» — и отпустил фельдфебеля. Оставшись наедине, я объяснил поручику, что если он не особенно будет стеснять нас в дороге и даст возможность сделать кое-какие личные дела, то мы берем содержание и его, и фельдфебеля на свой счет. Поручик немедленно дал «слово гонору» сделать все возможное, чтобы наше «благополучное возвращение на родину» протекало в наилучших условиях. Вслед

за тем, получив деньги на билеты, он вызвал фельдфебеля и приказал купить три билета до Варшавы в первом классе и один в третьем. Фельдфебель, полагавший, что он снова вызван по поводу колбасы, был настолько поражен, что только щелкал каблуками, повторяя: «Росказ, пане поручнику!»

В купе были мягкие кресла — по три с каждой стороны. Кроме нас, здесь ехали еще пожилой усатый польский гражданский чиновник и какой-то помещик. Говорил один чиновник, делавшийся после каждой остановки и посещения буфета все словоохотливее. Он утверждал, что большевики только и думают, как бы «зруйновать Польскен». Пан Пилсудский по своей природной доброте очень мягок с ними. Даже те большевики, которые заключены в Дембью, живут там, как у Христа за пазухой.

Поручик, с беспокойством следивший за таким оборотом разговора, пытался повернуть беседу на другую тему. Но чиновник не унимался. Наконец мне все это надоело, и я спросил, бывал ли он сам когда-нибудь в Дембью. Чиновник сказал, что не бывал.

— Ну, а я бывал и могу заверить вас, что там люди мрут как мухи.

Чиновник спросил:

— Пан был инспектожем обозу (ревизором лагеря)?

Я сказал:

— Нет, я сам там сидел…

После этого наступило длительное молчание. На первой же остановке чиновник и помещик перешли в другое купе.

С каждым часом нас все сильнее охватывало радостное чувство возвращения на родину. Мы уже вдыхали воздух свободы. Как в кинематографе, промелькнули Варшава, Брест-Литовск, Минск и Борисов. К моменту приезда в Борисов мы уже имели достаточно ясное представление о том, зачем поехали в Польшу, которую капиталистические страны Запада провоцировали на войну с Советской Россией.

Здесь мы встретили других товарищей, в частности, посланных в Галицию и Польшу Барана, Федорова, Марию Побережскую и Ивана Кулика.

На санях по хрустящему снегу едем мы к советской границе. Проезжаем окопы, проволочные заграждения, насыпи, линию грозного и укрепленного фронта; наконец попадаем в никем не защищенное пространство полей. В маленькой деревне Неманицы происходит обмен. С польской стороны — толпа: солдаты, жандармские офицеры, чиновники контрразведки; с советской — родные кожаные куртки. Мы отделяемся и переходим заветную

черту. Согбенная толстая фигура с бритым лицом перебегает через нее к польской группе. С каждым шагом фигура выпрямляется, осанка ее становится гордой, польские жандармы бросаются к ней навстречу, подхватывают руку и целуют: «Пане бискупе, проше» («Господин епископ, пожалуйте»).

Нас встречают родные поля, крепкие рукопожатия, приветственные звуки «Интернационала» и красные знамена, полотнища которых весело трепещут в весеннем воздухе»

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Первые радостные часы прошли. Оба мы — и я, и В. А. Ордынский — чувствовали страшную физическую слабость. Внешне мы походили скорее на восковые фигуры, чем на людей. В Дембью, хотя у нас и была возможность питаться несколько лучше других, мы отдавали большую часть пайка товарищам, потому что вокруг нас люди буквально умирали от голода. В дороге мы были заняты настолько, что питались как попало и чем попало. Поручик и фельдфебель, сопровождавшие нас, прекрасно понимали, конечно, что заключенные, которым предоставлена возможность вернуться на родину, никуда не убегут. Другой подобный случай пожить за чужой счет едва ли мог им скоро представиться. Поэтому, беря очередную сумму «взаймы под слово гонору» и уславливаясь, где мы должны встретиться с ним через несколько часов, поручик давал советы, как вести себя, если вдруг нас задержат. Обычно нам рекомендовалось говорить, что «пан поручник пошед до коменданта мяста», то есть к коменданту города. Возвращался поручик по большей части в таком состоянии, что уже нам приходилось конвоировать его по дороге в вагон. Мы ехали с западной европейской границы Польши через всю страну на восток, по направлению к Советской России. Ехали медленно, с остановками на всех крупных станциях. Картина передвижения польских войск и направления польских военных грузов на восток, куда тянулись платформы с артиллерией, автомашинами, танками, колючей проволокой и вагоны со снарядами, отчетливо предстала перед нами. Она как бы иллюстрировала сведения, поступавшие из разных источников и подтверждавшие, что Польша готовится к войне с Советской республикой, для чего получила от Франции и США огромное количество военных материалов.

На одной из больших станций, когда мы ожидали отхода поезда, наш поручик встретил приятеля капитана, следовавшего с дивизией, которая перебрасывалась из Познани в район Борисова. В тот день, когда мы выезжали из Кракова, все пути на станции, кроме главного, были забиты эшелонами кавалерийской дивизии генерала Карницкого, следовавшей на Львов, к польско-украинской границе.

Сразу после Борисова потянулись одна за другой линии хорошо отрытых окопов с внутренними ходами сообщения, за окопами — линия долговременных укреплений и, наконец, три или четыре ряда проволочных заграждений с проходами между ними и рогатками. Большие участки полей перед фронтом в

сторону советской границы были заминированы.

Ничего похожего не увидели мы за деревней Неманица, на советской территории. Здесь не было никаких укреплений. Только ближе к Смоленску, на значительных станциях, попадались эшелоны с красноармейцами и отрядами бойцов — рабочих и коммунистических батальонов.

Нам приходилось выступать и в воинских частях, и на крупных заводах, и в железнодорожных депо.

Несмотря на голод и разруху, которые казались ужасающими, удивительным энтузиазмом горели глаза бойцов и рабочих, когда мы говорили об освободительной роли Красной Армии и о том тяжелом положении, в котором находятся рабочие и крестьяне в белопанской Польше.

Никто не сомневался, что, в случае нападения на нас Польши, она не выиграет войну, хотя никогда еще экономическое состояние молодой Советской республики не было таким тяжелым. Даже спички и те можно было достать только с рук. Все, что продавали мешочники и спекулянты: соль, черствые осьмушки черного хлеба, пожелтевшие куски завернутого в грязную тряпку сала, добывалось на базарах с боя, по астрономической цене.

В Смоленске нас пригласил к себе секретарь ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии В. Мицкявичюс-Капсукас.

В. Мицкявичюс-Капсукас — спокойный, умный человек, в черном костюме, с манерами западного социал-демократа, попивая морковный чай без сахара, давал указания подпольщикам, пришедшим из занятого поляками Бобруйска, проверял ведомость по снабжению проходящих частей и распекал какого-то секретаря укома, у которого провалились хлебозаготовки.

Все это делалось одновременно. Потом наступило относительное затишье, и он занялся нами. Разговор был большой — о положении в Белоруссии, Литве и панской Польше, о работе Коммунистической партии, о состоянии польской армии, о настроениях рабочих и крестьян, о партизанском движении, о тех, кого мы встретили в тюрьмах и лагере Дембью, где мы отсидели семь месяцев.

Когда все это было исчерпано, Мицкявичюс-Капсукас поднялся, взял книгу со стола и сказал:

— Пойдем в столовую, пора! Хотя предупреждаю: кроме жидкого горохового супа и овсяной каши на воде, похожей на суп, там ничего нет.

Затем с какой-то стыдливой улыбкой погладил по книге

ладонью:

— В свободные минуты перечитываю Горького — «Исповедь». Удивительно написано!

Я машинально взял у него книгу и тотчас отдал назад — она была на литовском языке и издана в 1914 году в Филадельфии.

Мицкявичюс-Капсукас пояснил:

— Это перевод Рачкаускаса-Вайраса. Он первый начал переводить на литовский язык крупные произведения Горького. А в Бруклине читал рабочим лекции на тему о диктатуре пролетариата и о будущем литовском социалистическом государстве.

Надевая пальто, старенькое, с вытертым воротником, но тщательно вычищенное, — такие бывают у бедных городских учителей, — он добавил:

— Однако свободных минут для чтения остается все меньше…

По дороге в столовую мы разговорились о новом (первое было сделано 28 февраля 1920 года) предложении Советского правительства Польше начать мирные переговоры…

— Пока еще ответа от польского правительства на последнюю нашу ноту нет, — говорил Мицкявичюс. — По неофициальным данным, Пилсудский как будто намерен предложить начать переговоры в Борисове. Если это так, то они просто стремятся выиграть время. Какие же могут быть переговоры на линии фронта?..

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Вскоре после отъезда из Смоленска я расстался с Ордынским. Мною было получено назначение в Харьков, в штаб Юго-Западного фронта, на должность начальника секретно-информационного отдела при начальнике тыла фронта. Ордынский назначен был в Киев — в военную прокуратуру.

По мере приближения к Харькову, я чувствовал себя все хуже. Температура стремительно поднималась. На дорогах, а отчасти в армии, свирепствовал тогда сыпной тиф. И естественно, что по прибытии в Харьков меня прямо из вагона отвезли в какой-то военный госпиталь. Но тифа не оказалось. Через несколько дней температура спала, и я, все еще чувствуя себя очень слабым, явился в штаб фронта по месту назначения. Однако госпитализация моя не осталась без последствий. Уже будучи на работе, я ознакомился с пространным некрологом, напечатанным «Югроста» 29 мая 1920 года по поводу моей смерти. «Югроста» проделала в связи с этим немалую работу — получила оценку моей деятельности в польском подполье от ЦК компартии Литвы и Белоруссии, характеристику из разных учреждений и припомнила, что я еще в прошлом году предугадал «происходящую ныне польскую кампанию».

Начальником тыла Юго-Западного фронта был Ф. Э. Дзержинский.

За два года, прошедшие со дня нашей первой встречи, Ф. Э. Дзержинский довольно заметно изменился, — похудел, побледнел и частенько покашливал, чего раньше не было.

Первый доклад мой Дзержинскому длился около двух часов. Я подробно рассказал о сложившейся в Польше обстановке и о своих выводах. Дзержинский меня почти не перебивал. Будучи одним из основателей (с Ю. Мархлевским и Розой Люксембург) Польской социал-демократической партии, Дзержинский, разумеется, лучше, чем кто бы то ни было, знал Польшу. Но со времени своего последнего ареста в 1912 году он уже там не был. Кроме того, послевоенная панская Польша Пилсудского совсем не была похожа на русскую довоенную Польшу.

Я ему рассказал, как долго мы не могли понять причин массового разложения польской армии.

Рассказал и о секретном приказе главного командования польских войск за № 5 от 30 ноября 1919 года, на который мы впоследствии натолкнулись. Удивительная выдержка из него

приведена мною выше.

Приказ этот позволял помещичьим сынкам, составлявшим основные кадры польского офицерства, на законном основании и с полной безнаказанностью грабить население, жечь города и села, устраивать погромы, расстреливать белорусских рабочих и крестьян…

Выслушав меня, Дзержинский встал из-за стола, прошелся по кабинету и тихо сказал:

— Да, они хотят всеми способами морально разложить польских солдат, привить им самые низменные инстинкты, лишить их классового сознания… Ну, а теперь расскажите все, что вам известно, о работе польских коммунистов.

И я доложил ему все, что знал. За восемь месяцев, проведенных в Польше, мы встречали среди польских коммунистов подлинных героев. Среди них было немало и офицеров, и солдат. Многие польские коммунисты были расстреляны, тысячи сидели в тюрьмах и лагерях, но другие продолжали борьбу. Дзержинский молча слушал меня. По его лицу я видел, как он взволнован описанием условий, в которых содержались коммунисты в тюрьмах Минска, Варшавы и лагере Дембью.

Здоровье мое сильно пошатнулось после заключения в тюрьме и неудачного побега из лагеря. Работа в штабе была напряженной и кончалась поздно ночью. Поэтому меня поместили в санаторий на Рымарской улице. Там же некоторое время находился и Дзержинский. В половине девятого утра мы обычно выходили и пешком шли в штаб. Машина ехала за нами. Если Дзержинский уставал, мы садились в нее.

Это была единственная прогулка Дзержинского за день. Спал он мало, ел нерегулярно. Теперь даже трудно представить себе, какую нагрузку выдерживала ленинская плеяда руководителей Советского государства. Помимо того, что Ф. Э. Дзержинский был начальником тыла Юго-Западного фронта (представлявшего в период махновщины самостоятельный внутренний фронт), он был еще председателем ВЧК, Народным комиссаром внутренних дел и членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Кто мог сказать, сколько еще времени организм Дзержинского мог бы выдержать такое напряжение? Это вызывало беспокойство даже у Центрального Комитета партии. Но на фронте происходили решающие бои, и всякое упоминание о необходимости отдыха приводило Феликса Эдмундовича в страшное раздражение. «Кто вам наврал о состоянии моего здоровья и перегрузке работой?» — запрашивал он Центральный Комитет 9 июня 1920 года.

Помнится, однажды утром, когда мы вышли на работу, вдруг начался довольно сильный дождь. Дзержинский был без шинели, и я предложил ему сесть в машину и поднять ее верх, чтобы не простудиться.

Он посмотрел на меня тем взглядом, который у него появлялся, когда он сомневался в правильности того или иного сообщения.

— А почему вы думаете, что я простужусь? Не мешало бы выяснить, кто это так беспокоится о моем якобы плохом состоянии здоровья.

Я ответил, что такое беспокойство вполне естественно, так как он ведет огромную работу, но уже больше никогда не заговаривал с ним на эту тему.

В Реввоенсовет Юго-Западного фронта входили также И. В. Сталин, С. В. Косиор, А. И. Егоров и другие. Начальником политотдела фронта был человек высокой культуры и великолепный оратор Владимир Петрович Потемкин.

Обычно я докладывал Ф. Э. Дзержинскому один раз в день, вечером. Все сведения, поступавшие с внешних и внутренних фронтов, а также все другие важнейшие документы в самом кратком и точном изложении составляли сводку за день. Сводка эта объемом 20—25 страниц подписывалась начальником отдела, затем печаталась на восковке, размножалась на ротаторе и рассылалась с фельдъегерем адресатам по списку, утвержденному лично Дзержинским. Восковка сжигалась; экземпляры по прочтении возвращались к нам и тоже сжигались, за исключением одного, который подлежал особому хранению. Мой ежедневный доклад заключался в передаче сводки с дополнительной информацией по наиболее важным сообщениям.

Помню, как в самом начале моей работы в руки секретно-информационного отдела попал один документ, который в совершенно особом свете раскрывал личность видного национального украинского деятеля, введенного было в состав правительства. Я был настолько потрясен этим фактом, что в неположенное для доклада время пришел в кабинет к Феликсу Эдмундовичу и положил документ на стол.

К моему удивлению, он спокойно посмотрел на меня, выслушал и сказал:

— Вы слишком взволнованы, чтобы дать объективную оценку этому материалу. Проверьте все самым тщательным образом, обдумайте со всех сторон, какие последствия может иметь включение его в официальную сводку, и вечером приходите с докладом.

Обычно Феликс Эдмундович носил гимнастерку,

подпоясанную широким ремнем, армейские брюки, сапоги, солдатскую шинель, фуражку. Все, однако, было хорошо подогнано. Он был во всем очень аккуратен. При огромной нагрузке день Дзержинского был точно распределен. Феликс Эдмундович говорил очень тихо и обладал железной выдержкой. Какие бы ни поступали известия — хорошие или плохие, лицо его было одинаково спокойно. Дзержинский начал жизнь революционера-подпольщика с семнадцати лет. Четверть своей жизни — одиннадцать лет — провел на каторге и в ссылках. Трижды бежал из ссылки. Сидел он в самых страшных царских тюрьмах — Орловском централе и Варшавской цитадели, где ежедневно вешали людей. В промежутках между арестами, в подполье, жил в постоянном напряжении, следя за каждым своим словом и шагом, чтобы не провалиться.

Но и в тюрьме, и в ссылке ему также приходилось все время быть начеку — царское правительство всюду имело шпионов и провокаторов.

В одном из своих писем, относящихся к 1908 году (16 августа), Дзержинский, описывая ужасающую обстановку, царившую в Варшавской цитадели, говорит и о том, что заключенные окружены шпионами и что это «заставляет замыкаться в себе».

Так десятилетиями Дзержинский воспитывал в себе ту выдержку и силу характера, которая поражала окружающих. Но помимо выдержки, нужно было уметь разоблачать шпионов и провокаторов, изучая методы охранки, чтобы вести с ней активную борьбу. Отсюда — громадный опыт Дзержинского в распознавании людей, опыт борьбы с классовыми врагами.

За время работы с Феликсом Эдмундовичем в двадцатом году я только два раза видел его в состоянии раздражения.

Как сказано выше, бюллетень печатался на восковке и размножался на ротаторе. Делалось это в специальной комнате, которая называлась «ротаторской». Вход в нее разрешался только определенным лицам. Работало там несколько человек: машинист, ротаторщик, корректор, переплетчик, экспедитор и специальный контролер, следивший за сжиганием восковок, уничтожением черновиков и правильным опечатыванием пакетов. Машинист был молодой парень, комсомолец, печатавший на машинке всеми десятью пальцами с необыкновенной быстротой. За всю свою жизнь я встретил только одну женщину-машинистку в Москве, печатавшую с такой же быстротой. Комсомолец наш был очень недисциплинирован: в служебные часы, когда случалось ему не быть занятым, пел, рассказывал анекдоты, танцевал и играл на губной гармонике.

Сколько ни делал я ему внушений, не действовало. Не помогла и гауптвахта, на которой он просидел несколько часов. Но лишиться его было жалко — работник он был превосходный.

Работа штаба крупного войскового соединения может быть успешной только при наличии самого строгого распорядка. Если в здании штаба чистота, тишина, каждый сотрудник подтянут, точен и знает свои обязанности, то и оперативная работа не дает перебоев. Сейчас это общеизвестная истина, но во времена гражданской войны наладить штабную работу было не так-то просто.

Однажды, проходя по коридору, Дзержинский услышал за дверью с надписью «Вход воспрещен» пение, притопывание и звуки губной гармоники. Он открыл дверь в «ротаторскую», посмотрел, молча повернулся и вышел. Вызвав меня, Феликс Эдмундович спросил:

— Что это за безобразие в служебные часы?

Я доложил ему, что машинист — прекрасный работник, но, к сожалению, не умеет себя вести и плохо усваивает дисциплину.

Феликс Эдмундович посмотрел на меня задумчиво, погладил бородку.

— Гм… Пришлите его ко мне…

Я и по сей день не знаю, что он сказал этому парню. Но с той поры тишина в «ротаторской» нарушалась только стуком пишущей машинки и жужжанием работающего аппарата.

Дзержинский органически не терпел никакой грубости. Как я уже говорил, он никогда не повышал голоса, был очень вежлив и предупредителен по отношению к другим. Он с удивительной чуткостью относился к нуждам сотрудников и мало обращал внимания на себя.

Легко можно представить себе, что в период широкого польского наступления на Украину, одновременного наступления Врангеля, активизации махновщины, когда все контрреволюционные элементы зашевелились, стремясь взорвать фронт с тыла, работы было более чем достаточно.

Сам Ф. Э. Дзержинский отправлялся на работу в половине девятого утра, а возвращался поздно ночью. Во всех подведомственных ему учреждениях официальное время для занятий было установлено от 11 часов утра до 10 часов вечера, с двухчасовым перерывом на обед. Если же в установленное время работа не бывала выполнена, никто не имел права уходить.

Зная это, Ф. Э. Дзержинский сам проверял, как питаются сотрудники.

Однажды, заметив, что в снабжении имеются перебои, он издал специальный приказ, в котором говорилось:

> «Учитывая, что подобная напряженная работа сотрудников потребует исключительного напряжения сил и не может протекать в условиях хронического недоедания, предписываю начальнику снабжения принять срочные меры к удовлетворению сотрудников полным положенным фронтовым пайком, чтобы случаи недодачи пайка, в особенности мяса или рыбы, не имели бы места в будущем».

В апреле польские войска на всем фронте перешли в наступление. Остатки петлюровцев присоединились к полякам. В своем обозе поляки везли Петлюру.

21 апреля 1920 года в Варшаве, в обстановке строгой секретности, был подписан договор между польским правительством и С. Петлюрой. Уже не раз продававший украинскую территорию, Симон Петлюра «признавал Польшу в границах 1772 года», то есть, другими словами, навечно отдавал большую часть украинской территории руководителям белопанской Польши для эксплуатации. За это Пилсудский обещал взять на содержание и Симона Петлюру, и остатки его армии, оговорив это свое обязательство в следующем пункте договора:

> «Польские и украинские войска выступают сообща, как войска союзные. В случае общих польско-украинских действий против советских войск в районах Правобережной Украины, расположенных к востоку от настоящей линии польско-большевистского фронта, военные операции производятся по указанию главного командования польских войск… Украинское правительство принимает экипировку, снабжение и содержание украинских частей, сформированных на территории Польши, которым либо командование польских войск, либо польское военное министерство оказало или окажет помощь продуктами и экипировкой, оружием, амуницией и всякого рода военными материалами».

Договор был подписан за пять дней до объявлений войны Советской России. Одновременно с польско-украинскими частями выступил Тютюник — «командующий повстанческой армией» и захватил Балту.

Начал наступательные операции Врангель. Зашевелились махновские банды.

Почти не существует никаких печатных материалов о

Ф. Э. Дзержинском, как о военачальнике. Между тем именно в период с мая по июль 1920 года, когда он был начальником тыла Юго-Западного фронта, ему пришлось непосредственно руководить широкими маневренными операциями по ликвидации крупных бандитских шаек в тылу, в первую очередь против армии Махно.

Можно без всякого преувеличения сказать, что Дзержинский выработал ту технику борьбы с кулацко-белогвардейскими бандами, которая применялась и впоследствии, до окончания так называемой «малой гражданской войны».

Ф. Э. Дзержинский прекрасно изучил все наши ошибки в борьбе с бандитизмом на Украине в 1919 году.

В подробном приказе по войскам тыла он указывал на «несостоятельность принципа окружения бандитов небольшими силами» и требовал «прилагать все усилия к сосредоточенному действию, разбивая банду маневренными ударами, после чего применять ее окружение и уничтожение».

Категорически запрещалось удовлетворяться выключением банд из боя. Перед каждым командиром ставилась задача энергичного преследования противника с тем, чтобы в конечном счете он был уничтожен.

Разумеется, для такой войны — чисто маневренного характера и на больших пространствах требовалась особая армия, обладающая большой подвижностью. Примерно к концу мая численность войск внутренней охраны тыла Юго-Западного фронта достигала 50 тысяч человек. В их составе было большое количество конницы, звено самолетов, бронеавтомобили. Наряду с маневренными группами в наиболее важных стратегических пунктах были созданы постоянные гарнизоны. Важнейшее значение придавалось охране железных дорог, телефонных и телеграфных линий, складов и наведению порядка на транспорте. Надо было обезопасить все станции от шпионов, диверсантов, мешочников и спекулянтов, установить точный график движения поездов, обеспечить быстрое продвижение военных эшелонов и составов с продовольствием.

Как я уже говорил, Феликс Эдмундович больше всего любил систему в работе и тщательную продуманность каждого мероприятия. Он прекрасно понимал, что одних военных мероприятий мало; надо, чтобы на селе низовой аппарат Советской власти работал честно, добросовестно и пользовался авторитетом у крестьян. Командирам отдельных подразделений ни в коем случае не разрешалось подменять собой местные административные органы. Поэтому в штабе тыла была создана специальная политическая секция. Она занималась печатной и

устной агитацией на селе, организацией повседневной помощи местным органам Советской власти и обязана была сообщать секретно-информационному отделу о всех злоупотреблениях на местах.

Даже такое мероприятие, как повсеместное изъятие оружия у населения, проводилось крайне осторожно. В приказе от 27 июня 1920 года Ф. Э. Дзержинский указывал:

> «Обыски производить только в том случае, когда есть уверенность, что оружие будет найдено, а необдуманных и неорганизованных действий не допускать».

А между тем Ф. Э. Дзержинский очень хорошо представлял себе, насколько вооружена деревня, особенно в махновских районах и районах с преимущественно зажиточным населением, то есть кулацких. Вот один пример. Село Вознесенка, Александровского уезда, трижды подвергалось обыску в целях изъятия оружия. После первого обращения к населению с предложением добровольно сдать оружие представителям чрезвычайной комиссии было передано 69 винтовок, 9 револьверов, 11 сабель, 65 ружейных обрезов, 18 гранат, 2300 винтовочных патронов, 336 артиллерийских снарядов, 62 штыка, 269 котелков, 80 фляг, 2 коробки пулеметных лент, один пулеметный щит, 43 походные лопаты.

Однако были сведения, что вооружение сдано не полностью. И потому через несколько дней был произведен обыск, при котором изъяты: 41 винтовка, 35 обрезов, 40 винтовочных стволов, 1068 винтовочных патронов, 14 сабель, 5 гранат, 15 револьверов.

Обыск производился небрежно. Поэтому пришлось через три дня произвести повторную проверку, при которой были изъяты: 11 винтовок, 5 револьверов, одна граната, 28 обрезов, 35 штыков, 940 винтовочных патронов, 18 винтовочных стволов и 5 снаряженных гильз.

Таким образом, одна лишь эта деревня могла бы выставить великолепно вооруженный отряд. Но были села, хранившие гораздо большее количество оружия.

В своей повседневной работе Ф. Э. Дзержинский был непосредственно связан с В. И. Лениным. Способность предвидения являлась одной из основных черт гениальности Ленина. Еще в феврале 1920 года, примерно за два месяца до наступления белопанской Польши, Ленин уже предвидел будущую войну с польскими белогвардейцами. В телеграмме, посланной в Реввоенсовет Республики 27 февраля 1920 года, он

указывал, что к войне с Польшей надо готовиться серьезно, главное внимание направить на усиление Западного фронта, перебросить туда все, что только можно, из Сибири и Урала. Не меньшее внимание он уделял Юго-Западному фронту и тылу Украины. В телеграмме от 22 февраля, адресованной Реввоенсовету Юго-Западного фронта на имя И. В. Сталина, он писал:

> «Необходимо немедленно завести переводчиков во всех штабах и военных учреждениях, обязав безусловно всех принимать заявления и бумаги на украинском языке. Это безусловно необходимо — насчет языка все уступки и максимум равноправия…»

Однако возвращаюсь к рассказу о работе Ф. Э. Дзержинского в те дни на Юго-Западном фронте.

Все контрреволюционные элементы на Украине активизировались. В Харькове на стенах домов появились антисоветские надписи. Было арестовано несколько польских агентов-диверсантов. Ввиду этого Полевая Чрезвычайная комиссия иногда проверяла документы у всех прохожих на улицах, одновременно в разных районах города. Она произвела обыски во многих домах и изъяла значительное количество оружия. Был установлен определенный ночной час, после которого лица, не имеющие пропусков, задерживались и препровождались для проверки в ближайшие районные отделения милиции. Руководил Полевой Чрезвычайной комиссией прекрасный большевик, красавец матрос Борис Поляков, впоследствии геройски погибший в Отечественную войну.

Однажды меня вызвал Дзержинский и приказал ночью объехать все районы города и проверить, кого задерживают, как быстро отпускают тех, кто по действительной надобности должен был выйти ночью, не имея пропуска, и не вызывает ли это мероприятие недовольства населения.

Полякова я застал на Сумской, в отделении милиции. Во дворе здания толпилось много задержанных. Они заполняли также и все помещение. Сам Поляков, давно уже не спавший, с красными глазами и серым от усталости лицом, быстро пропускал задержанных, длинной очередью проходивших мимо стола, у которого он стоял. Поляков каждому задавал два — три вопроса: «Ваши документы? По какой надобности вышли ночью без пропуска?» Взглянув на документы и выслушав ответ, он по большей части отдавал распоряжение сидевшему рядом с ним делопроизводителю: «Выдайте пропуск, освободите!..»

Толпа быстро таяла, все шло нормально. Только каких-то двое мужчин с сомнительными документами были задержаны для выяснения.

Наблюдая за всем этим, я считал, что работа поставлена правильно, за исключением разве того, что нечего было Полякову, и без того перегруженному множеством дел, самому проводить эту проверку. Это было часто встречавшееся тогда у руководителей стремление все делать самим, вместо того чтобы распределить обязанности между подчиненными.

Неожиданно перед Поляковым оказался мужчина лет сорока, в шляпе и демисезонном пальто, в пенсне, с бородкой и усами, словом, типичный интеллигент.

Поляков взглянул на него, подняв опухшие веки:

— Документы! Так… Вы, гражданин, где работаете?

— Я адвокат, занимаюсь частной практикой…

— По какой надобности вышли ночью из дому?

— Ходил в аптеку за лекарством для жены.

— Лекарство при вас?

Адвокат вынул порошки из кармана. Поляков нашел на рецепте отметку о времени выдачи…

— Так… Вы свободны! Выпишите гражданину пропуск. Следующий…

Но адвокат не уходил. Он подошел к Полякову ближе и, глядя на него бешеными от злобы глазами, закричал тонким голосом:

— Я протестую!

Поляков удивился:

— Против чего?

— Против насилия над личностью, против лишения свободы передвижения…

— Так… — Лицо у Полякова начало медленно краснеть. — А вы разве не знаете, что идет война?

— До революции война была побольше нынешней, и ничего подобного не делали…

— Вы интеллигент, а не понимаете таких вещей, что теперь война классовая и враг способен на любые подлости. Вчера хотели взорвать электростанцию…

Человек в шляпе злобно передернулся, поправил пенсне и раздельно сказал:

— Я не желаю, чтобы такие хамы, как вы, распоряжались моей судьбой…

Поляков стал пунцовым, потом схватил господина в шляпе за отвороты пальто, встряхнул несколько раз, повернул спиной и, подтащив к двери, поддал в зад:

— Убирайся к чертовой матери, контра!..

Подойдя ко мне и обтирая лицо платком, он, как бы оправдываясь, сказал:

— Замучили проклятые… Лучше на фронт пойду…

На другой день я доложил Дзержинскому о том, что, объехав ночью районные отделения милиции, не заметил особых происшествий, однако считал бы более целесообразным проверку прохожих ночью проводить патрулями на улицах и только в сомнительных случаях приводить их в отделения милиции. К тому же меру эту, хотя она и необходима, нужно проводить осторожно и тактично, чтобы не раздражать население.

Феликс Эдмундович посмотрел на меня, взял какой-то листок со стола и пробежал его глазами.

— При вас Поляков избил задержанного для проверки адвоката?

— Никакого избиения не было…

— Послушайте! Вы на себе испытали, как обращаются с заключенными в тюрьмах и лагерях капиталистических стран. Можем ли мы допустить нечто подобное у себя? Нет! За рукоприкладство мы будем расстреливать…

— Разрешите доложить, что задержанный позволил себе оскорбить Полякова. Он произнес целую контрреволюционную речь. Поляков уже несколько дней не спал, и нервы у него были напряжены. Сначала он пытался доказать адвокату целесообразность наших действий. А потом не выдержал и вытолкал его из кабинета…

— Поляков обязан был сдержать себя! Я прикажу его арестовать и отдать под суд! Мы должны быть по своей культуре, выдержке, честности, неизмеримо выше своих врагов, иначе мы не победим… Идите!

Вечером, когда я закончил докладывать сводку, Дзержинский, кивнув головой в знак того, что я свободен и могу идти, вдруг сказал:

— Расскажите-ка мне подробно и совершенно точно всю эту историю с Поляковым прошлой ночью…

Я постарался с протокольной точностью воспроизвести вчерашнюю сцену.

Феликс Эдмундович провел рукой по бородке и сказал задумчиво:

— Да, переубедить такого желчного интеллигента, который ничего не видит дальше своего носа, конечно, трудно…

Кончилось тем, что Дзержинский приказал освободить Полякова, но долго с ним не разговаривал и не допускал к себе.

Май 1920 года был очень тяжелым. Поляки заняли Киев и все еще сохраняли свой наступательный порыв. Страна под руководством В. И. Ленина напрягала все силы для того, чтобы нанести им ответный сокрушительный удар.

Стояли прекрасные солнечные дни, какие бывают только на Украине во второй половине мая. Тогда мало занимались украшением городов, но все-таки в скверах и на некоторых площадях пестрели клумбы с цветами.

В одно такое сияющее, полное света утро, направляясь к штабу, мы проходили через сквер. Вдруг Дзержинский остановился:

— Как пахнут цветы! Наверное, сейчас хорошо в лесу, слышатся птичьи голоса, а сквозь деревья видны облака, плывущие по небу… Воздух чист, и легко дышать…

Он прошел несколько шагов и прибавил:

— Как мало людей, которые могут пользоваться тем, что дает им природа…

И я почувствовал, что этот замкнутый и сдержанный человек любит природу, цветы, детей с такой силой, на какую способны только люди, которых многолетнее пребывание в тюрьме лишало всех радостей жизни. Но и теперь, когда осуществилось то, ради чего Дзержинский боролся столько лет, и пролетариат пришел к власти, он, как и прежде, отдавал себя полностью работе, сокращая время для еды и сна. Нужно было иметь железную волю, чтобы изо дня в день выдерживать такую нагрузку. При этом основная черта «железного Феликса», как прозвали его в партийной среде и в народе, заключалась в том, что каждое дело, которым он занимался, — большое или маленькое, он изучал с величайшей тщательностью. Он не прощал ошибок, считая, что они могут быть результатом только небрежности или верхоглядства. Я помню, как, прочитав доклад одного военного специалиста, Дзержинский сказал с выражением недоумения и презрения в голосе:

— Он — лентяй! Он недобросовестно работает! Царская администрация была не только продажна, но еще и ленива…

Почти год Дзержинский изучал экономические и политические причины махновщины и положение в украинской деревне. Несомненно, что его доклады были важной частью тех многочисленных материалов, которые привели В. И. Ленина к мысли о необходимости перехода от продразверстки к продналогу.

Впоследствии начальник штаба махновской армии В. Белаш показал:

> «В июне 1921 года крестьянство осознало новую экономическую политику и в большинстве своем отвернулось от Махно и стало на сторону Советской власти…»

Хотя исследование бандитизма в годы гражданской войны — совершенно особая тема и не является предметом настоящего изложения, следует, однако, отметить, что вторая половина 1921 года фактически является концом бандитизма на Украине. Бежит в Румынию с остатками своей банды Махно, чтобы исчезнуть навсегда. Еще в 1920 году, после разгрома белополяков, Петлюра надеялся на возможность поднять восстание на Правобережной Украине. Все петлюровские банды, еще действовавшие тогда на Украине, получили его приказ № 1:

> «Когда вся подготовительная работа кончится, издан будет приказ о восстании, где будет указано, что и кому надлежит делать, а пока что готовьтесь к бою. Ни одного неорганизованного выступления. Ждите приказа № 2. Главный атаман войск УНР Симон Петлюра».

Восстание это не было осуществлено, ибо так называемый «Штаб Правобережья» был арестован ВУЧК.

Заключив в марте 1921 года мирный договор с Советской Россией, Пилсудский вовсе не отказался от своих планов захвата Украины руками Петлюры. В Польше продолжали существовать командные курсы для руководителей банд и основного их ядра, действовал «Русско-украинско-белорусский повстанческий комитет», куда входили петлюровцы, савинковцы и представители белорусских буржуазных националистов. В июне 1921 года в Варшаве состоялся съезд представителей «подпольных организаций, действующих в России», на котором бандит «генерал-хорунжий» Тютюник демонстративно обнимался с представителем Бориса Савинкова — Михаилом Петровским. В июне 1921 года правительство Пилсудского выдало Симону Петлюре на организацию восстания на Украине 30 миллионов польских марок.

Осенью Тютюник с помощью польского командования перешел со своими бандами советскую границу и в приказе № 1 от 31 октября 1921 года объявил себя «главнокомандующим повстанческой армией на Украине». Вместе с ним на Волынь переехало и так называемое «правительство Украинской народной республики». Тютюник намеревался ни больше, ни меньше, как идти прямо на Киев. Можно было только удивляться наивности тогдашнего белопанского правительства Польши и

глупости самого Тютюника. Пока отдельные разрозненные банды рыскали по лесам и полям Украины, откатываясь после каждого серьезного столкновения с советскими частями назад, за кордон, с ними было довольно трудно бороться. Теперь же, в период рейда Тютюника, представлялась возможность путем окружения нанести им окончательный удар. Бегством Тютюника в Польшу с несколькими десятками человек закончилась вся история бандитизма на Украине. Чтобы читатель мог иметь хотя бы некоторое представление о той огромной работе, которая была проделана Красной Армией и ЧК по ликвидации бандитизма на Украине, приведем следующие данные.

На Украине было убито 182 атамана, расстреляно 9, арестовано 84, добровольно явились 169. Всего ликвидировано 444 атамана. Рядовых бандитов было убито 9444, расстреляно 510, арестовано 10 305, добровольно явились 9357. Всего ликвидировано 29 622 рядовых бандита. Захвачено в боях с атаманщиной; 5 орудий, 266 пулеметов, 3662 винтовки, 360 револьверов, 328 шашек, 356 тачанок, 1810 лошадей, 426 седел. Получено оружия от добровольно сдавшихся: 177 пулеметов, 8898 винтовок, 392 револьвера, 670 пушек, 169 бомб. Взято у населения: 5 орудий, 664 пулемета, 4412 винтовок, 2719 револьверов, 1307 шашек, 291 граната и другое военное снаряжение. Отобрано у населения и сдано бандитами около полутора миллионов патронов. В 1921 году только в Запорожье было захвачено 20 пулеметов, 2883 винтовки, 335 револьверов, 405 шашек, 86 798 патронов и много другого военного имущества.

В июле 1920 года Красная Армия подошла к Львову и Варшаве, в октябре было подписано соглашение о перемирии, в ноябре советские войска покончили с Врангелем.

В конце ноября я был направлен в Среднюю Азию. Мне было жалко расставаться с Харьковом, я привык к своей работе в штабе и к своим товарищам. Все это были тогда молодые люди, в большинстве студенты Харьковского университета — Сеня Любарский, Н. Николаев, Ф. Крикун и другие. Правда, Ф. Э. Дзержинский уже в конце июля выехал на Западный фронт, штаб Юго-Западного превратился в штаб Южного фронта, менялось командование, но система работы и принципы воспитания кадров, установленные Дзержинским, оставались неизменными.

Менее всего эта система основывалась на применении наказаний. Дзержинский терпеливо учил работать сотни молодых людей, состоявших в его аппарате. При этом сам он был в глазах

молодежи живым примером рыцаря революции «без страха и упрека». Он приучал к тому, чтобы люди никогда не спешили, но и не запаздывали, чтобы прежде, чем доложить о чем-нибудь, все было обдумано и проверено и, самое главное, чтобы люди умели владеть собой при любых обстоятельствах и никогда не говорили неправды.

ПО ПУТИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Оглядываясь на свое прошлое, я должен сказать, что мое поколение в молодости было лишено многого, чем теперь пользуется молодежь: возможности отдыхать и спокойно продолжать образование, развлекаться и читать, сколько хочется. Но зато нам посчастливилось работать под руководством первого поколения большевиков, составлявших непосредственное окружение В. И. Ленина.

Уже в первые дни после Октябрьской революции наиболее умные представители капиталистического мира стали понимать, что партия большевиков, пришедшая к власти, — особая партия и что созданное ею правительство состоит из людей, которые по своему мировоззрению, одаренности и культуре стоят неизмеримо выше тех, кто входил в правительства, существовавшие раньше в какой бы то ни было стране.

Так, например, полковнику Раймонду Робинсу[7] «самым важным представлялись эрудиция, самоотверженность и дерзкая отвага вождей революции, в особенности Ленина, и тот факт, что первый Совет Народных Комиссаров, — если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, — по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире».

Разумеется, это было впечатление умного и добросовестного иностранца, очень короткое время и притом со стороны наблюдавшего за развитием революции.

Между тем он видел только выдающихся людей и не заметил основных черт, свойственных Коммунистической партии и резко отличавших ее от каких бы то ни было других партий.

Меня, бывшего в начале революции совсем еще молодым человеком, удивляло, например, то чисто физическое бесстрашие, которое проявляли старые большевики в минуты опасности.

Мне приходилось сталкиваться с пожилыми людьми, всю жизнь работавшими в качестве профессиональных революционеров. В течение двух десятков лет они вели пропагандистскую работу, изучая марксизм. Но попав на фронт, казалось бы, в совершенно необычную для них обстановку, эти теоретики марксизма не только проявляли бесстрашие, не легко дававшееся многим военным, но и превосходно ориентировались в обстановке.

Я знаю множество случаев, когда во время отступления так называемые «военные специалисты», честные и знающие люди, впадали в панику. И тогда «лохматые штатские», для которых

самым большим удовольствием было вести теоретический спор с меньшевиками, брали на себя руководство иной раз крупными воинскими соединениями, организовывали контрнаступление и выигрывали сражение.

В самые тяжелые годы, когда голод и холод часто были страшнее неприятеля, некоторые старые члены партии ограничивали себя настолько, что требовалось личное вмешательство В. И. Ленина, чтобы заставить их пользоваться пайком, установленным хотя бы для красноармейцев.

Общеизвестно, сколько усилий стоило Владимиру Ильичу заставить наркома продовольствия А. Д. Цюрупу питаться нормально. Еще труднее было с Г. В. Чичериным, который считал, «принципиально недопустимым для себя получать что-нибудь сверх того, что выдается рядовым гражданам».

Еще одна черта, передававшаяся от старого поколения к младшему и составлявшая главное качество большевиков, — это непоколебимая вера в мудрость партии, в ее силу, в то, что ЦК найдет правильное решение при любой ситуации и никогда не оставит партийного человека в беде.

В подполье мне и Ордынскому приходилось встречать коммунистов, попавших в тюрьму. Иногда их бывало всего два — три среди множества заключенных. Попав в лапы беснующихся врагов, каждый день ожидая жестокой расправы, они все-таки верили, что партия найдет их и освободит. Очень часто так именно и получалось.

Вспомним гражданскую войну, особенно 1918 и 1919 годы, когда казалось, что враг, великолепно вооруженный, обученный и снабженный, поддерживаемый всем капиталистическим миром, триумфально шествует вперед. Какая нужна была вера в свою партию, в победу пролетариата, чтобы победоносно завершить эту великую историческую схватку!

Вера в мудрость партии, в бессмертие ее идей составляет основную силу коммуниста.

Итак, наступил день отъезда. Я попал в вагон, первый международный вагон, который после гражданской войны был включен в состав поезда, идущего в Москву.

Я не был в Москве около трех лет. Уезжая рано на работу и возвращаясь поздно вечером, за последний год я почти не сталкивался ни с какими бытовыми вопросами: питался в штабной столовой, получал паек и обмундирование, жил в домах, находившихся в ведении военной комендатуры. Теперь же, в течение нескольких дней, я убедился, в каких тяжелых условиях голода, холода и лишений жило население героической Москвы.

Но вместе с тем я нигде не видел и такого подъема духа, такой уверенности в том, что гражданская война кончена и что в ближайшее время начнется экономическое возрождение страны.

В одном из управлений Реввоенсовета я встретил знакомого командира дивизии. Это был Николай Владимирович Куйбышев. Приземистый, широкоплечий, с редкими волосами, зачесанными на косой пробор, энергичный и веселый, он был на редкость обаятельным человеком.

Мы вместе отправились в штабную столовую. Но суп и каша оказались такими, что нам пришлось задуматься: а где бы можно было дополнительно пообедать?

Николай Владимирович вспомнил:

— Подожди-ка, Лев Гордон водил меня вчера в одну столовую, к армянину. На Неглинной…

Столовая оказалась каким-то закутом в квартире на втором этаже. Здесь можно было достать рубленые котлеты с картошкой и серый хлеб. Меланхолический хозяин, с носом удивительной формы и печальными черными глазами, подавая еду, спросил:

— Ситру надо?

— Надо! — решительно сказал Николай Владимирович.

Хозяин поставил на стол бутылку, наполненную мутноватой жидкостью. Это был, по-видимому, разбавленный спирт-сырец. Больше чем по полстакана выпить его было невозможно. Впрочем, через несколько минут хозяин забрал бутылку, сказав:

— Народ разный заходит, долго держать на столе нельзя…

Покончив с едой, Николай Владимирович откинулся на спинку стула…

— Так ты в Туркестан едешь? Так… А я на Кавказ… Люди — как листья, крутит ветер — столкнутся и опять разлетятся в разные стороны… Еще год — два, все успокоится, каждый осядет на своем месте… Ты Валериана Владимировича знаешь?

— Нет, только понаслышке.

Действительно, я знал о В. В. Куйбышеве, что он был комиссаром нескольких армий, Южной группы войск Восточного фронта, затем членом Реввоенсовета армии, оборонявшей Астрахань, и, наконец, членом Реввоенсовета Туркестанского фронта. Но лично его я никогда не видел. Отец Валериана и Николая Куйбышевых был подполковником и предназначал своих сыновей для военной службы. Но Валериан, окончив Омский кадетский корпус, поступил в военно-медицинскую академию, откуда за революционную деятельность (в партии он состоял с 1904 года) был исключен, а Николай пошел на военную службу и, кажется, к моменту Октябрьской революции командовал батальоном.

— Вот что, — сказал Николай Владимирович, — в Ташкенте встретишь брата, передай ему поклон. Он сейчас полномочный представитель при революционном Бухарском правительстве…

Мы вышли на улицу. Редкие фонари освещали грязные тротуары, забитые досками витрины магазинов, пустынный Петровский бульвар и одиноких прохожих.

На углу Николай Владимирович остановился.

— Тебе куда?

— На Тверскую, к Триумфальной площади…

— А мне к Театральной… Ну, прощай, может быть, скоро увидимся…

Увиделись мы не очень скоро — через восемь лет.

В купе мягкого вагона, куда места выдавались по броне, к моему удивлению, я увидел элегантного мужчину восточного типа, лет пятидесяти, с подстриженными усами.

Он задумчиво смотрел в окно, покуривая сигарету «Вестминстер». Поезд тронулся. Пассажир зевнул, вынул из кармана английскую газету «Пионер», издававшуюся в Индии, и стал читать.

Я тихо сказал сопровождавшему меня товарищу, чтобы он следил за чемоданами, и вышел к проводникам вагона.

В служебном купе сидели два проводника в истрепанной форменной одежде и, посыпая куски серого хлеба солью, пили морковный чай из жестяных кружек.

— Кто посадил пассажира в мое купе?

Один из проводников повернул ко мне усталое, небритое лицо:

— По броне. Никаких других мест нет. В коридоре сидят…

В те времена в «спецвагонах» ездили или по воинским литерам или по билетам с посадочным талоном, подписанным комендантом вокзала, с указанием фамилии пассажира.

— Где броня?

В посадочном талоне было указано: «Г-нин Бедри-бей».

Это мне ничего не говорило. Основание, в силу которого господин Бедри-бей ехал в вагоне, вероятно, осталось у коменданта. Я вернулся в купе. Бедри-бей кончил читать газету, вынул английский кожаный поставец, в котором были столовый прибор, салфетка, разная снедь, бутылка виски и рюмки. Накрыв столик, он жестом пригласил меня и моего спутника присоединиться к нему:

— Кушать… кушать! — повторял он.

Мы отказались.

Тогда Бедри-бей заговорил по-немецки, потом по-французски.

Несмотря на внешнее радушие, он не внушал мне доверия. Я

всматривался в его помятое лицо, мешки под глазами, оловянные глаза. Каждая профессия накладывает на человека свой отпечаток. Мне уже приходилось сталкиваться с людьми подобного типа.

Неожиданно я спросил его по-французски, кто он такой и куда едет.

Бедри-бей от удивления открыл рот.

— О, вы очень хорошо говорите по-французски…

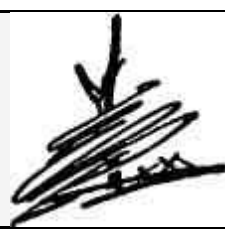
— Относительно…

Выяснилось, что Бедри-бей возвращается в Кабул, к Джемаль-паше, в то время генерал-инспектору афганской армии. Немного погодя он сообщил, что при султане Вахидеддине был начальником полиции в Константинополе.

После поражения Турции в первой мировой войне младотурецкий режим рухнул, как подрубленное дерево. Теперь отдельные листья этого дерева носились по миру. «Великая тройка» — Талаат-паша, Джемаль-паша и Энвер-паша — бежали в разные стороны. Талаат — в Берлин, Джемаль уехал в Афганистан, а Энвер просил Советское правительство предоставить ему убежище. Отблагодарил же он его за это тем, что впоследствии поднял контрреволюционное восстание в Бухаре.

То, что рассказывал Бедри-бей, не представляло никакого интереса. Он был, как говорят на Востоке, «человеком, пользующимся чужим жилищем». Но зато он мог быть источником информации для других. Поэтому, как только освободились места в другом купе, мы перешли туда.

Впоследствии в Афганистане я слышал, что Бедри-бея однажды нашли в Кабуле мертвым. Кто-то убил его, заподозрив в нем английского шпиона.



ЧАСТЬ ПЯТАЯ
В ТУРКЕСТАНЕ

ТАШКЕНТ

Ташкент нас поразил. До этого я никогда не был на Востоке. Теперь трудно себе представить, каким Ташкент был сорок лет назад.

Как только вы переходили по мостику из русской части в так называемый Старый город, перед вами открывался необычайный мир.

Узкие улицы скрывали за глинобитными стенами затейливые дома, окруженные садами, в которых звонко журчала арычная вода. Все женщины ходили в длинной одежде, с закрытыми чадрой лицами. Попадалось множество стариков в чалмах и самых затейливых халатах. С утра и до вечера гудела человеческая толпа на базаре Старого города и звенели цепями вьючные лошади.

После голодного Харькова и еще более голодной Москвы обилие всякой еды производило удивительное впечатление. На каждом шагу шипели шашлыки на жаровнях, везде пекли лепешки, из огромных котлов продавался плов. Пряные запахи восточных блюд неудержимо тянули прохожего в чайхану, где, сидя на корточках, пили чай и ели бухарцы, узбеки, туркмены, киргизы, таджики. Множество лавок торговало всем чем угодно. Вы могли увидеть головки сахару в синей бумаге, пачки чаю в фирменной упаковке — «Высоцкий и сыновья», морозовское полотно «шесть нулей», расписные чайники Кузнецова и кальян со всеми приспособлениями для курения. Пронзительно визжали трубы около большой мечети при входе в Старый город. Среди пестрой толпы выделялись приезжие из русских городов — худые, бледные, одетые в военную форму, ошеломленные этим изобилием фруктов, мяса, хлеба. Люди покупали, продавали, меняли, ругались, кричали и толкали друг друга.

После первой прогулки по этому базару я вернулся в гостиницу, раздумывая над тем, что мостик, разделявший две части города — новую, где все было национализировано, а торговля шла по карточкам, и старую, где можно было купить все что угодно, фактически соединял два разных мира. Между прочим, тогда были и два разных исполкома — Нового и Старого города.

Туркестан с только что присоединившимися к нему Бухарской Народной Республикой и бывшим Хивинским ханством глубоко вклинивался в Среднюю Азию и граничил с Афганистаном, Северо-Западным Китаем и Персией. На его территории жило много народностей, и сложной жизнью этого

огромного края руководило несколько высших организаций.

Помимо ЦК КПТ, ТуркЦИКа, и ТуркСНК, были еще Туркомиссия ВЦИКа, Реввоенсовет Туркфронта и представительство Наркоминдела. Уполномоченным Наркоминдела в Средней Азии был Д. Ю. Гопнер.

Тогда все на Среднем и Ближнем Востоке находилось в движении. Образовался независимый Афганистан, в Персии старая династия доживала последние дни, рухнули Бухарский эмират и Хивинское ханство. Синцзян и Кашгар фактически управлялись самостоятельно, не завися от Центрального Китая. Туда бежали остатки белогвардейских армий Дутова и Бакича.

Новое боролось со старым. Но тогда, сорок лет назад, это все-таки был еще Восток, с его в течение многих веков создавшимися формами управления, традициями, религиозным фанатизмом. И старое то переплеталось с новым, то сталкивалось с ним, ежедневно создавая неожиданности в форме сложных комбинаций.

Чтобы во всем этом разобраться и уметь принять нужное решение, иногда немедленное по ходу событий, помимо ума, нужно было обладать сильной волей и большой работоспособностью.

Д. Ю. Гопнер обладал этими качествами в полной мере.

Так как у меня было несколько обязанностей, то в один из первых дней по приезде я после того, как секретарь ЦК КПТ В. М. Познер позвонил Гопнеру, отправился к нему.

Гопнер — человек среднего роста, скромно одетый, с удивительно умными глазами, как бы освещавшими его бледное лицо, производил обаятельное впечатление. Он познакомил меня со своими помощниками и попросил приехать на следующий день в два часа.

Но на следующий день я был приглашен на одно заседание под председательством руководителя ТуркЧека Я. Петерса, на котором присутствовали председатель Ташкентской чека Д. Вихорев, командующий войсками округа Л. Гордон и начальник милиции города Ташкента Ф. Цируль.

Приехав к Гопнеру на час позже, я застал у него в кабинете крупного человека, с серыми глазами, большим покатым лбом и зачесанными назад волосами. Он был в гимнастерке, подпоясанной армейским ремнем, и брюках, заправленных в сапоги.

Посетитель, по-видимому, собирался уходить. Я услышал конец его фразы:

— Так вот… Уезжаю я из Бухары в Москву с чувством беспокойства…

Тут он оглянулся на меня и нахмурился.

Гопнер улыбнулся:

— Ничего, ничего, продолжайте, этот товарищ будет У нас работать по Афганистану, познакомьтесь!

Человек с серыми глазами повернул ко мне широкое лицо и протянул руку:

— Куйбышев, — назвался он и продолжал: — Дело заключается в том, что большинство постов занято младобухарцами, которые никогда не думали о ломке старого государственного аппарата, о ликвидации ханского землевладения и феодальных пережитков, а представляли себе революцию как некое парламентарное ограничение власти эмира. Они и неспособны на радикальные революционные действия. А раз так, то реакционное духовенство, беки, купечество, остатки старого чиновничьего аппарата используют это при первом удобном случае. К тому же эмир бежал за границу, захватив с собой значительные ценности, и, вероятно, мечтает снова вернуться на престол…

Гопнер помолчал, потом тихо сказал:

— Все это совершенно верно. Но верно также и то, что в условиях Бухары провести коренные социальные преобразования в несколько месяцев невозможно…

Куйбышев, как бы соглашаясь, кивнул головой.

— Следовательно, именно там нужна величайшая бдительность…

Неожиданно он улыбнулся и стал удивительно похож на своего брата. Но он был гораздо крупнее Николая, и главное, чем

была привлекательна его внешность, — это огромный, покатый лоб мыслителя…

— Кстати, — сказал я, — в Москве перед отъездом я видел вашего брата. Не знаю, застанете ли вы его, он должен был уехать на Кавказский фронт.

— Так вы видели Николая? — спросил, оживляясь, Куйбышев. — Как же он себя чувствует?

Я коротко рассказал ему о нашей встрече. После этого Куйбышев стал прощаться.

Подавая ему руку, Гопнер с грустью сказал:

— Здесь, в Туркестане, нам будет вас не хватать.

На меня Куйбышев произвел тогда впечатление человека большого ума и редкой скромности. В Красной Армии он пользовался репутацией талантливого организатора, способного иногда принимать самые рискованные решения. В историю гражданской войны вошла его экспедиция на Закаспийском фронте в тыл врага по пескам пустыни Кара-Кум в шестидесятиградусную жару, продолжавшаяся четыре дня. Красноармейцы должны были 110 километров тащить на себе грузы, которые не удалось разместить по вьюкам на лошадях и верблюдах. Вся операция до деталей была разработана командующим Г. В. Зиновьевым, В. В. Куйбышевым и председателем Реввоенсовета Закаспийского фронта Н. А. Паскуцким. На станции Казанджик были захвачены 1000 солдат и офицеров, 9 паровозов, 5 поездов, 3 бронепоезда, 16 орудий, 20 пулеметов, 1200 винтовок и много снаряжения. Однако путь к Ашхабаду прикрывала другая узловая станция — Айдын, район которой занимала отлично снабженная артиллерией, бронепоездами и бронеавтомобилями деникинская дивизия под командованием генерала Литвинова. Никому в штабе этой дивизии и в голову не могло прийти, что крупный отряд может зайти ей в тыл, в обход по пустынным пескам. Когда один из белых разведчиков доложил генералу Литвинову вечером, накануне атаки, что он заметил в тылу красноармейский отряд с двумя артиллерийскими батареями, генерал наложил на его рапорте резолюцию: «Арестовать паникера. Чтобы в четырех верстах могли очутиться красные, — это исключено. Генерал Литвинов». И лег спать. А утром генерал Литвинов в исподнем белье с несколькими всадниками бежал в пустыню.

Дивизия его вместе с бронепоездами, броневиками и артиллерией была взята в плен. Это решило исход борьбы на Закаспийском фронте.

Первое впечатление почти всегда бывает правильным. Семь лет спустя, когда я уже довольно часто встречался с

В. В. Куйбышевым в Москве, особенно ярко бросалась в глаза основная черта его характера — скромность, переходящая в застенчивость. Приведу только один пример. В это время В. В. Куйбышев был уже членом Политбюро, председателем ВСНХ, словом, занимал самые высокие посты в государстве. Однажды осенью, купив заранее два билета в кинотеатр «Унион», у Никитских ворот, я отправился вечером смотреть какой-то фильм. Начался проливной дождь. Подъехав к кинотеатру, я увидел перед кассой на улице длинный хвост желающих попасть на сеанс. В очереди стоял высокий мужчина, в шляпе с широкими полями и в непромокаемом, довольно старом пальто с поднятым воротником. Что-то знакомое показалось мне в его облике. Я подошел к этому человеку и обомлел — это был В. В. Куйбышев.

— Валериан Владимирович, что вы здесь делаете?

— Как видите, — отвечал он хмуро, наклоняя голову, чтобы вода стекла с полей шляпы, — стою в очереди…

— Ведь есть правительственные места, глупо будет, если вы простудитесь…

— Другие люди стоят за билетами в очереди, почему я должен быть исключением?..

— Ну так вот вам один билет, и идите в театр.

Он подозрительно посмотрел на меня:

— А вы как пройдете?

— У меня есть второй и, кроме этого, именной пропуск главреперткома на служебное место.

Куйбышев потоптался по мокрому тротуару в своих черных, тоже довольно поношенных ботинках и наконец сказал:

— Раз уже так совпало, что у вас действительно есть лишний билет, тогда, пожалуй, пойдем…

Когда мы вошли, он, отряхиваясь, посмотрел на свой плащ и задумчиво проговорил:

— Стал промокать. А ведь когда-то идешь в любой дождь, и ничего… Да, все изнашивается: и люди и вещи…

Д. Ю. ГОПНЕР И В. М. ПОЗНЕР

Владимир Ильич Ленин считал Народный комиссариат иностранных дел лучшим из комиссариатов того времени по подбору сотрудников, качеству и четкости работы и умению в полной мере осуществлять директивы Центрального Комитета партии в области внешней политики. Объяснялось это также и тем, что Г. В. Чичерин, к личности которого я вернусь позднее, был одним из лучших дипломатов своего времени. Этот своеобразный по характеру и в некоторых отношениях удивительный человек являлся идеальным осуществителем замыслов В. И. Ленина в области внешней политики.

Вот как Г. В. Чичерин описывает их совместную работу:

«В первые годы существования нашей республики я по нескольку раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частных непосредственных бесед, и нередко обсуждал с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу), самый текст ответа другому правительству могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости».

Естественно, в те годы аппарат НКИДа и его представительств за границей был небольшой, как невелико было и число стран, с которыми у нас поддерживались дипломатические сношения. Поэтому Г. В. Чичерин фактически лично подбирал кандидатов на все ответственные должности и проводил их через ЦК. Что касается послов, или так называемых полномочных представителей, то их, естественно, назначал ЦК, предварительно, однако, обсуждая возможные кандидатуры с наркомом. В основном это были старые большевики, с большим опытом пребывания за границей, имевшие там широкие связи и отлично знавшие иностранные языки.

К этому следует добавить, что Г. В. Чичерин, в отличие от других наркомов, превосходно знал практику старого министерства иностранных дел. Поэтому все сотрудники Наркоминдела быстро усвоили технику работы. Одним из основных правил являлась многократная проверка сообщаемых сведений, точность и ясность изложения.

Д. Ю. Гопнер был человеком чичеринской школы. Уже из

первых бесед с ним я понял, как сложна обстановка в Средней Азии. Афганистан, независимость которого мы признали первыми, находился в своеобразном положении. В Англии в тот период ведущими политическими фигурами был лорд Керзон и сэр Уинстон Черчилль, то есть представители тех кругов, которые тогда не могли даже себе представить падения колониального могущества Британской империи. Наоборот, только что выигранную войну с Германией они рассматривали с точки зрения возможности захвата немецких колоний в Африке и новых территорий на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Проиграв войну с Афганистаном, англичане вовсе не намеревались от него отказаться. Они располагали многими средствами для осуществления своих целей. К числу таких средств относились горные и кочевые племена, с вождями которых всегда можно было договориться, реакционное духовенство, феодалы, среди которых у англичан были старые связи, и, наконец, торговля.

Афганистан все получал из Индии или из России, которая в результате гражданской войны перестала быть поставщиком и покупателем. В Иране (или, как тогда говорили, Персии), третьей пограничной стране, сидели те же англичане. По всей нашей границе с Афганистаном и Ираном жили племена, кочевавшие и на нашей, и на чужой территории. Война с басмачеством отличалась от борьбы с бандитизмом в других республиках вследствие феодального, религиозного и пограничного характера басмачества.

Отношения у нас с Афганистаном были нормальные, но джемшиды, хорошо вооруженное племя, массами кочевавшее вдоль границы по афганской территории, часто переходили границу, захватывали людей, скот и уводили их с собой. Басмаческие шайки в Фергане и Восточной Бухаре делали то же самое. Эмир бухарский, бежавший в Афганистан, активно подготовлял восстание в Бухаре. Все эти вопросы для своего разрешения требовали времени. Басмачество, подобно махновщине на Украине, могло быть ликвидировано только в результате совокупности политических, экономических и военных мероприятий. К тому же граница как со стороны Афганистана, так и с нашей охранялась в те времена плохо, и ни одна из сторон не могла поставить в вину другой то, что на ней происходило. Чувствовалась и рука англичан. Хотя Афганистан освободился от английской зависимости и стал вполне суверенным государством, англичане сохранили там многие старые связи.

Изучив все материалы, я пришел к убеждению, что укрепление наших отношений с Афганистаном нужно начинать с восстановления торговли. Только что закончилось освобождение

Бухары и Хивы, прошло всего несколько месяцев после занятия нами Ашхабада, Красноводска и ликвидации Закаспийского фронта. Поэтому высказываемый мною взгляд вызывал улыбки и даже недоумения. Да и какая торговля могла вестись во времена военного коммунизма, когда существовали карточки и закрытые распределители? Но, будучи по характеру своему человеком упрямым, я при поддержке Д. Ю. Гопнера продолжал настаивать на этом, и секретарь ЦК КПТ В. М. Познер, человек редкого ума и культуры, оказал мне содействие в этом деле.

В первую очередь я предложил выявить экономические возможности Туркестана и для этого устроить в Ташкенте среднеазиатскую экономическую выставку. Меня назначили председателем комитета по организации выставки. Надо сказать, что эта странная для того времени идея нашла горячий отклик среди производственников, хозяйственников и работников сельского хозяйства. Директора предприятий, руководители совхозов, председатели кооперативных объединений много сделали для того, чтобы их стенды и отделы выглядели возможно лучше. Временный аппарат выставки включал большое число художников и экспертов-экономистов. Когда выставка открылась, выяснилось, что Туркестан может производить почти все в области легкой и пищевой промышленности. Разумеется, тогда на выставке не было никаких машин, но афганских, персидских и китайских (из Синцзяна) купцов, которые были приглашены на нее, машины не интересовали. Помимо внешнеторгового значения, эта выставка оказала большое влияние на развитие производительных сил в крае. Афганский генеральный консул в Ташкенте, пожилой, тучный, представительный мужчина, ходил на выставку несколько дней подряд. Наконец, осмотрев все и выяснив цены, он спросил меня, можно ли все эти вещи покупать. Ведь, насколько он понимает, обычной торговли у нас нет, как же афганские купцы будут их покупать?

— Обыкновенным способом, — отвечал я. — Ваши купцы зайдут в Управление Внешторга, заключат договор и в определенные сроки получат товар или его доставят им на границу…

— Поразительно… — сказал он. — Вы не представляете себе, что это значит. Ведь товары из Кабула в Герат караванами идут тридцать пять дней, а от вашей границы они придут через пять дней, не говоря уже о ценах…

Я был тронут, когда в местных газетах мне была объявлена благодарность от имени ЦК КПТ за организацию экономической выставки и отмечено ее большое значение.

НАЗНАЧЕНИЕ В АФГАНИСТАН

18 марта 1921 года я вошел в состав временно образованной в Ташкенте «чрезвычайной тройки». Кроме меня, в эту тройку входили Ф. Цируль (имя которого носит один из клубов Москвы), начальник милиции города и командующий Сыр-Дарьинским военным округом, известный участник гражданской войны, уже тогда дважды награжденный орденом Красного Знамени Л. Гордон. По должности на всех заседаниях присутствовал председатель Ташчека Ф. Вихорев.

Следует сказать о каждом из них несколько слов. Фриц Янович Цируль был человек высокого роста, полный, в очках, с бородкой и усами. Какое-то особенно серьезное выражение было свойственно его серым немигающим глазам. Аккуратно одетый, представительный и спокойный, он всем своим внешним видом как бы олицетворял непоколебимость власти. Цируль был очень характерной фигурой для всей многочисленной категории латышей-коммунистов, которые в первые годы Советской власти работали на самых опасных и ответственных постах. Он с большим уважением относился к науке и интеллигенции. Я помню, когда некоторые не в меру ретивые товарищи в те довольно беспокойные дни предложили произвести всеобщее переселение непролетарских элементов из центра города на его окраины, Цируль, страшно рассердившись, сказал с характерным для него акцентом:

— Это есть глупый вытумка и польше ничего. Как можно переселить профессор или какой-нибудь ученый? Он толшен шить спокойно и учить пролетариат. Мы толшны запотиться о культура фо фсех отношениях…

Теперь это ясно каждому, но в те годы находилось немало людей, которые были сторонниками крайних мер, даже когда они не вызывались необходимостью.

Население любило Фрица Яновича за его доступность, справедливое отношение к людям и честность.

Лев Михайлович Гордон, кавалер двух орденов Красного Знамени, отличный кавалерист и на редкость красивый мужчина, был одним из офицеров[8] примкнувших сразу после Октября к большевикам. Человек умный, хороший организатор и талантливый командир, он даже бывалых людей удивлял своей сумасшедшей храбростью. Однако Гордон не всегда мог сдержать свой темперамент.

Однажды, наблюдая в цирке скачку наездников через препятствия, он приказал привести своего коня и, к восторгу

зрителей, сам взял все барьеры подряд. Случалось, что въехав по лестнице на первую площадку гостиницы, он кричал: «Ординарец, прими коня!» — и потом спокойно направлялся к себе в номер. Товарищ он был замечательный и пользовался большой популярностью среди командиров и бойцов.

Ф. Вихорев, председатель Ташчека, был грузный, высокий человек, в очках, редкой душевной доброты. Присутствуя как-то при допросе арестованного им контрреволюционера, я не мог сдержать смеха, чем вызвал его удивление.

Задав арестованному несколько вопросов и перелистав его дело, Вихорев глянул на него поверх очков и сказал с сокрушением:

— Как же ты, брат, оказался таким подлецом?..

Наша «тройка» работала очень слаженно, и мы навсегда остались в самых дружеских отношениях.

Через несколько дней, при пожаре в гостинице «Регина», где мы жили, я потерял близкого мне человека и пережил большое личное горе. Мое душевное состояние было очень тяжелое. Мне никого не хотелось видеть. Кроме одного товарища, который иногда посещал меня по поручению ЦК КПТ, ко мне никто не заходил. Однако вскоре меня вызвали в ЦК Коммунистической партии Туркестана, и секретарь ЦК В. М. Познер сообщил мне, что, по согласованию с Москвой, я назначен генеральным консулом в Афганистан, в город Герат. Подробные указания мне даст Д. Ю. Гопнер.

Приготовления к отъезду были короткими. Получив патент и нанеся визит афганскому генеральному консулу в Ташкенте, я собирался вместе с поступившим в мое распоряжение молодым комсомольцем, а ныне почтенным, седовласым полковником А. Х. Баратовым, выехать в крепость Кушку.

Хорошо помню унылый вечер в номере ташкентской гостиницы, где я сидел, вспоминая подробности недавней катастрофы. За окном шелестела свежая листва только что распустившихся деревьев, журчала в арыках вода, раздавались веселые молодые голоса. Иногда притаившаяся под самым окном пара выдавала свое присутствие шепотом или звуком поцелуя. Но мне не хотелось видеть людей, и я продолжал сидеть в темной комнате у окна. Я был предупрежден насчет опасности моей поездки. Но предупреждения эти меня нисколько не беспокоили. Неожиданно раздался стук в дверь. Она открылась, и вошел Лев Вениаминович Никулин. В те времена он был сравнительно молодым человеком, а вовсе не старым, почтенным писателем. Но за глаза его называли ласково «старушка», потому что говорил он медленно и, говоря, иногда жевал губами. Теперь «старуха»

стояла передо мной и смотрела на меня с сочувствием и грустью. Никулина я знал с ранних лет моей юности, но последний раз видел в 1919 году, перед эвакуацией нашими войсками Киева, откуда он уехал в Москву, а затем в Петроград, на Балтийский флот. В Киеве он носил штатское платье и имел по тем временам довольно элегантный вид. Теперь же был в шлеме и в форменном армейском костюме. После ряда взаимных расспросов он мне сообщил, что прибыл с Ф. Ф. Раскольниковым, который назначен полпредом в Афганистан вместо Я. З. Сурица.

Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ И Л. М. РЕЙСНЕР

Не было ни одного матроса, красноармейца или партийного работника, который бы не слышал о Раскольникове. Раскольников был председателем Кронштадтского комитета большевиков; он поднял Кронштадт вместе с Дыбенко, Коллонтай и Рошалем. Раскольников сражался против англичан на Балтике, когда началась интервенция, был взят в плен и выменен на 17 английских офицеров. Раскольников был связным у Ленина, когда Владимир Ильич скрывался в Разливе, по указанию Ленина руководил потоплением Черноморского флота в Новороссийске и с отрядом матросов пробился оттуда через Ставрополь — Царицын — Котельниково на Москву. Он был организатором Волжской военной флотилии, которая прославилась в боях с белыми, взял с ней у англичан персидский порт Энзели. Затем Раскольников командовал Балтийским флотом и ушел с флота вследствие ссоры с Зиновьевым. Кронштадтский мятеж произошел, когда его на флоте уже не было.

Поезд Раскольникова стоял недалеко от станции и был окружен вооруженными матросами. Большинство из них были в дореволюционное время боцманами. Это были могучие люди огромного роста; у многих на шее висела дудка, а в ухе поблескивала серьга. Люди бывалые, серьезные, они любили порядок и знали службу. Весь сопровождающий Раскольникова персонал, за исключением Никулина, состоял из морских штабных офицеров. Это были командир линкора «Воля» Владимир Андреевич Кукель, который потопил Черноморский флот, выкинув сигнал «Погибаю, но не сдаюсь», капитан 1 ранга Сергей Андреевич Кукель, капитан Синицын, Семен Лепетенко, Михаил Калинин и другие. Все они были уже награждены орденами Красного Знамени, прославлены в боях и сохранили тот стиль вежливого и спокойного обращения, который был принят среди морских офицеров. К тому же они прекрасно знали английский язык.

Сам Раскольников был очень красив и в этом смысле составлял удивительную пару со своей женой Ларисой Михайловной Рейснер, выдающийся ум и красота которой поражали каждого встречавшегося с ней человека. Федор Федорович был человек высокого роста, с голубыми глазами, тонкими чертами лица, которому нежный румянец придавал юношескую свежесть, и редкими по форме, я бы даже сказал по изяществу, руками. Говорил он тихо, но, увлекаясь, начинал возвышать голос, и тогда его глаза загорались, румянец заливал

щеки, и становилось понятно, почему этот человек мог повести за собой тысячи людей. Он был подлинным фанатиком революции и никогда не признавал никаких компромиссов. И в то же время какая-то истеричность и неуравновешенность чувствовались в нем. Бывали случаи, когда он впадал в ярость. Тогда самые бывалые моряки бледнели и, зная его нрав, старались не попадаться ему на глаза. Лариса Михайловна Рейснер была молодая женщина, крупного, но удивительно пропорционального, я бы сказал, сильного телосложения, с большими серыми глазами, копной светлых волос и обаятельной улыбкой. К тому же у нее был чарующий, мягкий голос. Отец ее, автор проекта первой советской конституции профессор Михаил Андреевич Рейснер, был начальником политотдела Балтийского флота. Брат, Игорь Михайлович Рейснер, впоследствии профессор, был тогда первым секретарем полпредства в Афганистане и уже в те годы считался выдающимся знатоком Афганистана и Индии.

И вот, сидя в салон-вагоне поезда Раскольникова и разговаривая с этими вежливыми и приятными людьми, я вспомнил рассказы о том, как Лариса Рейснер стояла на верхней палубе одного из судов Волжской флотилии, рядом с пулеметчиками, на виду у белых, обстреливавших флотилию с берега, как она в качестве разведчицы проникла в занятую белыми Казань и как сумела убежать из неприятельского штаба.

Уже тогда, во время беседы, я заметил в Раскольникове одну странность. Взгляд его вдруг становился отсутствующим, и он не слышал того, что ему говорят. А через несколько минут, как бы очнувшись, спрашивал: «Простите, что вы сказали?»

Потом, уже в Советском Союзе, мне приходилось по службе часто встречаться с Раскольниковым. Однажды я спросил его, чем объясняется такая рассеянность.

Он покраснел и ответил:

— Вы знаете, у меня бывают иногда какие-то провалы в сознании. Я долго болел в связи с этим, даже находился в больнице…

Вероятно, именно по этой причине Раскольников, человек легендарной храбрости, потерял способность управлять собой, когда столкнулся с жестокой действительностью. Иногда история требует от человека большего, чем физическая храбрость.

На следующий день я выехал в Афганистан через пограничную крепость Кушку. Раскольников должен был приехать недели через две и застать меня уже в Герате.

Маленький салон-вагон, в котором ехали я, Баратов и бывший полковник генерального штаба Петров, потерявший руку в бою под Эрзерумом, был прицеплен к маршрутному поезду. И

все-таки застрял в Мерве. Баратов, комсомолец из Нагорного Карабаха, только что начавший военную службу, нагнал такого страху на дежурного по станции, что тот решил прицепить наш вагон к поезду-«водянке», который снабжал водой все маленькие полустанки до самой Кушки. И мы медленно поползли дальше. Направо и налево простиралась бесконечная пустынная степь. Изредка попадались два — три верблюда; на них можно было увидеть самовар, привязанную сбоку трубу, туркменку, в высоком головном уборе, с трубкой в зубах и ребенком за спиной, и ее мужа, в мохнатой шапке и с ружьем поперек седла.

Когда поезд останавливался на каком-нибудь полустанке, все местное население — железнодорожники, рабочие, красноармейцы и их семьи — бежали с ведрами и бидонами за драгоценной водой. В обе стороны от полустанка, сразу же за линией дороги, начиналась степь, уходящая в пустыню. От плоской, нагретой палящим солнцем земли поднимался пар. Пахло горькими травами и медом. В золотом воздухе, на фоне синего, как эмаль, неба летали стаи влюбленных жаворонков. В степной тишине слышался непрерывный шелест сухих трав.

Неожиданно раздавался хриплый гудок паровоза, все бежали на свои места, и «водянка» медленно ползла дальше.

Наконец показались горы, и маленький паровоз, тяжело фыркая на подъемах, потащился вверх, волоча за собой длинный хвост «водянки» и подбираясь к стальным воротам крепости.

Кушка — это не просто крепость на краю пустыни и самая южная точка бывшей Российской империи.

Тридцать восемь лет назад англичане задумали с помощью афганского эмира Абдурахман-хана прощупать русские границы. Опытные колониальные английские полковники, подобрав подходящие отряды, быстро заняли в 1883 году оазис Пендэ. Царское правительство насторожилось, но выжидало. Когда же бойкие полковники захватили Таш-Кепри — важный пункт, открывавший путь в Туркестан, генерал-лейтенанту (а впоследствии генералу-от-инфантерии) генерального штаба и начальнику Закаспийской области Александру Виссарионовичу Комарову было приказано «по возможности без кровопролития и сверхсметных ассигновок со стороны казны унять английских полковников».

Генерал-лейтенант А. В. Комаров, археолог, этнограф и нумизмат, до этого около тридцати лет прослужил на Кавказе и по части подобных экспедиций был великий мастер. Поэтому, подобрав соответствующий отряд, он 13 марта 1885 года учинил английским полковникам жестокую трепку. Когда один из офицеров английской военной миссии пожелал с ним

разговаривать, Комаров не признал его как правомочное лицо и заключил с Афганистаном соглашение, точно определяющее границы. Это соглашение Англия не без зубовного скрежета подтвердила в конце 1888 года.

Учитывая все это, русское правительство решило раз навсегда обезопасить границу от подобных неожиданностей и выстроило Кушку — цитадель русского могущества в Средней Азии. Конечно, подлинно добрососедские, отношения между Афганистаном и Советской Россией возникли лишь после того, как Афганистан сбросил с себя иго английской зависимости, а в России к власти пришел пролетариат. Тогда только Афганистан перестал находиться между «молотом и наковальней».

Если бы Афганистан сделал попытку начать войну за свою независимость до Октябрьской революции, не может быть никакого сомнения, что Россия воспользовалась бы этим, чтобы, как писал 14 ноября 1916 года статский советник Калмыков действительному статскому советнику Петряеву, построить железную дорогу через Афганистан в Индию и таким образом облегчить работу Мурманского и Сибирского пути. Это, по мнению Калмыкова, был бы «единственный путь, который остался для России и неугрожаем подводными лодками».

ПРИПОДНЯТАЯ ЗАВЕСА

Начиная с 1919 года (кроме подпольного периода) мой распорядок дня стал меняться. Все больше не хватало дневных часов для срочной работы и все позже приходилось ложиться спать. То же самое было и в 1920 году, и в последующее время, тем более, что в Афганистане и Турции было трудно работать днем из-за жары. Так я научился ложиться спать в четыре часа ночи и продолжаю делать так до сих пор. Все осуждали эту вредную привычку, и единственный человек, который очень обрадовался, узнав, что я веду такой образ жизни, был Г. В. Чичерин, который также работал по ночам, уверяя всех, что это и есть наилучшее для работы время.

После полуночи я обычно занимался теми вопросами, которые требовали особо тщательной разработки.

Направляясь в Афганистан, я не ограничился изучением отношений с этой страной за последние полтора года. Меня интересовал вопрос, что происходило в Афганистане во время первой мировой войны и каким образом он достиг независимости.

Мне удалось получить некоторые секретные документы — русские, английские и немецкие, относящиеся к Афганистану периода первой мировой войны. Этот период чрезвычайно интересен. События, происходившие тогда в Афганистане, напоминают самый увлекательный исторический роман. До сих пор эти документы известны, вероятно, лишь самому узкому кругу специалистов. Поэтому читатель меня извинит, если я ненадолго прерву рассказ о своем путешествии и приподниму завесу над тем, что происходило в Афганистане с 1915 по 1919 год, то есть до его национального освобождения.

Сентябрь 1915 года. Германские армии неудержимо двигаются вперед. На Западном фронте они опрокидывают союзные войска под Аррасом, у Лооса и в Шампани. Итальянское наступление приостановлено. Русская армия разбита. По всему Восточному фронту, вплоть до Карпат, наступает затишье. Варшава, Ковно, Гродно, Вильно в немецких руках. Русский верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич перемещен на Кавказ. Генерал Гинденбург переводит свой штаб в Ковно. Генерал-фельдмаршал Макензен переходит с Восточного фронта на Балканы, совместно с двенадцатью пехотными дивизиями только что присоединившейся к немцам Болгарии в два месяца уничтожает сербскую армию и подходит к границам Греции. Он сознательно не занимает Салоники, чтобы

находившиеся там союзные войска не были переброшены на Западный фронт.

С другой стороны, австрийцы, пройдя Черногорию и Албанию, также добираются до греческой границы. Восстанавливается железнодорожное сообщение между Берлином и Константинополем. Союзники оставляют полуостров Галлиполи. Проливы прочно закрыты. У России остается единственный выход к внешнему миру — через Мурманск, куда прокладывается, но еще не закончена железная дорога из Петрограда.

Немцы организуют наступление турок на Суэцкий канал с диверсией на Египет, реконструируют Багдадскую дорогу. Сотни германских грузовиков двигаются сплошными колоннами к Евфрату и Тигру. По обеим рекам открывается пароходное сообщение. Кроме того, немцы совместно с турками на подводных лодках доставляют оружие в Триполи и Бенгази и вызывают там восстание.

Румыния и Турция по особым договорам снабжают Германию продовольствием и сырьем. Швеция отказывает России в провозе военного снаряжения.

В этих условиях верховное германское командование было крайне заинтересовано в том, чтобы закрепить достигнутые успехи. Между тем в Англии вместо прежней вербовки добровольцев был введен обязательный набор, и британское командование получило возможность полнее использовать свои военные ресурсы в Индии. С января по сентябрь 1915 года из Индии на Западный фронт было отправлено более 200 тысяч солдат. Америка, еще не вступившая в войну, снабжала союзников в масштабах, становившихся гигантскими. Франция, Англия и Япония спешно перестраивали свою промышленность. Человеческие ресурсы России казались неисчерпаемыми.

И вот германское командование почувствовало необходимость такого маневра, который мог бы одновременно парализовать Англию и Россию, приостановить фланговым ударом по Месопотамии и Сирии начавшееся там наступление англичан и открыть немцам доступ в новую, нейтральную страну, обладающую огромными запасами сырья и продовольствия.

Такой страной был Афганистан. Он граничил с Туркестаном, в котором было сосредоточено множество немецких, австрийских и турецких военнопленных и мусульманское население которого находилось в состоянии готовности к поголовному восстанию. В случае если бы это восстание удалось организовать, германское командование рассчитывало получить в Афганистане готовую армию из перешедших границу военнопленных в числе до 20

тысяч человек. Афганистан врезался в Северную Индию пограничными племенами момандов, массудов, афридиев, вазиров и т. д. Все эти племена находились в состоянии постоянной войны с англичанами. Наконец, из Афганистана можно было проникнуть непосредственно в Персию и соединиться с турецкими войсками в Персидском Азербайджане, а также в Северо-Западный Китай и Тибет.

Отношения Афганистана с Англией определялись договором 1907 года, обеспечивавшим первому внутреннюю независимость, при формальном контроле со стороны индийского вице-королевства над его внешними сношениями. Фактически англо-индийское правительство, отправив все свои боеспособные части на Западный фронт и распоряжаясь только немногочисленными мусульманскими дивизиями, не могло и думать о войне с Афганистаном. Между тем панисламистские тенденции, чрезвычайно сильные при афганском дворе, послужили причиной возникновения в этой стране враждебно настроенной англичанами партии во главе с братом эмира Насруллой-ханом и принцем Аманулой-ханом.

Кроме того, стремление к национальному освобождению больше, чем когда-либо раньше, охватило самые широкие круги афганского населения, способствуя нарастанию антианглийских настроений в стране.

Помимо принца Амануллы-хана, большое влияние на младоафганские патриотические круги имели военный министр Сардар Сипахсалар Мухаммед Надир-хан[9] и его братья — шах Махмуд-хан и шах Вали-хан.

Таким образом, к сентябрю 1915 года верховное германское командование признало желательным использовать эти благоприятно сложившиеся обстоятельства для соответствующей диверсии в Афганистан. Основной задачей являлось: склонить Афганистан к войне с Англией в Индии, произведя, в случае надобности, соответствующий государственный переворот, организовать восстания в русском и китайском Туркестане, использовав для обеих целей австро-германских военнопленных, и, наконец, проникнуть в Северо-Западный Китай и Персию.

В борьбе со своими противниками германскому империализму неизбежно пришлось вооружать независимые племена северо-западной Индии, боровшиеся против англичан, помогать Афганистану в его техническом перевооружении для завоевания своей независимости. Так Германская империя, сама имевшая колонии и глубоко враждебная по своей сущности всякому революционному духу, в силу мировых империалистических противоречий невольно оказалась

вынужденной косвенно содействовать дальнейшему развитию освободительного движения на Востоке.

Эти же противоречия, неизбежные спутники всякого империализма, заставили двух союзников (читатель увидит это из следующих глав) — Англию и Россию, вместо совместной борьбы против германской экспансии в Афганистане, стараться направить ее друг против друга.

Противоречия, существовавшие между капиталистическими странами, проявились впоследствии и в Турции, когда Антанта пыталась ее расчленить. И Кемаль-паше, обладавшему вначале ничтожными ресурсами, удалось с братской помощью Советского Союза освободить свою страну от иностранной зависимости.

Итак, германское верховное командование со свойственной ему тщательностью готовило экспедицию. Генерал фон Бартенверфер — начальник политического отдела; подполковник Николаи — начальник германской разведки; майор фон Штюльпнагель — впоследствии генерал и министр национального воспитания гитлеровской Германии, а тогда представитель верховного командования в Берлине, начали с того, что связались с индийскими националистами, эмигрировавшими в Америку. Кумар Махандра Пратап и Маулеви Баракатулла вместе с группой индусов, главным образом из пограничных провинций, должны были сопровождать германскую экспедицию. Из состава пленных солдат английской армии были изъяты афридии, массуды, вазиры и т. д., которым было предложено вместе с немцами «бороться за ислам». Во главе экспедиции был поставлен полковник Нидермайер, к которому прикомандировались капитан-лейтенант Вагнер, лейтенанты Фойгт и Рер. Доктор Хентиг, впоследствии немецкий посол в одной из прибалтийских стран, вместе с группой сотрудников возглавлял дипломатическую работу экспедиции. Полковнику Хеллеру, австрийскому атташе в Тегеране, было предписано к моменту прибытия туда членов экспедиции организовать переход австрийских, германских и турецких военнопленных из русских пограничных районов в Персию для формирования из них будущего ядра реконструируемой афганской армии. Эти люди также должны были присоединиться к экспедиции. В дальнейшем из числа бежавших из Туркестана в Афганистан военнопленных германская миссия в Афганистане получила много ценных сотрудников, например, капитана Шрайнера, лейтенанта Руланда, капитана Рыбичку и других. Кроме того, большое значение имели турецкие офицеры и инженеры, работавшие вместе с немцами, например, Хайри-бей, Риза-бей, Махмуд Сами-бей…

Не отвлекаясь описанием чрезвычайно трудного перехода всех этих людей по персидским пустыням в Афганистан, скажу только, что германский империализм умел выбирать своих агентов, и Нидермайер вполне соответствовал своему назначению.

В сентябре 1915 года миссия прибыла на афганскую территорию.

Надо сказать несколько слов о том, в каком положении находился Афганистан ко времени прибытия туда германской миссии. Соглашением между Россией и Великобританией от 31 августа 1907 года Россия признавала Афганистан и Тибет входящими в сферу английского влияния. Это не значило, конечно, что царское правительство перестало интересоваться этими странами. В специальной инструкции российскому императорскому консулу в Индии предписывалось организовать целую систему секретной информации, в первую очередь именно в отношении Афганистана и Тибета: «Особо зоркое наблюдение за ходом постройки стратегических дорог по направлению к Афганистану и Памирам и за всем происходящим в Афганистанском ханстве представляется совершенно необходимым и входит в вашу первейшую задачу». В этой же секретной инструкции отмечалось усиление турецкого влияния в Афганистане и указывалось, как должна пересылаться шифрованная корреспонденция, чтобы «содержание ее не могло дойти до сведения англо-индийского правительства». С другой стороны, туркестанский генерал-губернатор через целую систему пограничных и полицейских учреждений должен был следить за тем, чтобы «великобританское правительство соблюдало возложенные на него обязательства в отношении русских интересов». Таким образом, эмир афганский находился как бы между молотом и наковальней, ибо, как это будет видно из дальнейшего, обе стороны — Россия и Великобритания — именно через Афганистан старались доставить друг другу как можно больше неприятностей.

Эмир Хабибулла-хан, толстый, ленивый и осторожный человек, был лишен всякого государственного темперамента. У него была прекрасная восточная кухня, обширный гарем и великолепные охоты. Хабибулла-хан мало интересовался армией, боялся всяких осложнений с соседями, но был далеко не глупый человек и в той своеобразной игре, которая называется восточной политикой, был первоклассным игроком. Он с самого начала понял, насколько выгодно положение Афганистана в условиях развивающейся великой войны. Его не соблазняла ни

государственная независимость, ни присоединение какой-нибудь чужой территории, ни даже личная слава как мусульманского государя. Единственную реальную выгоду он видел в звонкой монете. И Хабибулла-хан твердо решил вытянуть как можно больше денег из всех трех заинтересованных государств.

Прибытие немецко-турецкой миссии на афганскую территорию произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Лондон, Петербург, Дели, Ташкент, Калькутта засыпали друг друга телеграммами. Русский посол в Лондоне и генеральный консул в Калькутте требовали от англичан немедленного давления на Хабибуллу-хана для выдачи «германской шайки».

Между тем вице-король Индии лорд Хардинг со свойственным англичанам спокойствием не торопился предъявлять такого требования. Он совершенно справедливо полагал, что если «германская шайка» может нанести вред Индии, то совершенно такой же вред, и даже больший, она может причинить России; следовательно, вопрос заключается в том, против кого в первую очередь начнут действовать немцы, находящиеся в зависимости от афганского эмира.

Российскому генеральному консулу Набокову было сообщено, что Хардинг лично написал эмиру письмо (индийское правительство трактовало эмира как самостоятельного правителя) по поводу проникновения немцев в Афганистан. Эмир ответил, что он намерен твердо соблюдать нейтралитет; что же касается проникновения «банды», то об этом ему ничего не известно; если же она прибудет, то, конечно, будет разоружена. Когда царское правительство попыталось настоять на более решительных мерах, то получило от Набокова следующий ответ.

«СЕКРЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА В ИНДИИ

5 сентября 1915 года

Вице-король лично просит меня передать вам, что получил вчера письмо от эмира афганского с извещением о поимке в Герате германской шайки, которая ныне под конвоем направлена в Кабул. Она будет там «приведена к ответу» на Дурбаре за проникновение на афганскую территорию.

Суть письма — ручательство эмира в том, что попытка германской пропаганды джехада в Афганистане осуждена на неуспех. По совету Хардинга, король Георг

напишет эмиру собственноручное письмо с изъявлением ему признательности за благожелательный нейтралитет, и письмо это несомненно произведет должное впечатление».

На самом же деле германская миссия торжественно въехала в Кабул, причем за городом ее встретил турецкий офицер Хайри-бей — помощник Энвер-паши по триполитанской кампании и почетный караул из состава учебного и образцового батальонов и одной батареи.

Правда, вначале эмир пытался воздерживаться от официальных сношений с прибывшей миссией и, во всяком случае, внешне не проявлять к ней дружелюбия. Однако постепенно влияние партии его брата Насруллы-хана и принца Аманулллы, усилившаяся тяга индусских мусульман-эмигрантов в Афганистан и быстро налаженная немцами пропаганда возымели свое действие. Эмир начал переговоры с германской миссией, а вслед за тем целиком поручил ей реорганизацию своей армии. Одновременно начал осуществляться широко задуманный немцами план возведения укреплений вокруг Кабула и превращения его в особый крепостной район. Все эти работы начаты были под руководством полковника Нидермайера, а соответствующие немецкие и австрийские офицеры были назначены инспекторами армии: Фойгт — по артиллерии, Шрайнер — по пехоте, Руланд — по саперным и техническим войскам, Рыбичка — по топографии и военной разведке. Надо сказать, что немцы наряду с младоафганскими деятелями сыграли решающую роль в деле превращения так называемой афганской армии того времени в боеспособные войска.

«Бабур-шах», где помещалась германская миссия, стал центром кипучей деятельности. Там был выработан полевой устав для афганской армии применительно к особенностям последней войны. Оттуда исходили первые военные инструкции и учебники на персидском языке с соответствующими чертежами и рисунками, карты афганской территории и т. д. Там же формировались первые образцовые отряды пехоты, пулеметные команды, штурмовые батальоны со значительным количеством немецких и австрийских унтер-офицеров и солдат.

Началась широкая реконструкция артиллерии. Уже и раньше у афганцев имелось большое количество орудий, в том числе несколько крупповских скорострельных батарей. Однако ни прицельных приспособлений, ни упряжи, ни артиллеристов не было, так как, экономя снаряды, афганцы не производили обучения. Армия имела примитивное деление на гунды,

состоявшие из батальона пехоты, эскадрона кавалерии и никогда не стрелявшей батареи, была вооружена старыми ружьями Мартини (за исключением гвардейских частей, имевших скорострельные винтовки). Кабульский арсенал походил на музей старого оружия.

Немцы со всей энергией взялись за реконструкцию артиллерии, за унификацию вооружения и создание боеспособных частей. Из армии удалены были все сверхсрочные и неспособные солдаты. Обучение производилось в полном объеме немецких требований, включая военную гимнастику. На горе около «Бабур-шаха» была установлена станция беспроволочного телеграфа, перехватывавшая радиопереписку англо-индийского правительства. Крепостные сооружения возводились с необыкновенной быстротой. Была установлена связь с северо-западными племенами и организовано несколько сильных набегов на Пешавер. Следует сказать, что северо-западные племена, ныне находящиеся на территории Пакистана (Пуштунистан), всегда считали своей родиной Афганистан и были непосредственно заинтересованы в его независимости. Наконец, были созданы опорные пункты для регулярного перехода немецких и австрийских военнопленных из Туркестана в Афганистан.

Уже 27 декабря 1915 года тот же Набоков в своем письме министерству иностранных дел сообщал, что в Афганистане усилилось течение в пользу «священной войны» против англичан, что туда прибыла «вторая немецкая банда» и что сами англичане признают ежедневную возможность всяких неожиданностей.

16 января 1916 года преемник Набокова, Лисовский, телеграфировал министерству, что агитация немецко-турецких эмиссаров чрезвычайно сильна; индийское правительство опасается возможности покушения на жизнь эмира со стороны фанатиков.

Через три дня, 19 января, он же в подробном письме вновь сообщает об опасениях англичан за безопасность эмира, а также и о том, что население Афганистана совершенно распропагандировано младоафганцами, немцами и индийскими эмигрантами. Англичане не могут предъявить эмиру афганскому сколько-нибудь решительных требований, ибо в случае выступления Афганистана мусульмане Индии поднимут восстание в помощь единоверцам. В Бенаресе, Лагоре и других городах раскрываются обширные заговоры, связанные с деятельностью немцев. Англичанам с трудом удается поддерживать порядок в районе северо-западной границы.

Между тем через шесть месяцев после начала работ немцев

по реконструкции армии, в марте 1916 года, укрепления вокруг Кабула, вооруженные крупповскими батареями, были возведены, и первый этап широкой военной реформы афганской армии закончился.

Тогда встревожилось не на шутку и индийское правительство. Многочисленный штат осведомителей подробно доносил о происходивших в Афганистане событиях. Но англичане хорошо знали эмира Хабибуллу, а эмир столь же хорошо знал англичан. Началась ожесточенная торговля. По мере возведения крепостных укреплений и проведения военных реформ Хабибулла требовал все больше денег. Вместо 1 миллиона 800 тысяч рупий, которые он ежегодно получал от индийского правительства, он требовал уже 2 миллиона 800 тысяч. Англичане соглашались дать 2 миллиона, потом 2,5, но только при условии удаления немцев из Кабула. Неизвестно, сколько времени продолжались бы переговоры, если бы не тактическая ошибка немцев.

Неожиданно в Туркестан прибыли несколько афганцев во главе с индийским раджой — эмигрантом Махандрой Пратапом из Хатреса. Они привезли письмо на имя российского императора и сообщили, что цель их приезда — предложить от имени немецко-турецкой миссии и эмира афганского заключение секретного договора для борьбы против англичан в Индии.

Все пришло в движение. Генерал Куропаткин, состоявший при нем дипломатический чиновник Чиркин, министерство иностранных дел, британское посольство в Петрограде и русское в Лондоне, генеральное консульство в Индии и индийский вице-король забросали друг друга спешными депешами. Русское правительство не хотело, конечно, идти на измену своему союзнику Великобритании путем какой-то секретной сделки с малоавторитетными «туземцами». Но оно не хотело также и разрушать иллюзию индусов и афганцев, надеявшихся на помощь со стороны России в их борьбе с англичанами в Индии. Началось с того, что генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа Куропаткин очень ласково принял посланцев. Через некоторое время, 28 марта 1916 года, начальник азиатского департамента министерства иностранных дел Клемм в довольно краткой телеграмме сообщил генеральному консулу в Индии для передачи вице-королю, что «в Ташкент из Кабула прибыл неизвестный индийский раджа с письмом на имя государя императора, содержание коего неизвестно».

Индийское правительство, уже имевшее сведения об этом факте от агентов британского посла в России и от своих агентов в

Афганистане, было приведено таким лаконическим сообщением в крайнее негодование и пожелало знать как имена посланцев, так и содержание привезенного ими письма. После длинного обмена телеграммами русское правительство наконец назвало фамилии двух посланцев и сообщило, что «они прибыли просить дружественной помощи». Когда же англичане узнали, что второй посланец Мирза Мухаммед Али-хан — начальник канцелярии самого эмира, то среди индийских властей началась настоящая паника. Для них стало очевидно, что эта поездка не могла состояться без ведома самого эмира и что карты в игре с афганцами переходят в руки «дорогого союзника» — России.

Англичане потребовали от русского правительства ареста посланцев. В ответ на это требование последовал меланхолический ответ министерства иностранных дел.

> «Запрошенный по поводу ареста и выдачи посланцев туркестанский генерал-губернатор сообщил, что им при первом свидании было обещано посланцам беспрепятственное возвращение в Афганистан. Кроме того, один из них серьезно заболел, и оба они предъявили афганские паспорта и специальную рекомендацию афганского министра Баракатуллы.
>
> Ввиду этого и во избежание нежелательного ни для нас, ни для англичан обострения отношений с Афганистаном генерал-губернатору разрешено было отпустить посланцев, разумеется, без всякого ответа.
>
> Об этом сообщено здешнему великобританскому послу.
>
> *Клемм».*

Все это заставило англичан согласиться на требуемую эмиром сумму. В Кабул прибыл огромный караван, нагруженный слитками золота и звонкой монетой. Однако непременным условием выдачи денег эмиру было поставлено прекращение деятельности немцев против Индии, причем вице-король намекал, что «буде немедленное удаление германской миссии окажется несовместимым с его достоинством, как независимого правителя, то возможна локализация этой деятельности путем направления немцев в северные провинции Афганистана». Другими словами, англичане говорили: пусть немцы действуют, но только против России, а не Индии, и находятся не в Кабуле, а в Герате.

Военно-организационная, пропагандистская и политическая

деятельность немцев в Кабуле приняла к этому времени уже такие масштабы, что не только не могла быть остановлена немедленно, но, как показали события, продолжала развиваться и после отъезда основного ядра немецкой миссии, до осуществления намеченных ею целей. Мало того, это основное ядро, разбившись на группы, выехавшие в Северный Китай, русский Туркестан, Персию и Сеистан, способствовало возникновению значительных восстаний во всех этих областях.

К моменту получения эмиром Хабибуллой обусловленной суммы деятельность немцев достигла апогея. На территории «Михман-хане» архитектор Клотценер выстроил здание для немецко-австрийского отряда. Оно состояло из длинного ряда комнат, каждая на четыре человека, с соответствующей мебелью и оборудованием. Немцами было сделано здесь все, вплоть до невиданных раньше в Афганистане железных кухонных плит. Внутри здания кипела работа: солдаты и унтер-офицеры изучали персидский язык и военную терминологию по специально составленному немецко-персидскому словарю, историю и географию Афганистана, особенности быта и т. д. Велась огромная работа по налаживанию связи с северо-западными племенами. Все прибывающие индусские революционеры составляли как бы особую группу штаба во главе с Баракатуллой и Хайри-беем.

Помимо средств из немецких источников, на эту работу давали крупные суммы и наследный принц Аманулла-хан, брат эмира Хабибуллы — Насрулла, и еще многие афганские националисты. Организован был учет оружия, бойцов, технического имущества, имевшегося на территории северо-западных племен и в Хайберсском проходе. Лейтенант Руланд должен был наладить прямую телефонную связь между германской миссией в Кабуле и северо-западными племенами.

Большая агитационная работа, проведенная среди духовенства, вождей пограничных племен, группы националистов, молодого купечества, офицерства и даже в гаремах, создала в Кабуле напряженное положение и общее ожидание войны. Даже родной брат Хабибуллы-хана, наиболее доверенное его лицо, Насрулла-хан агитировал за разрыв с англичанами и присоединение к центральным державам.

Поэтому, когда эмир вынужден был выполнить взятое на себя перед англичанами обязательство, то ограничился прекращением использования немцев для государственных целей, но германскую миссию оставил по-прежнему в Кабуле. Однако немцы, вполне наладив работу, решили, что демонстративный отъезд основного состава миссии лишь накалит атмосферу, да, кстати, еще и

снимет с них ответственность за насильственное удаление эмира в случае, если оно окажется необходимым.

Особенно сложны были отношения эмира с вождями пограничных племен. Они уже подготовились к войне, ожидали богатой добычи и освобождение от англичан считали верным делом. Неожиданный отъезд германской миссии их до крайности раздражил. Эмиру пришлось потратить немало денег, чтобы добиться хотя бы временного успокоения.

22 мая немцы несколькими группами двинулись в разных направлениях. Группа Фойгта двинулась в Сеистан; Хентига — через Памир в Китай; Нидермайера и Рера — в русский Туркестан и Персию. Вагнер переехал в Герат, чтобы оттуда действовать против России.

Таким образом казалось, что англичане достигли своей цели: германская миссия формально из Кабула выехала, а часть ее, в Герате, работала против России. Русское же правительство воображало, будто немцы действуют только против англичан, и царские дипломаты были этим весьма довольны.

В шифрованной телеграмме управляющего 3-м политическим отделом министерства иностранных дел Клемма, посланной незадолго до этих событий (29 апреля 1916 года) русскому генеральному консульству в Индии, имеется следующее место:

> «…Эмир не столько стремится к войне, сколько его брат. Настроение афганцев враждебно только против англичан, и виденный агентами фирман гласил лишь о войне с последними. Оружейные заводы Кабула работают под наблюдением немцев, которые являются также инструкторами в войсках и руководят крепостными работами. Ввоз оружия через Персию прекратился. Копия в Мешед».

Не прошло и нескольких месяцев, как русским чиновникам пришлось горько разочароваться в своем оптимизме.

Если они еще недавно могли доставить себе удовольствие испортить настроение англичанам появлением индийских посланцев в Туркестане, то теперь наступила очередь английским чиновникам, как говорилось когда-то, «получить преферанс».

После отъезда из Кабула основного состава немецкой миссии события начали развиваться быстрым темпом. Полномочия уехавших перешли к оставшимся немецким и австрийским офицерам: Шрайнеру, Руланду и Рыбичке. Опираясь на Аманулу-хана и брата эмира, пользуясь их средствами, а также и покровительством афганских чиновников, они начали готовить выступление пограничных племен. В то же время Вагнер из Герата

руководил подготовкой восстания в Туркестане. Путем создания ряда опорных пунктов на русской границе и одновременного восстания военнопленных австрийцев и немцев, работавших на постройке туннеля и железной дороги, предполагалось перебросить всю массу этих солдат в Афганистан. Огромное количество воззваний было отправлено в лагеря Туркестана. Были сформированы особые отряды проводников, снабженные оружием, ракетами, сигнальными флажками, лодками и лошадьми. Вся пограничная афганская стража на русской границе по распоряжению Насруллы-хана была приведена в боевую готовность и инструктирована для приема перебежчиков. В свою очередь Вагнер направил свое внимание на Фергану, где началось сильное брожение. Именно в этот момент царское правительство впервые мобилизовало мусульманское население Туркестана для выполнения рабочей повинности. По всей Средней Азии начались волнения.

Один из членов немецкой миссии в Кабуле — Рыбичка вместе с четырьмя офицерами должен был перейти границу с Туркестаном, чтобы руководить всеми операциями на русской территории.

Однажды несколько тысяч туркмен перешло из Туркестана через афганскую границу. Вслед за этим Хайри-бей, турецкий офицер генштаба, ранее командовавший особыми частями эмира Хабибуллы-хана, исчез из Кабула и вскоре оказался во главе повстанческого штаба северо-западных племен Индии. Одновременно из Кабула готовились к выезду группа Руланда для помощи Хайри-бею и группа Рыбички для руководства действиями в Туркестане.

Царское правительство подняло шум. Туркестанский генерал-губернатор, небезызвестный по японской войне генерал А. Н. Куропаткин, в ряде телеграмм обвинял в близорукости и неосведомленности русское посольство в Лондоне и генеральное консульство в Индии. В обширнейшей телеграфной переписке приняли участие премьер-министр и министр иностранных дел России Штюрмер, контрразведка, посол в Лондоне, генеральный консул в Индии, Клемм, посол в Персии, генерал Куропаткин, состоявший при нем дипломатический чиновник Чиркин и еще многие лица. Куропаткин и органы разведки утверждали, что афганцы сосредоточивают войска на русской границе, готовятся к войне и при содействии немцев организуют восстания, а представители английского правительства, отвечая на запросы царских дипломатов, категорически все это отрицали.

Ко всему этому присоединились наступление турок на персидскую территорию и связанная с этим опасность

проникновения их в Афганистан, что уже безусловно вызвало бы военную акцию последнего против союзников.

Вот три окончательных ответа англичан на русские запросы. Первая телеграмма русского генерального консула в Индии от 28 августа 1916 года:

> «Индийское правительство, тщательно проверив сведения, уверяет, что никакого сосредоточения войск в Северном Афганистане не замечается. *Лисовский».*

Вторая телеграмма того же генерального консула от 1 сентября 1916 года:

> «Индийское правительство не имеет сведений о каких-либо военных приготовлениях в Афганистане и положительно отрицает факт возвращения немцев в Кабул, где по-прежнему находятся лишь один германский и один турецкий офицеры при нескольких нижних чинах. *Лисовский».*

Индийское (то есть английское) правительство, конечно, лгало, так как оно не могло не знать, что в Кабуле находятся около двух десятков немецких, австрийских и турецких офицеров и восемьдесят унтер-офицеров и солдат.

Третья телеграмма из Туркестана от 1 сентября 1916 года:

> «Лисовский передает искаженный текст телеграммы: Считая положение в Афганистане пока удовлетворительным, индийское правительство не скрывает, что наступление турок в Персии невыгодно отражается на афганских настроениях. Если туркам удастся занять Тегеран или проникнуть в Афганистан в количестве 4—5 тысяч, то, по мнению индийского правительства, выступление Афганистана вполне возможно. *Секретарев».*

Нечего и говорить, что после этой телеграммы русские полковники и генералы по приказанию Куропаткина немедленно сели на коней и помчались к границе.

Волнения в Туркестане подавлялись с невиданной даже в этой царской колонии жестокостью. Но, помимо этого, англо-индийскому правительству было недвусмысленно заявлено, что «буде неприятельские войска действительно проникнут на территорию Афганского ханства, российским войскам придется занять эту окраину, если, впрочем, англо-индийское

правительство не озаботится обузданием афганистанского эмира».

Тут уж шутить не приходилось: англичане прекрасно помнили, как в свое время русские полковники с большим успехом побили английских полковников в Пендинском районе, после чего понадобилось много усилий, чтобы урегулировать вопрос о границах. Поэтому Хабибулле-хану были на этот раз предъявлены энергичные требования и приостановлена выплата субсидий.

Эмир был взбешен. Несколько сотен кавалеристов было послано на розыски Хайри-бея. Рыбичка, Руланд, Шрайнер, Клотценер и другие немецкие и австрийские офицеры были изолированы и переведены вместе с солдатами в загородное помещение. По отношению к Насрулле, своему брату, и Аманулле-хану, своему сыну, эмир применил ряд ограничений: у первого отнял право управления государственной казной, второй попал в немилость.

Однако Хайри-бея не удавалось поймать, несмотря на обещание крупной награды, а военнопленные продолжали переходить границу. Турки и индусские мусульмане возбуждали народ, указывая на враждебные действия эмира по отношению к немцам — союзникам турок в деле освобождения всех мусульман. Помимо того, Аманулла-хан, Насрулла-хан и Сипахсалар Надир-хан пользовались большой популярностью в народе: положение опальных только усиливало их популярность.

Немцы дважды предпринимали попытки к тайному отъезду, но обе попытки были неудачны.

В это время приехала английская миссия, в задачу которой входило заключение договора с Хабибуллой-ханом и, если возможно, вовлечение Афганистана в мировую войну на стороне союзников. Хотя переговоры велись втайне, англичане содержались за городом, а эмир вел себя по обыкновению крайне уклончиво, в индийской прессе вдруг появились статьи, что Хабибулла-хан безусловный англофил и в связи с получаемой субсидией обещает сделать все возможное в пользу англо-афганского сближения. Это поставило эмира в щекотливое положение и настроило против него широкие круги мусульманского духовенства, националистов и чиновников.

В одном из своих писем управляющему 3-м отделением русского министерства иностранных дел генеральный консул в Индии Лисовский делает совершенно правильный анализ положения в Афганистане на основе английской информации. В этом письме (от 15 декабря 1916 года) он говорит о сложности положения эмира, о нежелании англичан допустить русские

войска к разрешению афганского вопроса, а в следующем письме (от 30 января 1917 года) указывает еще и на то, что малейший промах эмира может стоить ему головы. Большинство племен, говорит он, население и войска больше считаются с Насруллой-ханом и Аманулой-ханом и находятся под немецким влиянием.

> «В самом Герате капитан Вагнер вместе с Киязим-беем, турецким офицером, Пратапом и Баракатуллой продолжают вести работу по организации восстаний в Туркестане.
>
> Если бы, — пишет Лисовский, — афганские националисты не понимали, что они находятся между молотом и наковальней, то есть Англией и Россией, они давно бы свергли эмира и выступили против англичан».

Что Афганистан действительно находился между молотом и наковальней, было очевидно для всех. Недаром немцы через подставных лиц пытались заключить соглашение между Афганистаном и Россией. Однако царское правительство не только не шло на такое соглашение, но с каждым годом войны все ближе подходило к выводу о необходимости найти третий путь к морю — через Афганистан в Индию. Об этом пишет новый российский генеральный консул в Индии Томановский, об этом думают чиновники Азиатского департамента русского министерства иностранных дел. Вот выписка из служебного письма от 14 ноября 1916 года:

> «С точки зрения чисто русских интересов, необходима еще постройка железного пути в Индию: Кушка — Герат — Кветта, около 500 миль. Если бы заставить афганского эмира разрешить постройку дороги через Кабул, это расстояние сократилось бы вдвое. Мы можем получать из Индии: хину, чай, кофе, каучук, хлопок и боевые припасы. В Индии есть 300 миллионов населения, почти не несущего воинской повинности. Автомобильное движение может быть открыто немедленно. Все необходимые измерения давно сделаны англичанами. В Индии есть запас рельсов и подвижного состава. В рабочих руках недостатка нет. Сообщение с Индией облегчит работу Мурманского и Сибирского пути. Это единственный третий путь, который остался для России и не угрожаем подводными лодками».

Однако немцы и афганские националисты, возглавляемые Насруллой-ханом и Аманулой-ханом, все-таки не оставляли

попыток изменить свое положение «между молотом и наковальней».

Следя за операциями турецких войск в Персии, они еще раз попробовали заставить турок сделать диверсию на Афганистан оттуда. По-видимому, брат эмира Насрулла-хан и будущий эмир Аманулла-хан сами взялись выполнить эту задачу; впрочем, их поездка была совершенно законспирирована. В секретных документах имеется о ней только одно сообщение. Это — секретная телеграмма русского посланника в Тегеране от 7 декабря 1916 года за № 1113:

> «Генерал Баратов сообщает о прибытии в Хамадан сына и брата эмира афганского, будто бы имеющих заключить какой-то договор с турками, встретившими их торжественно».

Февральская революция ослабила империалистическую активность России. Октябрьская революция и признание Советской властью Афганистана как суверенного государства дали возможность афганцам начать борьбу с Англией за свое освобождение от иностранной зависимости.

В течение 1917 и 1918 годов немцы продолжали действовать при постоянной поддержке со стороны националистов, Насруллы-хана и Амануллы-хана. От времени до времени англичане добивались того, что положение их ухудшалось, и тогда немцы помышляли о бегстве. Но, с другой стороны, именно нападки на них со стороны эмира способствовали их популярности. К тому же германскому правительству удавалось поддерживать с ними довольно регулярную связь, и они достаточно широко субсидировались из разных источников. Это дало им возможность создать условия, при которых произошло убийство эмира Хабибуллы-хана.

С 20 на 21 февраля 1919 года эмир ночевал в охотничьей палатке около Джелалабада в Лагмане. Хабибулла-хан был последним эмиром, поддерживавшим типичную для индийского Востока традиционную роскошь быта. Его охоты на слонах были блестящими увеселительными поездками в сопровождении свиты, гарема и сановников. Под утро, когда все спали, в палатке эмира раздался выстрел, и стража, вбежавшая туда вместе с военным министром Надир-ханом, увидела труп эмира. Надир-хан объявил о происшедшем. Начали расправляться с охраной, но убийцу не нашли. Надир-хан немедленно потребовал у коменданта Шах Али Риза-хана ключи от джелалабадского арсенала.

На следующий день брат эмира, Насрулла-хан, находившийся

в Джелалабаде, провозгласил себя эмиром.

Всевозможные слухи наполнили страну. Обвиняли в убийстве и Надир-хана, и Риза-хана, и Насруллу-хана, и целый ряд сердаров, у которых Хабибулла отнял молодых и красивых жен. Покойник был большой любитель женщин и добывал их, не стесняясь в средствах.

Характерно, что о законном наследном принце в это время все как бы забыли.

Насрулла-хан арестовал Надир-хана и некоторых сердаров из племени махмудзаев, составлявших охрану покойного.

В это время Аманулла-хан, находившийся в Кабуле, объявил виновником смерти своего отца Насруллу-хана, отказался признать его и тоже объявил себя эмиром. Оба претендента начали готовиться к войне. При почти одинаковой численности регулярных войск, которые имелись у того и у другого, Насрулла-хан мог еще опираться на горные племена, зато Аманулле-хану не трудно было вооружить городское население Кабула, среди которого он был популярен. Аманулла сделал все для организации своей победы: богатыми подарками переманил племенных вождей Кугистана, мобилизовал эмигрантов из Индии, турок и немцев, увеличил жалованье своим солдатам. В те времена победителем в междоусобной войне на Востоке часто оказывался тот, у кого имелось больше денег. В Кабуле находилась государственная казна. Никто не мешал Аманулле ею бесконтрольно распоряжаться. Поэтому, несмотря на начавшуюся в Кабуле панику, вздорожание и исчезновение продуктов, уже через три дня, 23 февраля, по совету Улии Хасрет, популярной в стране матери Амануллы, Насрулла-хан отрекся от престола. 27-го Аманулле-хану присягнул Джелалабадский гарнизон. Арестованы были не только Насрулла, но и наследный принц Инаятулла-хан (хотя он ни на что не претендовал и ни в чем не участвовал), Надир-хан и многие другие. Однако, когда дело дошло до суда, виновным был признан один полковник Шах Али Риза-хан, который сдал ключи арсенала своему начальнику — военному министру Надир-хану по его приказанию.

Теперь было очевидно, что после вступления на престол Амануллы-хана, руководившего антианглийской партией, война Афганистана за свою независимость с англо-индийским правительством неизбежна. К тому же Советская Россия признала Афганистан; стало известно, что она заключила мир с Германией и даже воюет с англичанами в Закаспии. Таким образом, с ее стороны опасности не было. Однако понадобилось около двух месяцев, чтобы эмир, утвердив свое положение внутри страны,

мог приступить к действиям. Афганцы рассчитывали на волнения среди мусульман в Индии и среди северо-западных племен, отъезд чисто британских частей на Западный фронт и довольно сильную холерную эпидемию в английской армии.

3 мая регулярные афганские части перешли границу и в течение нескольких дней дошли до берегов Инда. Однако уже 18 мая англичане сосредоточили автомобильные части, танки, аэропланы, броневики, артиллерию и к полудню 19 мая разгромили афганцев на хайберском фронте. Стратегический план афганцев заключался в том, чтобы заманить англичан в горный район между Кабулом и Джелалабадом, перерезать их коммуникации и попутными операциями в районе Хоста и северных британских фортов нанести им фланговые удары. Но афганцы не приняли в расчет возросшего значения авиации. Британские аэропланы, летая на малой высоте, преследовали отступавшие афганские части. Даже прибывшая вместе с многочисленными муллами и шейхами на фронт в Нимлу германская инструкторская группа не могла остановить наступления. Немцы были в бешенстве, потому что только за месяц до этого они отправили сто германских и австрийских унтер-офицеров на фронт в качестве инструкторов.

Афганская армия откатилась до Сурхпуля — горной местности, откуда открывалась дорога в Джелалабад. В это время обе стороны начали переговоры о перемирии. Это дало возможность афганцам остановить бегущие части, назначить нового командующего и подготовить контрнаступление. Через несколько дней военные действия возобновились, и англичане начали воздушную бомбардировку Кабула, ограниченную по размерам, но очень точную. Гораздо сильнее они бомбардировали Кандагар. Между тем партизанская война племен развертывалась весьма успешно, так же как и операции амнистированного талантливого военачальника Надир-хана в районе Хоста. Были и другие причины, сдерживавшие наступление англичан. Из парламентских отчетов, доклада главнокомандующего генерала Монро, сообщений лорда Челмсфорда и других документов того времени явствует, что англичан испугало необычайное развитие холерной эпидемии в главном месте сосредоточения войск — крепости Дакка, массовое дезертирство из их армии мусульманских солдат и недостаток транспортных средств. Но решающим фактором был патриотический подъем всего афганского народа в борьбе за национальное освобождение.

Все это привело англичан к соглашению с Афганистаном, по которому афганцы, отдавая небольшую пограничную полосу, фактически им не принадлежавшую, получали признание

независимости своей внешней политики. Этим самым открывалась новая страница в афганской истории.

Октябрьская революция не только дала возможность афганцам начать войну с англичанами за независимость страны; она прекратила и борьбу империалистов в Афганистане. Наконец, своим признанием Советская власть положила начало расширению дальнейших международных отношений уже независимого Афганистана — именно через Советскую Россию первая афганская миссия проехала в Европу.

Политика Советского Союза в отношении Афганистана, способствовавшая дальнейшему развитию национальной независимости этой страны, привела к тому, что никакие интриги англичан не могли вернуть ее в прежнее состояние британского вассала.

Приведенные выше материалы ни в какой степени не потеряли своего значения и в наши дни как яркая иллюстрация борьбы империалистов между собой в полуколониальных странах. А в те дни они были необходимы для моей личной ориентации, прежде чем я переступил афганскую границу.

В КУШКЕ

По дороге от Мерва до Кушки мы так покрылись сухой степной пылью, что, сколько я ни мылся, оставалось ощущение, будто я весь в пыли.

Кушка, с ее тенистыми от старых деревьев улицами, великолепными постройками, большой радиостанцией, пороховыми погребами, казармами, фортами, складами, казалась чудом на фоне окружающих унылых песчаных гор.

К тому же она была как бы воплощением русской доблести, воинской славы и верного служения народу.

Когда отрезанный от России Туркестан задыхался в тисках английских частей, белогвардейских отрядов и басмаческих шаек, комендант крепости генерал старой русской армии А. П. Вострасаблин объявил, что Кушка останется верной Советской России. У него было всего восемьдесят солдат и десять коммунистов-героев. На крепость налетел казачий полковник Зыков с полуторатысячным отрядом. Месяц сопротивлялась крепость, отражая беспрерывные атаки белогвардейцев. Наконец, к Кушке прорвался сводный красноармейский отряд под командой С. П. Тимошкова. Деблокада этой крепости сыграла решающую роль в укреплении Советской власти в Туркестане. Достаточно сказать, что Кушка отправила отрезанному от России Ташкенту 70 орудий, много винтовок и пулеметов, 3 миллиона патронов и 80 вагонов артиллерийских снарядов…

ПРОИСКИ АНГЛИЧАН В ТУРКЕСТАНЕ

О нашем приезде комендант крепости был извещен телеграммами из штаба Туркестанского фронта и Наркоминдела. Мы познакомились с несколькими старожилами крепости, в том числе с одним замечательным старым, усатым горнистом. Слушая их рассказы, я вспомнил свою последнюю беседу с начальником 4-го отдела штаба Туркфронта Дмитрием Романовичем Ипполитовым о действиях англичан в Туркестане.

Весной восемнадцатого года в Туркестан прибыла «военно-дипломатическая» миссия во главе с подполковником Д. М. Бейли в составе Л. Блейкера, бывшего английского консула в Кашгаре Д. Маккартнея и американского консула Тредуэлла под предлогом «оказания помощи». «Помощь» они оказали довольно быстро, создав контрреволюционную подпольную организацию под названием «Туркестанская военная организация». Одновременно английское правительство выделило специальную «военную миссию для Туркестана» во главе с генерал-майором сэром Вильхоридом Маллесоном, которая прибыла в Мешед. Англичане обещали русским офицерам, входившим в «Туркестанскую военную организацию», что, как только те поднимут восстание, англо-индийские войска перейдут границу, займут Ашхабад и двинутся в глубь Туркестана на помощь.

Выступление «Туркестанской военной организации» должно было произойти одновременно во всех крупных городах и узловых железнодорожных центрах и послужить сигналом для наступления английских и белых частей на Закаспийском, Семиреченском и Актюбинском фронтах, войск Дутова, эмира бухарского, хивинских и ферганских басмачей. Англичане не сомневались, что в случае реализации этого плана Советская власть в Туркестане падет.

Как только генерал Маллесон прибыл в Мешед, к нему выехал из Ашхабада представитель правых эсеров граф А. Доррер, и они наметили план захвата власти в Закаспийской области.

17 июня в Ашхабаде началось белогвардейское восстание под руководством эсеров, но оно было быстро подавлено. Однако прибывшие из Ташкента представители «Туркестанской военной организации» вместе с английскими агентами и эсерами быстро создали под видом «Союза фронтовиков» тайные боевые отряды.

ЦИК и Совнарком Туркестана послали в Закаспий чрезвычайного комиссара А. И. Фролова. Прибыв в Ашхабад и объявив город на осадном положении, Фролов издал приказ об обязательной сдаче оружия населением и уехал в Кизыл-Арват.

Оставшиеся на свободе руководители неудавшегося ашхабадского восстания эсеры Фунтиков, Доррер, Немцов и Дохов немедленно подняли новое восстание и, перерезав связь с Кизыл-Арватом, выслали туда отряд.

12 июля 1918 года мятежники окончательно захватили Ашхабад, а к 21-му — всю Закаспийскую область, за исключением Кушки. Эсеры создали «Закаспийское правительство» под председательством Фунтикова, в которое вошли граф Доррер, Немцов, Дохов, Архипов, Козлов.

Это «правительство» без суда расстреляло почти всех большевиков области, а также захваченного в плен народного комиссара труда Туркестана П. Г. Полторацкого.

Генерал Маллесон прибыл в Ашхабад и 19 августа от имени британского правительства заключил с «Закаспийским правительством» договор, по которому обеспечивал белогвардейцев оружием, снаряжением и дополнительными войсками; эсеры, со своей стороны, передавали англичанам запасы хлопка, нефти, среднеазиатскую железную дорогу и Красноводский порт.

Из Персии начали прибывать английские части. Первыми приняли участие в боях с советскими войсками 19-й Пенджабский батальон, Хемпширский полк, 28-й кавалерийский полк и 44-я батарея полевой артиллерии.

12 сентября в Красноводск, находившийся под контролем англичан, прибыл пароход «Туркмен» с 26-ю бакинскими комиссарами. По приказу английского коменданта Красноводска полковника Баттина они были заключены в тюрьму. Генерал Маллесон поручил капитану Тиг-Джонсу обсудить с эсерами и меньшевиками, из которых состояло «правительство» Фунтикова, организацию расправы над коммунистами. Под руководством Тиг-Джонса 26 бакинских комиссаров были зверски умерщвлены ночью в песках, в 207 верстах от Красноводска.

Вскоре после этого генерал Маллесон, выступая на одном банкете, сказал, что «британские представители явились добрыми вестниками, приблизившимися к русскому народу».

Такова была обстановка, когда в Ташкенте начались аресты членов «Туркестанской военной организации», которая должна была явиться главным козырем в игре англичан.

Видя, что дело проваливается, руководитель этой организации, состоявший одновременно военным комиссаром Туркестанской Советской республики, авантюрист из бывших прапорщиков К. Осипов решил, не откладывая, поднять мятеж. Для руководства им 27 декабря был создан так называемый «временный комитет».

В ночь на 19 января 1919 года заговорщикам удалось заманить на территорию военного городка почти всех ответственных работников Туркестана во главе с председателем ТурЦИКа В. Д. Вотинцевым и председателем Совнаркома В. Д. Фигельским. Все они были расстреляны. К утру 19 января почти весь город был в руках мятежников. Однако ташкентские большевики сумели в этих, казалось бы, безнадежных условиях организовать рабочих, и к 21 января мятежники, основное ядро которых составляли эсеровские отряды и группы бывших офицеров, были разбиты, а сам Осипов со своим штабом бежал.

Это окончательно убедило англичан, что их ориентация на эсеровско-меньшевистскую контрреволюцию совсем непрочна. Собственно говоря, они это предвидели. Еще 1 января, то есть за восемнадцать дней до начала мятежа в Ташкенте, генерал Маллесон выразил сомнение в способности эсеро-меньшевистского правительства «осуществлять государственную власть». А после провала заговора Маллесон просто арестовал главу «признанного Великобританией правительства» Фунтикова, посадил его в тюрьму, взял власть в свои руки и ввел для населения настоящий колониальный режим. Руководство операциями на фронте было поручено бригадному генералу Битти. Маллесон выпустил множество денежных обязательств с текстом на английском и русском языках:

> «Именем Великобританского правительства я обязуюсь заплатить через три месяца предъявителю сего пятьсот рублей. Генерал-майор Маллесон. Великобританская военная миссия».

Однако вскоре и английским войскам, и самому генералу Маллесону пришлось под ударами советских войск спешно удирать туда, откуда они пришли. Все, что мог сделать Маллесон, это уговорить генерала Деникина взять Закаспийскую область «под свою защиту». И уж, конечно, он не заплатил ни одной копейки по своим денежным обязательствам обманутому населению.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ПО ДОРОГАМ ВОСТОКА

ОТ КУШКИ ДО ГЕРАТА

У крыльца комендантского дома в Кушке стояло восемь коней. Это были настоящие маленькие арабские скакуны. Их уздечки и нахвостники так и сияли под серебряными бляхами и цепями. Рядом — взвод солдат и два офицера в странной желтой форме и круглых шапках, на которых блестели большие серебряные гербы: купол мечети, два знамени, снопы пшеницы и коран в середине.

Я и сопровождавшие меня красноармейцы поздоровались с афганцами, и все мы, усевшись на коней, двинулись к границе. Едва мы миновали последний советский пост и выехали по узкой дорожке в поле, усеянное кольями и рвами, как конь мой, завидев далеко впереди себя на горе табун кобылиц, закусил поводья, — он был без мундштуков, — и понесся к ним прямо по полю. У меня на пальцах от стянутых ремней показалась кровь. Поводья лопнули, подпруга тоже, и я слетел с лошади, застряв левой ногой в стремени и пытаясь упираться в землю руками, чтобы не удариться головой о камни. К счастью, стремя оторвалось, и меня, хотя и расшибленного до крови, подняли и пересадили на другого коня.

С тех пор я переменил много лошадей и много поездил на них по Востоку — в Афганистане, в Персии и в Турции, но это вступление на территорию «Высокого независимого Афганистана», так сказать, головой по земле, никогда не уйдет из моей памяти.

Чудесная это страна.

Пейзажи ее однообразны в своем великолепном разнообразии. Иногда мы продвигались среди снегов, покрывающих горные вершины, а иногда среди скал, под которыми беспорядочно расстилались леса.

Однажды, стоя на скале, я видел черных диких кошек — самца и самку. Это гладкие, блестящие, большие кошки, до смешного в похожие на городских котов — любителей погулять по крышам. Она каталась, мяукая и соблазняя его грациозными позами. Он стоял, подняв хвост трубой, смотрел на нее своими янтарными глазами и временами рычал от восхищения и страсти.

В другой раз на моих глазах стрелой по краю скалы над самой пропастью промчался джейран. Я подумал, что он это делает из удальства, от упоения избытка своих сил, но ошибся. Кондор черного цвета, с белым воротником и красной шеей, упал на него отвесно, как камень. Некоторое время джейран еще бежал по инерции с вцепившимся в него крылатым всадником; потом

кондор начал взмахивать крыльями и, отделившись от земли, вместе с жертвой медленно поплыл в воздухе.

Пейзажи менялись беспрерывно. Они грандиозны, как в сказках, и романтичны, как в балладах. Скалы — громадные белые куски мела или гранита — покрыты мохом и снегом. Их вершины теряются в тумане, а подножия украшены зеленью кедров и сосен. Под ними пропасти переходят в долины, где растут фисташки, зреют виноград, гранаты и вечно зеленеют пальмы. Водопады, как пущенная из сифона струя воды, шипят, орошая пеной и брызгами мир, лежащий внизу.

Над пропастями переброшены простые бревна, настолько толстые, что умный конь, осторожно ступая и отыскивая равновесие, медленно переходит на другую сторону.

Глядя на то, как у коня нервно дрожат его тонкие уши, как блестит его скошенный карий глаз, я невольно задавал себе вопрос: где эти «автомобильные дороги», которые из кабинета своего департамента увидел когда-то статский советник Калмыков?

У одного из таких переходов мы встретили группу кафиров, и это был единственный случай, когда мы наткнулись на них.

Кафиристан, формально находящийся на территории Афганистана, — страна, ограниченная на севере и юге Гиндукушским хребтом, на западе и востоке — Читралом и долиной реки Кунар. Это горный район, снеговые хребты которого достигают иногда 5 тысяч метров высоты, фактически отрезанный от остального мира. На фоне дикой и величественной природы живет несколько племен кафиров, сохранивших древнюю культуру, со следами цивилизации, оставленной греками во время похода Александра Македонского в Индию. Одни лишь кафиры (что значит неверные) знают тропы, проходящие вдоль пропастей и бешеных потоков; только по этим тропам и можно проникнуть собственно в Афганистан или Индию.

В то время последним и, пожалуй, единственным европейцем, проникшим в Кафиристан и в его главный город Дир, был английский капитан Робертсон.

Впереди группы кафиров ехала женщина на большой и злой кобылице. Волосы наездницы были зачесаны гладко назад и свисали пучком в виде хвоста. На голове ее была надета шапка с двумя рогами и медными привесками в форме наперстков. Она была в шерстяной тунике, перевязанной красным шнурком с кистями, открытой спереди до живота, и золотых туфлях на босу ногу. Загнутые носы туфель упирались в стремена. Меня поразила непомерно малая величина ступни. Поперек седла женщина

держала карабин. За ней ехали несколько горцев в темно-синих шальварах и рубашках, с накинутыми на плечи туниками.

Когда мы подъехали к рабату, нас поразила наступившая к вечеру резкая перемена температуры: страшная жара сменилась таким же холодом.

Рабат — крепость и одновременно убежище для проезжих и караванов. Расположены рабаты на равных расстояниях в неприступных горных гнездах. Снаружи видна квадратная стена, ров перед ней и ручей, уходящий под стену. Офицер — начальник конвоя подает знак, и горнист трубит сигнал. Узкие ворота открываются, перед ними выстраивается почетный караул — Два десятка солдат с офицером — для встречи «джернель-саиба».

Внутри рабат состоит из нескольких дворов, отделенных друг от друга каменными стенами: для караула, для лошадей и верблюдов и, наконец, для приезжих. В последнем дворе — десятка два ниш, темных и холодных, с каменным полом и отверстием в потолке, в которое можно видеть звездное небо.

Мне ставят во дворе палатку. В ней — раскладной стол. На нем свеча под стеклянным колпаком. На земле несколько тюфяков и на них довольно засаленные шелковые одеяла. Рядом шумит протекающий через двор ручей. Возле него сидит на коврике, скрестив ноги, риссальдар — офицер нашего конвоя. Он уже в чалме, белой рубашке, белых шальварах и босой. Пестрое одеяло накинуто на плечи. Кругом почтительно расположились солдаты. Один подает ему кальян, другой — пиалу с чаем. Хотя офицер в служебное время может отколотить провинившегося солдата палкой, это нисколько не нарушает существующих между ними патриархально-демократических отношений. Сейчас они сидят и мирно беседуют. Где-то звенят цепями яхтанов лошади. Огромные звезды и странная большая круглая луна висят на черном небе так низко, как будто их кто-то спустил на проволоке. Становится все холоднее. Мы закутываемся в покрывала из белой верблюжьей шерсти. До рассвета осталось всего несколько часов. Завтра мы въезжаем в Герат.

ГЕРАТ

Герат представился нам как город из сказок Шехерезады. Начиная с сияющих неповторимых красками мозаичных башен Тамерлана и кончая древней крепостью, перед железными дверями) которой стояли караулы из воинов в калмах, все казалось нереальным. Город был зажат между крепостными стенами. Внутри крепости шумел крытый базар в несколько километров длиной, с десятками караван-сараев. Люди, лошади, ослы, верблюды — все было перемешано. Из разноголосого шума вырывались крики: «Хабардар! Хабардар!»

Впереди, разгоняя толпу, скакали всадники. За ними на арабском или карабаирском коне, украшенном серебряной сбруей, гарцевал хан или ехала закутанная с головы до ног в шелка и закрытая чадрой знатная дама. Иногда можно было увидеть красный паланкин — тахтараван — с яркими занавесками. Он мерно раскачивался между двумя лошадьми, окруженными охраной. Из глубины паланкина, под осторожно приподнятой паранджой, которую держала маленькая смуглая рука, сверкающая драгоценными перстнями, глядели черные, огромные глаза.

Вокруг древнего, окрашенного в коричневый цвет дворца наместника лепились дворы и дома придворных и высоких чиновников.

Генеральное консульство помещалось в небольшом доме, в глубине крепости. Нельзя было и шагу сделать, чтобы за тобой не увязалась целая толпа нищих и любопытных, — других европейцев в то время, кроме нас, в городе не было. Но главная беда заключалась в том, что это маленькое помещение, где несколько сотрудников задыхались от жары, не соответствовало задаче расширения и укрепления отношений с дружественным Афганистаном, которую мы наметили.

Мой предшественник товарищ Саулов представил меня наместнику Мухаммед Сервар-хану. Он был родственником эмира со стороны матери, имел сто пять лет, и я редко встречал таких жизнерадостных, веселых и подвижных стариков. Мухаммед Сервар-хан обладал большим природным умом, хотя, как все старые люди, идеализировал прошлое.

Все намечавшиеся реформы казались ему неясными и сомнительными. Он не оказывал им сопротивления, но и не спешил их осуществлять. С Мухаммед Сервар-ханом легко и приятно было иметь дело, но сам он, будучи забавным эпикурейцем, большинство вопросов передавал на разрешение

мунши — секретаря, ведавшего внешними сношениями.

Мунши, пожилой человек, с крашеной бородой и желтым пергаментным лицом, в черном строгом халате, великий знаток арабского и персидского языков, больше всего заботился о том, чтобы в переговорах с чужеземцами соблюдались все классические правила, принятые с давних времен при газнийском дворе. Одно из главнейших правил заключалось в том, чтобы в бесконечном потоке витиеватых любезностей утопить любой вопрос, если его возбуждала другая сторона.

К наместнику и его секретарю я еще вернусь, но в эти первые дни моей задачей являлось получение достаточно обширного помещения для генерального консульства.

После того как мы выпили с мунши не менее десяти чашек зеленого чая и окончательно убедились, что наши родственники находятся в добром здравии, я попытался заговорить о деле. Но каждый раз, когда уже казалось, что мы добрались до сути, мунши с необыкновенной легкостью переходил к описанию красот окружающей природы или начинал восхвалять непревзойденное совершенство персидской поэзии.

Так мы высидели часа три. Лицо секретаря по внешним сношениям порозовело, а на лбу появились капли пота, но сила его красноречия была неисчерпаемой. Откланявшись, я уехал.

На другое утро я застал наместника Мухаммед Сервар-хана в саду, сидящим в тени большого тутового дерева и пробующим дыни, лежавшие на огромном серебряном подносе. Михмандар с величайшей почтительностью вырезал из каждой кусочек и передавал на блюдечке его высочеству.

Увидев меня, Мухаммед Сервар-хан рассмеялся радостным смешком, показав все ямочки на пухлом лице и великолепно сделанную искусственную челюсть, и, усадив рядом с собой, принялся угощать дынями.

— Как здоровье? Нравится ли другу здешний воздух и питьевая вода, как он себя чувствует?..

Вопросы сыпались один за другим, и переводчик едва успевал их переводить.

— Вот об этом-то я и приехал поговорить. Дело в том, что мое здоровье требует жизни за городом. Вчера, катаясь верхом, я заметил, что в стороне от Кандагарской дороги имеется пустой загородный дворец «Баги-Шахи» с прекрасным парком. Если бы его высочество нашло возможным сдать его в аренду, определив за это соответствующую плату, это явилось бы свидетельством истинно дружеского к нам расположения.

В те годы я по своему возрасту годился Мухаммед Сервару во внуки и здоровье мое не внушало никаких опасений.

Мухаммед Сервар перестал прожевывать дыню, пристально посмотрел на меня и замолчал. Потом глаза его сузились, он откинул голову и начал смеяться. Он смеялся до слез, хлопая себя по бедрам и повторяя:

— Бесиар хуп, бесиар хуп…[10]

Потом положил руку на мое плечо.

— Для друга я на все готов… — и хлопнул в ладоши.

Мгновенно, как из-под земли, появился мунши. Мухаммед Сервар отдал ему короткое приказание.

На следующий день мы переехали в «Баги-Шахи».

На территории большого и удобного дворца «Баги-Шахи», помимо основного здания, находились еще маленькие домики, помещения для обслуги, караульных команд, кухни, чайханы, конюшни, бани, склады.

Из Кабула приехал назначенный секретарем генерального консульства Лев Вениаминович Никулин, из Ташкента и Москвы — комбат Петров 2-й (бывший полковник генерального штаба Петров 1-й прибыл ранее), назначенный комендантом; А. Гузовский (после Великой Отечественной войны — советский генеральный консул в Париже); Ю. Очаковский, Аванес Баратов, брат ранее прибывшего Аркадия Баратова (впоследствии оба — полковники Советской Армии), А. Юлусов, И. Нежельский, несколько опытных драгоманов. Доктор Д. Горовиц приехал из полпредства с большим запасом медикаментов и полным оборудованием амбулатории.

Наконец, из Ташкента приехал официальный представитель Внешторга.

Внутреннюю охрану несли красноармейцы, присланные из Кушки, и часть матросов из отряда, сопровождавшего полпреда. Наружную охрану составляли афганские солдаты под командой риссальдара Худабаш-хана.

Условия службы были трудные — непривычный климат, полная изоляция от внешнего мира. Связь с Кушкой и Кабулом поддерживалась только дипкурьерами, которые подбирались из хороших кавалеристов и сопровождались вооруженной охраной.

Все эти обстоятельства вынуждали установить особый распорядок дня. В нем были предусмотрены профилактические медицинские мероприятия, обязательные занятия спортом — езда верхом и стрельба в цель, точно устанавливалось время для приема пищи, работы, подъема и отхода ко сну. В сущности, это был суровый военный режим.

Довольно большой коллектив в течение полутора лет, до смены его новым составом, работал и жил очень дружно, а

оставшиеся в живых члены его и до сих пор сохранили между собой добрые отношения.

БОРЬБА С АНГЛИЙСКОЙ АГЕНТУРОЙ

Обстановка в тот период была довольно сложной, несмотря на самые дружеские отношения с афганским правительством и его представителями.

По всей границе, особенно между Восточной Бухарой и Мазари-Шерифским районом, не прекращалась борьба с басмачами. Многие племена, составлявшие басмаческие шайки, жили по обе стороны границы. Англичан, как официальных представителей (кроме миссии, находившейся в Кабуле), на территории Северного и Восточного Афганистана не было. Но агенты их имелись всюду. Собственно говоря, не было ни одного каравана, приходившего из Индии или Персии в Герат, Мазар-и-Шериф или Меймене, с которым не прибывал бы их агент или связной. О масштабах подрывной работы англичан на восточных границах Советской республики можно судить хотя бы по такому примеру.

Численность басмаческих шаек в Бухаре, Фергане, Хиве и в других районах Средней Азии достигала нескольких десятков тысяч человек. Большинство шаек имело на вооружении английские одиннадцатизарядные карабины Дисермента с необходимым запасом патронов. К наиболее крупным руководителям басмаческого движения, таким, как Джунаид-хан, Ибрагим-бек, Данияр-бек, Мулла Абдул Кагар, Ишан-Султан, ханы киргизских кочевых племен Джаны-бек и Муэтдин-бек (из рода Омузоглы и рода Ичкили), а также к локайским ханам были посланы опытные английские офицеры-инструкторы. Английской агентуре удалось завербовать буржуазных националистов, пробравшихся на крупные посты в руководящих органах Советской власти в Средней Азии, например, бывшего заместителя председателя ТурЦИКа Тюракула Джаназакова, председателя Андижанского ревкома Султанбека Тахтабекова, Нурмухамеда Малаева, З. Валидова, Мурин Ильдархана, военного назира Бухарской республики Арифова и других.

Однако усилия англичан превратить басмаческое движение во всеобщее, массовое движение «борьбы за ислам» и утопить в нем Советскую власть пропадали даром, не помогали ни опыт, ни золото, которое непрерывным потоком текло в карманы курбашей. Основных причин было две.

Во-первых, мусульманская беднота сочувствовала Советской власти, а, во-вторых, части Красной Армии проявляли в борьбе с басмачами, несмотря на тяжелые условия действий в пустынях и высокогорных местностях, такое мужество, какого до сих пор не

знала история.

Бывало множество случаев, когда несколько десятков красноармейцев, лишенных воды и пищи, окруженных отрядами в несколько тысяч всадников, выдерживали осаду в кишлаках до тех пор, пока не подходили подкрепления. Впрочем, здесь не место описывать операции войск Туркестанского фронта против басмачей и беспримерные подвиги наших войск…

Герат (а следовательно, и мы) находился как бы в тылу басмаческого фронта. Из Мешеда в Герат дорога лучше, удобнее и короче, чем, скажем, из Пешавера в Герат. Поэтому английская агентура в Туркестан шла по трем направлениям: из Кашгара через Памир, из Индии и из Персии. В английских справочниках говорилось: стратегическое значение Герата очевидно, поскольку здесь пересекаются все пути с Ближнего Востока (Иран), Индии, Бухары и Туркестана.

Афганское правительство, а также и большая часть афганской интеллигенции (правда, она была тогда весьма немногочисленной) ненавидели англичан. Да и весь народ хорошо помнил унижения, которым он подвергался, когда Афганистан был полуколонией англичан. Все английское вызывало гнев. Даже очень хорошая больница и аптека, устроенные англичанами в Герате, были опечатаны, и так называемая медицина «юнани» не признавалась. Вместо нее существовала «хаста-хана», где действовал «хаким», с окрашенной в огненный цвет бородой и огромным животом. У него в больничных палатах лежали на койках рядом: малярик, солдат с переломом нижней конечности и купец, заразившийся дизентерией.

Но англичане умели использовать любой промах афганской администрации. Поэтому ничего не было удивительного, что «врач»-мусульманин из Индии — английский секретный агент, имевший все европейские лекарства, пользовался большой популярностью у населения.

Наша амбулатория при генеральном консульстве лечила всех афганцев, приходивших туда, разумеется, бесплатно. Но, к сожалению, наш врач был мужчиной, да еще «кафиром», то есть неверным, и это отпугивало не только женщин, но и правоверных мусульман, и особенно крестьян. Зато муллы и ханы, стоявшие на страже ислама, охотно прибегали к его помощи, не опасаясь гнева пророка.

Однако неорганизованной ненависти населения к англичанам было недостаточно, чтобы бороться с их влиянием. Афганской администрации не хватало для этого опыта в руководстве и умения.

Враги Афганистана были, конечно, и нашими врагами. Английские агенты часто применяли одни и те же методы как против Афганистана, так и против нас. Если в советском государственном аппарате они выискивали буржуазных националистов и бывших членов «Улема» и «Шоури-ислама», а в кишлаках, горных и пограничных районах бывших ханов, беков, мулл и национальную торговую буржуазию, то в Афганистане они опирались на реакционное духовенство, ханов отдельных племен, торговую буржуазию, связанную с английским капиталом, и на некоторых придворных. В Афганистане они особенно интересовались племенами сулейман-хелей и дари-хелей, живших на границе с Индией, а в Восточной Бухаре — локайцами.

И все же, если английские интриги в Афганистане привели через несколько лет к длительной междоусобице и падению эмира Амануллы-хана, то в Советской Средней Азии они кончились полной неудачей. Басмачество было полностью ликвидировано, а все проанглийские контрреволюционные элементы уничтожены.

Основной просчет англичан заключался в непонимании ими главного: Советская власть непоколебима по своей природе.

Им казалось, будто басмаческие шайки терпят поражения потому, что это не регулярная армия. Они думали, что басмачам не хватает грамотного офицерского костяка и единой организации. Система работы англичан была построена так, что из руководящих центров в Пешавере, Кабуле, Мешеде и Кашгаре к руководителям басмачей то и дело ездили курьеры под видом купцов, связанных с кочующими племенами, бродячих дервишей и т. д. Сами англичане были совершенно неподкупны. Англичанин мог перейти на сторону противника по убеждению, но не за деньги. В этом была сила этого гордого народа, известная часть которого считала тогда, что Англия призвана управлять Востоком, а может быть, и всем миром. Но люди, которых использовали англичане, очень часто были продажны.

Такой купец, качаясь на спине верблюда сорок дней с зашитым в подкладку халата письмом и ожидая каждую ночь, что на караван могут напасть вазиры, афридии, ахмазаи, мангалы, джадраны, джемшиды или локайцы и тогда его душа несомненно отойдет к аллаху, думал: «В конце концов не так уже велика плата за провоз этого пакета. К тому же он исходит от неверных, и неизвестно, возьмет ли еще меня аллах в рай в случае смерти. Иншаллах! Пророк не рассердится, если я дам его прочесть русским за ту же плату. Притом с бумагой ничего не сделается, она останется такой же, как и была».

Он делал первый опыт и убеждался, что от этого ничего не изменилось. В конце концов это превращалось в привычку, которая давала доход.

ДЖЕМАЛЬ-ПАША

В Кабуле находилась большая группа турецких офицеров под руководством Ахмеда Джемаль-паши, бывшего морского министра, командовавшего турецкой армией в Сирии и на Арабском Востоке во время первой мировой войны.

Он был генерал-инспектором афганской армии и в значительной степени помог ее реорганизации. К Советскому правительству, так же как и к национально-освободительному движению, поднятому Кемаль-пашой в Анатолии, Джемаль-паша относился тогда вполне лояльно. Перед окончанием первой мировой войны и выездом Кемаль-паши в Анатолию он даже помог ему деньгами.

Почти одновременно с отъездом из Афганистана нашего посла Сурица Джемаль-паша со своими офицерами выехал из Кабула в Герат, чтобы через Советскую Россию проехать в восточные провинции Турции.

«Льва ислама» встречал весь город во главе с наместником и военным губернатором, со всеми высшими чиновниками и муллами. На огромной площади перед крепостью были выстроены войска для парада. В соответствии с полученными инструкциями выехал и я с несколькими сотрудниками. Кстати говоря, лошади нашей конюшни, участвовавшие в скачках, которые происходили в период «байрама», считались одними из лучших в городе. Это может, на первый взгляд, показаться странным. Афганца без лошади представить себе нельзя. Это — его лучшее достояние и гордость. Но страстная любовь к лошадям имела и обратную сторону. Обычно зажиточный афганец имел две лошади. Одну — обыкновенную, на которой он ездил каждый день, и другую — породистую, стоявшую в конюшне для парадных и праздничных выездов. Такая лошадь жирела в конюшне и постепенно теряла свои качества и выносливость. Вырвавшись вперед в начале скачек, она потом задыхалась и отставала от других. А наши лошади ежедневно проходили выездку на разных аллюрах. Приучались они также не пугаться выстрелов. Лошадь, на которой ездил я, называлась «кушкинская». Она выросла в крепости Кушка и настолько привыкла к орудийной и ружейной стрельбе, что совершенно на нее не реагировала.

Скороходы, дервиши и толпы фанатиков бежали впереди лошади, на которой ехал Джемаль-паша. За ним следовали его свита и целый кавалерийский полк. Поздоровавшись с ним, я, по его приглашению, поехал с левой стороны; с правой его

сопровождал военный губернатор. Как только он объехал войска, выстроенные на площади буквой «П», мы вместе с ним стали около ворот крепости, и части начали проходить мимо церемониальным маршем. Одновременно, прямо над нашими головами, раздался артиллерийский салют со стен крепости, и площадь заволокло дымом. Когда дым рассеялся, мы увидели, что «Лев ислама» исчез. Военный губернатор растерянно оглядывался вокруг. Войска под звуки оркестра и барабанного боя продолжали маршировать. Моя кушкинская лошадь стояла как вкопанная. Через несколько минут в воротах показался Джемаль-паша. Его коня вели под уздцы. Выяснилось, что этот великолепный карабаирский конь при первом же пушечном выстреле закусил удила и понесся в ворота крепости, чуть не сбросив всадника.

В тот же день Джемаль-паша приехал с визитом в генеральное консульство, сопровождаемый своими офицерами.

Это был человек среднего роста, широкоплечий, с крупным носом, небольшими карими, очень умными глазами, каштановой бородой и подстриженными усами, на вид лет пятидесяти. На нем были барашковая папаха и русская гимнастерка из тонкого сукна, с простым поясом, галифе из той же материи и черные сапоги. Он превосходно говорил по-французски. После нескольких общих фраз Джемаль обратил внимание на вошедшего по какому-то делу коменданта генерального консульства Петрова.

Петров, который раньше служил в Ташкентской школе красных командиров, имел без малого два метра росту, около ста килограммов веса, широченные плечи, румянец во всю щеку и такие усы и бороду, что все афганцы без исключения называли его, независимо от действительного его звания, «Джернель-саиб», то есть «господин генерал». Правда, на лошадь его приходилось подсаживать, но верхом он производил впечатление живого памятника.

— Какой красивый человек! — сказал Джемаль-паша и несколько отвел руку в сторону. Моментально его адъютант полковник Исмет-бей щелкнул золотым портсигаром, и сигарета как будто сама оказалась между пальцами паши. Другой адъютант поднес горящую спичку.

— Он не только красивый человек, но и прекрасный командир, — ответил я.

Демократизм Джемаля был демократизмом аристократа, привыкшего к большой власти.

Паша затянулся сигаретой «Вестминстер», посмотрел на голубые колечки дыма, тянувшиеся кверху, и сказал:

— Можно вам задать один вопрос?

— Прошу вас.

— Я беседовал с местным генерал-губернатором Мухаммед Сервар-ханом. Это человек прошлого века — эпохи Абдурахман-хана. Между тем он о вас отзывается с большой похвалой. Как же это вы, человек с коммунистическим мировоззрением, находите с ним общий язык?

— Очень просто. Мухаммед Сервар-хан имеет характер истинного афганца. Он бесконечно любит свою родину. Как-то он сказал, что, если бы ему пришлось уехать из Афганистана, он не прожил бы и нескольких часов. Далее, он никогда не хитрит, он прямолинеен, ясно отвечает на любой вопрос и выполняет обещания, если их дает. Наконец, Мухаммед Сервар очень хорошо понимает, что два таких соседних государства, как Афганистан и Советская Россия, должны поддерживать дружеские отношения — это обеспечивает его родине независимость. Все остальное меня не интересует. Внутренние дела Афганистана меня не касаются, и я имею на этот счет строгие инструкции: уважать строй государства, в котором нахожусь…

Джемаль-паша улыбнулся:

— Но реформы? Неужели вы не понимаете, что стране нужны реформы? Здесь же, в Гератской провинции, к ним даже не приступали.

— Видите ли, афганцы — трудолюбивый и талантливый народ. В жизни человека двадцать, тридцать, пятьдесят лет — большой срок, в истории государства это не так много. Я убежден, что лет через пятьдесят Афганистан в смысле благосостояния и прогресса догонит Турцию…

Он посмотрел на меня удивленными глазами.

— Вы говорите серьезно?

— Я в этом убежден…

Тогда Джемаль-паша перешел на другие темы и будто невзначай спросил, где сейчас находится Энвер-паша, заметив, что едва ли Кемаль-паше захочется, чтобы он вернулся назад в Турцию.

Я ответил, что не имею об этом ни малейшего представления.

ПОДГОТОВКА АНГЛИЧАНАМИ АВАНТЮРЫ ЭНВЕР-ПАШИ

Я действительно не имел тогда ни малейшего представления о том, где находится Энвер-паша. У нас были сведения о многих турецких офицерах. Большая часть тех, что находились в тот момент с Джемаль-пашой, была настроена просоветски, и Лев Вениаминович Никулин, который по своей должности в нашем Кабульском полпредстве общался с ними, составил о них такое мнение. Впоследствии некоторые из них, как, например, полковник Исмет-бей, хотя он и был родственником последнего султана, продолжали, прибыв в Турцию, поддерживать хорошие отношения с советскими представителями.

Но были и другие турецкие офицеры, еще до Октябрьской революции бежавшие из Туркестана к эмиру бухарскому и в Афганистан. Некоторые из них сразу примкнули к басмачам и стали их военными руководителями. Турецкие офицеры Али-бей, Риза-бей, Хасан-бей и другие пытались создать из басмачей ударные отряды.

Что касается Энвер-паши, то из триумвиров, правивших Турцией во время войны (Энвер-паша, Талаат-паша, Джемаль-паша) и возглавлявших партию «Единение и прогресс», он отличался самым безудержным авантюризмом. Ворвавшись 23 января 1913 года в Порту, Энвер-паша убил военного министра Назым-пашу, что привело к окончательному захвату власти Иттихадом. Во время войны, будучи главнокомандующим турецкими войсками и, кроме того, зятем султана и халифа[11], он выдвигал смелые, но нелепые проекты, вроде рейда на Сарыкамыш или создания армии Ыылдырым («молния»), которая должна была занять Ирак и Палестину. Проекты эти всегда кончались крахом. После военного разгрома Оттоманской империи Энвер-паша бежал в Советскую Россию и попросил убежища. Оно было ему предоставлено, но при условии отказа от политической деятельности.

Во время конгресса народов Востока в Баку он попросил огласить его воззвание к народам Востока. Ему разрешили это. Он обратился ко всем мусульманам с призывом бороться против колониального рабства, отметив при этом, что Советская Россия освободила народы на своей азиатской территории. Приблизительно в то же время Энвер-паша создал вместе с Назымом в Берлине «Мусульманское революционное общество», ставившее своей задачей панисламистскую пропаганду.

Энвериста заявляли, будто они ограничивают свою деятельность Афганистаном и Индией и не будут препятствовать Кемаль-паше в его борьбе с Англией и Антантой. Но ни название общества, ни его задачи нисколько не испугали англичан, ибо они уже давно научились использовать панисламистов для своих целей. Тогда же Энвер-паша выдвигал и другие планы вполне фантастического характера, вроде захвата Константинополя силами врангелевской армии или возведения Кемаль-паши на султанский престол. Его попытки проникнуть в Анатолию были признаны Ангорой нежелательными. И после этого след его на короткое время потерялся.

Хотя наша жизнь в Герате шла размеренным темпом, это вовсе не означало, что она была спокойной. Каждую неделю происходили какие-нибудь события.

Каджарская династия в Персии доживала последние дни. Хотя статья 6-я договора 1921 года предоставляла Советской России право ввести свои войска в Персию, если другая держава превратит ее в свою военную базу, но все-таки при слабости персидского правительства трудно было ожидать, что оно окажется в состоянии выполнить свои обязательства.

В Хоросане, граничащем с Гератской провинцией, вспыхнуло большое восстание под руководством полковника Мамед Таги-хана. После упорных боев его части, разбитые правительственными войсками, откатились к Герату и могли просочиться на нашу территорию. Вскоре затем целое арабское племя, совершив огромный переход, прорвалось в Гератскую провинцию из Ирака Бежавший в Кабул бухарский эмир Саид-Алим-Тюря-Джан с некоторого времени стал проявлять особую активность. Появились признаки того, что англичане всерьез принялись за организацию басмачей в Туркестане. Они решили создать из них «армию ислама», разработали «инструкцию по тактике», «по строевой и боевой подготовке». Из отдельных отрядов составлялись эскадроны, полки и бригады. В этих частях вводились форма и знаки различия по образцу турецкой армии. Для каждого района были поставлены определенные задачи.

В Афганистане, на базарах, в мечетях и чайханах, началась пропаганда «священной войны». Появились агенты, которые вербовали добровольцев-фанатиков, снабжали их деньгами и переправляли через границу. Обстановка осложнялась тем, что к концу 1921 года советские войска совсем были выведены из Восточной Бухары.

Важно отметить, что всю эту кампанию по подготовке контрреволюционного восстания в Бухаре вели те же самые

элементы, которые втайне агитировали против афганского правительства и проводимых им реформ, а впоследствии участвовали в мятеже, поднятом Бачис Сакао.

В Герате, как и в других афганских городах, существовали тайные притоны, где курили анашу[12]. Это, конечно, преследовалось, но как торговцы наркотиками, так и наркоманы умели скрываться от полиции.

В одном из таких притонов бухарец, проезжавший через Герат и сильно накурившийся анаши, уронил пакет. Что упало, то пропало. В пакете находилась записка, адресованная Ибрагим-беку, которого, убегая из Бухары, эмир назначил своим главнокомандующим.

В записке, между прочим, говорилось:

> «Готовьтесь и ждите. Скоро прибудет великий вождь, который возглавит армию ислама».

Один из турецких офицеров, работавших в Афганистане еще с немцами, был задержан при переходе советско-афганской границы. Он оказался членом «Союза установления халифата в Туркестане» — организации, состоявшей из турецких офицеров и имевшей отделения в Мерве, Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Коканде.

Мы знали, что дружественное афганское правительство поможет нам при всех обстоятельствах. Но обстановка складывалась так, что нельзя было не принять в соответствии с ней серьезных деловых решений. Во-первых, нужно было принять меры к тому, чтобы в случае прекращения дипкурьерской связи необходимая информация безотказно и быстро поступала в Кушку, через нее в Ташкент и Москву, а также и в полпредство в Кабуле. Во-вторых, в случае развертывания военных действий в Бухаре и других районах надо было обеспечить наши войска сведениями о местонахождении противника и его силах. В-третьих, следовало сделать так, чтобы открытие военных действий на границах не повлияло на наши дружеские отношения с Афганистаном.

ПЕРВЫЙ КИНООПЕРАТОР В АФГАНИСТАНЕ

В эти довольно тревожные дни разнеслись слухи, что наместник Мухаммед Сервар-хан будет смещен и на его место назначен министр полиции. Надо сказать, что на Востоке слухи значительно опережают события и, как правило, всегда соответствуют действительности. В последние недели правления Мухаммед Сервар-хана произошел комический эпизод, имеющий отношение к кинематографии или, вернее, к ее истории, поскольку это случилось почти сорок лет назад.

Дворец «Баги-Шахи», находившийся в нескольких верстах от города, был очень легкой конструкции: резные двери-окна придавали ему вид прозрачного сооружения; с его башен, балконов и крыши открывался незабываемый вид на рисовые поля, вода которых по ночам отражала лунный свет, на длинное шоссе, терявшееся между неясными силуэтами крепостных башен и стен, на дальние горы, где вечно белели снега. Все, что происходило на дороге, было видно издали. Всадник, мчавшийся быстро на арабском коне, человек, медленно подвигавшийся на ленивом осле, прохожий, шагавший в тени деревьев, длинной линией растянувшихся вдоль арыков, — все это, как в перископе, попадало в поле зрения всякого, кто смотрел из окна «Баги-Шахи» на длинную ленту шоссе.

Однажды заметили на дороге странную группу приближавшихся всадников.

Впереди на громадном карабаирском коне ехал очень маленький человек. За ним конвой окружал вьючную лошадь. Из вьюка торчали ножки какого-то аппарата. Человек оказался оператором Госкино товарищем Налетным и приехал делать съемки в Афганистане.

Никто никогда до него ничего не снимал в Афганистане. Не существует такой кинохроники, которая отражала бы природу, жизнь и быт тогдашнего Афганистана. Естественно, что там, где обычный карманный кодак вызывал расспросы и общее недоумение, в высшей степени непонятной и даже опасной должна была показаться машина на длинных ножках, у которой вертятся две ручки, издающие при этом странный звук, и не видно, для чего это, собственно, делается.

Товарищ Налетный был типичным боевым советским кинооператором, который привык снимать на фронтах гражданской войны, действуя в самой разнообразной обстановке. И в Афганистане он чувствовал себя так же, как в любом пункте Советской России, где нужно что-то снимать.

Его не удивляли ни странности афганского быта, ни тридцать пять дней езды верхом под палящим солнцем.

Ему отвели в саду маленький домик из одной комнаты. Там он и расположился со своим аппаратом, пленкой и маленьким багажом.

Прежде всего было заснято консульство. Затем Налетный отправился на базар. Его сопровождала громадная толпа, с изумлением следившая за этим нервным и крикливым человечком, неутомимо вертевшим две ручки у странного ящика. О таком удивительном явлении немедленно донесли начальнику полиции. А он с величайшим испугом сообщил о происшествии, последствия которого никто не мог предвидеть, Мухаммед Сервар-хану.

Наместник, выслушав подробный доклад «полис-реиси», призвал своего секретаря «мунши», имевшего славу умного и опытного человека, умевшего читать даже куфические надписи, и поручил ему выяснить все дело, узнав, «чего хочет человек с машиной».

Так как даже самые исполнительные чиновники не решались близко подходить к таинственному аппарату, то разговоры велись преимущественно тогда, когда оператор оставлял его в своем домике, превращаясь, таким образом, в простого смертного.

Усердно производя съемки, насколько позволяло небольшое количество пленки, которое находилось в распоряжении оператора, он как-то спрятал часть заснятой пленки в круглую металлическую коробку и положил ее между прочими вещами в своей комнате на пол, неподалеку от жестяного бидона с керосином. Дверь оставалась открытой.

При «Баги-Шахи» был громадный сад, вернее парк, с многочисленными цветочными полями, бассейнами и аллеями. В нем жили всякие дикие и полудикие твари: змеи, джейраны, очень большой горный орел-кондор с подрезанными крыльями. Он имел скверный, драчливый характер, и особенное бешенство вызывали в нем белые и блестящие цвета. Мы часто садились завтракать в саду. Если на ком-нибудь из нас были надеты белые брюки, то кондор очень ловко и бесшумно подбирался сзади к сидевшему и одним ударом крепкого кривого клюва разрывал брюки сверху донизу. Тогда пускались в ход стулья, палки и всякие другие предметы. Обращенный в бегство кондор удирал, смешно переваливаясь на ходу и взмахивая подрезанными крыльями.

Обычно он бродил весь день по саду и двору, а к ночи взбирался на свою любимую горку, выделяясь зловещим профилем на фоне белой стены.

Когда же случилось ему забрести в домик оператора, он сразу наткнулся на блестящий предмет — бидон с керосином. Усердно продолбив его в нескольких местах и устроив в комнате керосиновый потоп, кондор принялся за жестянку с пленкой и прорезал ее своим клювом, как ножом. Пленка была изорвана и, кроме того, вымочена в керосине.

Горю оператора не было предела: пропали его труд, его удачные снимки и пленка, которой было так мало. Приходилось начинать все снова.

Между тем возникли серьезные осложнения и с Мухаммед Серваром: он никак не хотел поверить, что мертвые, несуществующие люди могут двигаться на экране, как мы ни старались подробнейшим образом объяснить ему суть дела. Лучшим разъяснением послужил бы киносеанс. Но как его устроить? Электричества, конечно, в Герате не было. Доставить из Кушки по вьючным тропам кинопередвижку с мотором было очень нелегко. Однако мы решили сделать именно это.

С величайшими трудностями нам удалось достать и привезти по частям принадлежавшую какому-то политотделу кинопередвижку. С еще большими трудностями мы ее собрали, установили и устроили сеанс — первый в Афганистане. Следует отметить, что произошло это в такой момент, когда советская кинематография собственно еще и не родилась, а существовала лишь революционная кинохроника.

Вскоре оператор уехал в Кабул, заснял там ряд интереснейших эпизодов из жизни афганской столицы, в частности, торжества по случаю национального освобождения и, наконец, вернулся в Москву.

Крайне интересно, сохранились ли эти хроники 1921 года в архивах и демонстрировались ли они у нас?

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОССТАНИЕ ЭНВЕР-ПАШИ И ЕГО ГИБЕЛЬ

Новый генерал-губернатор прибыл в сопровождении пышной свиты, состоявшей почти исключительно из молодых офицеров. Это был вполне цивилизованный человек. Но не так-то легко оказалось ему войти в курс дела огромной пограничной провинции, в которой исторически (со времен Эюб-хана) сложилась некоторая оппозиционность к Кабулу и где с давних пор правил по древним обычаям Мухаммед Сервар-хан. Надо сказать: если Мухаммед Сервар-хан и не имел европейского образования, то обладал большим опытом и природным умом.

Одновременно со сменой генерал-губернатора в ноябре 1921 года появились первые сведения о том, что «великий вождь ислама» находится в Восточной Бухаре. Им оказался Энвер-паша. Очень быстро стало известно, что Энвер-паша объявил себя «верховным главнокомандующим всеми войсками Ислама, зятем халифа и наместником Магомета». Этот титул признал за ним в специальном фирмане, разосланном всем курбашам, находившийся в Кабуле эмир бухарский Саид-Алим-Тюря-Джан. В чем заключались планы Энвер-паши? Они были грандиозны и совершенно наивны. Ему казалось, что он сумеет создать султанат, который объединит мусульман Средней Азии и Кавказа в одно самостоятельное государство. Но, во-первых, трудящиеся мусульмане поддерживали Советскую власть, а, во-вторых, на страже их интересов стояла Красная Армия. Только сумасшедший мог поставить перед собой такую задачу.

Энвер-пашу, конечно, поддерживали англичане, которые уже испытали на себе силу Красной Армии. Чем же они руководствовались? Их соображения понятны из письма одного английского резидента другому:

> «Восточная Бухара представляет собой географически замкнутую, высокогорную местность, с очень узкими входными воротами, граничащую с Афганистаном, Индией и Кашгаром. Если Энверу удастся закрыть туда вход, объединить всех мусульман и организовать хорошую армию, то его легко будет снабжать извне. Вторым шагом может быть завоевание всей Бухары и Ферганы. Возникновение такого государства весьма повлияет на Афганистан. Турецкие офицеры, ханы и мусульманское духовенство

несомненно окажут ему содействие. В Бухаре еще осталось много чиновников бывшего эмира, которые восстановят администрацию…»

И вот была пущена в ход вся английская агентура. Конечно, англичане имели большой опыт в организации междоусобных войн и заговоров на Востоке. Но у Советской власти был не меньший опыт в раскрытии вражеских замыслов и подавлении контрреволюционных мятежей.

Вследствие того, что большая часть населения в пограничных афганских провинциях была неграмотна, бороться с разнузданной пропагандой английских агентов, распространявших самые дикие небылицы о том, что происходит в Бухаре и Советском Туркестане, было трудно. Помимо этого, английская агентура пыталась оказать давление на сотрудников советского генерального консульства, прибегая к довольно разбойничьим приемам.

Все мы совершали ежедневную прогулку верхом и по городу, и по окрестным дорогам. Иногда жены сотрудников ездили в экипаже. Однажды я и Аркадий Баратов ехали верхом по Кандагарской дороге. Она была довольно оживлена днем и пустела к вечеру. Мы попали на нее уже после заката солнца. Вдоль дороги тянулись сады и огороды, отделенные от нее глиняной стеной в метр или полтора высотой; то и дело встречались мелкие предприятия по окраске шелка — материи разных цветов висели на веревках в несколько рядов.

Мы ехали о чем-то разговаривая. Вдруг грянул выстрел, и ухо «кушкинской» лошади окрасилось кровью. Под Баратовым шел великолепный карабаирский конь Ширин. Мы живо повернули лошадей и увидели человека в белой одежде и чалме, державшего в руках еще дымившееся ружье.

Перескочив через стену, мы помчались по довольно длинному огороду. Но на нем были разбросаны шалаши и хибарки. В вечерних сумерках человек с ружьем пропал, точно сквозь землю провалился.

Случаи, подобные этому, имели место и в дальнейшем. Но мы не придавали им никакого значения и никому о них не заявляли.

Дипкурьерская связь с Кушкой почти прервалась. Между тем Энвер-паша из афганских перебежчиков создал ударный полк под командованием турецкого офицера Хасан-бея, полностью вооруженный английскими одиннадцатизарядными винтовками.

В Кара Су он созвал съезд мулл, ишанов и курбашей. Съезд

вынес несколько постановлений. Правоверным было запрещено принимать красноармейцев в свои дома, а также продавать им продукты или фураж. В каждый район направлялся главнокомандующий. Все способные носить оружие подлежали включению в басмаческие шайки. Непокорных ожидало наказание смертной казнью. Бывшие хакимы, беки и чиновники эмирата назначались на различные посты.

Поначалу Энвер-паша всерьез думал, что дело у него идет на лад. В письме, написанном на английском языке, он сообщал одному британскому агенту:

> «Сражения с русскими войсками продолжаются успешно для нас. Локайские дела к востоку от реки Вахш по справедливости хороши очень. Я прошу вас прислать мне этих 500 человек с некоторым количеством пулеметов… Пришлите мне, пожалуйста, патронов к винтовкам Дисермент (английские одиннадцатизарядные) и для новых русских ружей (трехлинейных). Я думаю, что русские не будут мне скоро помехой. Ваш *Энвер*».

Английские агенты снабжали Энвера оружием, обмундированием. Сам он располагал большими деньгами в русском золоте, в афганских рупиях и персидских туманах, выплачивая жалованье своим аскерам, подкупая нужных людей и закупая необходимое.

Английский агент писал ему:

> «Я получил ваше письмо и 30 тысяч рублей для того, чтобы заготовить одежду на 1200 солдат и 50 офицеров, и приложу все усилия для выполнения этого. Сообщите мне положение русских и вас самих».

Для вскрытия нарыва надо, чтобы он созрел.

В деле с Энвером требовалась некоторая выдержка. Следовало установить местоположение его главных сил, а также и основные направления, по которым они будут двигаться. Необходимо было взять на учет всех людей, от руководителей до рядовых, которые его поддерживали. Лихорадочная деятельность английской агентуры мешала ей соблюдать обычные правила конспирации. Это давало возможность выявить ее лучше.

Весной 1922 года командование Туркестанского фронта создало Бухарскую группу войск в составе 5-го Туркестанского стрелкового полка, 1-го Алайского и 2-го Гиссарского краснознаменных кавалерийских полков, 1-й Отдельной

Туркестанской кавалерийской бригады, 12-го Туркестанского стрелкового полка, Сводного мусульманского кавалерийского полка. Был усилен гарнизон крепости Кушка, приняты некоторые другие меры вдоль границы, чтобы не допускать перехода крупных банд с территории Афганистана.

Главнокомандующий вооруженными силами Советской республики Сергей Сергеевич Каменев посетил Кушку. После этого он выехал в Бухару для общего руководства военными действиями.

Афганское правительство сделало в свою очередь все возможное, чтобы энверовская авантюра не повлияла на его дружеские отношения с Советским государством. В частности, оно направило афганским гражданам, которых обманул и втянул в свои предприятия Энвер, следующее обращение:

> «Нам стало известно, что вы тайно переправились в некоторых местах через Дарью и присоединились к басмачам… Так как великие государства Россия, Афганистан, Бухара имеют старинную дружбу, то вам настоящим объявляется, что в течение 20 дней все переправившиеся через Дарью должны возвратиться в Афганистан, и тогда они получат прощение, имущество и жизни их будут им оставлены. Если же в течение 20 дней не явятся, то имущество, которое находится здесь, будет отобрано в казну, и жизни их будет грозить опасность, так как они будут судиться, как солдаты, за неисполнение приказа.
>
> Подлинное настоящее объявление украшено благословенной подписью господина военного министра Афганистана».

В итоге двухмесячных боев, в которых советские войска проявили удивительное мужество и высокое мастерство, все отряды Энвер-паши были разбиты, а сам он с остатками своих главных сил укрылся восточнее Бальджуана, в долине горной реки между Вахшским и Дарвазским хребтами.

Специальная маневренная группа наших войск окружила его в этом районе, и 4 августа Энвер-паша был убит в бою.

ПРОЩАНИЕ С АФГАНИСТАНОМ

В конце августа 1922 года я в последний раз поднялся по каменным ступеням на крышу дворца «Баги-Шахи». Передо мной, как на ладони, лежал Герат. Восемь минаретов, построенных Тамерланом, выложенных мозаикой, равной которой нет в мире, пятьсот лет отражают солнце на своей эмалевой поверхности. Рядом с ними, посреди зелени кедров, белеет мрамор ограды, окружающей могилу великого поэта Джами. От «Баги-Шахи» длинная дорога, прозванная в шутку «Елисейскими полями», ведет к старинной крепости, заключающей в себе базар, дворцы, канцелярии и казармы. Необозримое пространство вокруг испещрено белыми квадратами плоских крыш, утопающих в садах. На фоне синего неба сверкают вершины далеких снежных гор.

Огромное, величественное здание мечети «Джума Масджид», построенное Гиас-уд-Дином, выделяется своими куполами, минаретами и арками. Все ее галереи покрыты изумительными глазированными плитками зеленых и голубых цветов с арабскими надписями. В центральной галерее находится гигантский бронзовый котел, сделанный в эпоху Тимура. Здесь в правление Шахруха (1405—1447) и после него, при султане Байкара (1469—1506), помещалась академия книгоиздания, каллиграфии и искусства миниатюры, руководителем которой был великий художник-миниатюрист Бехзад. Если заглянуть на север, то в роще гигантских сосен, как бы охраняемая ими, находится «Газаргах Шариф» — усыпальница знаменитого богослова и философа Хазрата Ходжи Абдулы Ансари. Гигантское прямоугольное здание с высокой аркой отделано внутри сверху донизу редкими по красоте глазированными плитками с рисунками сложных орнаментов и цветов в стиле «хафтакалям». Эти рисунки создавали китайские, арабские и персидские художники. Наконец, виднеется еще одно куполообразное здание, облицованное снаружи плитками бирюзового цвета и белым мрамором, с высеченными надписями из корана. Это гробница Гохар Шад Аги — легендарной красавицы, жены султана Шахруха.

Самое здание дворца «Баги-Шахи» отделено от окружающего мира высокой крепостной стеной и густой зеленью парка. Когда-то Джами пел здесь свои стихи, восхищая посла Венецианской республики Амвросия Контарини, направлявшегося в Тэбриз к персидскому государю Узун-Гассану Белобаранному…

Я сошел вниз. Во дворе я увидел Льва Никулина и других

товарищей, тоже собравшихся в путь. Все мы — состав генерального консульства РСФСР — возвращались на родину, где нас ожидали другие назначения. Незадолго до этого отправились в путь и товарищи из полномочного представительства в Кабуле.

Мы работали здесь в то сложное время, когда Советская Россия, где недавно произошла революция, и Афганистан, только что завоевавший себе независимость, установили между собой дипломатические отношения. Эти отношения принимали все более дружеский характер, и теперь они вступили в новую фазу. Договор 1921 года должен был способствовать широкому развитию политических, экономических и культурных связей между двумя народами. И поэтому предстояла работа, несколько отличная от той, которой занимались мы, приехавшие сюда, как говорится, на пустое место. Период становления кончился, возникли новые задачи, и они требовали новых людей, иного опыта.

Двор, где проходили сборы, был заполнен лошадьми, на которых грузили яхтаны и поклажу. Красноармейцы подтягивали подпруги, выравнивали стремена, проверяли оружие. В последний раз риссальдар Худабаш-хан подал команду. Забил барабан, заиграли трубы, афганские солдаты взяли «на караул».

Мы сели на коней и выехали за ворота. Верные наши кони, как мы привыкли к ним за время пребывания в Афганистане! Ведь мы жили отрезанными от всего мира, и лошади были единственным средством связи с Кушкой, Кабулом и Мешедом. На них доставлялась дипломатическая почта, перевозились раненые и больные. Верхом, как того требовал обычай, мы ездили в город, к наместнику в гости и на официальные церемонии.

Большая гражданская война кончилась, но малая продолжалась у этих границ с неослабевающей силой. В Восточной Бухаре после гибели Энвер-паши англичане нашли ему преемника. Новым «главнокомандующим войсками ислама» объявил себя Селим-паша. Вооруженные джемшиды конными массами пересекали границу. Шайки басмачей бродили по Фергане. В Кабуле жил бывший эмир бухарский Алим-Сеид-Тюря-Джан, мечтавший о возвращении на престол. Из Кашгара английский агент Эссэртон, бывший царский консул Успенский и генерал Муханов переправляли через Памир и другими путями целые транспорты оружия в Бухару, Хиву и Фергану.

И наши воинские части, и их противники передвигались только на лошадях. Достоинства лошади — ее характер и ум, выносливость, боевой дух, быстрота — решали судьбу бойца или всадника, который вез секретную почту. Мы давно забыли, что такое автомобиль, поезд, дрезина, электричество, женщины с

открытыми лицами, вкус свинины или спиртные напитки, — все это стало для нас отвлеченными понятиями.

…Мы выехали за ворота. Перед «Баги-Шахи» выстроились оркестр и кавалерийский эскадрон. Пестрый караван вьючных лошадей, на которых были погружены чайхана, кухня, палатки, должен был сопровождать нас до границы. Мы проехали «Елисейские поля». Вот и крепость, с ее древними стенами и рвом. Огромные деревянные, обитые железом ворота, у которых стоят двое часовых в желтой, английского типа, форме и круглых шапках с гербом.

В крепости — дворец наместника. Я вспоминаю, как еще не так давно городом и всей провинцией управлял сердар Мухаммед Сервар-хан. Стопятилетний старик, полный, жизнерадостный, с вечной улыбкой на лице и ямочками на щеках, он всегда смеялся детским, беззаботным смехом. Смеялся, когда приговаривал разбойников к отсечению рук и ног; смеялся, приказывая прибить вороватого купца за ухо к двери лавки; смеялся, глядя на подаренную ему англичанами игрушку-клетку, в которой искусственные заводные канарейки пели, кивая головой, и, говорят, смеялся даже и тогда, когда через несколько лет эмир посадил его за неповиновение в тюрьму.

В его лице абсолютный деспотизм совмещался с исключительной для восточного правителя демократичностью. Судил он преимущественно за обедом или завтраком и, пробуя дыни, придумывал самые утонченные казни… Распоряжения, приказы, законы издавались на ходу — в гареме, за столом, на прогулке.

Обычно он сидел у окна на третьем этаже громадного старинного дворца, выкрашенного снаружи темно-коричневой краской, в маленькой комнате, где были только подушки и ковры, и смотрел во двор. Вся его одежда состояла из кальсон и белой афганской рубашки. Упитанное волосатое тело проглядывало из всех прорех. Перед наместником всегда стояли серебряный поднос с плевательницей и наполненный водой сосуд, в котором лежала запасная каучуковая челюсть.

Отсюда по всему дворцу разносился его веселый смех.

Бывало так, что из какого-нибудь дальнего района придет крестьянин, встанет во дворе под окном и ждет. Когда ему надоедало ждать, он протяжно кричал:

— Баба-Саиб!

Мухаммед Сервар немедленно высовывался из окна и звал крестьянина к себе. После весьма разнообразных и отвлеченных разговоров, вроде того, почему карабаирские кони хуже арабских, или воспоминаний, если крестьянин участвовал в войнах,

наместник переходил к делу. Решения он выносил немедленно. Если ему почему-либо казалось, что крестьянин виноват или врет, то над ним тут же производилась экзекуция — порка. Если же оказывались виновными чиновники, то такое же наказание постигало и их.

Принято считать, что все на Востоке медлительны и ленивы. Это совершенно неверно. Именно на Востоке можно увидеть действительно быстрое и точное выполнение распоряжений властей. Все делается тут же, на глазах у приказывающего. Представьте себе, что посылают гонца в город, до которого несколько дней езды. На ваших глазах гонец вскакивает на лошадь и исчезает вдали…

Чтобы иметь полное представление о Мухаммед Серваре и общем укладе жизни при дворе гератского наместника, нужно упомянуть и о почти сказочной консервативности наместника, — даже для Афганистана, каким он был тридцать восемь лет назад.

Наместник, например, не признавал артиллерии, считая, что лучше всего воевать палками, пращами и топорами. Он ничего не знал о других странах и городах мира. Один крупный турецкий политический деятель долго рассказывал ему о Константинополе, Берлине, Париже, Лондоне. Выслушав его, Мухаммед Сервар спросил:

— А Кабул — столицу Афганистана вы видели?.. Нет? Стало быть, вы ничего не видели.

Он не интересовался системами государственного управления в других странах. Когда один незадачливый переводчик, объясняя ему лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», упомянул о том, что все люди равны, он смеялся от души.

— Разве мог бог сделать всех людей равными?

Бога он понимал несколько иначе, чем это принято у мусульман. Ему думалось, что он, Мухаммед Сервар, имеет не меньшее право на непосредственное общение с богом, чем муллы, муфтии и другие представители духовенства. Когда однажды один из кади поспорил с ним, сославшись на соответствующие религиозные доктрины, Мухаммед Сервар велел его тут же выпороть. Когда бедного кади подвергали экзекуции, наместник приговаривал:

— Я сам знаю, что богу приятнее!..

Нечего и говорить, что все, связанное с европейской техникой, казалось ему непонятным, таинственным и опасным. Он укоризненно покачивал головой, рассматривая изображения автомобилей, машин, электрических приборов, потом выводил гостя во двор и, усадив его рядом с собой в кресло, приказывал

привести своих любимых арабских и карабаирских коней. Глядя на них, Мухаммед Сервар радостно улыбался и говорил:

— Машину можно купить, а где вы достанете таких лошадей?

А потом он сидел в саду, слушал певцов, которые под звуки тары напевали отрывки из «Шах-Намэ» Фирдоуси или из «Бехиристана», и вздыхал.

— Нет, никогда уже не будет таких поэтов!

Из его канцелярии на имя генерального консула приходили письма, начинавшиеся с обращения: «Нежному, изящному, грациозному, величественному (такому-то), да будет неизменной его великая слава!..»

Секретарь наместника, знаток арабского и персидского языков, внимательно следил, чтобы в дипломатической переписке не только тщательно соблюдалось титулование соответствующих лиц, но и полностью сохранялся стиль, унаследованный от времен газнийского султаната. Поэтому иногда вслед за высокопарными вступительными словами следовал такой текст:

> «Нашему высочеству, из донесения подчиненного нам командующего пограничными войсками, полковника Абдул Раим-хана, стало известно, что с территории вашего государства на территорию Высокого Независимого Афганистана проникли джемшиды в количестве около пятидесяти всадников и в районе Чильдухтарана похитили шесть баранов, две лошади и одну женщину, имеющую данного ей богом мужа. Таким образом, муж погружен в печаль, бараны и лошади исчезли. Дабы не омрачалась дружба между двумя Высокими государствами, наше высочество надеется, что вы, ваше превосходительство, отдадите приказание вашим храбрым и славным войскам изловить и наказать виновных, а женщину, лошадей и баранов вернуть нашему пограничному начальнику.
>
> Поручаю вас богу…»

Теперь Мухаммед Сервар-хана сменил новый наместник, молодой генерал, получивший европейское образование и призванный осуществить реформы в провинции.

Для всех знатных путешественников, въезжавших в Герат или выезжавших из него, считалось обязательным сделать остановку в парке, у могилы Джами. Местные афганские власти здесь же устраивали официальные встречи и проводы.

Огромная надгробная мраморная плита лежит на возвышении и окружена ажурной оградой, которая издали кажется почти прозрачной. Поднявшись по ступеням, посетитель

через маленькую дверь в стене проходит в аллею старинных кедров. Эта аллея, или, вернее, целый парк, закрытый со всех сторон, располагает к сосредоточенному уединению. И действительно, здесь повсюду видны фигуры людей, задумчиво сидящих под тенью огромных старых деревьев. Можно легко представить себе, что когда-то это место было убежищем философов и ареной поэтических соревнований.

Многочисленная персидская колония очень заботливо относится к этому парку. Пожалуй, ни у одного народа нет такой склонности к поэтическому творчеству, как у персов, и трудно сказать, кто еще так хорошо знает и так горячо любит своих поэтов, как они.

Поэтому мы не удивлялись, когда часто заставали здесь персидского консула Мухаммуль-Мулька, окруженного толпой местной шиитской интеллигенции, за чтением вслух стихов Джами, Саади, Гафиза и Омара Хайяма.

Мы спешились. У входа в парк нас встретил новый генерал-губернатор, красивый, полный, выхоленный мужчина. Генеральский мундир сидел на нем отлично. Я вспомнил старика Мухаммед Сервара в парадном красном мундире времен королевы Виктории, с огромной звездой, напоминавшей серебряную тарелку, в белых штанах, которые висели складками, и в большой каске с перьями. Опираясь на золотую саблю, старик тоскливо оглядывался вокруг, мечтая о том часе, когда он сможет снова надеть простую рубаху, штаны, туфли на босу ногу и улечься на свои подушки и ковры.

Новый наместник на отличном английском языке сказал нам несколько напутственных фраз, мы выпили по чашке зеленого чая и тронулись дальше. И вот мы уже среди гор, снежные вершины которых окутаны туманом, а подножия скрываются в буйной зелени цветущих деревьев.

Дорога становится все у́же, круто спускаясь к ложбине бурной реки. Лошадь подо мной осторожно перебирает ногами и вздрагивает, когда мелкие камни катятся вниз.

Караван вытянулся в длинную цепочку. Теперь он двигается по узкому берегу реки, которая с грохотом, в пене летит вперед, как будто перескакивая через камни. Высокие горы поднимаются над нами. На противоположном берегу среди скал показались три всадника в чалмах и темно-синих куртках, перекрещенных пулеметными лентами, с карабинами за спиной. Позади виден четвертый, с трехугольным значком племени на древке. Всадники медленно снимают карабины. Слышится гортанная команда — солдаты все, как один, берут винтовки на руку и щелкают затворами. Погонщики соскакивают и хватают вьючных лошадей

за узду. Но никто ни в кого не стреляет. Передовые лошади вырываются из ущелья на широкую дорогу, а вслед за ними спешат остальные.

К вечеру мы прибыли в Чильдухтаран. Открылись ворота рабата, окруженного высокой глинобитной стеной, появился афганский караул, заиграла труба, рассыпалась барабанная дробь. Во дворе вокруг костров сидели люди, стояли вьючные лошади, верблюды. Под навесами работали кухня и чайхана. По всему двору бегали слуги в белых штанах, туфлях с загнутыми носами и чалмах, концы которых развевались по воздуху. Приезжим разносили шашлык, плов и пиалы с чаем.

После ужина мы вышли во двор. Среди большой толпы паломников, направлявшихся в Мекку, играл оркестр бродячих музыкантов и танцевал «бача» — мальчик с завитыми волосами, подкрашенными глазами, одетый в женское платье.

Комары тучами вились вокруг костров, осаждая людей. Накомарники и перчатки не спасали — комары пробирались за ворот, влезали в рукава, жалили сквозь тонкую материю, из которой была сшита одежда.

В Герате, в генеральном консульстве, принимались строгие меры по борьбе с малярией. Все спали под специальными сетками, которые натягивались на рамы, прикрепленные к кроватям. Как только жара спадала, закрывали окна и двери. Прислуга должна была следить, чтобы комары не проникали в здание. Для сотрудников в профилактических целях был установлен режим приема хинина, акрихина и плазмоцида. Наши врачи очень хорошо изучили «плазмодия фальципарум» — свирепого комара, распространителя тропической малярии. Эта болезнь с ее тифозной, дизентерийной, легочной и коматозной формами часто протекала так бурно, что больной умирал в первые же сутки.

Но в тот вечер в Чильдухтаране, несмотря на обилие комаров, мы не думали обо всех этих неприятных вещах.

Удивительны афганские ночи! Темное небо кажется особенно низким, огромные звезды сияют на нем ярко, воздух свеж и легок, а запах цветов и растений пьянит, как вино. Далеко в ночной тишине раздаются нежные звуки тары и одинокий голос певца…

Я прислушиваюсь к словам. Почти тысячу лет назад Омар Хайям написал эти строки:

Мой друг, о завтрашнем заботиться не след:
Будь рад, что нынче нам сияет солнца свет.
Ведь завтра мы навек уйдем и вмиг нагоним тех,
Которые до нас ушли за восемь тысяч лет.

Много веков фаталистическая покорность судьбе воспевалась поэтами и проповедовалась муллами. Она помогла колонизаторам овладеть Востоком. Теперь от нее не осталось и следа, разве что только в песнях…

На другой день мы приехали в Кушку. Странно было видеть на улицах молодых женщин в коротких платьях и с открытыми лицами, усаживаться в настоящий автомобиль, слышать паровозные свистки и отдаленный грохот уходившего на север поезда. Живые поросята — совершенно невиданные в Афганистане животные, — весело хрюкая, бежали за свиньей в подворотню. Но еще более удивительной казалась окружающая жизнь. Приближаясь к Ташкенту, мы все больше погружались в обстановку нэпа, который в Туркестане, если можно так выразиться, расцвел в самых экзотических формах. Торговали все — русские, узбеки, таджики, туркмены, бухарцы, торговали чем попало и где попало. В поездах и на станциях, в степи и в маленьких городах на каждом углу торчали шашлычные, чайханы, закусочные, увеселительные заведения. Двери их были открыты, и оттуда доносились звуки музыки и пряные запахи восточных блюд.

В Ташкент мы прибыли вечером и остановились в гостинице «Регина». В соседнем ресторане пели скрипки, на улице весело звенели голоса прохожих, рысаки, храпя и роняя пену, с громом катили извозчичьи коляски.

Я чувствовал себя физически плохо, и на душе было невесело. Я лег. Утром мне стало совсем скверно, и я уже не мог подняться с постели. То, чего в течение почти двух лет мне удавалось избежать в Афганистане, случилось при выезде из страны — в Чильдухтаране мы заразились тропической малярией.

Трудно описать, что испытывает человек, когда ему вливают хинный раствор в вену. Сначала нарастает шум в ушах, похожий на звон колокольчиков, потом какой-то молот начинает ударять в виски, в глазах мелькают искры, все кружится. Наконец, появляется ощущение, будто кровь закипает, как расплавленный металл. И так до тех пор, пока не теряешь сознание… Прошло тридцать восемь лет, а я еще не забыл этих мучений.

Г. В. ЧИЧЕРИН

Через две недели я подъезжал к Москве. Я был черен от загара, слаб, приступы малярии повторялись через каждые три — четыре дня.

В первое же мое посещение Наркоминдела маленький, подвижной Б. И. Канторович сообщил мне, что товарищ Чичерин несколько раз спрашивал, прибыл ли я. М. М. Славуцкий предупредил меня, что я должен быть готов явиться к наркому в любой момент по телефонному звонку. Впрочем, добавил он, Георгий Васильевич работает ночью, так что вызов, вероятнее всего, будет после одиннадцати — двенадцати часов.

Однажды Владимир Ильич Ленин, узнав, что Чичерин устраивает ночные заседания, которые продолжаются до четырех — пяти часов утра, послал к нему наркомздрава Н. А. Семашко.

Семашко приехал к Георгию Васильевичу и начал доказывать, что работать нужно днем, а ночью спать.

Внимательно его выслушав, Чичерин сказал, что это — не научная точка зрения. Работать нужно именно ночью, когда никто не мешает, а днем — спать. В качестве доказательства он продемонстрировал книгу о пении петухов, из которой явствовало, что петух начинает бодрствовать и петь в два часа ночи.

Семашко не смог убедить Чичерина. Он доложил об этом разговоре Владимиру Ильичу.

Через несколько дней было вынесено постановление ЦК: запретить Г. В. Чичерину устраивать заседания коллегии после часа ночи.

Получив постановление, Георгий Васильевич подчеркнул красным карандашом слова: «заседания коллегии», как бы давая понять, что к нему лично постановление не относится.

Я ходил по улицам, смотрел и думал: откуда вылезли эти раскормленные дамы и жгучие брюнеты, крикливо одетые, которые на всех углах торгуют воздухом, товарами и любой валютой.

Как обычно перед приступами малярии, стучало в висках, билось сердце, нарастало какое-то внутреннее раздражение.

Я был одет в английский дорожный костюм и сапоги с пряжками — в Герате трудно было достать обычную европейскую одежду. Да, кроме того, в дороге и для езды верхом такая была удобнее.

На углу Столешникова переулка ко мне подбежал высокий,

полный, выхоленный мужчина в модном пальто и шляпе, сдвинутой на затылок.

— Покупаю английские фунты на червонцы…

Я ускорил шаг. Он не отставал.

— Не хотите червонцев, можно на золотые десятки. Я куплю сто, пятьсот, тысячу фунтов…

Наконец, решив, что я не понимаю по-русски, он повторил свое предложение по-английски:

— Ай уонт ту бай эм инглиш паунд…

Я посмотрел на него и увидел трупы красноармейцев, изрезанных дроздовцами на куски под Сумами, Бобровицкого, умиравшего в камере Минской тюрьмы, Ясикевича, лежавшего на нарах в «Повонзках» и харкавшего кровью, наших пленных, впряженных вместо лошадей в фуру и возивших камни в лагере Дембью, Юлусова, захороненного на афганской земле. В молодости я был сильным человеком и страдал иногда приступами бешеного гнева. Я вдруг схватил этого толстяка за галстук, повторяя довольно бессмысленную фразу:

— Так тебе нужны английские фунты, обязательно английские фунты…

Прохожие остановились. Появился милиционер.

— Ваши документы?

Я вручил ему красную книжку с золотым гербом. Он начал читать вслух…

— …«Объявляется всем и каждому о том…»

Потом вытянулся, отдал честь и сказал:

— Покупка и продажа валюты по закону разрешаются…

Я почувствовал слабость, тоску, безразличие…

В гостинице «Княжий двор» было тихо. В маленьком ресторане седые официанты, шепотом разговаривая между собой, бесшумно накрывали столы к обеду. По коридору, скрипя ботинками, важно прошел высокий пожилой немец, в тугом накрахмаленном воротничке и черном галстуке.

Поздно вечером позвонил Канторович: Георгий Васильевич ждет к одиннадцати часам…

В комнате не было никого, кроме Канторовича, который перебирал бумаги и, когда звонил телефон, разговаривал, прикрыв трубку рукой.

На его столе вспыхнула лампочка, и он исчез за высокой двойной дверью. Через минуту вернулся:

— Вас.

Большая, ярко освещенная комната напоминала то ли библиотеку, то ли кабинет архивариуса или ученого. Огромный письменный стол был завален бумагами, газетами на всех языках,

книгами и папками. Книги валялись на креслах и на диване, громоздились в шкафах. Передо мной стоял человек, закутанный шарфом, среднего роста, с красным носом, маленькими пронзительными карими глазами, бородкой и усами, и смотрел на меня поверх очков. Тонким голосом он сказал, указывая на кресло:

— Садитесь.

Некоторое время он продолжал меня рассматривать поверх очков, потом закрыл глаза, открыл их и заговорил:

— Советская внешняя политика должна рассматривать мировые события в их перспективе. Вы видели, с каким мужеством афганский народ боролся за свою независимость и завоевал ее. Теперь национально-освободительное движение охватило Турцию. Союзники — Англия, Франция, Америка, Греция — заставили султана подписать Мудросское перемирие. Фактически они разделили Турцию между собой и оккупировали Константинополь. Кемаль-паша сражается с войсками султана и Антанты, стремясь восстановить независимость Турции. Мы сочувствуем турецкому народу. Мы помогаем ему оружием, деньгами и другими средствами. Греческий флот вошел в Самсунский порт и обстрелял город, а заодно и наше консульство. В Трапезунде и Самсуне стоят американские контрминоносцы. Вы поедете в восточные провинции Турции — в Карс для осуществления Карсского договора. В Карсе, Эрзеруме, Сарыкамыше, Битлисе, Ване находится много пушек, снарядов и другого военного имущества, оставленного русской армией после мировой войны. Вы примете меры, чтобы все это через Батум и Самсун могло быть переправлено в Ангору, Кемаль-паше. В Сарыкамыше находится Кязим Карабекир-паша, свяжитесь с ним.

Чичерин встал, прошелся по кабинету, и его карие, птичьи глаза приняли стальной оттенок. Он круто повернулся и остановился передо мной:

— Как вы думаете, что такое советский дипломат?

— Это коммунист, которому поручено защищать честь, достоинство и интересы Советского государства.

Георгий Васильевич посмотрел на меня и заговорил каким-то особенно звонким голосом:

— На Востоке это прежде всего друг угнетенных народов. Национальное освобождение народов Востока не ограничится одной Турцией. Пройдут годы, может быть, десятилетия, и оно охватит народы Азии и Африки. Это неизбежно. Вся наша политика на Востоке должна исходить из этого основного положения…

Потом, как бы раздумывая, он добавил:

— Это не исключает, конечно, того, что в течение определенного исторического отрезка времени в той или иной стране капиталистические державы могут еще ставить у власти нужных им людей. Даже в самой Турции, среди национальной буржуазии, особенно в портовых городах, и среди деятелей, окружающих Кемаль-пашу, имеются люди западной ориентации, которым курс Кемаль-паши не очень нравится. Возьмите такие фигуры, как Бекир Сами-бей, Реуф-бей, Рефет-паша, Аднан-бей. Сейчас, когда на фронте у Кемаль-паши длительное затишье и обе стороны готовятся к решительной схватке, интриги англо-французов могут дать самые неожиданные результаты. Это, однако, не меняет основного положения: мы будем верными друзьями Турции в ее справедливой борьбе за национальную независимость. Вы познакомились со всеми материалами?

Я ответил, что не получал такого приказания.

— Указания будут даны. Старайтесь изучать первоисточники. Для этого, конечно, нужно знать языки…

Он задумался.

— Вот меня сейчас интересует проблема Палестины. Приходится изучать древнееврейский язык. Я уже читаю на нем довольно свободно. Кстати, вы получили классическое образование?

— Да, я учился в классической гимназии.

— Гм… А кого вы предпочитаете из римских поэтов?

— Публия Овидия Назона.

Он наклонил голову несколько вбок, и круглый глаз его блеснул, как у птицы…

— Гм… Действительно, в «хорум поэтарум» первого десятилетия нашей эры он считался королем. Участь Овидия Назона была печальна. Благодаря интригам он был объявлен «обсцени доктор адультерии» и сослан Октавианом Августом в Добруджу. Вы помните эпитафию, написанную им самому себе?

И он прочитал нараспев и несколько картавя:

Здесь почиет Овидий, нежной
Страсти певец печальный.
Здесь несчастный страдалец
Забыт — погубил его собственный дар.
Путник! Если ты в жизни
Своей хоть однажды изведал любовь,
Не колеблясь, скажи: «О Назон!
Пусть останки твои мирно спят!»

Он встал. Я откланялся. Провожая меня, на пороге он

повторил:

— Основное — это то, что мы хотим иметь дружественную, сильную и независимую Турцию. Нам не нужны никакие территориальные приобретения или экономические выгоды. Мы несем большие жертвы, чтобы помочь Кемаль-паше в его справедливой борьбе. Ни с одним государством, даже с Германией — своим основным противником, Англия, Франция и Америка не поступили так жестоко, как с Турцией: они захватили Константинополь, расчленили страну на части, фактически превратили ее в свою колонию. Турецкий народ может теперь убедиться, что Советский Союз его единственный друг в беде.

У Георгия Васильевича было много странностей. Он стеснялся женщин и старался не пользоваться их услугами, был замкнут, чрезвычайно не любил публичных выступлений, всякого рода банкетов и торжественных церемоний. И не потому, что терялся в так называемом «светском обществе». Он не любил суеты и внешнего блеска. Член партии с 1905 года, он по безукоризненному знанию множества языков и, можно сказать, сверхъестественной культуре был фигурой совершенно необычайной.

У Г. В. Чичерина была редкая для большевика биография. Он происходил из традиционно-либеральной, старинной дворянской семьи. Отец его был дипломатом. Чичерин воспитывался в замкнутой аристократической среде и с детства увлекался историческими книгами. В частности, он чрезвычайно любил читать и перечитывать хранившиеся у матери дипломатические документы и мирные трактаты. Он играл с гувернанткой в игру, которую сам придумал: оба брали одинаковое число мячиков, бросали их на пол и стремились подобрать их. Кто подберет больше, считался выигравшим большое или малое сражение. На столе лежал открытый атлас, причем игроки изображали собой два определенных государства; после каждого сражения на карте отмечалось, куда передвинулись армии воюющих стран, пока одна не доходила до столицы другой; тогда Чичерин садился писать по всем правилам мирный трактат с уступкой победителю нескольких провинций. Лишенный естественной среды, мучительно оторванный от жизни, семи-восьмилетний Чичерин проводил часы за часами у своего столика, читая исторические книги или оставшиеся у матери документы прошлого, составляя по энциклопедическим словарям списки византийских императоров или римских пап.

Переехав в Петербург и поступив там на историко-филологический факультет, Чичерин продолжал жить в

замкнутой среде дворянских семейств, наследственно связанных с дипломатической службой.

Однако, когда он столкнулся с реальной жизнью, то стал переживать острые внутренние мучения. Он писал в своей автобиографии:

> «Ужасы жизни городской бедноты произвели на меня подавляющее впечатление».

Чичерин почувствовал отвращение к царизму и к созданному им строю угнетения народных масс.

Закончив в 1896 году свое образование, он, к «ужасу высокопоставленных родственников», отказался от очень выгодных дипломатических назначений и поступил в архив министерства иностранных дел, «желая быть подальше от практической деятельности государственного аппарата царизма». Начальником его оказался известный специалист по истории международных отношений Н. П. Павлов-Сильванский, с которым Чичерин сблизился. Так как уже в то время Чичерин считался удивительным по своей эрудиции человеком, то ему поручили написать «Историю Российского министерства иностранных дел» со времени основания посольского приказа. Для этого он детально изучил всю историю внешней политики России. В то же время Чичерин устанавливал связи с революционными социал-демократическими кругами. Выполняя ряд поручений, он чуть было не попал под арест, но министерство внутренних дел поначалу не хотело верить, что человек такого происхождения и положения может быть связан с революционными кругами. Воспользовавшись этим и избежав ареста, Чичерин уехал за границу, в течение некоторого времени ему удавалось пересылать через аппарат министерства иностранных дел революционную литературу из-за границы.

Однако вскоре Н. П. Павлов-Сильванский сообщил Чичерину, что охранке удалось раскрыть его деятельность, что на него обращено особое внимание правительства и по возвращении в Россию он будет немедленно арестован. В 1905 году Чичерин вступил в РСДРП.

Кроме В. И. Ленина, большое влияние оказывал на Чичерина Карл Либкнехт, с которым у него возникла личная дружба. Из Парижа, где он постоянно жил, Чичерин переехал в Лондон. Там у него создались близкие связи с левым крылом британской социал-демократической партии. После Февральской революции Чичерин, бывший тогда секретарем Лондонской организации большевиков и руководивший организацией отправки их в Россию, вступил в борьбу с представителями Временного

правительства. Английское правительство арестовало Чичерина и заключило в Брикстонскую тюрьму. Тогда Советское правительство задержало английского посла в России Д. Бьюкенена и в 1918 году обменяло его на Чичерина.

После бездарного и тупого царского министра иностранных дел Сазонова, после министров Временного правительства — Милюкова, который, несмотря на свой ум и эрудицию, трепетно благоговел перед английской аристократией, после сахарозаводчика Терещенко, красившего ногти в малиновый цвет и принимавшего дипломатов у себя дома в ярчайших бухарских халатах, представителям капиталистических стран пришлось столкнуться с первым народным комиссаром иностранных дел Советского государства. Даже такие опытные дипломаты, прирожденные аристократы, как граф Брокдорф-Ранцау или лорд Керзон, чувствовали себя не очень уверенно, имея дело с Чичериным, который соединял в себе свойства, крайне редко совмещающиеся в одном человеке.

Чичерин обладал удивительной памятью, знал без всяких справочников историю международных отношений, начиная с древнейших времен, был изысканно вежлив и по своему происхождению стоял гораздо выше тех дипломатов послеверсальского периода, многие из которых вышли из биржевых контор или сомнительных акционерных предприятий.

Георгий Васильевич любил иногда подшутить над теми политическими лидерами капиталистических стран, которые думали, что министр коммунистической страны — это нечто вроде плакатного большевика (как его изображали в западных газетах), в солдатской папахе, с ножом в руке, который стоит у трупа поверженного капиталиста во фраке, наступив сапогом на его блестящий цилиндр.

Вскоре после заключения Брестского мира с панской Польшей полпредом в Варшаву был назначен старый большевик Леонид Леонидович Оболенский. Это был уже пожилой мужчина, высокий, полный, представительный, с выхоленной бородой, солидным животом, барскими замашками, с большими карими навыкат глазами, великолепный знаток музыки, живописи и, по слабости человеческой, любитель поесть, да к тому же еще и давно истосковавшийся по тонким блюдам. Прибыв в «Римский отель», где преимущественно останавливались польские помещики, и переодевшись, Оболенский торжественно проследовал в ресторан. «Вельможные паны» все, как один, повернулись, рассматривая представителя большевиков. Оболенский рассеянно оглядел шляхтичей, сидевших за столом, и вдруг взгляд его оживился. Он увидел того, кто был ему нужен —

метрдотеля. Знак рукой, и тот склонился над его плечом. Леонид Леонидович оправил бороду, выпрямил широкие плечи, поглядел большими, карими очами в окно и сказал ему:

— Сегодня покушал бы я перепелов, только крылышки надо подать отдельно, поджарив их в сухарях. До этого приготовьте навагу с цитронами. Перед навагой съел бы я паштет с трюфелями и немного икры черной, только чтобы зерно было крупное. Подавать ее нужно на льду, сверху посыпать зеленым луком. Если есть крупный редис, принесите, только его нужно разрезать, в серединку — масло, сверху — пудра из соли. Ну и мелочь еще всякую поставьте: грибки белые, огурчики, салат свежий без яиц. Фаршированные яйца подадите отдельно, кильку маринованную, только без головы, польете ее сверху соусом из вареного уксуса с лавровым листом, обложите каперсами. Да к той кильке подадите польскую старку, только настоящую, а не ту, что подделывают в «Наливках»…

Уже давно вельможные паны, сидевшие за соседними столиками над чашкой кофе или рюмкой наливки, с почтительным недоумением прислушивались к тому, что говорил советский посол. Все это никак не связывалось с их представлением о «большевицах», какими их изображала правительственная пропаганда буржуазной Польши. Такой завтрак мог заказать только «грабя»[13]; к тому же усы, борода, внешность, сама фамилия — Оболенский — все говорило о том, что «пан амбасадор» был наишляхетского происхождения.

Что же касается самого Леонида Леонидовича, то он, заложив салфетку за жилет, принялся за дело, изредка поглядывая не без лукавства на соседей.

Вскоре, проездом в Берлин, Чичерин остановился на несколько дней в Варшаве, и его пригласили ознакомиться в числе прочих достопримечательностей города с национальной галереей. Директор этого музея, видный пан, получивший этот пост по протекции одного из всемогущих «полковников» из окружения Пилсудского, во фраке и с цилиндром в руках, на плохом французском языке давал объяснения. Чичерин посматривал на него близорукими птичьими глазами поверх очков, а Оболенский поглаживал свою пышную бороду.

И Чичерин и Оболенский были первоклассными знатоками музыки и превосходными пианистами. Но Чичерин был влюблен в Моцарта, а Оболенский — в Бетховена. Накануне между ними произошел спор по музыкальным вопросам, и польская обслуга «Римского отеля», разумеется, внимательно за ними следившая, оказалась в полной растерянности, когда из апартаментов «пана амбасадора», где находился и «пан министр», полились,

перемежаясь с громкими голосами спорящих, бурные звуки разыгрываемых на рояле музыкальных пьес. Какой нужно было из этого сделать вывод, никто не знал. Итак, директор музея, указывая на одну из картин, продолжал:

— Здесь пан министр может видеть две работы знаменитого испанского живописца Франциско Гойи — «Портрет знатной дамы» и офорт «Тореадоры»…

Георгий Васильевич взглянул на него, потом внимательно посмотрел на картины и своим высоким голосом вдруг произнес на превосходном французском языке:

— Вы ошибаетесь, господин директор: этот портрет не подлинник, а копия с картины Гойи, сделанная, надо думать, после смерти художника одним из его учеников. Подлинник — в мадридском музее Дель-Прадо. Что касается офорта, то и это тоже очень хорошая копия. Почти вся серия Гойи «Тореадорство со времен Сида», написанная им в тысяча восемьсот первом году и состоящая из тридцати листов, находится во дворце герцога Альбы… Впрочем, герцог мало интересуется картинами, он собирает коллекцию перчаток…

После этого наступила некоторая пауза. И пан директор уже молча повел гостей в остальные залы…

В ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ ТУРЦИИ

Дорога от Тифлиса до Александрополя (Ленинакана) запомнилась мне на всю жизнь. Водопады, рассыпающиеся алмазной пеной у подножия гор, снежные вершины Арарата, живописные долины, в которых пасутся стада тучнейшего скота — подобное можно встретить и в других горных странах. Но в Армении этот пейзаж сочнее, богаче красками, и солнце здесь совершенно необыкновенное — щедрое, южное солнце, озаряющее все своими благостными, ослепительными лучами.

Карс, как и Кушка, до революции был городом-крепостью, где господствовала замкнутая офицерская каста и все подчинялось обиходу гарнизонной службы. Купцы, ремесленники обслуживали военных и окружающие крепость русские поселения. Царское правительство целыми деревнями выселяло сюда сектантов — молокан, духоборов, прыгунов, субботников, хлыстов, скопцов.

Когда Турция потерпела поражение в первой мировой войне, а солдаты русской армии после Октябрьской революции устремились по домам, младотурки успели организовать так называемое «Юго-западное правительство». Оно сформировало добровольческие турецкие части и захватило Карс, Ардаган, Артвин. Но англичане быстро проникли на Кавказ и вместе с американцами стали помогать дашнакской Армении, мусаватскому Азербайджану и меньшевистской Грузии. Они арестовали в Карсе членов «Юго-западного правительства» и отправили их на Мальту. Дашнаки вступили в Карс, а грузинские меньшевики заняли Ардаган и Артвин. С началом национально-освободительного движения в Турции кемалисты, взявшие в свои руки армию, разбили и тех и других и заняли даже Александрополь. Одновременно дашнаки ввязались в кровопролитную войну с мусаватистским Азербайджаном. Тогда обессиленная Армения подписала в 1920 году мирный договор и приняла крайне тяжелые условия: у нее осталось фактически всего два уезда. Но вот в Закавказье установилась Советская власть. Несправедливый договор был отменен, и границы исправлены. Однако Карс, Ардаган и Артвин остались у кемалистов. По Карсскому договору 1921 года русские, армяне, грузины и азербайджанцы должны были переселиться из района трех названных городов на советскую территорию, а турки, вернув Александрополь, выселиться из советских закавказских республик в Турцию. Разумеется, переселение это производилось на добровольных началах.

В связи с этим я должен был объехать Карсский район и

побывать во всех селениях, где жили сектанты.

Вначале я не мог понять, почему военные столкновения между турками, с одной стороны, армянами и грузинами — с другой, не затронули русских деревень. Вот что оказалось.

Молокане, убеждения которых строго запрещали употребление мяса, спиртных напитков, курение табака, никогда не служили в армии. Теперь же, пользуясь тем, что целые части царской армии после революции бросили фронт, руководители молокан сумели скупить большое количество винтовок, патронов и пулеметов. Они приобрели даже легкие орудия и снаряды к ним, передвижные электростанции, прожекторы, телефонное оборудование, саперный инструмент, санитарное имущество.

Наставники многочисленных общин, до этого строго внушавшие сектантам отказываться от военной службы и не присягать царю, приняли новое решение: «духовные христиане» должны были защищать свою «землю обетованную». Эти же наставники, соединявшие в себе русскую сметку с американской деловитостью и религиозным фанатизмом, очень быстро подыскали в Александрополе и Карсе военных инструкторов из числа безработных русских офицеров и фельдфебелей. И вот двухметровые мужичины, за два раза поднимавшие на вилах воз сена, стриженные «под горшок», с бородой «лопатой», вышли за околицы на военные занятия. Отставные поручики и фельдфебели не могли нарадоваться, глядя, как такой детина с возгласом «Господи, благослови!» насквозь пробивал штыком глиняное чучело. Бабы, ростом под стать мужикам, входившие в избу, наклонив голову, чтобы не задеть притолоку, гнали возы, доверху нагруженные патронами и запряженные сытыми лошадьми, и справлялись со своим делом не хуже любого солдата.

На вышках, построенных при въезде в села, устанавливались прожекторы. Вокруг поселений строились окопы, пулеметные гнезда, укрытия для артиллерии. Все важнейшие точки обороны были связаны телефоном с «моленными домами», где помещались молоканские штабы. Там, рядом с «отцом наставником», благообразным бородатым мужиком в белой рубахе и портах, сидел над картой «советчик» — хмурый усач в офицерском кителе. Легче было взять небольшой город, чем молоканское село. Любители легкой добычи, бродячие шайки дашнаков, курдов или турецких дезертиров, наводившие ужас на население пограничного района, стали исчезать. Участники налетов на села «истинно духовных христиан», как правило, не возвращались.

На всех дорогах можно было видеть огромные молоканские возы, запряженные парой могучих коней и нагруженные сеном или мешками с овсом и мукой. Наверху лежали бабы, закрыв

лица платками от палящего солнца. Никто не решался остановить воз и забрать добро: случись такое, молокане окружили бы весь район и воздали бы сторицею «за блуд и злодеяние».

Большинство молокан не желали оставаться в Турции. Они знали, что за религиозные убеждения в Советской России не преследуют, привыкли жить общинами, иногда даже имели общий сельскохозяйственный инвентарь. Им отвели огромную земельную площадь в Сальском округе, Донской области.

В Карс прибыла делегация американских молокан, которая вместе с исполкомом молоканских общин в Турции тщательно обсудила все детали переселения и устройства на новых местах. Американские молокане обещали снабдить переселенцев сельскохозяйственными машинами и даже построить для них узкоколейную железнодорожную ветку.

Однажды, в конце ноября, я выехал в крупное молоканское село, где исполком устраивал совещание с представителями будущих переселенцев.

Под вечер к зданию генерального консульства подкатила тройка. Два здоровенных молодца, в полушубках, опоясанные цветными кушаками, в белых валенках и четырехугольных бархатных шапках с меховой опушкой, усадили меня и моего сотрудника в уложенные ковром сани, потом вскочили на облучок, и один из них, разобрав вожжи веером, страшным голосом закричал:

— Пади!

Лошади понеслись.

Кучер со щегольством и ухарством, с какой-то необыкновенной легкостью, которые передаются из поколения в поколение, то слегка привставал и отпускал вожжи, и тогда казалось, будто кони летят по воздуху, то откидывался назад, и кони замедляли бег, то вдруг наклонялся в сторону, и сани, поднимая вихрь снежной пыли, делали крутой поворот. Но вот уже остались позади городские постройки, и мы выскочили на шоссе. Кругом простиралось бесконечное пространство, покрытое снегом.

Далеко-далеко мелькали огни. У ворот, закрывавших въезд в село, вспыхнул прожектор. Луч его скользнул по нашей тройке, осветил дорогу, поле и потух. Подошли двое мужиков в тулупах, с винтовками в руках. Пошептавшись с кучерами, они отворили ворота. Тройка шагом въехала в село. По обе стороны широкой улицы стояли двухэтажные дома, освещенные электричеством. От дома к дому тянулись высоченные заборы. Огромные деревянные ворота были окованы железом. Мы въехали в один из дворов, встреченные звонким собачьим лаем. У коновязи стояло не менее

двух десятков саней. В глубине двора виднелись сараи, коровники, птичники, амбары. Вдоль забора, гремя прикрепленной к проволоке цепью, ходили две огромные кавказские овчарки. Луна ярко освещала двор, напоминавший стол, покрытый белой скатертью. Все было выметено, вычищено, как на полковом плацу.

Мы прошли в сени и разделись в прихожей. Хозяин, высокий, могучий старик с седой бородой, синими глазами и удивительно белыми зубами, повел нас в «сионскую горницу». Пропуская меня вперед, он сказал:

— Только прошу не курить.

Горница напоминала гостиную в средних провинциальных домах дореволюционной России: кресла, стулья и диваны были обиты красным бархатом, в простенках — зеркала, обрамленные бумажными цветами, на окнах — штофные гардины. Середину горницы занимал большой стол, имевший форму буквы «П» и накрытый белой скатертью; вдоль стола — скамьи, обитые красным бархатом. Стол был загроможден всякой снедью — блинами, медом, маслом, пирогами, кувшинами с молоком и простоквашей. На скамьях сидели несколько десятков молокан — люди среднего возраста и старики. За ними стояли девушки, строго и просто одетые, в платках, спущенных на лоб. Молчаливо и без суетливости расставляли они блюда, приносили и уносили посуду.

Я был поражен физической красотой этих людей и понял, что до этого никогда не видел истинно русской, славянской красоты. Я знал о ней только из былин, судил о ней лишь по изображениям древних иконописцев, исказивших славянский тип греческими чертами, или художников школы Васнецова, испортивших его декадентской утонченностью. Правильные черты лица, высокий лоб, ясные голубые или серые глаза, могучие плечи, большой рост, физическая сила, соединенная с мужеством, благородство повадки — все это, повторяю, глубоко поразило меня. Наверное, таким был рязанский князь Олег Красный, который, будучи пленен Батыем в битве при Коломне в январе 1237 года, отказался переменить веру, был приговорен к смерти, но оставлен в живых за свою красоту.

Передо мной сидели обыкновенные русские крестьяне, предки которых сто семьдесят лет назад ушли в леса, на окраину государства, ушли из-под контроля царского режима и были предоставлены самим себе на протяжении трех поколений. Они сохранили свой язык, свою культуру и свои убеждения, одежду, быт, весь уклад жизни и создали такое материальное благополучие, которое и не снилось «верноподданным его

величества» из крестьян центральных областей России.

Всех волновал один вопрос. Карсский договор предусматривал окончательную дату выезда, после которой человек оставался турецким подданным, а если он уезжал, не успев продать недвижимое имущество, оно продавалось с аукциона властями местному населению. Зная это, турки давали молоканам за землю, дома, мельницы, сыроварни, кожевенные и другие предприятия до смешного низкую цену. Ведь увезти все это с собой молокане не могли, а после определенного срока любую недвижимость можно будет получить почти даром.

Высокий, широкоплечий молоканин, с копной седых волос, соколиными бровями, тонким носом и серыми глазами, потемневшими от гнева, кричал:

— Братья, ведь это же чистый разбой! Мельницу нашу построил мой дед. Теперь она первая во всей округе. Локомобиль немецкий, дает свет в три села. А турецкие купцы сговорились между собой, смеются: хочешь за нее сто рублей золотом, бери, а нет — даром оставишь! Что делать, братья, не знаю. Остаться — душа не позволяет, уехать — с чем? Не идти же по миру…

Председатель, старик лет восьмидесяти, крепкий, как вековой дуб, поднял руку. Мельник поклонился в пояс и, не закончив фразы, сел. Справа и слева от председателя сидели «старшие наставники». Все трое пошептались между собой.

Председатель спросил спокойно, будто речь шла о пустяковом деле:

— Во что ценишь свое хозяйство?

Мельник встал:

— Самая низкая цена — пятьдесят тысяч.

Старики опять пошептались. Председатель сказал:

— Получишь пятьдесят тысяч и сдашь хозяйство общине.

Прощаясь, я спросил у председателя:

— Какой же смысл общине, переселяющейся в Россию, покупать хозяйство, которое останется здесь?

Старик посмотрел на меня, погладил бороду:

— Иногда невыгодное для одного оказывается выгодным для многих…

Через два дня мютессариф (губернатор) Али Риза-бей пригласил меня к себе. Это был старый чиновник, прослуживший много лет при султане на разных административных постах и примкнувший к кемалистам (ибо ему больше ничего не оставалось) после Эрзерумского конгресса. Он хорошо говорил по-французски, и мы обходились без переводчика. После того как обязательная в таких случаях чашка кофе была выпита, он, обычно очень спокойный и выдержанный, заговорил

взволнованным голосом:

— Произошел странный случай, который, однако, может иметь большие последствия. Владелец самой лучшей мельницы позвал к себе турецких купцов и посредников и спросил, какую цену они предложат за его предприятие, имея в виду, что он уезжает. Они назначили цену. После этого мельник пригласил своих гостей во двор, и на их глазах мельница была подожжена и сгорела. Купцы думали, что он сошел с ума, но мельник спокойно сказал им, что он, как и другие русские, предпочитает скорее уничтожить свое добро, чем продавать его за такую смехотворную цену… Что вы скажете по этому поводу?

— Я думаю, что вы не собираетесь оспаривать право частной собственности? Владелец имущества может распоряжаться им по своему усмотрению.

— Да, но поджог! В этом есть элемент криминала…

— В этом был бы криминал, если бы владелец имущества после поджога потребовал выплаты страховой стоимости. Поскольку такого требования нет, в чем же криминал?

Мютессариф вздохнул:

— Так или иначе, но пришлось начать расследование. Я пригласил сюда адвоката этого мельника, господина Ахмед-бея.

Он велел дежурному чиновнику позвать адвоката в кабинет.

Ахмед-бей, господин средних лет, с подстриженными усиками, в визитке и цветном жилете, по которому была выпущена золотая цепь, в ярких носках и лаковых туфлях, появился в кабинете, ступая мягко, как кот. Разговор он начал с уверений, что ему трудно выразить наслаждение, которое он испытывает, находясь в моем обществе и обществе господина губернатора. Покончив с церемонией, он поклонился, сел в кресло и умолк, сосредоточенно глядя на носки своих лаковых туфель.

Губернатор мрачно спросил его:

— Находит ли господин Ахмед-бей своего клиента нормальным и поступок его, не нарушающим закона?

Господин Ахмед-бей собрал морщины на лбу и снисходительно улыбнулся:

— Вполне. Согласно нашему законодательству, владелец имущества может делать с ним все, что ему заблагорассудится. Этим мы отличаемся, да простит мне наш уважаемый гость (кивок в мою сторону), от некоторых других государств. Не так давно его превосходительство Митад-паша, женившись на одной очаровательной особе значительно моложе его возрастом (тут Ахмед-бей как будто подмигнул, или мне это только показалось), велел сломать в Терапии две свои чудные виллы и устроил на том

месте сад, засадив его розами, а в середину поставил беседку, из которой бы его ханум могла любоваться закатом солнца на Босфоре…

Губернатор вскочил:

— Но ваш мельник не Митад-паша!

Адвокат вздохнул и почмокал губами:

— Что делать, беем, закон! Мельника охраняет закон!

С этого дня цены на недвижимое имущество молокан стали расти и в конце концов достигли нормальных. Каждый день в Россию уходили составы, груженные до отказа. Молокане увозили с собой все — хлеб, сено, лошадей, скот, птицу, кошек и собак.

КЯЗИМ КАРАБЕКИР-ПАША

Обстановка в восточных провинциях Турции тогда была довольно сложной. В Карсе существовали представительства Армянской, Грузинской и Азербайджанской советских республик, подчинявшиеся генеральному консульству. Но у каждой из этих республик были здесь свои граждане и свои интересы. Фактическим диктатором всего края являлся командующий войсками Восточного фронта Кязим Карабекир-паша. Ставка его помещалась в Сарыкамыше. Он не очень торопился помогать Кемаль-паше, который вел борьбу за независимость Турции. Под Ангорой фронт стабилизировался. Обе стороны накапливали силы. Греческая армия и турецкие части, сформированные султаном, получали беспрерывные подкрепления от англичан, французов и американцев, оккупировавших Константинополь. Было также известно, что Кязим Карабекир-паша и во время Эрзерумского конгресса и позднее встречался с известным английским разведчиком, подполковником Альфредом Роулинсоном, информатором лорда Керзона.

А между тем в восточных провинциях Турции, в частях, подчиненных Кязим Карабекир-паше, было много офицеров, солдат, оружия, артиллерии, боеприпасов. Командующий прекрасно знал, что Советская Россия всеми силами помогает Кемаль-паше и его соратникам в их борьбе за независимость Турции, и, следовательно, опасаться ему нечего. Почему же так редко шли эшелоны с боеприпасами и солдатами из Карса через Тифлис и Батум на Самсун и Ангору?

Дело в том, что вокруг Кемаль-паши в Ангоре начала формироваться скрытая оппозиция во главе с председателем совета министров Реуф-беем. Усиленно распространялось мнение, что Кемаль-паше не удастся разбить греков и султана и что надо договориться с западными державами, заменив Кемаль-пашу на посту главнокомандующего Али Фуад-пашой или Кязим Карабекир-пашой. Одновременно оппозиционеры придумывали всевозможные инсинуации о личной жизни Кемаль-паши.

Али Фуад-паша находился у Кемаля под боком, и тот довольно быстро избавился от него, решив направить Али Фуада послом в Москву. Оставался Кязим Карабекир-паша. Этот сидел в своей цитадели — Сарыкамыше, имел целую армию и ждал удобного момента, чтобы появиться в Ангоре и сменить Кемаль-пашу. И он, разумеется, не был склонен ослаблять самого себя.

Я очень хорошо помню нашу с ним первую беседу.

Маленький салон-вагон, отбыв утром из Карса, к вечеру

прибыл в Сарыкамыш. В вагон вошел полковник, в высокой барашковой шапке, хорошо подогнанной офицерской шинели, лайковых перчатках, со стеком в руках. Его сопровождал элегантно одетый господин в штатском. У всех офицеров контрразведки в капиталистических странах и Запада и Востока я не раз подмечал этакую «беспокойную ласковость взгляда». Что касается турецких офицеров, то мне уже приходилось сталкиваться с ними в Афганистане — с Джемаль-пашой, Фахридин-пашой, Исмет-беем, Бедри-беем и другими. Я научился отличать среди них строителей новой, республиканской Турции, наших друзей от неисправимых пантюркистов, выросших в атмосфере придворных интриг, вроде Энвер-паши, поднявшего восстание в Бухаре.

Почетный караул состоял из роты хорошо вымуштрованных аскеров во главе с бравым капитаном. Я подумал о том, что эта рота вполне пригодилась бы на фронте, где-нибудь около Якулдага или Чухурджи…

Мы сели в старенький, оставшийся от какого-то русского штаба автомобиль и с невероятным шумом и грохотом, окутанные вонючим облаком, покатили по аллее между двумя рядами сосен к одинокому домику. Это, видимо, был дом для приезжих; две скромно обставленные комнаты казались нежилыми.

Здесь господин в штатском, отрекомендовавшийся уполномоченным по внешним делам при командующем Восточным фронтом, на прекрасном французском языке сообщил мне, что его превосходительство Кязим Карабекир-паша болен и не сможет меня принять, но его начальник штаба будет меня ожидать завтра в 10 часов утра. Я ответил, что у меня нет никаких дел к господину начальнику штаба. То, что я имею сообщить, касается лично Кязим Карабекир-паши.

Полковник, выслушав мой ответ, вдруг что-то сердито прокричал по-турецки в дверь. В ту же минуту появился аскер с тремя чашками кофе на подносе и коробкой самсунских сигарет. Полковник повернулся ко мне:

— Но его превосходительство может проболеть долго…

— Я не спешу, господин полковник. Окрестности Сарыкамыша очень живописны, воздух прекрасен, и я давно мечтал отдохнуть в таком прелестном уголке.

На лице полковника отразилось беспокойство:

— Я доложу о вашем желании его превосходительству.

На этом мы расстались. На другой день Кязим Карабекир-паша выздоровел.

Турция обнищала за время войны, а теперь она напрягала последние силы в борьбе против оккупантов. Но в Сарыкамыше, в

штабе Кязим Карабекир-паши, штабные офицеры жили привольно. Они были хорошо одеты, великолепно питались, имели довольно разнообразный запас вин, не лишали себя развлечений. Штабные помещения были оборудованы на широкую ногу. Глядя на все это, нельзя было не вспомнить о том, что тысячи простых людей Турции и интеллигентов — студентов, врачей, инженеров, учителей, бросив на произвол судьбы голодные семьи, добровольцами пошли на фронт и героически сражались, месяцами не получая жалованья и питаясь чем придется.

Кязим Карабекир-паша принял меня в большом, комфортабельно обставленном кабинете. Это был крупный, представительный мужчина, с подстриженными черными усами и резкими чертами лица. Он не обладал ни государственным мышлением, ни манерами человека, привыкшего повелевать, как Джемаль-паша; он не мог произвести и такого впечатления, как Кемаль-паша, с его серыми, стальными глазами, стремительными движениями и той силой воли, какая сквозила в каждом его жесте, несмотря на то, что Кемаль был человеком сухопарым и небольшого роста. Но все же Кязим Карабекир мог произвести сильное впечатление на собеседника и знал это. До мировой войны он был профессором военной академии. Потом командовал корпусами, армией и, наконец, войсками Восточного фронта. После разгрома дашнакской Армении он пользовался в Турции большой популярностью и на Карсской конференции был председателем турецкой делегации. Кязим Карабекир-паше было неясно, для чего я приехал. Поэтому он на всякий случай начал с мелких жалоб. Он жаловался на армян, грузин, азербайджанцев, на трудности, возникающие при переселении людей в соответствии с Карсским договором, на затишье, сковавшее фронт Кемаль-паши, на то, как трудно ему здесь, на своем Восточном фронте…

— О каком, собственно, Восточном фронте вы говорите? — спросил я.

Он встал и показал на большой карте, висевшей на стене, линию Западного фронта против греков и союзников, занимавших Смирну и Константинополь, и линию Восточного фронта, идущую вдоль границы с советскими республиками.

— Восточного фронта не существует, — сказал я. — Под фронтом военная наука подразумевает войска, сражающиеся против неприятеля. Вы прекрасно знаете, что если бы на советско-турецкой границе не было ни одного турецкого солдата, то и тогда советские войска не перешли бы установленной линии. Вы знаете также, что в пограничных советских районах находятся

только обычные гарнизоны мирного времени, необходимые для охраны границы от нарушителей и борьбы с контрабандой.

Он посмотрел на меня тяжелым взглядом:

— Но у нас Восточный фронт существует…

— Существуют войска, которых, насколько мне известно, с нетерпением ожидают в Анатолии.

— Их не так просто туда перебросить. Теперь осень, дороги испортились. Кроме того, артиллерию и снаряды можно отправить только транзитом, через Тифлис и Батум…

— Мы готовы вам в этом помочь.

Он перевел разговор на другие темы.

Очевидно, Кязим Карабекир-паша и впрямь надеялся, что при первом же поражении Кемаль-пашу можно будет отодвинуть на второй план. Это стало еще яснее в конце разговора, когда он спросил:

— Верно ли, что Али Фуад-пашу снова назначают послом в Москву?

Я сказал, что не знаю. Он покачал головой:

— Такого выдающегося генерала, в такое время! Это безумие, и оно — результат неограниченного властолюбия некоторых лиц…

Это был намек на Кемаль-пашу…

Только год спустя, после полного разгрома греков Кемаль-пашой, когда был взят в плен главнокомандующий Трикупис вместе с его штабом, а войска кемалистов заняли Смирну и Константинополь, удалось вызвать Кязим Карабекир-пашу в Ангору. Я тогда был консулом в Самсуне. Однажды ко мне явился адъютант паши и известил о желании его начальника посетить меня. В результате разговора я убедился, что взгляды Кязим Карабекир-паши нисколько не изменились.

Через некоторое время он был уличен в заговоре против правительства, и дело о нем было передано «Суду независимости».

ТРУДНАЯ ДОРОГА

В декабре 1922 года основные вопросы, связанные с Карсским договором, были разрешены, и я получил приказ немедленно выехать в Самсун, куда был назначен консулом СССР.

Стояли суровые, морозные дни. Карс расположен на возвышенности, и зимой свирепые ветры обдувают его со всех сторон.

Дважды паровоз с прикрепленным к нему вагоном пытался преодолеть подъем в сторону Александрополя и дважды откатывался назад. Дважды выстраивался почетный караул, и меня провожали мютессариф Али Риза-бей и комендант крепости Эмин-паша, и дважды дело кончалось тем, что я возвращался домой. Тогда я решил ехать в Александрополь на санях. Губернатор начал меня отговаривать: морозы стояли жестокие, по его словам, я мог замерзнуть, на меня могли напасть разбойники, наконец, дорога частью проходила через деревни «прыгунов», которые не хотели репатриироваться и под влиянием ему, губернатору, неизвестных агитаторов были настроены антисоветски. Кроме того, в большинстве пограничных пунктов были расположены воинские части — не мешало бы этот вопрос согласовать с Кязим Карабекир-пашой.

Выслушав все это, я сказал, что, поскольку железная дорога от турецкой границы до Карса находится в таком состоянии, что ехать по ней нельзя, придется воспользоваться лошадьми.

Через день мы тронулись на тройках. Дороги были занесены снегом. Буран взметал его и крутил в воздухе. Лошади стали белыми, точно их обсыпали сахарной пудрой. Сопровождавшие нас конные жандармы превратились в снежных призраков.

К вечеру мы приехали в деревню «прыгунов» и остановились у дома старосты. Дом находился в глубине двора, за высоким забором. Жандармы долго стучали в ворота. В ответ раздавался только глухой лай собак. Наконец калитка в воротах приоткрылась на цепи, человек с фонарем в руках спросил, что нужно, потом захлопнул ее и ушел. Один из жандармов, худой, пожилой, носатый человек, в довольно ветхой шинели, хотя и закутанный по глаза в башлык, но уже обморозивший по дороге лицо, не выдержал и, сорвав карабин с плеча, стал бешено стучать прикладом в ворота.

Напрасное занятие! Ворота были сшиты скобами из огромных бревен и окованы железом. Но вот они медленно открылись, и мы въехали в обширный двор.

От долгого сидения в санях ноги мои занемели, лицо сковало

холодом, голову, как это бывает при сильных морозах с ветром, как будто сжимал железный обруч. Я с трудом вошел в дом, поднялся по деревянной скрипучей лестнице, скинул меховую шапку. Меня провели в большую комнату. Пол ее был устлан дорожками; посередине стоял длинный стол, и на нем старинный железный подсвечник с тремя зажженными свечами.

Прошло несколько минут, пока я согрелся и сумел раздеться. Сопровождавший меня товарищ унес одежду и принес поставец с едой и фляжку с коньяком.

В это время вошел хозяин. Это был крупный мужик, заросший волосами, стриженный под скобку, с звериным носом и маленькими, заплывшими, бесцветными, неподвижными глазами. Одет он был в белую холщовую рубаху, такие же штаны, в туфлях на босу ногу.

Он подошел, посмотрел на меня и сказал спокойным, скучным голосом:

— Фамилия моя — Рудометкин.

Я вспомнил, что по материалам «наставником прыгунов» считался Илья Рудометкин, внук Максима Рудометкина, провозгласившего себя в этой самой деревне в 1857 году «царем духовных христиан» и прозванного «Комаром». Этот «Комар» не только установил особый вид прыганья и ритуал радений, сблизивший секту с хлыстами, но и короновался духовным царем, для чего сшил себе особую форму с эполетами, на которых значились буквы «Ц» и «Д», то есть «царь духовный». Максима Рудометкина сослали в Сибирь, но сын его и внук хотя и не короновались, но считались «духовными царями» прыгунов. Во всяком случае, те им подчинялись беспрекословно.

Глядя на него, я подумал о том, насколько же отличается Илья Рудометкин внешне от тех удивительно красивых людей, с которыми мне приходилось сталкиваться среди молокан.

Рудометкин продолжал молча рассматривать меня, поставец с едой, фляжку, алюминиевый складной стакан, потом перевел глаза на моего спутника. Надо сказать, что товарищ, который меня сопровождал, до некоторой степени отвечал за мою сохранность и по роду своей службы, которую он нес в течение ряда лет, обладал особым нюхом по отношению к людям антисоветски настроенным. По национальности он был латыш, человек большой силы и выдающейся храбрости.

Рудометкин вздохнул.

— Что же это вы свое едите? Нехорошо…

Мой спутник положил могучие руки на стол,, поморгал белесыми веками и сказал:

— Как русский кафорят — несфаный кость куже прежний

татарин. Мы приекали неожитанно и поэтому етим своя ета.

Хозяин покачал головой:

— Нет уж, поставить мы обязаны, а вы как хотите, — и хлопнул в ладоши…

Вошла женщина, высокая, стройная, чернобровая, с длинными косами, и, потупив глаза, поставила поднос на стол.

Помимо обычных для молокан блюд, на подносе оказалась холодная телятина и бутылка водки — «белая головка».

— Разве вы едите мясо и пьете вино?

Рудометкин усмехнулся:

— Иногда с гостями разрешается.

— Тогда позвольте угостить вас коньяком…

Он выпил не без удовольствия.

— Что же, вы не думаете переселяться?

— Сие есть наша земля обетованная. Не можем ее покинуть. Что же касаемо властей, то сказано: «несть власти, аще не от бога»… Так что турки или другая власть — нам все едино…

— Ну хорошо, но ведь вы русские люди, как же отрываться от своего народа? Вот молокане уже почти все уехали…

— Молокане — одно, а мы — другое. У нас свой устав, особый, мы его блюдем более ста лет. И празднуем мы субботу, а не воскресенье, и праздник кущей у нас самый торжественный, и обряды иные…

Молчаливая женщина внесла стаканы с чаем в хороших серебряных подстаканниках…

— Это что же, ваша жена?..

— Одна из жен духовных…

Мой спутник взял мой стакан чаю и поставил его перед хозяином, а принесенный ему передвинул ко мне. Рудометкин заметил это и усмехнулся:

— Доверия не имеете… А мы от чистого сердца…

И равнодушно стал прихлебывать чай, налив его из стакана в блюдце.

Большие стенные часы глухо пробили девять ударов… Хозяин отодвинул блюдце, перевернул на нем стакан кверху дном и встал:

— На службу пора идти, сегодня у нас радение… Кормщик я… В соседней горнице постели вам приготовлены…

— А на вашей службе посторонние могут присутствовать?

— На службе не могут… — Он усмехнулся: — Да и неинтересно вам будет. Рассказывают про нас всякие глупости, а на самом-то деле ничего такого нет. Вот у «телешей», там действительно завлекательно, а у нас духовные песни поют, ну и пляшут… Впрочем, смотровое окно есть, ежели интересуетесь,

можете посмотреть, а самим присутствовать без посвящения нельзя…

Он провел нас по коридору и лестницам в какой-то чулан, в котором прорублено было небольшое окно. Из него был виден большой продолговатый подвал, стены, пол и потолок которого были обшиты тесом. В углах этого помещения вделаны были печи. Посередине стояла бочка с водой, и на доске, лежавшей на ней, — железный подсвечник с тремя свечами. В конце этого помещения было устроено деревянное возвышение, в стене — две двери.

Прошло несколько минут, и в двери стали входить люди. В левую — мужчины, босиком, одетые в длинные холщовые рубахи; в правую — женщины, тоже босые, в белых платках, белых кофточках и юбках. Женщины выстроились вдоль одной стены, мужчины напротив них. Потом вышла та самая «духовная жена» Рудометкина, что прислуживала нам за столом, одетая в белый сарафан, в белом платке с красными крапинками, и стала посередине, лицом к возвышению.

Наконец, показался и сам «кормщик корабля» — Рудометкин, в какой-то странной одежде, с широкими рукавами, и протяжно возгласил неожиданно глубоким басом:

— Святому духу верьте!

После этого присутствующие, как в танцевальном зале, пошли навстречу друг другу, и мужчины, взяв левой рукой левую руку женщины, начали пританцовывать вполоборота, причем оба взмахивали правой рукой и все вместе хором вскрикивали какие-то слова. Разобрать их было трудно, но иногда доносилось довольно явственно:

— Сойди на нас, сударь, дух святой!

«Духовная жена» двинулась навстречу «кормщику», и они начали проделывать такие же движения. С каждой минутой темп учащался, крики становились громче, тяжелое дыхание разносилось по залу. Потом раздался общий крик: «И-я-я-х!» — и все остановились, тяжело дыша, покачиваясь и отирая пот с лица.

Рудометкин поднялся на возвышение и начал проповедь.

Теперь это уже был не тот сонный, еле ворочавший языком одутловатый мужик с заплывшими глазками. Он говорил властно, убедительно. Смысл же его проповеди заключался в том, что Христос из поколения в поколение воплощается в каком-нибудь человеке. Теперь именно он, Рудометкин, является тем, в ком воплощен христов дух. Все же присутствующие — его духовные дети, которые должны жить честно, не обманывая друг друга, как «голубь с голубкой», и не грешить, в частности, не употреблять мясного, не пить спиртного, не курить «табачного зелья» и не

думать о мирских делах, кроме тех, которые необходимы для материального обеспечения их существования и интересов общины.

Все это было примитивно, наивно, но, видимо, доходило до слушателей, ибо они вздыхали, и кое-кто из них вскрикивал: «Истинно так!»

Закончив свою проповедь, Рудометкин воскликнул: «Мир вам!» — и благословил их, отпуская. Они вышли в том же порядке, как и вошли, — женщины и мужчины отдельно, друг за другом.

Минут через пятнадцать, когда мы вернулись в комнату, Рудометкин вошел к нам попрощаться. Это опять был тот же самый сонный, медлительный мужик, каким мы его увидели в первые часы знакомства.

Я спросил его:

— Это что же, и весь обряд радения?

Он зевнул и перекрестил рот:

— Почему же… Это малое радение, бывают и иные, по другому обряду…

Когда мы легли, я услышал, как на соседней кровати ворочается мой спутник латыш.

— Вы что, Краудис, не спите?

— Фот сфинья! Морочит колофу нароту. Попал бы он мне в лапа, я пы показал ему, какой ф нем сфятой тух!..

— Потому-то он и его последователи и не собираются переезжать в Россию. Здесь, в этой оторванной от всего мира деревне, на чужбине, за глухими заборами, еще долго будут царствовать Рудометкины…

Рано утром мы тронулись в путь. На берегу реки Арпачай стояли последние турецкие посты. Мороз все крепчал. Бекеша, валенки, меховая шапка, рукавицы — все одеревенело. Турецкий майор, с лихо закрученными усами, пригласил меня в какую-то хибарку, где потрескивала раскалившаяся докрасна чугунная печурка, предложил кофе и сообщил, что на той стороне меня уже ждут…

Примерно через полчаса я встретил представителей штаба дивизии и горсовета, пересел в машину и вскоре оказался в квартире начдива, у которого, по случайному совпадению, в этот день праздновали день рождения его жены…

Только тот, кому приходилось подолгу жить за границей, может понять, что это такое — снова увидеть своих, советских людей, услышать родную речь, зайти в местный партийный комитет.

Однако надо было спешить. На путях стоял длинный состав,

груженный орудиями, ящиками со снарядами, патронами и винтовками. Некоторые вагоны были открыты, и в них, свесив наружу ноги, сидели турецкие аскеры. Этот транспорт направлялся через Тифлис в Батум и дальше — в Анатолию как помощь новой Турции, чтобы она могла продолжать борьбу за свою независимость[14].

Такие эшелоны в период критического положения на Анатолийском фронте следовали почти ежедневно. Советское правительство, чтобы спасти новую Турцию от разгрома армиями интервентов и султана, шло на большие жертвы. В Турцию направлялись: винтовки, тяжелые, средние и легкие пулеметы, орудия, снаряды и патроны, радиостанции и другие средства связи, медикаменты. М. В. Фрунзе, приехав в Ангору во главе миссии для заключения договора между Турцией и УССР, передал правительству Кемаль-паши значительную сумму в золоте, а также оборудование для завода по изготовлению боеприпасов и патронов. Впоследствии турецкий военный историк Джевдет Керим в своих «Лекциях о турецкой борьбе за независимость» указывал:

> «В результате дружбы с русскими, главным образом от них было получено значительное количество орудий, ружей и снарядов».

Разумеется, когда Кемаль-паша и его ближайшие соратники были полностью поглощены вооруженной борьбой за независимость страны, полномочным представителем Советского Союза в Турции должно было быть лицо, имевшее большой военный авторитет. Семен Иванович Аралов, наш полпред в Турции, обладал огромным боевым опытом. Он служил еще в русско-японскую войну прапорщиком. В первую мировую войну участвовал более чем в двадцати сражениях. В 1918 году Аралов был начальником оперативного отдела Московского военного округа, затем заведовал оперативным отделом Наркомвоена, а с осени работал в Полевом штабе членом Реввоенсовета. В 1919 году Аралов организовал 12-ю армию, был членом Реввоенсовета юго-западной армии и воевал последовательно против поляков, деникинцев, петлюровцев и махновских банд. Перед отъездом Аралова в Турцию В. И. Ленин, который часто возлагал на него выполнение личных указаний по Полевому штабу, имел с ним продолжительную беседу.

Семен Иванович Аралов — высокий, крупный мужчина, с открытым лицом и на редкость прямым, если можно так сказать, рыцарским характером. Его очень любили все сотрудники. И у

турок он пользовался большим уважением. Мустафа Кемаль-паша запросто приходил к Аралову в полпредство и не скрывал от него положения на фронте, зная, что всегда найдет в нем опытного и доброжелательного советника. Естественно, что поездка М. В. Фрунзе в Ангору (ноябрь 1921 — январь 1922 г.) оказала значительное влияние и на развитие советско-турецких отношений, и на ход военных действий на Анатолийском фронте.

С поездом, который вез вооружение для войск Кемаль-паши и шел почти не останавливаясь, я прибыл в Тифлис.

Новости, которые меня там ожидали, были печальны. Едва ли не накануне моего приезда, ночью, при выходе после банкета из представительства Наркоминдела, были убиты дашнаками Джемаль-паша и его адъютант, собиравшиеся выехать в Турцию. Английская и французская разведки действовали вовсю. В Ангоре полковником Мужэном, из 2-го бюро французского генерального штаба, был организован поджог советского посольства. В Курдистане «Интелидженс сервис» организовала восстание курдов против правительства Кемаль-паши. Там открыто орудовали капитан Вули, майоры Соон и Ноэль. Во время пребывания в Москве миссии Али Фуад-паши в ней были обнаружены сотрудники, занимавшиеся военным шпионажем в пользу иностранной разведки. Их поймали с поличным.

Конечно, убийство Джемаль-паши было тоже организовано «Интелидженс сервис». Он ехал по вызову Кемаль-паши в Ангору через Карс. Были основания думать, что Кемаль-паша хотел заменить Джемалем Кязим Карабекир-пашу, в политических настроениях которого не был уверен. Организовав его убийство, английская разведка достигла двух целей: сохранила Кязим Карабекир-пашу, которого она считала «западником», и создала повод для осложнений в советско-турецких отношениях.

Помимо всего этого, суд в Ангоре над английским шпионом Мустафой Сагиром показал, что англичане имеют в Анатолии сильную террористическую организацию, руководимую из Константинополя Рейяном.

Чем явственнее обозначались успехи Кемаль-паши в его борьбе за национальную независимость страны, тем упорнее стремились иностранные разведки взорвать новую Турцию изнутри и осложнить советско-турецкие отношения.

Расчеты эти, однако, были построены на песке. Кемаль-паша прекрасно понимал и неоднократно повторял публично, что независимость Турции может быть обеспечена только дружбой с Советским государством, которую не поколеблют никакие провокации. В одной из своих телеграмм В. И. Ленину он, между прочим, писал:

«В твердом убеждении, что только наше тесное сотрудничество приведет нас к желанной цели, я приветствую всякое дальнейшее закрепление связывающих нас дружеских уз, выражаю вам свою глубокую признательность за ту дальнозоркую политику, которая по вашему высокому почину проводится Советской республикой как на Востоке, так и во всем мире».

В Батуме шел дождь, на мокрых деревьях покачивались мандарины. Мы, в наших шубах, меховых шапках и валенках, привлекали всеобщее внимание. Пришлось поездить по магазинам, чтобы приобрести непромокаемые плащи.

Вероятно, ни один город Советского Союза в эту эпоху расцвета нэпа не походил на Батум.

Батум был объявлен вольным городом. Сюда приходили торговые суда любого государства, здесь можно было покупать и продавать что угодно. Великолепный приморский парк кишел иностранными матросами, проститутками, спекулянтами непонятной национальности, местными нэпманами. Все это человеческое месиво кричало, ругалось, торговалось, хватая друг друга за руки. Тут же стояли люди, продававшие с рук французские духи, пудру, фотоаппараты, материю, обувь, бритвы, сигареты. Совершенно экзотические личности, в костюмах гольф, клетчатых чулках, кепках и английских «бербери» (непромокаемых пальто), с трубками в зубах, медленно расхаживали среди беснующейся толпы, высматривая девиц.

Магазины были забиты всякой дрянью, которая залеживалась на складах в Константинополе, Александрии и Марселе. Больше всего было лакированных туфель, цветных галстуков, французских чулок, дешевых духов фирмы «Пивер» и прозрачного дамского белья.

Из духанов и наскоро сколоченных павильонов доносились пьяные крики, звуки лезгинки и временами звон разбитой посуды. Казалось, город сошел с ума.

В порту стояло множество судов: итальянских, французских, греческих, турецких. На берегу помещалось не менее десятка пароходных агентств.

Но выйти в море было невозможно — бушевал шторм. После нескольких неудачных попыток уполномоченному Наркоминдела товарищу Гетею удалось договориться с агентом итальянского общества «Адрия». Маленький пароход «Канова» должен был доставить нас в Трапезунд. Там капитан думал дождаться погоды и идти дальше, прямым рейсом в Константинополь.

Мне в своей жизни пришлось испытать все средства передвижения. В Афганистане я однажды ехал тридцать пять дней верхом. Там же мне пришлось передвигаться в паланкине, который везли лошади: одна спереди, другая сзади. Во время торжественной охоты участники ее ехали в корзинах на слонах. В Средней Азии и Афганистане я несколько раз ездил на верблюдах. В числе моих первых полетов на аэроплане был перелет с В. П. Потемкиным из Константинополя в Ангору на стареньком, еле дышавшем итальянском самолете (тридцать пять лет спустя я летал на «Ту-104» из Москвы в Прагу). Из Артвина в Батум я ездил на автомобиле по дороге, которая называлась «генеральские погоны», потому что она, пролегая на огромной высоте, имела тридцать два зигзага. Однажды весной, во время бурного разлива Чороха, мне пришлось по срочному делу ехать на каюке от Артвина до Батума. Перед этой поездкой вали Оздемур Селим-бей взял с меня официальную подписку, что с него снимается ответственность за мою жизнь. Из Самсуна мне довелось плыть на нашей старой подводной лодке в Севастополь. В один из моментов этого плавания выяснилось, что лодка не может всплыть. В 1924 году случилось так, что я вынужден был выехать первым поездом «блиццуг» (поезд «молния») из Берлина в Гамбург. Мне пришлось пересечь несколько морей и проливов на разных пароходах. В районе Кварцхана я должен был с огромной высоты лететь вниз в металлическом ящике подвесной воздушной дороги. Но я не могу припомнить ничего похожего на поездку из Батума в Трапезунд.

Поднявшись на борт маленького парохода, стоявшего на якоре, я сразу же почувствовал что-то неладное. Казалось, гигантское чудовище держит в своей лапе суденышко, стремясь сорвать его с якоря и подбросить вверх. Капитан, огромного роста молодой и красивый итальянец, встретив меня у трапа, сказал по-французски:

— Синьор, я предупреждаю вас — путь недалекий, но плавание будет опасным. У вас еще есть время вернуться на берег.

Но я имел приказ прибыть в Самсун как можно скорее. Надо было ехать.

Как только пароход снялся с якоря, началось нечто невообразимое. Я не мог понять, где пол и где потолок каюты. Все вертелось, раскачивалось, проваливалось в бездну…

Тогда мне было двадцать три года, и я был хорошо натренированным в спортивном отношении человеком. И все-таки мне хотелось только одного — любым способом покончить с мучениями, которые я испытывал. Об опасности вовсе не

думалось. Иногда передо мной появлялись капитан и какие-то люди. Они тоже вертелись, качались и потом куда-то исчезали.

Так продолжалось всю ночь. К утру буря стала стихать. Мы подошли к Трапезунду, но не так-то легко было войти в порт. Капитан не хотел рисковать и решил идти дальше, на Константинополь. За мной вышел турецкий катер. Не помню, как я попал на берег и очутился у генерального консула товарища Трабуна.

Трапезунд, крупный портовый город на Черном море, был довольно долго оккупирован русской армией во время первой мировой войны. Когда Турция была разбита союзниками и капитулировала, греки, намеревавшиеся отхватить у нее черноморские порты от Ризе до Зонгулдака, задумали создать в Трапезунде центр «Понтийского государства». Здесь нашли свою гибель семнадцать турецких коммунистов во главе с Субхи.

Кемалисты, борясь за национальную независимость, стремились привлечь на свою сторону широкие массы рабочих и крестьян. Но в то же время они опасались углубления революции и перехода власти в руки рабочих. Чтобы избежать этой опасности, было создано нечто вроде официальной «коммунистической партии» во главе с бывшим помощником министра и членом партии «Единение и прогресс» Али Ихсан-беем и Юнус Нади-беем, впоследствии редактором официальных газет. Что это была за «коммунистическая» партия, можно судить хотя бы по тому, что ее воззвания очень часто начинались словами: «С помощью Аллаха…», а идеи коммунизма отлично уживались в сознании ее членов с пережитками феодального быта. Правительство ввело в эту партию множество своих агентов, которые вместе с политическими деятелями и журналистами пытались овладеть рабочим и крестьянским движением. В то же время правительственные органы внимательно следили, чтобы где-нибудь не возникли настоящие коммунистические ячейки.

Следует, однако, сказать, что кемалисты провели земельную реформу, отменили «ашар», то есть право на откуп сбора налогов с крестьян, забрали в казну церковные земли, учредили банки для кредитования сельского хозяйства, кустарной и фабрично-заводской промышленности. Эти мероприятия привлекли на их сторону земледельцев, кустарей, мелких промышленников и часть рабочих.

Между тем в Баку образовалась группа настоящих турецких коммунистов во главе с Субхи, Измаилом Хакки и другими товарищами. Они довольно хорошо изучили основные принципы марксизма и вели большую пропагандистскую работу, переводя на турецкий язык марксистскую литературу. Кроме того, они

имели широко разветвленную сеть ячеек во всех портовых и промышленных центрах Турции. Субхи и его товарищи считали необходимым поддерживать кемалистов в их борьбе против султана и иностранных интервентов.

В январе 1921 года Субхи и с ним еще шестнадцать коммунистов прибыли в Трапезунд. Наемные убийцы схватили их, посадили на баржу, вывезли в море и утопили. Вскоре началось повсеместное преследование коммунистов. Армия Эдхем-паши, в которой было сильно коммунистическое влияние, восстала, но была разбита и расформирована. Во время этих событий Советское правительство твердо придерживалось полнейшего невмешательства во внутренние дела Турции. Советским представителям и сотрудникам всех советских учреждений был отдан строгий приказ: ни при каких обстоятельствах не принимать участия во внутренних событиях в стране.

Совершенно другой политики придерживались капиталистические правительства. В Турции не было ни одного крупного политического дела, ни одного заговора, ни одного восстания, в котором так или иначе не приняли бы участия иностранные агенты. Многие крупные турецкие деятели, впоследствии арестованные, повешенные или высланные, систематически получали деньги от иностранных разведок.

Из Трапезунда мне пришлось выехать в Самсун на большом старом турецком торговом пароходе общества «Саири-Сафаин». В салоне висели отпечатанные в красках и украшенные бумажными цветами портреты Кемаль-паши, Исмет-паши и других руководителей новой Турции. Публика была разная: муллы в чалмах, турецкие чиновники и офицеры в высоких барашковых шапках, купцы, ремесленники и крестьяне в красных фесках, которые тогда еще не были запрещены.

Где-то вдали послышалась канонада. Пробежал встревоженный капитан, забегали пассажиры. Из уст в уста стал передаваться слух о том, что Самсун обстреливают греческие и английские суда… Но пароход, хотя и медленнее, продолжал идти вперед. Наконец, показался Самсун, один из самых красивых городов на Черном море, центр «табачного золота». Город уступами поднимался вверх. Внизу явственно виднелись набережная, ипподром, красивые виллы с садами, пляж и множество кораблей в порту.

На рейде, как бы закрывая доступ в порт, стоял длинный серый американский контрминоносец. Со стороны Константинополя, мощно разрезая волны, к нему приближался второй. Не успела наша старая посудина развернуться, как он

пронесся мимо нее. Раздался залп, сверкнули огни. Первый контрминоносец ответил таким же залпом. Был ли то салют или эта стрельба преследовала психологические цели, трудно сказать. Второй контрминоносец бросил якорь рядом с первым.

САМСУН — ОКНО В АНАТОЛИЮ

Самсун — центр вилайета, то есть генерал-губернаторства, город исключительный по выгодности своего географического положения на анатолийском побережье. От него начинался почтовый тракт на Багдад, через него шли транзитные пути в Диарбекир, Мамурет-Уль-Азиз, Сивас, Ангору, Бафру, Чаршамбэ. В Самсуне были сосредоточены склады импортных товаров и экспортного сырья. Самсунский район производил самый лучший в мире табак. Довоенная годовая продукция самсунского табачного рынка доходила до 40 миллионов килограммов. Ежегодный вывоз лучших сортов табака составлял около 10 миллионов килограммов, между тем как мировая потребность в этих лучших сортах определялась в 12 миллионов. Самсунский табак считался не только лучшим в Турции, но и единственным по своим качествам во всем мире. Громадное его количество вывозилось в Египет и после обработки продавалось как «египетский» табак первого сорта.

К моменту моего приезда американцы уже почти полностью захватили табачный рынок в свои руки, и большая часть «табачного золота» уходила в Америку. Но Самсун играл и стратегическую роль. Заняв его, можно было нанести удар в глубь Анатолии. Все это привело к тому, что еще в начале войны турки не составляли даже половины населения города. Из 42 тысяч жителей турок было 15 тысяч, а остальные 27 тысяч — иностранцы. Вся торговля находилась в руках иностранцев и нескольких крупных турецких фирм, связанных с заграничными банками.

Мировая война, гражданская освободительная война, четничество, выселение греков и армян изменили жизнь города. Но иностранная колония по-прежнему держалась крепко и сплоченно. Иностранцы, естественно, пострадали от политики национальной и экономической независимости, проводимой Великим национальным собранием под руководством Кемаль-паши, и они ненавидели кемалистов, лишивших их «капитуляций»[15]. Они также прекрасно понимали, что без поддержки Советского Союза Кемаль-паша не смог бы победить. Поэтому в такой же мере ненавидели и советских представителей.

Но в тот период им приходилось терпеть и ждать. Один иностранный консул в беседе со мной сказал: «В конце концов, Кемаль-паша не вечен, и такие люди, как он, попадаются не в каждом поколении. Турция бедна, ей рано или поздно придется выбирать между коммунистической Россией и западным миром…

Подождем».

До мировой войны царский консул считал себя, разумеется, выше местного губернатора. Он имел собственную охрану из казаков, собственную тюрьму, куда сажал «поданных его императорского величества», которых он один мог судить, имел собственную почту, на дверях которой была прибита вывеска с царским черным орлом и надписью: «Российская императорская почта», и собственную пристань, где развевался российский вымпел. Согласно давней инструкции (я нашел ее, разбирая архив царского консульства), императорский консул «должен был держать себя достойно, ни с кем не здороваясь первым, отнюдь не вступая в споры или пререкания с местными властями, но только давая свои указания, из сути дела вытекающие».

Справедливости ради надо сказать, что донесения царских консулов свидетельствуют об их удивительной осведомленности.

С петровских времен Россия считала себя особо заинтересованной в турецких делах. Из поколения в поколение азиатский департамент министерства иностранных дел готовил чиновников для работы в этой стране. И такой чиновник знал все, что происходит в его округе, не хуже местного губернатора.

Иностранная колония, строго соблюдавшая установившиеся традиции, с удивлением наблюдала, как сотрудники советского консульства, Внешторга, Нефтесиндиката и других наших учреждений запросто общались с турками, к какому бы социальному слою они ни принадлежали. Они никак не могли понять, как это консул такого большого государства после разговора с генерал-губернатором Фаик-беем, весьма представительным и важным сановником, или директором Оттоманского банка господином Алюта, который если и ходил пешком, то не иначе как в сопровождении телохранителя, охотно принимал какого-нибудь владельца фелюги, шедшей в Батум, или булочника, брат которого жил в Сухуме.

Иностранные консулы, директора банков, владельцы экспортно-импортных фирм, крупные негоцианты, представители пароходных и страховых компаний раз в год устраивали поочередно большие приемы, на которые приглашались все иностранцы, включая второстепенных сотрудников и клерков. Почти каждый вечер иностранец был зван на какой-нибудь прием. Если прибавить к этому посещение кино, местного варьете, бара в «Мантика-палас», а также иностранных пароходов, где можно было достать вина любой марки, и то, что в иностранный книжный магазин парижские газеты поступали уже на третий день, а в местный французский универсальный магазин «Оразди-Бак» французские наряды регулярно доставлялись пароходами

общества «Пакэ», то можно смело сказать, что жизнь иностранцев в этом благословенном уголке Турции была куда приятнее, чем в послевоенной голодной Германии или Италии, где царили безработица и нищета. Какой-нибудь синьор Сомацци, помощник директора местного отделения Оттоманского банка, получавший сто семьдесят пять золотых лир в месяц, на такой же должности в Италии зарабатывал бы раз в пять меньше.

Война за независимость интересовала этих паразитов, присосавшихся к телу турецкого народа, только в той степени, в какой она могла затронуть их личное благополучие. Их спокойствие охраняли американские контрминоносцы, радиостанции которых работали круглосуточно. Достаточно было одной депеши, и в порту появилась бы союзная эскадра[16].

Одним из наиболее авторитетных лиц в колонии был представитель Ватикана — пэр Мишель. В отличие от своего помощника пэра Марка, высокого, худого и носатого патера, пэр Мишель был краснощекий, полный, жизнерадостный человек, в шелковой надушенной сутане, хорошо понимавший толк в винах и женщинах. Салон в его вилле был всегда открыт.

— Ах, дорогой отец, — говорила какая-нибудь мадам Фаркуа, одетая по последней парижской моде, в коротенькой юбочке до колен, накрашенная и с вуалеткой, спущенной на лицо, подходя под его благословение, — знаете ли вы последнюю новость?

— Нет, — отвечал пэр Мишель, задумчиво рассматривая ее стройные и полные ноги, — нет, не знаю…

— Вчера мадам Сэй, жена директора Салоникского банка, несколько раньше обычного вернулась после вечерней поездки по берегу моря и застала господина Сэя со своей маленькой горничной, гречанкой. А ведь девчонке всего четырнадцать лет!

— Гм.. — отвечал пэр Мишель, сложив выхоленные руки на животе. — Эта маленькая гречанка, кажется, дочь госпожи Колларо? Она довольно хороша и уже вполне созрела для замужества.

— Но ведь мадам Сэй красавица, несмотря на свои сорок лет…

— Не будем, дочь моя, — и тут пэр Мишель клал руку на гладкое колено госпожи Фаркуа, — осуждать других. И госпожа Сэй и маленькая Колларо — обе они добрые католички. Пускай живут в мире.

Впрочем, пэр Мишель, несмотря на веселый нрав, интересовался не только делами своих прихожан. Он получал множество газет и писем со всех концов страны и прекрасно знал турецкий язык. Раз в неделю на пароходе «Ллойд-триестино» к нему приезжал из Рима здоровенный мрачный монах, привозил и

увозил почту. Что касается пэра Марка, то он аккуратно два раза в месяц выезжал в Константинополь.

В Самсуне было много советских подданных. Это были греки, левантинцы и русские, жившие там давно, но сразу признавшие Советское правительство и механически переменившие свои старые паспорта на советские. Им это было выгодно, ибо они подпадали под защиту государства, пользовавшегося наибольшим авторитетом у нового турецкого правительства. Многие из них были католики. Мне не раз приходилось слышать рассказы о том, с какой ловкостью пэр Мишель пытался получать у них сведения, не имевшие никакого отношения к духовным делам. Это не мешало святому отцу, встречаясь со мной, распространяться о том, как он доволен, что его духовные дети находятся под столь сильной защитой. Притом же, говорил он, царские консулы относились неприязненно к русским подданным католикам, советские же власти предоставляют своим гражданам полную свободу исповедовать любую религию.

Константинополь и Смирна, хотя и не полностью, были отрезаны фронтами от остальной Турции. Поэтому самым выгодным «окном», из которого можно было наблюдать за всем, что происходит в стране, был Самсун. Не было ни одного государства, которое не имело бы в этом городе своих официальных или тайных агентов. При этом можно было наткнуться на самые странные переплетения. Местная контрреволюционная группа мусаватистов из Азербайджана жила и действовала на средства польской разведывательной организации «Прометей»; белые офицеры из татар работали на американскую разведку; меньшевики грузины — на французскую; некоторые турецкие коммерсанты — на немецкую; швейцарские — на английскую; итальянские — на греческую; испанские евреи посылали информацию в Салоники. Да и сами официальные представители капиталистических стран имели собственный осведомительный аппарат.

Американцы в тот период держались особняком от иностранной колонии. Помимо официального представителя, в их огромном особняке помещалась некая «Нир Ист Рельиф» — «Организация помощи Ближнему Востоку». Кому она помогала, никто не знал, включая и турецкую администрацию. Американские торговые представители стремились постепенно прибрать рынок к своим рукам: «Стандарт Ойл» — нефтяной рынок, а компании «Американ таббако», «Гери», «Мелахрино», «Аральстона», «Лиджет и Майера» — табачный. Общество «Говард» монополизировало связь с внутренними районами страны. У него были грузовики большого и малого размера и

легковые машины, которые двигались по всем дорогам. Форд открыл свое отделение, предлагавшее легковые машины последних марок в рассрочку чуть ли не на три года. «Американ Форейн Трейд Корпорейшн» открыло магазин универсальных товаров, автомобилей и сельскохозяйственных машин.

Американец Честер объявил, что он построит дорогу от Самсуна через Сивас на Ангору. Была произведена торжественная закладка первого участка пути, и десятки американцев двинулись на изыскательские работы в глубь страны. На самом деле никаких работ они не вели. Что делали эти американцы, а вместе с ними и бизнесмены, которые приезжали, уезжали, пили виски и веселились под охраной американских военных кораблей в этом далеком от Соединенных Штатов городе, знали, очевидно, только они сами.

Господин Пьер Вернацци, глава комиссионной фирмы, не очень обременявший себя торговыми операциями и, несмотря на это, свободно располагавший большим количеством английской валюты, имел странные вкусы. Итальянец по паспорту, он предпочитал пить виски, курил «Кэпстен» и «Вестминстер», отвергая принятые в Италии сигареты. Он с отвращением относился даже к макаронам и регулярно получал все английские газеты. Этот странный глава итальянской торговой фирмы однажды за коктейлями в швейцарском отеле госпожи Круг, помещавшемся в бывшем католическом монастыре, где под вечер собирались «сливки» иностранной колонии, выпив лишний бокал, меланхолически заметил:

— Я очень внимательно наблюдаю за политикой американцев. Пока у них нет никакой политики. Еще в тысяча девятьсот девятнадцатом году здесь побывала миссия генерала Харборда, обследовавшая Турцию. И все-таки американцы до сих пор не знают, что делать с этой страной. Они распахивают поле, подобно земледельцу, подготовляющему почву для будущего урожая. Американцы все еще собирают информацию и изучают страну. Вы скажете, что это глупо изучать то, что мы с вами давно знаем. Но они самый невежественный народ в мире. Американцы только теперь открывают многие страны. У них нет никакой этики, никаких традиций, и в то же время они богаты и жадны. В этом — главная опасность…

Мысль о возможности подчинения Турции американскому диктату вызывала тогда у большинства дипломатов только смех.

Что касается меня, я придерживался другого мнения.

Просматривая свою переписку тех лет, я нашел в одном из своих писем, написанном из Самсуна 5 января 1924 года, такой абзац:

«Общее состояние рынка определяется перманентным застоем и отсутствием денег. До тех пор, пока земледелие и табаководство не будут восстановлены хотя бы в довоенных размерах, трудно ожидать экономического оживления. С другой стороны, исчезновение большей части наличных капиталов, вследствие выселения греков и армян, в значительной степени лишает страну способности сопротивляться внедрению иностранного капитала. Исчисление стоимости товаров в английской валюте и сильное колебание курса лиры также плохо отзывается на коммерческих операциях только что нарождающегося турецкого купечества. Несомненно, что внедрение иностранного капитала при помощи концессий и другими способами найдет благоприятную почву. Из всех возможных опасностей экономического закабаления молодой Турецкой республики самая большая грозит ей со стороны Америки. Во-первых, потому, что туркам Америка кажется страной, не имеющей здесь политических интересов в силу своей отдаленности от Ближнего Востока, и, во-вторых, потому, что, выкачивая из Турции все сырье и полностью овладев ее рынками, Америка никогда не позволит ей создать свою индустрию и сделаться экономически независимой страной. Тогда уже, разумеется, она сможет навязывать Турции и свою политическую линию. Не следует также забывать, что и во время «Сивасского конгресса», и до, и после него в Турции имелась большая группа сторонников «американского мандата».

Г. В. Чичерин очень хорошо понимал, что новая Турция при ее экономической слабости может в будущем подвергнуться большим испытаниям.

Предвидение Чичерина было поистине гениальным. В одной из своих телеграмм он писал мне:

«Все, что касается проникновения американцев в Турцию, имеет первостепенное значение».

В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Войска Кемаль-паши вошли в Константинополь и заняли Смирну. Через некоторое время мне предстояло поехать в освобожденный Константинополь, оттуда в Ангору, потом снова вернуться в Константинополь, из него в Москву, из Москвы отправиться в длительную поездку по Европе с тем, чтобы через Италию, Албанию и Грецию снова попасть в Константинополь.

Генеральное консульство СССР в Константинополе было расположено на Гран-Рю де Пера, в бывшем здании царского посольства. Большинство посольств предпочитало отсиживаться в Константинополе, ограничиваясь посылкой в Ангору какого-нибудь атташе или советника. После дворцов, которые они занимали в пышной столице Оттоманской империи, им было трудно представить себе жизнь в этом затерянном в глубине Анатолии, небольшом, типично турецком городке. И не так уже приятно было иметь дело с Кемаль-пашой, борьбу с которым они вели в течение нескольких лет.

В Турецкой республике, в том же Константинополе, продолжал свое существование в качестве халифа всех мусульман наследный принц султана Абдул-Меджид. Вокруг него группировались бывшие сановники Оттоманской империи, дворцовая знать, реакционное духовенство, крупная буржуазия, связанная с иностранными банками, феодалы-землевладельцы и некоторые правые депутаты из народно-республиканской партии. В Константинополе (как, впрочем, и в других портовых городах) были сильные группы политических деятелей и журналистов, находившихся в оппозиции к правительству и основавших свою партию — «прогрессивно-республиканскую». Вокруг всех этих оппозиционных групп и отдельных политических деятелей копошились, как мухи в навозе, агенты иностранных разведок.

Даже самые выдающиеся дипломаты капиталистических стран не понимали, что сила Кемаль-паши не столько в нем самом, сколько в национально-освободительном движении, охватившем страну. Им казалось, что достаточно подготовить очередной переворот, как все снова войдет в старое русло.

Константинополь жил еще своей прежней космополитической жизнью. Фактически город делился на четыре части: Перу, на улицах которой лишь изредка можно было услышать турецкую речь, Галату, с ее портом и улицами сплошных публичных домов, и Стамбул, преимущественно турецкий, где вокруг мечети Эюб почтенные старики в чалмах продавали в костяных шариках драгоценные душистые масла. Удивительная тишина царила

здесь. Только пение птиц слышалось в ясном небе. С величавым спокойствием брал такой старик комочек ваты, погружал ее во флакон с маслом, закладывал в шарик, завинчивал его и вручал вам с поклоном, не называя цены. А на азиатском берегу Босфора располагалась Скутари, с ее рощей вековых кипарисов и большим кладбищем.

Улицы Перы и Галаты с раннего утра и до поздней ночи бурлили разноязычной толпой.

В городе оставались еще десятки тысяч белых эмигрантов — деникинских и врангелевских офицеров всех рангов, одиноких и семейных. Главари «белого дела», крупные генералы, банкиры, бывшие царские сановники, руководители буржуазных партий, торговцы и помещики, набив чемоданы награбленными ценностями и валютой, уже давно укатили в «Симплтон экспрессе» в Париж. Оставалась главным образом масса обманутых, несчастных, а иногда и насильно увезенных на чужбину людей. Стыдно и больно было русскому человеку смотреть на девушек, иногда подростков пятнадцати — шестнадцати лет, худых, голодных, с запавшими глазами, которые, шатаясь, бродили вечером по Гран-Рю де Пера и переулкам Шишлы, пока какой-нибудь слюнявый, замызганный человечек, торговавший днем воздухом или сапожной мазью, подходил к одной из них и уводил, обещая накормить ужином…

Нельзя было без негодования думать о той абсолютной бессовестности, о той величайшей подлости, которыми обладали «спасители России», насильно увозившие русских людей на чужбину и обрекавшие их на унижение, голод, вымирание.

Самые большие способности руководители русских эмигрантов проявили в организации ресторанного дела, ночных развлечений и публичных домов. Даже видавшие все на свете константинопольские торговцы живым товаром были поражены ловкостью и энергией этих «борцов за правое дело». Буквально на каждом шагу вы наталкивались на шашлычные, рестораны, кафе, варьете и прочие заведения, включая «тараканьи бега», организованные русскими. И всюду, начиная от кафе «Москва» и кончая знаменитым «Максимом», посетителя уверяли, что он может за недорогую плату провести ночь с настоящей княжной, графиней или баронессой.

Огромный двор генерального консульства на Гран-Рю де Пера был буквально забит голодными, брошенными на произвол судьбы людьми, молившими только об одном — вернуть их на родину.

Генеральным консулом в Константинополе был Владимир Петрович Потемкин, которого я знал по штабу Юго-Западного

фронта, где он был начальником политуправления. Это был широкообразованный и в высшей степени культурный человек, прекрасный оратор, обладавший к тому же очень представительной внешностью. Я хорошо помню, как в первый вечер после нашей встречи в Константинополе мы сидели наверху, в так называемых «царских апартаментах», где все было обито красным штофом и еще сохранилась мебель с царскими гербами на спинках. Владимир Петрович, высокий, полный, с небольшой бородкой и подстриженными усиками, протирая пенсне, взволнованно говорил:

— Помимо сложной обстановки в самом Константинополе, которая требует от нас большого напряжения, угнетающе действует эта огромная масса несчастных, брошенных на произвол судьбы русских людей. Мы, конечно, умеем разбираться, кто из них был подлинным врагом и кто был увлечен насильно огромным потоком бегущих белых армий. Смотришь на какого-нибудь мелкого акцизного чиновника или преподавателя гимназии и спрашиваешь: «А вы-то чего бежали?» А он мнет старую форменную фуражку и отвечает: «Нам было точно разъяснено, что никаких гимназий при Советской власти не будет и акцизного ведомства тоже. Вот мы и поехали…» А сегодня — и вдруг Владимир Петрович начинает улыбаться — приводит ко мне секретарь одного еврея. — «Вот, — говорит, — полюбуйтесь на этого эмигранта, Владимир Петрович!» Смотрю: маленький человек, с перекошенным от страха лицом и взъерошенными волосами, в очках; косит — один глаз на нас, другой в Арзамас. Спрашиваю: «Вы кто такой?» — «Я, — отвечает, — дантист, вставляю зубы…» — «Для чего же вы бежали в Константинополь?» Стал косить еще больше. Отвечает заикаясь: «С… с… странный вопрос. Я р… работал в Ялте у зубного врача протезистом. За три дня до э… эвакуации является ко мне офицер и дает талон. «Вот, — г… говорит, — послезавтра сядешь на баржу и по… поедешь в Константинополь»… Я ему о… отвечаю: «Зачем мне ехать, я же вставляю зубы»… Он, извиняюсь, ударяет меня по морде и го… говорит, извиняюсь, разные неудобные слова, а потом прибавляет: «Что же ты, д… дурак, думаешь, что при большевиках будут вставлять зубы? П… пока что я тебе сам их выбью». Я подумал: так п… плохо и этак п…. плохо… И поехал…» — «Ну, а теперь как?» — «О!.. Теперь совсем плохо…»

Потемкин встал и прошелся по комнате. Потом остановился передо мной:

— У Англии была надежда создать здесь, в Константинополе, свой политический центр, который можно было бы противопоставить Ангоре. Думали использовать халифа и его

окружение, ну и некоторых деятелей, вроде Рефет-паши, Аднан-бея, Реуф-бея, Бекир Сами-бея. Но Кемаль-паша, конечно, не стал ждать. Великое национальное собрание постановило уничтожить халифат, выслать Абдул-Меджида и его семью за границу, а оппозиционеров отдать под суд. И интересно вот что, — Владимир Петрович засмеялся, — капиталисты всегда остаются капиталистами. Когда Абдул-Меджид, его придворные и родственники перед выездом за границу почти даром распродавали свои дома, виллы и драгоценности, те самые господа, которые их поддерживали, наперегонки стали у них скупать имущество. Один из них в «Жокей клубе» (место, где собираются самые влиятельные иностранцы), раскуривая сигару после ужина, рассказывал: «Конечно, я поддерживал халифат — это была моя политическая линия, — и я был недоволен, когда его разогнали. Но ведь я еще и отец семейства и обязан о нем заботиться. И как таковой, я доволен, что Абдул-Меджида и его придворных выслали за границу. Имущество, которое я приобрел стоит примерно в сто раз дороже того, что я за него заплатил. Такой случай может представиться только раз в жизни…»

АНГОРА. МУСТАФА КЕМАЛЬ-ПАША

Из Константинополя в Ангору мне пришлось ехать в довольно дрянном поезде, медленно ползшем мимо разрушенных во время войны деревень и редких железнодорожных станций. В купе сидели пожилые хмурые чиновники, ехавшие по вызову нового правительства из Константинополя в Ангору. Когда я сказал одному из них, служившему в управлении вилайета: «Надеюсь, ваше путешествие окажется приятным», — он прищелкнул языком и, дернув головой вверх, как это иногда делают турки, выражая сомнение, ответил: «Один аллах знает, к чему может привести такая поездка». После этого в купе наступило молчание, которое не нарушалось до самого прибытия в Ангору.

Ангора (впоследствии Анкара) была в те годы типичным турецким, затерянным в глубине Анатолии городом, с пыльными, без тротуаров, улицами, шедшими вкривь и вкось, с глинобитными стенами заборов, деревянными домами и большими пустырями, образовавшимися в результате систематических пожаров.

Советское посольство помещалось в скромном доме на окраине города, в Джебеджи. Около него находились кладбище, пустырь и караван-сарай. По пустырю бродило множество собак, а из караван-сарая до поздней ночи раздавались пронзительные крики ослов.

Посла Якова Захаровича Сурица я знал в бытность его полпредом в Афганистане. Он сменил С. И. Аралова в апреле 1923 года, назначенного полпредом в Латвию. По пути в Москву он прогостил у меня около двух недель в Герате. Советником его был Сергей Иванович Кавтарадзе. Его жена, очаровательная Софья Абрамовна Вачнадзе, родственница известной киноактрисы, а также жена старшего драгомана Закира Абсалямовича Абсалямова, Софья Оттовна, — эти две женщины скрашивали жизнь в скучной Ангоре.

Абсалямов, тогда еще молодой человек, прекрасно знал Восток и очень напоминал мне в этом отношении Игоря Михайловича Рейснера, нашего первого секретаря в Афганистане, великолепного знатока Индии. Позднее И. М. Рейснер и З. А. Абсалямов стали профессорами высших учебных заведений Москвы, авторами множества научных трудов. А в те времена они представляли ту молодежь, которую партия отправила за границу, учитывая ее выдающиеся способности. Г. В. Чичерин очень внимательно следил за молодыми дипломатами, считая, что они будут преемниками старых большевиков, работавших

полпредами.

Обстановка в полпредстве была самая скромная. Я хорошо помню, что, когда мы выходили на прогулку за ворота, Абсалямов обязательно брал с собой гигантскую собаку — волкодава по имени Гудюк. Без него нельзя было сделать и шага, потому что с пустыря мгновенно вылетали стаи полудиких собак. В этих случаях Гудюк делал прыжок вперед, рычал, шерсть у него поднималась, и все живое мгновенно исчезало из поля зрения.

До занятия Константинополя и Смирны, то есть до того, как ангорское правительство стало единственной и общепризнанной властью, и Кемаль-паша, и члены его правительства вели очень простой образ жизни. Кемаль-паша и его министры часто запросто бывали в полпредстве.

Но теперь и президент, и члены его правительства, загруженные множеством дел и осаждаемые иностранцами, нахлынувшими в Ангору, были гораздо менее доступны. Мне предстояло через несколько дней уезжать в Константинополь, и я уже не надеялся лично увидеть Кемаль-пашу.

Однажды, когда я зашел к Сурицу, он спросил меня, есть ли у меня парадный костюм. Поскольку речь шла о дневном выезде, полагались визитка, соответствующие брюки, ботинки и т. п. Я сказал, что есть. Яков Захарович, живший до революции в Швейцарии как эмигрант, человек большой культуры и проницательного ума, несколько нервный по складу своего характера, относился к вопросам этикета весьма требовательно. Мне пришлось прождать несколько минут, пока он, покачивая головой, рассматривал свой жилет, собиравшийся складками на животе.

— Съездить в Константинополь, чтобы сшить новый костюм, нет времени, а этот жилет стал узковат.

— А вы застегните визитку и перестаньте об этом думать.

Мы отправились к Кемаль-паше с простым визитом вежливости по поводу предстоявшего в ближайшие дни подписания торгового соглашения.

И дорога в Чанкая, холмистая и бесцветная, и сама вилла, принадлежавшая ранее какому-то богатому греку, мало мне запомнились[17]. Внизу, в приемной, было несколько штатских лиц и два или три генерала, в том числе военный министр Кязим-паша. Нас, видимо, ждали и быстро провели наверх. В большой комнате, увешанной и застланной коврами, стоял перед письменным столом небольшой человек в военной форме, с рыжими подстриженными усами и серыми глазами.

Суриц представил меня. Кемаль-паша секунду задержался взглядом на моем лице и сказал:

— Я слышал о вас от господина Фаик-бея, нынешнего депутата меджлиса, бывшего вали Самсуна, а до него — от Эмин-паши. Вы встречались с ними в восточных провинциях. Мы очень ценим советских людей, которые помогали нам в самый тяжелый период нашей борьбы. Я думаю, что когда-нибудь эта борьба сыграет свою роль в освобождении и других народов Востока. История поведает будущим поколениям Советской России о дружеских узах, которые с самого начала связывали их страну с новой, республиканской, Турцией…

Суриц в кратких словах поздравил президента с предстоявшим успешным завершением торговых переговоров.

В 1926 году, после возвращения в Москву, мне довелось первым перевести и напечатать в одиннадцатом номере журнала «Красная Новь» первую часть мемуаров Кемаль-паши. Тогда же они вышли отдельным изданием в библиотеке «Огонька».

ПЕРЕД НОВЫМ ЭТАПОМ

Несколько дней спустя Владимир Петрович Потемкин и его жена Мария Исаевна провожали меня на борту советского парохода «Чичерин», отходившего в Одессу.

Спустя неделю я сидел в кабинете Г. В. Чичерина. Георгий Васильевич как-то постарел за это время, лицо его казалось утомленным, веки опухли от постоянной ночной работы.

— Итак, — говорил он, глядя на меня поверх очков, — вы отправитесь в Европу. Вы проедете через Латвию и Литву в Германию, в Берлин и Гамбург, потом через Австрию в Италию, там пробудете месяц и через Албанию и Грецию снова — в Турцию. Конечно, образование, гражданская война, подполье — все это важные элементы формирования характера. И у вас уже есть стаж дипломатической работы. Но это еще не все. Необходима широта кругозора, а следовательно, и познание мира на опыте. Когда я посылаю письмо тому или иному полпреду, копии рассылаются нашим представителям и в других странах. Это делается для того, чтобы кругозор полпреда был шире его деятельности в данной стране, чтобы он мог понимать и оценивать всю международную обстановку. Принимая решение, он должен иметь в виду не только свою колокольню, но и многие другие точки зрения и обстоятельства.

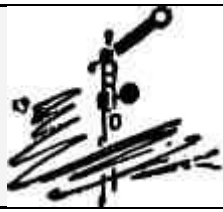
Он выпил глоток крепкого чая из стоявшего перед ним стакана и продолжал:

— Вы поедете до Берлина вместе с нашим генеральным консулом в Генуе Иваном Абрамовичем Залкиндом, и в самом Берлине вам доведется побыть с ним некоторое время. Присмотритесь к нему — это блестящий человек. Он окончил университет во Франции, в Сорбонне, женат на француженке. Он был послан в Индию и находился там длительное время. Англичане искали его по всей стране, но так и не нашли. Залкинд — первый советский человек, который посетил Абиссинию. Во время оккупации Константинополя, когда в городе свирепствовали белогвардейцы и контрразведки союзников, он находился там в качестве нашего торгового представителя. Вы понимаете, какая там была обстановка…

Все последующие дни были заняты подготовкой к отъезду. Ивана Абрамовича Залкинда я не видел. На вокзал я приехал за несколько минут до отправления рижского поезда. Пришлось спешить. Запыхавшийся, я вошел в купе и увидел элегантного, седого мужчину, несколько полного, с приятными чертами лица, одетого в безукоризненно сшитый заграничный костюм. Слегка

посвистывая, он читал парижский журнал «Сурир», Рядом с ним сидела дама, почтенная, строго одетая, и не спеша перелистывала французский журнал мод. Я несколько растерянно огляделся, снял пальто и шляпу, поставил чемодан в сетку и сел напротив этой пары. Незнакомец опустил журнал и сказал, с улыбкой протягивая мне руку:

— Здравствуйте, Николай Александрович. Я — Залкинд.



notes

Примечания

1

Молодые люди, укрывавшиеся от войны в «Союзе земств и городов» и носившие военную форму с серебряными погонами.

2

Исполнительный комитет Северного фронта.

3

Издатель «Московского листка».

4

Впоследствии многие документы о связи масонов с петлюровцами были опубликованы в стенографическом отчете по делу ЦК украинских эсеров — Голубовича и других в 1921 году. Разумеется, с того времени и структура и названия большинства масонских организаций изменились.

5

Чай известной английской фирмы.

6

В большинстве вагонов каждое купе имело дверь наружу.

7

Руководитель американской миссии Красного Креста в России в 1917 году, фактически выполнявший функции политического наблюдателя.

8

Если не ошибаюсь, он был из крымских караимов.

9

Отец нынешнего афганского короля.

10

Очень хорошо, здорово!

11

Турецкий султан был одновременно халифом, то есть главой всех мусульман мира.

12

Гашиш из листьев конопли.

13

Граф или князь.

14

В сентябре 1922 года Кемаль-паша окружил и разгромил крупные силы греческой армии.

15

Особые права, существовавшие для иностранцев при султанском режиме.

16

Самсун испытал английскую оккупацию, когда англичане под предлогом «защиты иностранцев» высадили в марте 1918 года десант и занимали город почти год. Истинные цели этой операции были связаны с готовившимся тогда ударом в глубь Анатолии. В 1919 году англичане высадили десант с двух дредноутов в Трапезунде, взорвали укрепления, построенные русскими войсками, и, таким образом, сделали город фактически беззащитным против возможного налета английской и греческой эскадр. К начальному периоду национально-освободительного движения в Анатолии английские войска, кроме Константинополя, занимали Урфу, Мараш, Мерзифун, Айнаб, итальянские — Адалию и Конию, греческие — Смирну.

17

Впоследствии на месте виллы был выстроен дворец в модернистском стиле.